

Н. Д. Арутюнова

ПРОБЛЕМЫ
МОРФОЛОГИИ
И СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

На материале испанского языка

STUDIA PHILOLOGICA

Н. Д. Арутюнова
Проблемы морфологии и словообразования

*Текст предоставлен правообладателем <http://www.litres.ru>
Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка).: Языки славянских культур; Москва; 2007
ISBN 5-9551-0198-5*

Аннотация

Основная часть работы посвящена проблеме слова – его структуре, асимметрии его сторон – означаемого и означающего, а также его функционированию в дискурсе. Анализируются типы и способы образования новых слов (аффиксация, словосложение, сращение и субстантивация словосочетаний, несобственная и обратная деривация, лексикализация грамматических форм, конверсия) и морфологический состав готовых слов. Показываются принципиальные различия между морфологической и словообразовательной структурой слова и, соответственно, между методами морфологического и словообразовательного анализа. Рассматривается соотношение морфологической структуры существительных и прилагательных, а также имен и глаголов. Исследование выполнено на материале испанского языка. Для сравнения привлекаются другие романские языки, а также существенно более продвинувшийся по пути к аналитизму английский язык.

Особое внимание уделено сопоставлению морфологической структуры испанских имен и глаголов, обнаруживающих разную меру аналитизма, и системе времен в испанском языке.

Содержание

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ	5
Глава I	7
1. Морфологическая и словообразовательная структура слова	7
2. Проблема нормы	13
3. Об основе слова	17
4. Остаточная выделяемость компонентов слов	19
5. Проблема продуктивности словообразовательных моделей	22
6. Лингвистический аспект продуктивности словообразовательных моделей	28
Литература	33
Сокращения источников	35
Глава II	36
I	37
II	38
III	39
IV	41
V	44
Литература	46
Сокращения источников	47
Глава III	48
Литература	63
Сокращения источников	64
Глава IV	65
Литература	72
Глава V	73
Литература	91
Глава VI	92
Глава VII	97
Литература	103
Глава VIII	104
1. Вводные замечания	104
2. Эмфаза членов словосочетания	105
2.1. Эмфаза определений существительных: со значением лица	105
2.2. Эмфаза определений существительных со значением не—лица	107
3. Эмфаза членов придаточных предложений	109
3.1. Эмфаза элементов непердметного значения	109
3.2. Эмфаза элементов предметного значения	112
4. Эмфаза членов простого предложения	113
4.1. Эмфаза подлежащего	113
4.2. Эмфаза дополнений (предложных и беспредложных)	114
4.3. Эмфаза обстоятельств	115
5. Эмфаза предложений	117
6. Эмфаза придаточных предложений причины и цели	118

7. Эмфатические конструкции в романских языках: сопоставительный анализ	119
8. Заключение	121
Литература	122
Сокращения источников	123
Глава IX	124
1. Вступительные замечания	124
2. Деление сложных слов по способу образования	125
3. Деление сложных слов по соотношению их компонентов	129
4. Деление сложных слов по типу предметной отнесенности	131
5. Морфологический принцип классификации	133
6. Семантическая классификация	135
7. Классификация по степени слитности компонентов	136
8. Итог: будем последовательны	137
Глава X	140
1. Общая характеристика	140
2. Сращение предложений	144
3. Сращение определительных словосочетаний	149
Глава XI	153
1. Сложные существительные типа el guardabosque	153
2. Сложные существительные типа el duermiveela	187
3. Сложные существительные типа la compraventa (копулятивный тип)	188
4. Сложные существительные типа la bocacalle	190
Глава XII	193
Литература	199
Сокращения	200
БИБЛИОГРАФИЯ	201
Словари и справочники	201
Литература	202
ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ	211
1	212
2	213
3	214
4	215
5	216
6	217
7	218
8	219

Н. Д. Арутюнова

Проблемы морфологии и словообразования: (На материале испанского языка)

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Эта скромная книга, написанная в былые годы, посвящается моим учителям академику Владимиру Федоровичу Шишмареву и Дмитрию Евгеньевичу Михальчи – моим научным руководителям, Ольге Константиновне Васильевой—Шведе и Георгию Владимировичу Степанову, создавшим и возглавившим замечательную школу петербургских испанистов, а также прекрасному человеку и ученому – Елене Иосифовне Родригес—Данилевской, обучавшей меня испанскому языку, его истории и раскрывшей мне его индивидуальность на общем романском фоне

К концу XX в. лингвистика достигла зрелости. Она освоила, казалось бы, все возможные подходы к своему предмету – исторический и сравнительно—исторический, синхронный и сугубо формальный, семантический и семиологический, функциональный и типологический, ареальный и контрастивный, психологический и когнитивный, социальный и культурологический, структурный и прагматический, информационный и логический, статистический и компьютерный. Эти подходы и методы постоянно взаимодействуют между собой, переплетаются и смешиваются, они спорят и ссорятся, доказывают свои преимущества и права, стремятся завоевать главенствующие позиции. Лингвистическая терминология множится, термины становятся многозначными, утверждения заменяются формулами или математическими расчетами. В итоге языковеды перестают понимать друг друга.

Обилие лингвистических концепций и методов анализа определяется сложностью, многогранностью и полифункциональностью языка. Вследствие этого лингвистика постоянно входит в контакты с другими науками. Новые взгляды на язык часто проникают в лингвистику извне: из сферы точных наук и компьютерных технологий – с одной стороны, и из наук о человеке и его мире – с другой. В первом случае речь идет о заимствовании методов, во втором – скорее о заимствовании идей. Влияние точных наук и компьютерной техники ввело в лингвистический анализ математические, логические и другие виды формальных методик. В то же время оно имело своим следствием изоляцию лингвистики, ее выпадение из гуманитарного цикла. Оно отодвигало в тень национальную специфику языков. Влияние философии, психологии, этнографии, филологии и культурологии возвращало лингвистику в гуманитарный контекст. Более того, лингвистический анализ вошел в психологию и философию. В их рамках язык служил источником познания человека, системы его «верований» (по Х. Ортега—и—Гассету) или «предрассудков» (по Х. – Г. Гадамеру), проникновения в национальный дух народа. Была по—новому осознана и осмыслена эпистемическая метафункция языка. В истории науки эпистемический подход к языку предшествовал формально—лингвистическому. То, что говорит язык, казалось интереснее того, что говорит на языке человек. О каком же мире говорит язык?

Мир для современного человека двойственен. Он распадается на Универсум, или чуждый мир (ср. «оно» М. Бубера, «Autre» французских экзистенциалистов) и мир челове-

ского существования, «наличного бытия» (ср. «Dasein» М. Хайдеггера). Первый бесконечен, безграничен, но в принципе исчислим. Второй ограничен, конечен, но неисчислим. Природа и Человек принимают в этих мирах разные облики. Для Универсума характерны причинные отношения, для мира человека – телеологические. Универсум – царство закона, мир человека – случая. Законы для всех едины, представления о движущихся силах жизни национально специфичны. Естественный язык отражает мир человека. В нем соединено универсальное и национально специфическое. И то, и другое представлено в семантике слова и законах построения речи. Поэтому слово, его семантика, структура и способы создания новых слов заключают в себе немалый интерес как для лингвиста, так и для антрополога, как для общего языковеда, так и для специалиста по культуре того или иного народа – формам его жизни, менталитету, литературе, способам речевого взаимодействия.

В предлагаемой вниманию читателя работе проанализирован лишь небольшой фрагмент испанского словообразования. При этом основное внимание уделено наиболее национально маркированным и продуктивным моделям. Исследование выполнено на материале испанской классической и современной литературы, а также по данным словарей, начиная с шеститомного «Словаря Авторитетов», изданного испанской Академией в начале XVIII в. (*Real Academia Española. Diccionario de la lengua castellana. Madrid, 1725–1739*). В книгу включены также небольшие очерки, посвященные сочетаемости и функционированию слов в речи, в частности в диалоге. Несмотря на обилие методов анализа, применяемых в современной лингвистике, о которых упоминалось выше, в работе использованы в основном традиционные методы в сочетании со структурным анализом классического типа (дистрибутивный метод, выделение минимальных значимых единиц, определение дифференциальных признаков и значимых оппозиций, позиционный синтаксис и др.). Однако в центре внимания автора всегда стояла задача выяснения регулярных отношений между единицами языка и построения фрагментов словообразовательной и грамматической системы. Добавим к сказанному, что в работе широко используется классическая литература по общему и романско-германскому языкознанию, к которой в настоящее время, благодаря обилию новых идей и методов, обращаются все реже.

Глава I

СИНХРОННОЕ ИЗУЧЕНИЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ И МОРФОЛОГИИ ОСНОВ СЛОВА^{1}

1. Морфологическая и словообразовательная структура слова

Теория синхронного изучения словообразования разработана в лингвистической литературе недостаточно. Дескриптивисты, рассматривающие принципы и методику составления описательных грамматик, большое внимание уделяют морфологии, в рамках которой находит свое место и анализ аффиксальных элементов. Изучение словообразовательных морфем оказывается при этом подчиненным общей цели дескриптивного анализа, а именно выделению значимых элементов речи, определению их дистрибуции, установлению тождества морфем и, наконец, их классификации.¹

Аффиксы рассматриваются лишь при описании строения слова, его морфемного состава.² Словообразующие элементы, как и другие морфемы, исследуются дескриптивистами по преимуществу с точки зрения их окружения (*environment*), а также воздействия на сочетаемость соседних морфем, в том числе производящей основы.³ Стремление дать исчерпывающее описание морфемного состава языка не позволяет отделить факты системы от диахронических «пережитков». Действующие словообразовательные типы растворяются в своде морфем, встречающихся в корпусе языка. Не способствует построению системы и метод деления слов на непосредственно составляющие (*immediate constituents*). Согласно указанному приему каждый самостоятельный отрезок речи (*utterance*) состоит из двух частей. Бинарными по своей структуре являются и сочетания, полученные в результате последовательного членения высказывания. Разложение заканчивается, когда выявленные единицы оказываются монолитными. Ср. *John ran away: John | ran away; ran | away; a | way*. При помощи этого приема, весьма полезного в других отношениях, не может быть проведена грань между типами, активно функционирующими в словообразовании, и моделями, выпавшими из строя языка, но представленными рядами ранее созданных слов.

Метод непосредственно составляющих не всегда способствует также определению структуры слов. Естественно, что деление свободных синтаксических сочетаний выявляет действующие в языке нормы соединения слов и обычно соответствует современным системным отношениям. Иначе обстоит дело, когда анализ переходит в сферу разложения слова (дескриптивисты не делают разницы между дроблением слова и предложением). Членение слова на морфемы не обязательно совпадает с существующими нормами словообразования. На этой стадии анализа синхрония перекрещивается с диахронией, словообразование – с морфологическим составом слов. Принцип непосредственно составляющих в той части, в какой он вводится в анализ слова, направлен, по мысли дескриптивистов, на выяснение того, как делаются слова, а не того, из чего они сделаны. Этот принцип положен также в основу классификации слов, предложенной дескриптивистами. Л. Блумфилд, напри-

---

¹ См. [Harris 1951: 20].

² Примером может послужить описание английского суффикса – *ous* в кн.: [Bloch, Trager 1942: 64 ff.]. Ср. описание суффиксов – *ic*, – *ics* в ст. [Newman 1948: 35 ff.]. См. также [Nida 1948a: 175].

³ [Harris 1946: 169].

мер, специально оговаривает, что принцип непосредственно составляющих позволяет провести границу между сложными словами и словами, образованными на базе словосочетаний (*phrase—derivatives*), такими как *old—maidish*, а также производными от сложных слов (*de—compounds*), такими как *gentlemanly*.⁴ Эта классификация опирается, следовательно, на нормы словообразования. При членении многоморфемного слова дескриптивисты рекомендуют исходить из последовательности использованных приемов словообразования. Все сложные формы распадаются на морфемы. Это – конечные составляющие (*ultimate constituents*). При лингвистическом же анализе необходимо выделять непосредственно составляющие, и только таким путем можно прийти к получению простейших элементов слова,⁵ пишет Л. Блумфилд. «Наш дескриптивный метод состоит в анализе слов на основе образующих их конструкций. Описывая порядок „наслоения“ (*layers*) непосредственно составляющих, следует принимать во внимание основные модели (*patterns*) языка»,⁶ – замечает Ю. Найда, иллюстрируя это положение следующим примером. Казалось бы, безразлично, как разбить наречие *untruly*: *un + truly* или *untrue + ly*. Однако необходимо вспомнить, что *un—* регулярно сочетается с прилагательными и, напротив, редко непосредственно соединяется с наречиями. Следовательно, правильным будет такой порядок деления: 1) *untrue + ly*, 2) *un + true*. Итак, дескриптивисты исходят из действующих в языке типов словообразования. Однако этот принцип не может быть осуществлен ими последовательно, так как пределом дробления материала является морфема, то есть простейшая значимая единица. Последняя же не всегда может быть получена при проведении в жизнь принципа непосредственно составляющих. Как известно, далеко не все морфемы, встречающиеся в языке в контактном положении, могут вступать между собой в непосредственное соединение. Два элемента семантического целого, будучи *ultimate constituents*, могут не быть в то же время *immediate constituents*. Так, разложение испанских глаголов *independerse*, *indisponer*, *incumplir* привело бы к мысли, что префикс – *in—* непосредственно участвует в образовании глаголов. В действительности указанные глаголы возникли путем регрессивного словообразования от прилагательных или причастий *independiente*, *indispuerto*, *incumplido*. Деление на морфемы таких слов, как *desorden*, *desafición*, *desamor*, *desuso*, *destrizo*, могло бы установить модель «*des— + существительное*», которая практически в испанском языке не функционирует. Слова этого типа большей частью возникают путем обратной деривации от приставочных глаголов *desordenar*, *desaficionar*, *desamar*, *desusar*, *destrizar*.⁷ Здесь наблюдается любопытная особенность испанской отрицательной префиксации, заключающаяся в том, что префиксальное производное не является исходным пунктом образования нового ряда слов, а префикс как бы распространяется на все лексическое гнездо, созданное от бесприставочного слова. Ср. *honra*, *honrar*, *honor*, *honorar*, *honoroso*, *honorable*, *honradez*, *honroso*, *honrado*, *honrador* и *deshonra*, *deshonrar*, *deshonor*, *deshonrar*, *deshono—roso*, *deshonroso*, *deshonrado*, *deshonrador*, *deshonradez*, *deshonorable*; *capaz*, *capacidad*, *capacitar* и *incapaz*, *incapacidad*, *incapacitar*. При этом префиксация нередко развивается в направлении, диаметрально противоположном суффиксации или несобственной деривации. Ср. *orden* > *ordenar*, но *desordenar* > *desorden*; *afición* > *aficionar*, но *desaficionar* > *desafición*. Деление приставочных производных на морфемы не вскрывает в данном случае реально существующие в языке структуры, возникающие в результате своего рода «гнездовой» деривации.

Следовательно, положенные в основу дескриптивного анализа принципы простейших составляющих и непосредственно составляющих несовместимы при анализе основ слова.

⁴ [Bloomfield 1933: 209–210, 227]. См. также [Bloch, Trager 1942: 67–68].

⁵ [Bloomfield 1933: 161].

⁶ [Nida 1946: 81–82]; ср. [Nida 1948a: 170–171]. См. также [Bloch, Trager 1942: 67].

⁷ Об обратной деривации см. в главе V.

Первый из них лежит в плане изучения морфемного состава слов, второй направлен на выявление существующих в языке словообразовательных конструкций.

Более прямолинейно смешивается понятие структуры слова и словообразования в работе С. Мёрфи об именных суффиксах в разговорном испанском языке Мексики.⁸ С. Мёрфи предупреждает, что его исследование является «первым опытом в сравнительно неразработанной области дескриптивного словообразования».⁹ Однако в нем нет анализа действующих словообразовательных моделей, их значения и функционирования. Все слова выстроены в пары, состоящие из так называемого «соотносимого слова» (related word) и суффиксального производного. Вот несколько примеров: *libertar* – *libertad*, *temporada* – *temporal*, *coq* – *coazón*, *carar* – *carasón*, *inquisición* – *inquisidor*, *vista* – *visión*, *bendito* – *bendición*. Автор стремится найти слово, максимально совпадающее с производным по своей звуковой форме; Поэтому, например, *libertar* 'освободить' ставится рядом с *libertad* 'свобода' (с. 10). Между тем последнее по своей словообразовательной и смысловой структуре является именем качества и связывается языковым сознанием с прилагательным *libre* 'свободный'. Эта пара стоит в одном ряду с такой серией, как *bueno* – *bondad*, *feliz* – *felicidad*, *humano* – *humanidad*, *bárbaro* – *barbaridad* и пр.

Занимаясь синхронным описанием словообразования, С. Мёрфи приводит наряду с продуктивными парами и такие, которые не имеют отношения к системе современного языка. Так он выделяет суффиксы имен – *t-* | – *s-*, обнаруженные им в таких существительных, как *muerte*, *vista*, *vuelta*, *puesta*, *producto*, *risa*, *aplauzo*, *compromiso*, *presa* и др. (с. 26–27). Очевидно, что элементы, попавшие в испанский язык в составе латинского причастия и супина, не функционируют в нем самостоятельно.

Итак, исследование, задуманное как анализ современного словообразования, обернулось исчерпывающим описанием морфологической структуры суффиксальных имен.

Спорной стороной работы С. Мёрфи является также предложенное им решение вопроса тождества суффиксов. Автор объединяет элементы исключительно по признаку их фонетического сходства. При этом С. Мёрфи учитывает лишь совпадение согласных. Варианты гласного не меняют, по его мнению, структуры испанского суффикса (см. с. 5). Это позволяет С. Мёрфи выделить, например, суффикс *Vr* (т. е. любая гласная + *r*) и приписать ему значения лица (*inventor*), абстрактного имени (*amor*, *dolor*), инструмента (*elevador*), собирательности (*costillar*) и места (*palomar*) (с. 16). Суффикс *Vn* (т. е. гласная + *n*) оказывается еще более семантически ёмким и фонетически разнообразным. Он может указывать на лицо (*sacristán*, *bailarín*), уменьшительность (*pequeñín*), увеличительность (*azadón*), выражать действие или результат действия (*borrón*, *tirón*), обозначать человека (*mandón*, *pelón*) и животное (*cabrón*, *carón*) (см. с. 14).

Намеченная Мёрфи трактовка языкового тождества заметно отличается от взглядов дескриптивистов.¹⁰ Последние заменили фонетический принцип отождествления функциональным. Идентичными признаются все морфемы, обладающие единой функцией и находящиеся между собой в дополнительной дистрибуции, при условии если сумма их окружений не превышает суммы окружений одной морфемы, выполняющей аналогичную роль. Иными словами, сумма окружений показателей множественного числа в английском языке – *en* и – *s* не должна быть больше, чем окружение нулевой морфемы, выражающей единственное число. Правда, у некоторых структуралистов можно встретить еще более свободное отношение к проблеме идентификации аффиксов. Так, К. Тоггебу рассматривает все суффиксы,

⁸ [Murphy 1950]; см. [Murphy 1954].

⁹ [Murphy 1954: 3]. (Далее в тексте указываются страницы этой работы); см. рец. на статьи Марчанда [Арутюнова 1959].

¹⁰ См., например, [Harris 1942; Voegelin 1947; Hockett 1947; Nida 1948b; Глисон 1959: 107–122 (гл. 6 «Установление тождества морфем»)].

присоединяющиеся во французском языке к топонимам (-ais, -an, -at, -eac, -eron, -esque, -estre, -ien, -in, -ique, -ite, -ois), как варианты одной морфемы, функция которой состоит в создании прилагательных от этнических названий.¹¹

В теоретических работах американских структуралистов можно встретить попытки отделить статическое описание структуры высказывания от построения системы, управляющей современным языком.

Так, Ф. Хаусхолдер считает целесообразным разделить морфологию, или морфемику на два самостоятельных раздела: 1) собственно морфологию, в которой должны описываться только продуктивные образования и их альтернанты (как активные, так и неактивные); 2) дескриптивную этимологию, трактующую непродуктивные, окаменелые структуры.¹²

Д. Болинджер предлагает отличать морфемы, являющиеся единицами синхронного анализа (он называет их *формативами*), от элементов, относящихся к диахронной морфологии (они обозначаются термином *компоненты*). Формативы, по мысли Д. Болинджера, вступают в активную связь (*bondage*) с другими элементами речи, а компоненты могут образовывать с ними только инертное сцепление.¹³

Своего рода реакцией на узкодескриптивный подход к фактам словообразования являются статьи Х. Марчанда.¹⁴

Весьма существенным в работах Х. Марчанда является положение о различии между синхронным изучением морфологического состава слова и словообразованием. Дескриптивный анализ слов состоит в собирании пар, дающих потенциальные типы словообразования. Но он не может привести к построению системы деривации, т. е. выделению грамматически релевантных типов, считает Х. Марчанд.¹⁵ При изучении словообразования анализ морфологии основы имеет ценность лишь в той степени, в какой он обнаруживает существенные черты модели, т. е. свойства, характеризующие *la langue*.¹⁶ Следовательно, одной из главных задач при исследовании современного словообразования является выделение системных признаков модели и вариантов модели. Х. Марчанд полагает, что таким признаком является прежде всего наличие определенного звукового соотношения, соответствующего фонетическим закономерностям современного языка. Ср. во французском языке чередование *oeuvr*e: *ouvrag*e, ставшее стерильным, так как оно возникло в результате действия давно замершего звукового закона.¹⁷ Однако наличие фонетического соотношения само по себе еще не свидетельствует о релевантности модели. Звуковая корреляция должна быть поддержана смысловым различием. В свою очередь одного лишь семантического соотношения не достаточно для установления словообразовательной связи. Поэтому метод Ш. Балли, включавшего в деривативную транспозицию такие пары, как *cheval*: *équestre*, неприменим при выделении релевантных пар.

Регулярные фонетические чередования, соответствующие закономерным семантическим изменениям, относятся к морфонологии, в рамках которой одно из важных мест должно быть отведено словообразованию.¹⁸

Итак, критерием релевантности в области словообразования является наличие морфологического изменения.

---

¹¹ [Togoby 1951: 236].

¹² [Householder 1952: 266].

¹³ [Bolinger 1948].

¹⁴ [Marchand 1951a,b; 1953; 1954a,b; 1955a,b; 1956; 1957a,b].

¹⁵ [Marchand 1953: 106].

¹⁶ [Marchand 1955b: 17].

¹⁷ [Marchand 1951a: 97].

¹⁸ [Marchand 1951b: 89, 95].

Но даже если мы инвентаризируем все деривативные чередования, рассуждает далее Х. Марчанд, они не образуют целостного организма, оставаясь лишь простой суммой разрозненных элементов. Дело в том, что в современных развитых языках действующее словообразование складывается обычно из двух разных систем, между которыми распределяются все продуктивные модели. Одна из этих систем соответствует ингерентной структуре данного языка, другая функционирует на уже отчужденной, обычно неолатинской, основе. Чередования в пределах первой системы обязаны действию современных фонетических закономерностей. Корреляции, входящие во вторую систему, возникли в результате адаптации латинизмов к звуковому составу того или другого языка (ср. англ. *candidate*: *candidacy*, фр. *agressif*: *agression*).¹⁹ При изучении современного словообразования не следует устанавливать зависимость между словами, созданными на разных базах деривации. Так, нельзя сопоставлять латинские заимствования с собственно французскими словами. Ср. *refaire*: *refection*, *restreindre*: *restriction*. Подобные соотношения не систематичны. Однако бывают случаи, когда связь между исконными словами (*palabras patrimoniales*) и латинскими заимствованиями становится регулярной. Ср. *pere*: *paternel*, *mere*: *maternel*, *frere*: *fraternel*.²⁰ Иногда слово, созданное на латинской структурной основе, может при синхронном изучении языка рассматриваться как французское производное. Например, фр. *operation* исторически является латинизмом, но синхронно оно противопоставляется глаголу *opérer*.²¹

Таковы в общих чертах взгляды Х. Марчанда по вопросам синхронного словообразования. Они интересны тем, что Х. Марчанд правильно нащупывает основные проблемы, возникающие в связи с изучаемой темой. К числу этих проблем относятся следующие: идентификация единиц языка, понятие синхронной системы словообразования и ее элементов, релевантные черты модели, отношение словообразования к морфологии основ слова.

Другую попытку разграничения языковой данности и языковой системы находим в книге Косерю «Система, норма и речь». ²² Хотя Э. Косерю ставит проблему синхронии в широком плане применительно ко всем аспектам языка, остановимся на его работе особо, так как в ней рассматриваются и вопросы словообразования.

Э. Косерю предлагает отказаться от сосюррианских понятий *языка* и *речи*, заменив их понятиями *нормы* и *системы*. В конкретном языковом продукте или материале (*el hablar*), выделяется прежде всего система норм, которые обеспечивают функционирование языка как средства общения. Система норм, по мысли Э. Косерю, создается в результате первой степени абстрагирования. Дальнейшее абстрагирование, в процессе которого отделяются элементы, закрепленные в языке лишь обычаем, ведет к построению системы языка, т. е. совокупности сигнификативных оппозиций. Система скорее консультативна, чем императивна. Действительно же обязательной является норма. Она отбирает и фиксирует те языковые варианты, которые позволены системой. Система в языке одна, норм может быть много.²³

Касаясь различий между нормой и системой в области словообразования, Э. Косерю пишет, что в системе испанского языка потенциально существуют все имена действия с суффиксами – *miento* и – *ción*, глаголы на – *izar* и имена качества на – *idad*. Однако многие из этих слов не освещены нормой. Система языка – это совокупность закрытых и открытых путей, продолжаемых и прерванных координат (*El sistema es un conjunto de vías cerradas y vías abiertas, de coordinadas prolongables y no prolongables*),²⁴ пишет Э. Косерю. Может быть

¹⁹ Регулярное отношение, возникшее в языке между сепаратно заимствованными словами, Х. Марчанд называет коррелятивной деривацией (ср. английские производные на – *ist*, – *y*, – *ism*, – *istic*). См. [Marchand 1954a: 254, 258].

²⁰ [Marchand 1951a: 96–98].

²¹ [Marchand 1951b: 94].

²² [Coseriu 1952]; см. также [Косерю 1963].

²³ [Coseriu 1952: 46, 58].

²⁴ [Ibid.: 46].

увеличено число глаголов на – *ear*, – *izar*, – *ecer*, но пресеклись вербальные ряды на – *er*, – *ir*. Не возрастает количество производных имен с суффиксом – *iego*. От *la carta* 'письмо' не образуется увеличительное с суффиксом – *ón*, так как в языке уже существует слово *el cartón* 'картон'. От фонологического термина *pertinente* 'релевантный' нельзя произвести антоним *impertinente*, так как за этим звуковым комплексом закрепилось уже другое значение, 'неподходящий, дерзкий'. Правильно образованные испанские слова возникают как в Испании, так и в Латинской Америке, поскольку и там и тут действует одна система, но реально в разных странах создаются разные лексические единицы. Так, существительное *el sacaclavos* 'гвоздодер' вполне законно с точки зрения системы. Ср. *sacapuntas*, *sacatrapos*, *sacamuelas*. Однако это образование является американизмом потому, что в Испании соответствующее значение закрепилось за словом *el desclavador*. Для образования форм женского рода от существительных на – *tor* система предоставляет две возможности: – *tora* и – *triz*. Норма отбирает один из этих вариантов. Язык предпочитает *actriz* для обозначения актрисы и *directora* применительно к женщине—директору, сохранив *actora* 'истига' для юридической терминологии, а форму *directriz* 'директриса' для геометрической. Норма, следовательно, может превратить два взаимозаменяемых суффикса в дистинктивные единицы.

С точки зрения нормы допустима оппозиция *maestro*: *maestra* 'учитель: учительница', но невозможно *ministro*: *ministra* 'министр: министерша (женщина—министр)'. Санкционируя *estudiante* 'студентка' и *presidenta* 'председательница', норма воспрещает *amanta* 'возлюбленная' и *naveganta* 'мореплательница'. Иначе говоря, норма лишь частично реализует систему. Сейчас, как известно, норма образования форм жен. рода для имен лица расширилась, хотя и не для всех их значений.

Считая целесообразным и полезным различие нормы и системы, полагаем, однако, что неверно понимать систему как совокупность открытых и закрытых путей. Система может включать только продуктивные конструкции, образующие открытые ряды.²⁵

Система словообразования складывается из двучленных парных моделей, которые могут воспроизводиться по аналогии. Например, при наличии пар *casa*: *casita*, *libro*: *librito* можно создать *cuaderno*: *cuadernito*, *tarjeta*: *tarjetita* и пр. Система словообразования определяет рост лексического состава языка, но и сама находится в прямой зависимости от сдвигов, происходящих в словаре. Перерождение значений слов, иноязычные заимствования, совпадение основ разных частей речи и прочие частные изменения, происходящие в лексическом запасе, отражаются на состоянии языка, вводя в него новые структурно—семантические оппозиции. Эти последние могут включаться в систему словообразования. Система словообразования и лексика языка взаимообуславливают друг друга. Это препятствует выделению функциональных оппозиций, составляющих систему словообразования, из того множества лексически связанных пар слов, которые встречаются в языке.

Применение антиномии «норма – система» способствует преодолению этих трудностей.

Отделение нормативных фактов помогает четче определить и яснее представить себе границы системы словообразования, очистить это понятие от «инородных тел», а также уточнить структурную функцию моделей, освободив ее от «груза» многочисленных лексических значений конкретных слов.

²⁵ Также неправ Э. Косерю, рассматривая отсутствие увеличительного от *la carta* и фонологического термина *impertinente* в одном плане с отсутствием новых слов на – *iego*. В первом случае путь прегражден уже существующими производными. Во втором – имеет место выпадение из системы языка всей словообразовательной модели. В первом случае путь закрыт для отдельного новообразования, во втором – для всего структурного ряда. В первом случае язык избегает омонимического совпадения, во втором – всю словесную структуру. При синхронном изучении словообразования нельзя не учитывать причин, ведущих к замораживанию деривативных возможностей языка. См. подробно о роде в испанском языке в [RAE. Esbozo 1973: 171–179].

2. Проблема нормы

Теперь остановимся на понятии нормы применительно к словообразованию и отчасти лексике языка.

Словообразовательная конструкция включает в себе лишь обобщенную семантику создаваемого слова. Так, испанские производные имена с суффиксом – *dor* указывают на исполнителя действия (предмет или лицо), обозначенного глагольной основой. Этим исчерпывается системная функция модели. Все те конкретные лексические значения, которыми обладают производные с суффиксом – *dor*, носят нормативный характер. Так, значение 'экскаватор' (хим.) закреплено за словом *desecador* нормативным путем, поскольку по своей структуре это слово могло бы относиться к любому 'сушите—лю'. Слово *elector* применяется лишь к избирателям (на выборах), хотя могло бы означать любого выборщика (например, выборщика цитат для толковых словарей). Это значение, следовательно, также нормативно. *Elevador* употребляется лишь в значении 'элеватор' (т. е. грузоподъемная машина). Это значение гораздо уже тех семантических возможностей, которые даны слову его структурой. Существительное *el mostrador* (от глагола *mostrar* 'показывать') может означать любой 'указатель'. Это общее значение совпадает по своему объему с системной функцией отглагольных имен деятеля на – *dor*. Кроме того, это название закрепилось за рядом конкретных предметов, таких как прилавок, стойка, циферблат, гномон (указатель высоты солнца). Эти значения ограниченной системного значения модели. Они носят нормативный, фиксированный характер.

El guión, созданное от глагола *guiar* 'вести, руководить', является по своей словообразовательной структуре *nomen agentis* и *instrumen—ti*. Это слово, следовательно, может обозначать все 'то, что ведет' или 'того, кто ведет'. На самом деле *el guión* лишено общего значения 'водителя', но имеет большое количество частных значений, каждое из которых соответствует агентивной (в широком смысле этого термина) функции модели. Ср. 'штандарт, хоругвь, флаг, справочник, сценарий, предварительный план, вожак (стаи) и др.

Общая функция модели реализовалась в языке в виде множества конкретно—предметных значений. Последние без труда подводятся под семантический тип «действующего» (агенса). Это дробление общего значения связано с действием языковой нормы.

Разумеется, при анализе предметной отнесенности слова следует различать (хотя иногда это нелегко сделать) перенос слова как целой (неделимой) единицы от нового воспроизведения словообразовательной конструкции для обозначения другого предмета. И тут и там закрепление значения производится языковой нормой, но в первом случае эта фиксация носит чисто лексический характер, во втором случае новая предметная отнесенность слова вытекает из функционирования системы словообразования.

Вся доза идиоматичности, содержащаяся в слове, определяется нормой и должна сбрасываться со счетов при построении строгой системы словообразования. Норма дополняет, конкретизирует модель при ее реализации, компенсирует недостающие в ней смысловые элементы, отсутствующую семантическую расчлененность.

Следует обратить внимание на то, что по некоторым словообразовательным конструкциям создаются слова, значения которых столь же общи и нерасчленимы как системное значение самой модели. Так, если существительные с суффиксом – *dor* часто обладают более конкретными значениями, чем это вытекает из их словообразовательной структуры, то прилагательные с этим суффиксом менее идиоматичны, выражая лишь то значение, которое предопределено самой моделью. Ср. *bramador* 'ревуший', *registrador* 'регистрационный', *aterrador* 'устрашающий', *moralizador* 'морализирующий' и пр. То же относится и к прилагательным с суффиксом – *able* | – *ible*. Ср. *realizable* 'осуществимый', *interminable* 'нескон-

чаемый', *tolerable* 'терпимый', *irreparable* 'непоправимый', *insaciable* 'неутолимый', *incansable* 'неутомимый' и пр. Признаковое значение не склонно распадаться, а предметное почти всегда членимо.

Разрыв между системным значением словообразовательной модели и лексическим значением образуемых по данной модели слов не для всех моделей одинаков. В одних случаях он сведен к минимуму или практически отсутствует. В других случаях, особенно в области образования существительных, имеющих предметное значение, он очень велик.

Нередко благодаря нормативному характеру значения слова оказывается возможным сосуществование в языке ряда образований, созданных по синонимическим моделям. Ср. *el embocamiento* 'вход (судна) в канал, пролив' и *la embocadura* 'устье, мундштук (музыкальных инструментов)'. За каждым из этих слов закрепляется одно из более конкретных значений в рамках системной функции данных синонимических конструкций. Так, краснодеревщик называется по-испански *ebanista* (а не *ebanero*). Напротив, медник обозначается словом *calderero* (а не *calderista*).

Присутствие в языке производного по одной лишь из синонимических моделей обусловлено действием нормативного фактора.

Нередко в словообразовании участвуют производящие основы полисемичных слов. Каждое значение этих слов кладет начало новому ответвлению, новому ряду производных.

Так, *despido* 'увольнение' образовано от *despedir* в значении 'увольнять', а *despedida* 'прощание' произведено от *despedirse* 'прощаться'. Связь *despedir* – *despido* и *despedirse* – *despedida* закреплена нормой.

Descargador 'грузчик' соотносится с *descargar* 'разгружать' и не связано с другими значениями этого глагола (например, 'стрелять, разряжать, освобождать от обязанностей' и пр.). *Contar* имеет два значения: 'рассказывать' и 'считать'. Каждое из этих значений образует особое имя действия: *el cuento* 'рассказ, сказка', *la cuenta* 'счет'. *Enarbolar* 'поднимать флаг' соотносится с существительным *el árbol* 'древко, мачта', хотя это значение является для слова *árbol* 'дерево' лишь побочным, периферийным. *Ensillar* 'седлать' создано от существительного *la silla* в значении 'седло' и никак не взаимодействует с семантическим стержнем этого слова ('стул').

Значение производных соотносится с одним из значений производящей основы в соответствии с системой словообразования, но сама связь именно с данным, а не каким-либо другим значением закрепляется языковой нормой.

В испанском языке нередко наблюдается совпадение производящих основ разных имен.²⁶ Это вызывается тем, что некоторые существительные различаются лишь своим конечным гласным. Последний же остается за пределами производящей формы слова. Ср. *el manto* 'накидка, плащ', *la manta* 'одеяло, шаль', *el barco* 'судно, корабль', *la barca* 'лодка', *la madera* 'древесина', *el madero* 'бревно', *la copa* 'бокал, кубок', *el coro* 'пряжа, кудель' и пр. Соотношение вторичных образований с производящей основой устанавливается в этом случае путем нормативной фиксации. Так, *el barquero* 'лодочник' и *barquear* 'перевозить на лодке' лексически соотнесены с *la barca*, а *embarcar (se)* 'погружать(ся) на корабль' образовано от *el barco*. *Desplazar* 'перемещать, вытеснять' создано от *la plaza* 'место, площадь', а *aplazar* 'откладывать, отсрочивать' образовано от *el plazo* 'срок'. *Enmaderar* 'обшивать древесиной' произведено от основы существительного *la madera* 'древесина' и несопоставимо с *el madero* 'бревно'. *Cañar* 'граничить, чертить', *gayado* и *gayoso* 'полосатый' образованы от *la gaña* 'черта, граница, полоса', хотя по структуре их можно было бы понять и как произведенные от *el gaño* 'луч, молния'.

²⁶ Это совпадение, как покажут приводимые ниже примеры, может быть как омонимическим, так и неомонимическим.

Часто устанавливаются весьма причудливые и никак не мотивированные системой языка связи между разными значениями производящей основы и вторичными образованиями. Так, производные от основы *banco* – соотносимы с самыми различными значениями существительных *el banco* 'скамья, банк, мель, стая (рыб) и пр. и *la banca* 'скамья, стол, прилавок, банк (карт.) и др. Например, глагол *embancar* 'садиться на мель' образован от существительного *el banco* в значении 'мель'. Глагол *desbanca* 'очищать место от скамеек соотносится с соответствующими значениями существительных *el banco* и *la banca*. Одноструктурный (омонимичный) глагол *desbanca* 'сорвать банк' возник от *la banca* 'банк (карт.)'. Следовательно, *embancar* – *desbanca* не образуют соотносительной пары приставочных глаголов, обычной для системы испанского словообразования (ср. *emplumar* – *desplumar*, *empolvar* – *despolvar* и пр.). Эта возможная пара разорвана языковой нормой. *El banquero* 'банкир' произведено от *el banca* 'банк'. Такого же происхождения прилагательное *bancario* 'банковский, банковский'. *El banquero* 'банкомет' уже возводится к *la banca*. Сложное существительное *la bancarrota* 'банкротство' (калька с итальянского) содержит в качестве своего стержневого компонента форму *la banca*, но по значению сопоставимо с существительным мужского рода *el banco* 'банк'. Вся эта сложная словообразовательная зависимость производных слов от производящих основ, превращенная в статические связи между готовыми словами, не может быть выведена из системы деривации. Эти соотношения закреплены в значениях слов чисто нормативно.

Очень запутанные семантические и деривативные взаимодействия складываются среди слов, содержащих производящую основу *tall-*. Эту основу мы находим в таких первичных существительных, как *talla* 'рост, скульптура, фигура', *talto* 'стебель, побег', *talle* 'стан, талия, покррой'. Анализируя значения производных слов, обнаруживаем, что *tallecer* и *entallecer* 'прорасти, давать побеги', *talludo* 'с длинным стеблем' созданы от *el tallo*. *Tallista* 'скульптор, резчик' произведено от *la talla* 'скульптура', того же происхождения глаголы *entallar* и *tallar* 'гранить, обтесывать'. Глагол *entallar* 'быть в талию, хорошо сидеть' образован от *el talle*. Соответственно и *el entallado* 'насечка' и *entallado* 'сшитый по талии' – произведены от основ разных слов.

Весь этот клубок отношений нельзя было бы распутать, руководствуясь лишь системой словообразования, не зная, как протягиваются нити, соединяющие производное слово с производящим. Разумеется, все вторичные слова были созданы в соответствии с законами словообразования. Однако особенности испанской лексики не всегда позволяют, чтобы эти системные закономерности превратились в четко различимые линии, определяющие семантические отношения между готовыми словами. Этому мешают такие факторы, как многозначность производящей основы, совпадение основ разных слов и пр. Лишь языковая норма снимает ту структурную и семантическую расплывчатость, которая возникает в связи с указанными явлениями. Норма устанавливает, с каким первичным словом следует соотносить производное. Она группирует слова в лексические гнезда, устанавливает сетку отношений между готовыми лексическими единицами. Норма в данном случае не столько компенсирует недостающую конкретность системы словообразования, сколько вносит необходимую ясность в семантические отношения между единицами лексического запаса языка в его синхронном состоянии.

Если полисемична не производящая основа, а сама конструкция, то действие нормы, фиксирующей лишь одно из возможных значений слова, связано уже непосредственно с особенностями системы словообразования. Например, суффикс *—ón*, присоединяясь к основе глагола, создает либо имена деятеля (*tragón* 'обжора', *empollón* 'зубрила'), либо имена действия (*empujón* 'толчок', *tirón* 'дерганье'). Эти весьма разные значения не совмещаются в рамках одного слова. Однако сама структура производного имени не может подсказать, каким

из двух возможных значений оно обладает. Действие нормы, закрепляющее за словом одно из значений, вызвано многозначностью деривативной модели.

Аналогичное явление наблюдается при функциональной неопределенности модели словообразования. Например, глаголы, образованные по типу *gojo – engojeseer*, могут иметь любое залоговое значение. Последнее не уточнено структурой модели. Эти глаголы могут быть медиальны (ср. *engojeseer* 'краснеть', *envejeser* 'стареть'), каузативны (ср. *enmolleser* 'смягчать', *ennegreser* 'красить в черный цвет, омрачать') либо совмещать в себе оба значения (ср. *enriquecer* 'обогащать, разбогатеть', *enmudecer* 'заставлять замолчать, онеметь, замолкнуть'). Словообразовательная структура этих слов одинакова, но их смысловый профиль различен. Распределение этих значений происходит нормативным путем и не вытекает из функции словообразовательной модели.

Действие нормы и в этом случае связано с особенностями системы словообразования.

Приведем еще один пример, показывающий, что нормативный фактор восполняет структурную недифференцированность словообразовательных моделей. В испанском языке существуют соотносимые пары возвратных и невозвратных глаголов. Структура производных имен действия для всех них одинакова. По значению же *nomina actionis* нередко связаны лишь с одним членом производящей пары. Так, *sentada* 'сидение' образовано от *sentarse* 'сидеться', *levantamiento* 'восстание' от *levantarse* 'восставать', *desengaño* 'разочарование' от *desengañarse* 'разочаровываться', *espanto* 'испуг' от *espantarse* 'испугаться'. Такого рода односторонняя связь не выражена структурой производного имени и закреплена в языке чисто нормативно.

Наконец, действие нормы увеличивает разрыв между структурой существующих в языке слов и системой активных моделей. Например, современная деривация не предусматривает создания имен с суффиксами – *engo*, – (a)ndera, но нормативный (не мотивированный системой) характер лексики позволяет употреблять существительные и прилагательные, созданные ранее при помощи этих элементов (ср. *frailengo*, *abolengo*, *lavandera*). Выше была дана беглая характеристика той роли, которую выполняет в словообразовании и отчасти в лексике языка нормативный фактор. Упор при этом был сделан не столько на то, что норма сохраняет в языке устаревшие словообразовательные конструкции – это скорее область лексики, чем деривации, сколько на роль нормы в самой реализации системы словообразования, в ее конкретно—языковом преломлении.

В заключение этого раздела подчеркнем, что нормативный фактор действует активно при необходимости закрепить за словом область его референции. Вместе с тем в живом испанском дискурсе выбор дериватов бывает достаточно вольным. Говорящие относятся к словообразованию, особенно композиции, творчески. Норма ставит предел своеволию говорящих, в сознании которых присутствует система деривации. Она избыточна и тем самым открывает перед своими потребителями – корреспондентами газет и писателями – широкие творческие возможности, приближаясь по своей «несдержанности» к синтаксическим структурам, о чем будет сказано в главе VIII.

Так «политические» суффиксы не знают ограничений в употреблении. Вот несколько примеров из газеты *El Pais* (18.10.04): *juancarlismo*, *felipismo*, *digitalismo*, *mañanismo* (склонность откладывать дела на завтра), *emiliarse* 'переписываться по электронной почте (e-mail), а также с адресатом по имени Emilio'. Вот пример свободы создания образов: *Desde niño a Pedrito Tinoco le habian dicho alunado y como siempre andaba con la boca abierta – comemoscas* (Vargas Llosa M.). Свобода словотворчества обернулась в испанском языке (особенно Латинской Америки) обилием прозвищ (см. примеры в гл. VI–VIII).

3. Об основе слова

Одним из принципов, на которые должно опираться описание синхронной системы словообразования, является учет различия между словообразовательной и морфологической структурой основ слова.

Словообразование устанавливает системные отношения, регулирующие создание новых лексических единиц. Морфология занимается структурой имеющихся в языке слов. В словах откладываются и сохраняют свою значимость лексические элементы разных исторических эпох. Они еще не утрачивают семантического веса внутри слова, которое остается мотивированным в своем значении. Не все слова, морфологически членимые, соответствуют живым нормам словообразования, не все слова, сложные по своему составу, могут служить образцом, по аналогии с которым моделируются новые слова. В языке продолжают существовать элементы, утратившие словообразовательную силу, выпавшие из системы деривации, либо еще не получившие определенной функции, не вошедшие в строй языка, но уже осмысленные языковым сознанием. В языке живут также компоненты слов, проникшие в него в результате заимствований, и, что особенно важно для языков романской группы, в составе латинизмов.

Итак, многие элементы, сохраняющие свою значимость с точки зрения морфологии слова, не входят в то же время в систему словообразования. Не входят в систему языка всякого рода случайные, нерегулярные образования, содержащие живой аффикс, но структура которых отклоняется от нормального типа деривации. Так, испанский суффикс – able | – ible выделим в словах *amigable*, *saludable*, *bonancible*. Однако эти прилагательные, возникшие от именных основ, не служат моделью словообразования в современном языке. Не являются продуктивными также прилагательные типа *espantable*, *agradable*, *durable*, *dañable*, в которых суффикс выражает активное, а не пассивное отношение к действию. Не принадлежат к системе языка и такие модели, как *feriante*, *galante*, *cabildante*, *comediante*, содержащие основы существительных, а не глаголов, хотя и в этих словах сама выделимость суффикса не подлежит сомнению. Следовательно, в синхронное описание структуры *слов* включаются и соотносительные пары, представляющие как бы потенциальные типы словообразования. Напротив, синхронное изучение *словообразования* оперирует лишь реально действующими моделями. Синхронное словообразование изучает типы, по которым моделируются новые слова. Морфология основ изучает реальный состав входящих в язык слов.

К числу пассивных морфем могут относиться и аффиксы иностранного происхождения, попавшие в язык в составе заимствованных слов. Отсюда естественно сделать вывод, что изучение синхронного словообразования и анализ структуры слова основываются на разных принципах. Синхронное словообразование исходит из продуктивности типа, из его самостоятельности, морфология – из значимости элемента слова.²⁷

Компонентам слова свойственна разная степень выделимости. Наиболее рельефно выступают те из них, которые в данный период развития языка обладают словообразующей функцией либо употребляются самостоятельно. Можно утверждать поэтому, что выделимость морфемы связана с ее ролью в словообразовании. Однако эту зависимость не следует понимать прямолинейно. Многие элементы могут функционировать в языке самостоя-

---

²⁷ Смешение этих двух точек зрения, между прочим, нередко вызывает полемику вокруг определения морфемы. Большинство лингвистов понимает под морфемой наименьший элемент значения, либо – в отрицательном плане – «лингвистическую форму, не обладающую частичным фонетико—семантическим сходством с другой формой» [Bloomfield 1933: 161]. Подобная трактовка морфемы вызвала возражение у лингвистов, оценивающих данную категорию в функциональном плане. Так, Д. Болинджер определяет морфему как наименьший элемент, могущий входить в новые сочетания (см. [Bolinger 1948: 21]).

тельно и в то же время с трудом осознаваться в составе слов в силу их последующего семантического развития. В этой связи возникает специфический для морфологии основ вопрос о том, насколько нарушение семантических отношений влияет на разложимость слова. Следует ли членить, например, такие испанские слова, как *gallardo* (от *gallo*), *despedir* (от *pedir*), *galante* (от *gala*) и пр.? Этот вопрос должен решаться в рамках более общей проблемы тождества языковых элементов.

Итак, аффиксальные компоненты слова могут обладать одновременно значимостью и продуктивностью. Их активность вводит их в круг словопроизводства, а их семантическое содержание определяет их участие в мотивировке значения слова, формирует его внутренний образ. При изучении синхронного словообразования принимается в расчет функциональная нагрузка элемента; исследуя синхронную морфологию слова, мы обращаем внимание на его значимость (*valeur*). Выясняя значение морфемы, возможно выделять ее в составе любого слова. Так, значение префиксов *des-* и *in-* одинаково ясно выступает в таких словах, как *desarrollar*, *deshojar*, *desequilibrar*, *desesperar(se)*, *independiente*, *incumplido*, *inquieto*, и таких, как *desarrollo*, *deshoje*, *desequilibrio*, *desesperanza*, *independerse*, *incumplir*, *inquietar*, хотя первый ряд слов действительно образован при помощи данных приставок, а второй нет. Основы перечисленных слов в равной степени мотивированы. Напротив, изучение словообразовательной функции элемента не допускает подобного произвола в выборе материала. Роль аффикса в словообразовании можно обнаружить, лишь наблюдая над структурой и значением слов, созданных при его прямом участии.

Мы говорили о компонентах слов, объединяющих семантическую значимость и словообразующую активность. Но если нельзя себе представить элементы продуктивные, но не осмысленные, то вполне возможно существование морфем значимых, но не функционирующих самостоятельно. Понятно, что не все аффиксы, встречающиеся в составе слов, сохранили продуктивность. Такие морфемы, как *-mienta* | *-menta*, *-ita*, *-ezno*, *-amen*, *-ático*, *-iento*, не создают в испанском языке новых слов, но, встречаясь в составе готовых единиц, они легко в них выделяются, чему способствует наличие аналогических образований. Ср. *herramienta*, *vestimenta*, *cornamenta*; *israelita*, *jesuita*; *lobezno*, *viborezno*; *certamen*, *botamen*, *pelamen*; *ponzoñiento*, *soñoliento*, *avariento*, *grasiento*, *hambriento*; *lunático*, *asiático*, *fríático*. Эти элементы мотивируют значение слова²⁸ и поэтому должны изучаться в морфологии основ слова, но они не имеют никакого отношения к словообразованию данного периода.

Э. Пишон в одной из своих работ по теории словообразования²⁹ назвал механизм, ведущий мысль от производящей основы к производному слову, *démarrage psychologique* (т. е. психологическое отделение, отправление). Действие этого устройства, согласно Э. Пиш—ону, позволяет нам создавать новые слова. Механизм, ведущий мысль от производного слова к производящей основе, Э. Пишон назвал *amarrage psychologique* (т. е. психологическое сцепление, присоединение). Действие этого аппарата мысли позволяет нам понимать слова, даже если мы никогда раньше их не слышали. Наблюдая за непродуктивными морфемами, мы замечаем, что механизм *amarrage*, т. е. ассоциирование слова с определенной структурной серией, еще функционирует, хотя, возможно, и на холостом ходу, а процесс *démarrage* оказывается уже замершим.

²⁸ Это обстоятельство признавал и К. Пайк, вводящий, вслед за Болин—джером, в определение морфемы признак активности (см. [Pike 1954: 75, 87]). «Однако и пассивный морф, — пишет он, — может делать свой вклад в семантическое значение элемента, частью которого он является» (с. 89).

²⁹ [Pichon 1942: 68].

4. Остаточная выделимость компонентов слов

Выше говорилось об аффиксах, отличающихся друг от друга наличием или отсутствием активности, но входящих в определенные морфологические серии. Наряду с ними существуют также единичные элементы, значение которых не опирается на аналогию. Ср. такие русские слова, как *попадья*, *сухомень*, *болтовня*, *молодежь*, *луковица*, *успех*, ср. такие испанские слова, как *terráqueo honesto*, *límitrofe*, *ganacuaño*. Единичные компоненты образуют так называемую остаточную выделимость в составе слова. Их граница обусловлена границей соседнего элемента, а их семантическая нагрузка в современном языке определяется как разница в значении всего слова и другой его части. Она носит, следовательно, как бы вторичный характер. Вопрос о выделимости подобных элементов, неповторимых и единственных в своем роде, должен решаться только в плане изучения морфологии слова. Но так как он наиболее очевидно вскрывает разницу в исследовательских приемах, используемых при морфологическом членении слова и при синхронном изучении словообразования, остановимся на нем несколько более подробно.

Проблема остаточного значения неоднократно дискутировалась на страницах лингвистической литературы. Одни ученые полагали, что единичные компоненты могут быть выделены в составе слова. Другие возражали против этого, третьи считали, что это возможно только по отношению к аффиксам. Так, Л. Блумфилд утверждал, что единичные элементы (*unique constituents*), встречающиеся лишь в одной комбинации, являются языковой формой. Если составная единица кроме общей части содержит остаток, такой как *cran-* в *cranberry*, который не встречается ни в какой другой сложной форме, то этот остаток есть также языковая форма, это единичный компонент комплексной формы,³⁰ писал Л. Блумфилд. Точка зрения Л. Блумфилда повлияла на взгляды многих американских дескриптивистов, которые в большинстве случаев стремятся соблюдать принцип морфемной полноты слова (*morphemic accountability*).³¹ Например, Дж. Гринберг, вводя для выделения морфем принцип «квадрата» (*square*), т. е. необходимого наличия в языке сочетаний типа AC: BC:: AD: BD (*eating: walking:: eats: walks*), сразу же оговаривается, что от этой нормы следует отступать, если речь идет о единичных элементах типа *huckle-* в *huckleberry*.³² Иного мнения придерживается Д. Болинджер, считающий, что значимость элемента слова определяется свойственной ему свободой сочетаемости.³³ Он отрицает саму возможность существования в языке остаточного значения, устанавливаемого методом вычитания, методом выяснения семантической разности.

Г. О. Винокур³⁴ дифференцировал вопрос о неповторимых компонентах слова, по-разному решив его применительно к основе и аффиксу. Г. О. Винокур полагал, что аффикс может быть выделен в слове, даже будучи единственным в своем роде. В то же время производящая основа не может быть обособлена, если она не встречается в свободном виде. Действительно, семантика основы и значение аффиксов существенно различаются по своему

³⁰ [Bloomfield 1933: 160].

³¹ Позднее Ч. Хоккет внес в это положение корректив, заменив в нем понятие морфемы понятием морфа. См. [Hockett 1947: 322].

³² [Greenberg 1957: 20]. См. [Gleason 1956: 76–77]. Глисон выделяет элемент *cran-*, основываясь на распространенности в английском языке словосложения двух имен. Однако он замечает, что *cran-* менее рельефно выступает как морфемная единица, чем *-berry*. Последняя отвечает одновременно двум главнейшим признакам выделимости: она входит в слово, построенное по определенной морфологической модели, и употребляется в других комбинациях (*nevertheless cran-* cannot be considered as securely established as a morpheme as, say, *-berry*, where both morphologic patterns and direct contrasts converge (p. 77)). См. рус. перевод [Глисон 1959: 121–122].

³³ [Bolinger 1948: 20].

³⁴ [Винокур 1946: 316–321].

характеру и объему. Однако эта разница не настолько велика и принципиальна, чтобы помешать суммированию этих величин в единой семантике слова.³⁵ Следовательно, это величины, которые могут быть приведены к одному знаменателю.

Вполне понятно, что выведенные методом вычитания значения будут лишь самыми общими. При этом содержание единичного аффикса существенно не отличается от значения обычного элемента словообразования. Например, функция суффикса в слове *попадьа* близка к роли суффикса в словах *ударница*, *поэтесса*, *курсантка* и др. Функция суффикса в прилагательном *terráqueo* очень сходна с ролью суффиксов в таких словах как *terreno*, *terreo*, *tergero*. Напротив, семантика единственной в своем роде производящей основы оказывается весьма своеобразной, отличаясь от значения основы, имеющей самостоятельное употребление. Единичная основа не содержит мотивировки значения слова. Она непосредственно отсылает к предмету мысли. Содержание ее таково же, как содержание основы простого непроизводного слова. Именно это соображение, по—видимому, побудило Г. О. Винокура расчленить проблему остаточного значения части слова.

Единственные в своем роде элементы слова не относятся к системе словообразования. Однако, обладая языковой ценностью, они потенциально могут получить также продуктивность, поскольку любое семантическое соотношение в языке как бы всегда является первой частью пропорции, по аналогии с которой могут быть созданы другие, так же соотносимые, пары. Так, шуточный вопрос о том, как будет женский род от слова *клон*, предполагает ответ *клопадьа*, опирающийся на модель *пон*: *попадьа*, в которую входит единичный суффикс. Точно так же могут обособиться и получить самостоятельное употребление единичные основы слов.³⁶ Английские глаголы *to burgle*, *to butcher*, *to enthuse*, *to frivol*, *to laze*, *to peeve* выделены путем регрессивной деривации из слов *burglar*, *butcher*, *enthusiasm*, *frivolous*, *lazy*, *peevish*. Ср. также в испанском языке образование существительного *asco* 'отвращение' путем обратной деривации от прилагательного *asqueroso* 'отвратительный'. Слово *leva* 'сюртук' возникло в результате отпадения элемента – *ita*, понятого как уменьшительный суффикс, в слове *levita*. Эти примеры еще раз свидетельствуют о том, что языковое сознание связывает с единичными компонентами (основой и аффиксами) определенное значение.

Следует обратить внимание еще на одно обстоятельство, подтверждающее сделанный вывод. При соединении единичных для данного языка основ с суффиксами отглагольного словопроизводства, выражающими отношения, близкие к грамматическим, полученные слова оказываются весьма сходными по своей смысловой структуре с обычными deverbalными производными. Например, *combustible* осознается так же, как *quemable*, производное от глагола *quemar* 'жечь', хотя глагола *combustir* в испанском языке не существует. В этой области нередко наблюдаются случаи обратного словообразования. Ср. *legislar* от *legislador*, *ilar* от *ilación*, *reivindicar* от *reivindicatorio* и др. При словопроизводстве, построенном на четких семантических отношениях единственные в своем роде основы получают определенную семантическую наполненность. Так, основа существительного *secreción* 'выделение', несомненно, осознается как глагольная, и в нее вкладывается значение 'выделять'. Основы прилагательных *fragante* 'благоуханный, ароматный', *permeable* 'промокаемый', *compatible* 'совместимый' также ощущаются как глагольные, и с ними ассоциируются определенные значения. Следовательно, когда производные слова лишены идиоматичности, наличие значения у аффиксального элемента позволяет связать с производящей основой языковое значение, имеющее весьма четкие контуры, даже если эта основа не встречается в других комбинациях.

³⁵ См. [Смирницкий 1948: 24–25].

³⁶ См. [Смирницкий 1948: 25–26].

Приведенные соображения свидетельствуют о том, что критерий и, следовательно, приемы выделения значимых элементов слова (морфем) являются иными, чем критерий и приемы выделения элементов, действующих в словообразовании.

Указанная разница в приемах проявляется не только тогда, когда речь идет о единичных компонентах слова. Ее не менее важно соблюдать при анализе слов, в которых аффиксальный элемент получает новое, необычное для данной модели значение. Последнее нередко возникает в результате семантического развития слова, его переосмысления. Так, например, суффикс —ón, соединяясь с названиями частей тела, указывает на посессивность, выделяя доминирующее свойство субъекта. Ср. *narigón* 'носатый', *cabezón* 'большоголовый', *barrigón* 'пузатый'. Такие, слова, как *relón* и *gabón*, также, возможно, первоначально употреблялись в аналогичном смысле. Затем в них возобладало отрицательное значение, ставшее прямым и единственным. В настоящий момент *relón* означает 'лысый, безволосый', а *gabón* – 'бесхвостый', 'куций'. Значение слова *relón* стало ассоциироваться с глаголом *relar* 'ощипывать', 'выдирать волосы', которому было придано страдательное значение. Антонимическое же значение передается прилагательным *cabelludo*, синонимия суффиксов —ón и –udo сначала запутала деривации аугмента—тивов, а потом активность перешла к суффиксу –udo; ср. *gabudo* 'хвостатый'. Приведенный пример показывает запутанные и подвижные отношения между морфологическим и деривативным составом испанских слов.

Очевидно, что морфологическая ценность аффиксального элемента бывает либо равна его словообразовательной функции, либо превосходит ее, является более расчлененной, многогранной, богатой оттенками. Значение морфемы, однако, никогда не может оказаться уже, беднее, прямолинейней ее возможностей в словообразовании.

Выше говорилось, что изменение семантики целого может вести к преобразованию функции аффиксального элемента. В этом случае слова не выпадают из соответствующего лексического гнезда. Однако возможен другой случай, когда смысловое перерождение целого отражается именно на семантике корневого элемента, отрывая слово от лексической семьи; ср. *galante*, *gallardo*, *despedir(se)*, *proponer*, *prometer*, *proceder*. Разложение таких слов на морфемы, по—видимому, остается допустимым, хотя производящая основа и проявляет тенденцию к поглощению аффикса.

Синхронное состояние словообразования не совпадает с морфемным составом имеющих в языке слов. Однако различие между этими аспектами языка заключается не только в том, что они оперируют разным конкретным материалом. Оно, как представляется, имеет еще и другую сторону. Действующее в языке словообразование принадлежит к *langue* уже в силу своей системности, в то время как морфология основ слов относится скорее к области *parole*, поскольку мы говорили пока об изучении морфемного состава всех имеющих в языке слов, включая все случайное, индивидуальное, частное.

5. Проблема продуктивности словообразовательных моделей

Выше речь шла о том, что критерием выделения словообразовательных типов, входящих в синхронную систему языка, является их продуктивность. Определение активности модели словообразования представляет трудности при составлении описательной грамматики языка.

Некоторые ученые считают проблему продуктивности практически неразрешимой. Так, один из видных представителей дескриптивизма – З. Хэррис писал: «Методы описательной лингвистики не могут выявить степень продуктивности элементов, поскольку последняя определяется разницей между нашим корпусом (который может охватывать весь современный язык) и неким будущим корпусом языка».³⁷ Все же, понимая кардинальное значение этого вопроса для воссоздания правильных пропорций в системе языка, З. Хэррис допускал использование с этой целью некоторых приемов дескриптивной лингвистики. Вот один из них. Если большое число элементов класса А вступает в сочетание с элементами класса X, то создается высокая степень вероятности аналогичного соединения других элементов этих двух классов. При наличии этого условия можно считать конструкцию продуктивной.³⁸ З. Хэррис, как и другие представители его школы,³⁹ рассматривает продуктивность синтаксических и словообразовательных моделей в одном плане, используя в том и другом случае одинаковые приемы исследования. На самом деле специфика словообразования в его отношении к лексическому составу языка требует особого метода наблюдений. Продуктивность синтаксической конструкции большей частью бывает тождественна ее употребительности, так как она организуется в процессе речи. Активность словообразовательной модели не всегда совпадает с ее распространенностью, поскольку ранее созданные слова продолжают жить и употребляться в языке. Они могут в определенный момент преобладать над моделью, получившей активность, но еще не создавшей многочисленного лексического ряда. Поэтому в области словообразования нельзя прямолинейно отождествлять степень распространения конструкции с ее жизнеспособностью.

Другие ученые, занимающиеся также вопросами синхронии, подчеркивают, что описание современного словообразования не может быть верным без учета продуктивности деривативных оппозиций. Это главный признак, позволяющий дифференцировать живые и омертвевшие части языкового организма.⁴⁰ «Может быть, полезно перечислить непродуктивные типы соотношений, – пишет Х. Марчанд, – но по сути дела они не больше характеризуют структурную систему деривации, чем, скажем, римские бани, выстроенные в наш век по приказу миллионера, характеризуют банные заведения какой—либо страны».⁴¹ Признавая необходимость выявления активных моделей современного языка, Х. Марчанд рекомендует использовать для этого некоторые данные диахронии.⁴²

Более подробно разбираются приемы выделения активных элементов языка в большом исследовании К. Пайка,⁴³ ученика и последователя Сэпира. К. Пайк выдвигает следующие признаки продуктивности морфемы и граммы (ниже приводятся только тесты, относящи-

---

³⁷ [Harris 1951: 265].

³⁸ [Ibid.: 374–375].

³⁹ См., например, [Hockett 1957: 255].

⁴⁰ [Marchand 1951a: 97].

⁴¹ [Ibid.: 98].

⁴² [Marchand 1955b: 13].

⁴³ [Pike 1954: 87 ff.].

еся к категориям словообразования). Можно считать аффикс активным, если его комбинация с основой возникла в недавнее время. Однако, оговаривается К. Пайк, этот критерий лишен точности. Не ясно, например, довольно ли одного неологизма, для того, чтобы признать морфему продуктивной. Не всегда можно также сразу определить, является ли новое слово общепринятым или индивидуальным. Этот тест заключается в сопоставлении разных языковых состояний и лежит, следовательно, в плане диахронии. Следующим условием активности является наличие у морфемы значения или структурной функции. Этот признак может быть выяснен двумя способами. Первый из них заключается в косвенном опросе информантов. Второй – в наблюдении над участием морфемы в словообразовании. Если морфема вносит в общую семантику слов одно и то же значение, можно полагать, что она обладает регулярной смысловой нагрузкой. Если один из предложенных тестов дает положительный результат, а другой – отрицательный, морфему следует считать полуактивной.

Активными признаются также те морфемы, значение или функция которых может быть выяснена только в ответ на прямой вопрос информанту. В этом случае, как и во многих других, К. Пайк отходит от методики дескриптивистов. Последние считали нецелесообразным спрашивать информантов о значении морфем. Носитель языка легко может дать ложный ответ, сообщив, например, что пассивная морфема *cran-* в *cranberry* 'клюква' означает 'красный'.⁴⁴ Активными, согласно К. Пайку, являются также морфемы, на границе которых возможна пауза либо интонационный перебой, отсутствующий на рубеже пассивных морфем. Ср. *recover* 'вернуть, получить обратно' и *re'cover* 'вновь покрыть'. Во втором слове префикс несет второстепенное ударение, которого нет в первом глаголе. Морфема признается активной, если она легко выделяема в потоке речи и имеет четкие границы.

Вот те основные признаки активности, которые предлагает использовать К. Пайк. Как нетрудно было убедиться, он прибегает к данным истории языка, сочетая их с приемами синхронного исследования.

Автор ничего не говорит о том, какие из отмеченных тестов являются достаточными для определения активности морфемы, а которые из них носят вспомогательный, контрольный характер.

К. Пайк ставит проблему активности морфемы в плане анализа структуры слова. Признаки активности для него есть принципы членения слова.

Некоторые представители дескриптивной лингвистики пытаются преодолеть трудности выделения живых способов словообразования при помощи статистического метода. Остановимся на одной из подобных работ, посвященной английскому словообразованию.⁴⁵ Ф. Харвуд и А. Райт строят свое исследование на данных частотного словаря Торндайка и Лорджа.⁴⁶ Словарь состоит из двух частей. В первую часть входят 19440 наиболее распространенных слов, частотность которых дана из расчета на один миллион. Во вторую часть включены 10560 слов с частотностью употребления на 18 миллионов. В статье Ф. Харвуда и А. Райта приводятся сведения о том, сколько раз встречается тот или иной суффикс в первой и второй частях словаря. Дополнительно указывается число сочетаний суффикса со связанными и свободными основами, причем в особом приложении перечисляются все возможные фонетические варианты основ. Специальная таблица содержит сведения о суффиксальных образованиях, произведенных от слов, не входящих в первую часть словаря. Приводятся также цифры об употребительности простого слова по сравнению с производным. Это, как пишут авторы статьи, позволяет судить, насколько живо ощущается говорящими тот или иной суффикс. В отдельной таблице освещено участие в словообразовании разных частей

⁴⁴ См. [Bloomfield 1933: 160].

⁴⁵ [Harwood, Wright 1956].

⁴⁶ [Thorndike, Lorge 1944].

речи. Во втором разделе работы показаны типы эквивалентности суффиксальных производных синтаксическим конструкциям. На нем мы специально останавливаться не будем.

Организованные подобным способом данные весьма полезны при изучении словообразования. Однако прочной основы для решения проблемы продуктивности они не содержат. Активность аффиксов не определяется структурой наиболее употребительных слов, так как обычно они образуют уже отстоявшийся фонд, сформированный в прежние периоды развития языка. Напротив, текущее словообразование часто производит слова, не сразу получающие широкое распространение. Мы не говорим уже о разного рода специализированных терминах, принадлежащих к периферийным областям лексики. Статистические данные всегда основываются на структуре существующих слов. По ним можно судить о морфемном составе лексики, но они не создают правильного представления о действующем в языке словообразовании. Это очень хорошо видно на примере цифр, приведенных в цитированной уже работе С. Мёрфи. Среди 1030 собранных им производных существительных чаще всего встречается суффикс – *ión* (107 раз), образующий имена действия. Суффикс – *miento*, имеющий то же значение, входит в состав только 26 слов.⁴⁷ На самом деле – *miento* является весьма активным элементом, в то время как – *ión* вошел в испанский язык преимущественно в составе латинизмов. Ср. *ecuación*, *petición*, *posición*, *absolución*, *revolución*, *alusión*, *visión*, *conserción*, *ficción*, *acción*, *erudición*, *emoción* и пр.

Приведем еще пример. В испанском языке увеличивалось количество производных с суффиксом – *tud/-ud* (лат. – *tute*). Однако рост числа слов данной структуры шел исключительно за счет вхождения в язык культизмов (таковы *altitude*, *ingratitude*, *juventud*, *multitude*, *semilitud*, *solicitud*, *virtud*). Многие из них сохранили доселе свою употребительность. Однако новых слов с этим суффиксом практически не образуется. Его функцию (образование имен качества) взял на себя суффикс – *dad* (лат. – *tate*). В староиспанском языке с этим суффиксом соперничал суффикс – *ez/-eza*, особенно частотный в сочинениях Альфонса Мудрого, но и он по продуктивности не идет в сравнение с суф. – *dad* (*-tad*, *-edad*, *-idad*), который и в этом случае вышел победителем, обнаружив превосходящую соперников лексическую силу.

Суффикс – *ez* сохранил свою позицию почти исключительно в именах собственных (*Gómez*, *Alvárez*, *González*, *Sánchez*, *Ramírez* и др.). Суффикс – *eza* закрепился в большой серии общеупотребительных слов (*pobreza*, *limpieza*, *nobleza*, *belleza*, *riqueza*, *tristeza*, *firmeza* и др.)

Как бы быстро не менялся язык, в нем веками не стирается связь между формальной и содержательной структурами слов.

Приведенный пример показывает, насколько живо ощущение словообразовательной структуры слова у носителей языка. Даже латинизмы и культизмы, слова производные от латинизмов, в течение веков сохраняют способность служить моделью для аналогичных образований.

Хотя – (*i*)*tud* обладает как бы нулевой продуктивностью, иногда внезапно возникают включающие его слова: *negritud* (< fr. *négritude*), аналог *berberitud*, *gitanitud*. Были зафиксированы также: *inexpli—citud*, *implicitud*, *definitud*. Ср. также неологизмы *netitud*, *planitud*, *similaritud* (Bustos 1986).

Статистические данные употребления аффиксов характеризуют скорее структуру существующей лексики, нежели синхронную систему словообразования, отражающую развитие феноменов живой жизни.

⁴⁷ [Murphy 1954: 9].

Ф. Брюно замечает: «Продуктивность суффиксов зависит от разного рода условий, главным из которых является их полезность. В индустриальный век, подобный нашему, суффиксы, образующие названия машин, обладают особой активностью».⁴⁸

Ниже будет видно, что при изучении системы словообразования очень существенно отличать собственно лингвистические факторы, ограничивающие активность модели, от факторов неязыковых, связанных с развитием понятий, составляющих содержание лексики языка.

К нелингвистическим причинам, влияющим на функционирование моделей, могут быть отнесены следующие: 1) объем и темпы расширения понятийной категории, соответствующей данному типу словообразования; 2) количество слов, могущих служить производящей основой.⁴⁹ Отсутствие неологизмов, вызванное одним из этих факторов, не обязательно свидетельствует об омертвлении словообразовательной модели. Так, испанский суффикс – *astro* употребляется для образования слов весьма частного значения и ассоциируется с ограниченным числом производящих основ. Ср. следующий семантически однородный ряд: *hijastro*, – а 'пасынок, падчерица', *padraastro* 'отчим', *madraastro* 'мачеха', *hermanastro*, – а 'сводный брат, сестра', *uernastro* 'муж падчерицы' и др. Число таких слов как бы заранее определено в языке и вряд ли может увеличиваться. Это замкнутая лексическая категория. Однако вся группа слов этого значения построена по единому структурному образцу.⁵⁰ Поэтому суффикс весьма ясно ощущается говорящими. Он должен, по—видимому, быть отнесен к синхронной системе языка, несмотря на то что его словообразовательные возможности уже практически исчерпаны. Приведем любопытный диалог, взятый из повести М. Унамуну.

– Pues que vamos a tener un nietito ...

– ¿Nietito? ¡Tuyo! ¡Mío será nietastrito! ... No, no, a mi me gusta propiedad en la lengua. El hijo de la hijastra, nietastrito.

– Y el hijastro de la hija ¿cómo?

– Tienes razón, Rosita... Y luego dirán que es rica esta pobre lengua nuestra castellana..., rica lengua, rica lengua...

Y Emeterio se quedó pensando, al ver a Paquito:

– Y éste, el hijo político de mi mujer, ¿qué es mío? ¿Hijastro político? ¿O hijo politicastro? ¿O hijastro politicastro? ¡Qué lío!» (Una—muno).

(У нас скоро появится внучонок. – Внучонок? Твой! Мне он будет не родным внуком! Нет, нет, я люблю употреблять слова по назначению. Сын моей падчерицы не приходится мне родным внуком. – А как называется пасынок дочери? – Ты права, Розита... А еще говорят, что богат наш бедный испанский язык... Богатый язык, богатый язык... – И Эметерио задумался, увидев Паquito: ¿А этот, зять моей жены, кем приходится он мне? Hijastro político или hijo politicastro или hijastro politicastro? Какая путаница!).

В приведенном отрывке любопытны два момента. Один из собеседников обращает внимание на то, что слово *nietastro* по существу двусмысленно. Оно может обозначать как сына падчерицы, так и пасынка дочери. Но сейчас для нас важнее другое. В испанском языке существуют специальные слова для обозначения отношений свойства. Ср. *uern* 'зять', *puera* 'невестка', *suegro* 'тесть, свекор', *suegra* 'теща, свекровь'. К основам этих слов может присоединяться суффикс – *astro*, ср. *uernastro* 'муж падчерицы'. Кроме отмеченных слов, все больше укрепляется в языке другой способ обозначения свойственников, согласно которому

⁴⁸ [Brunot 1953: 61].

⁴⁹ Это условие считается нами нелингвистическим, поскольку оно также косвенно отражает развитие определенной категории понятий.

⁵⁰ Такие слова, как *entonado* и *antenado* (от лат. *antenatus* 'рожденный прежде'), – а и *alnado*, – а 'пасынок, падчерица', практически не употребляются в современном языке.

к названию родственников прибавляется прилагательное *político*, ср. *hijo político* 'зять', *hija política* 'невестка', *padre político* 'тесть, свекор', *madre política* 'теща, свекровь'. Эмитерио, один из собеседников в приведенном диалоге, употребляет для обозначения зятя фразеологизм *hijo político* и хочет образовать от этого сочетания название мужа падчерицы. Но тут он попадает в тупик. Он чувствует, что должен использовать суффикс – *astro*, но сомневается, к какому компоненту следует его прибавить: к первому (*hijastro político*), второму (*hijo politicastro*) или к обоим одновременно (*hijastro politicastro*).

Суффикс – *astro*, как уже говорилось, семантически связан с замкнувшейся лексической категорией. Он как будто замер, истощив свои словообразующие возможности. Однако в испанском языке произошла замена некоторых названий свойства, служащих для– *astro* производящей основой. Это вновь втягивает – *astro* в словообразование. Разобранный пример показывает, что – *astro*, не создавая новых слов, сохранял свои позиции в системе словопроизводства. Следовательно, отсутствие неологизмов с тем или иным аффиксом не всегда свидетельствует о его выпадении из строя языка.⁵¹

В аналогичном положении находятся русские суффиксы– *ина* и– *ика*, образующие названия сортов ягод. Ср. *калина*, *рябина*, *малина*, *смородина*; *голубика*, *ежевика*, *земляника*, *клубника*, *костяника* и пр. Функционирование этих элементов парализовано тем, что в природе практически не возникает новых разновидностей ягод. Значит ли это, что суффиксы– *ина* и– *ика* являются мертвыми элементами, характеризующими только морфологию ранее созданных слов? Можно полагать, что нет, так как большинство названий ягод оформлено одним из этих суффиксов. Последние, следовательно, не утрачивают ассоциации с указанной семантической категорией.

При синхронном исследовании словообразования необходимо иметь в виду принципиальную разницу между замкнутостью понятийного (лексического) класса и замкнутостью словообразовательного ряда. Последняя обычно характеризуется тем, что соответствующая лексическая категория начинает обслуживаться другими языковыми (не обязательно словообразовательными) средствами. Можно, например, говорить о непродуктивности суффикса – (*i*)*ento* (ср. *grasiento*, *avariento*, *polvoriento*), поскольку его значение принял на себя элемент – *oso* (ср. *arenoso*, *pastoso*, *generoso* и даже *grasoso*, *avaricioso*, *polvoroso*). Однако неправильно относить к диахронии такие аффиксы, как исп. – *astro*, рус. – *ина*, – *ика*, англ. *step-*.

Число неологизмов, а также объем структурных классов слов могут зависеть от движения понятийного состава лексики, от ее смыслового развития и несколько не отражать эволюции языковой структуры. Например, суффикс – *astro* практически не создает новых слов. Такой элемент, как – *eño*, напротив, активно образует в испанском языке относительные прилагательные от топонимов (ср. *extremeño*, *madrileño*, *malagueño*, *porteño*). Однако, наряду с – *eño*, в этом же значении функционируют и другие суффиксы, такие как – *ense*, – *és*, – *ero*, – *ano*, – *ino*. Они синонимичны и обладают сравнительной активностью, которая определяется по числу производных и их географической предопределенностью.

Продуктивность аффикса может быть ограничена, как уже упоминалось, количеством основ, к которым он присоединяется, согласно условиям своего функционирования. Так, суффикс относительных прилагательных – *uno* сочетается почти исключительно с названиями животных. Число подобных слов практически не увеличивается, ср. *conejuno*, *lebruno*, *sabruno*, *zorruno*, *caballuno*, *vacuno*, *ovejuno*, *abejuno*. Суффикс – *udo* присоединяется к названиям частей тела, ср. *cabezudo*, *narigudo*, *orejudo*, *panzudo*, *dentudo*. В этом случае количество производящих основ еще ограниченной, тем более что есть исключения: (*manudo), а

⁵¹ Любопытно сравнить испанский суффикс – *astro* с элементом– *им*, входящим в такие русские слова, как *отчим*, *побратим*. Суффикс– *им* не относится к действующему словообразованию именно потому, что он не оформляет всей группы слов близкого значения. Его функция не выражена поэтому вполне отчетливо. В ином положении находится английский элемент *step-*: ср. *step—mother*, *step—father*, *step—brother*, *step—sister*, *step—daughter*, *step—son* и др.

также суффикс—соперник —ón (*narigón*). Жизнедеятельность этого рода аффиксов зависит, следовательно, от числа основ, с которыми они могут сочетаться. Если база словопроизводства полностью охвачена данными элементами, их дальнейшая активность парализуется. Это условие, ограничивающее продуктивность словообразовательного типа, связано с его лингвистической структурой (об этом ниже), но оно зависит также и от понятийного состава лексики языка. Продуктивность аффиксов определяется сравнением количества слов, могущих служить основой деривации, с числом реально существующих производных. Так, любопытно сопоставить число прилагательных типа *cabezudo*, *orejudo* с количеством существительных, обозначающих части тела.

Очевидно, что активность суффикса – *udo* распространяется прежде всего на имена наблюдаемых частей тела. Они характеризуют внешний облик человека. Едва ли возникает нужда расширять его действие на имена внутренних органов: ср. **riñonudo* (от *riñón* 'почка'), **higadudo* (от *hígado* 'печень'). Вряд ли также может возникнуть потребность в прилагательном **ombligudo* 'пупастый'.

Употребительно *barrigón* и *barrigudo* 'пузатый', но не встречается **intestinado* (от *intestino* 'кишка'), хотя можно допустить такое употребление во врачебной или кулинарной практике, а также в фигуральном смысле, если учесть, что имена внутренних органов имеют много переносных значений.

Таким образом, названия частей тела охотно образуют производные, не избегая при этом употребление суффикса – *udo*, имеющего увеличительное значение. Для суффикса – *udo* важна не столько увеличительность как таковая, сколько размер объектов, создающих внешний образ живых существ. Впрочем, встречаются и исключения, ср. *cojudo* 'некастрированный, нехолощенный (о животном)'. Испанский Академический словарь (RAE 1956) возводит это слово к лат. *colex* анат. 'яйцо, семенник', хотя оно наводит на мысль о *cojones*.

Прием количественного сопоставления производящих слов и их дериватов эффективен, если в смысловом отношении возможно образование производного от любого слова, принадлежащего к данной категории. Суффикс – *dor*, входя в структуру прилагательных, указывает на активное отношение к действию и с точки зрения смысла может присоединяться к любому глаголу. Ср. *hablador*, *conocedor*, *sabidor*, *bramador*, *ladrador*, *mordedor* и пр. Поэтому небезынтересно выяснить, действительно ли он сочетается с основами всех глаголов, абсолютна ли его словообразующая активность и если есть ограничения, то чем они вызваны. Этот же суффикс создает названия лица по профессиональному признаку. Очевидно, что не всякое действие, выражаемое глагольной основой, может быть профессиональным. Сопоставление числа производных с числом производящих основ оказывается в данном случае нецелесообразным. Здесь активность модели определяется мерой надобности.

Рассмотрим теперь собственно лингвистические факторы, определяющие активность элементов словообразования.

6. Лингвистический аспект продуктивности словообразовательных моделей

Функционирование словообразовательных типов ограничено различными лингвистическими причинами. Последние зависят от тех направлений, в которых развивается словообразовательная аналогия. Активность одних аффиксов лимитирована основами определенного лексического значения. Так, суффиксы относительных прилагательных—*ешо* и *—ense* присоединяются преимущественно к основам топонимов. Ср. *malagueño, madrileño, ciudad—realeño, guadalajareño, calatraveño, alpujareño, rioplatense, alavense, almeriense, ni—caraguense, costarricense, etc.* Суффикс *—его*, выполняющий в языке ту же роль, этого ограничения не имеет, ср. *civilero, frontero, costero, verdadero, callejero, rionegrero, cartajenero, pampero, valdepeñero, manzanillero*. Словообразующая активность *—еño* и *—ense* оказывается как бы не в силах преодолеть лексическую аналогию, обуславливающую их применение. Они ориентированы на узкую категорию слов. Другие элементы тяготеют к основам определенного морфологического строения. Суффикс *—í—а* присоединяется большей частью к основам с исходом на *—ег—о*, ср. *pedrería, bachillería, panadería, mercadería, librería, lechería*. В результате этого сцепления в языке возник самостоятельный суффикс *—ería*, ср. *correría, niñería, burlería, sofistería, albañilería, bobería, aldeanería, mironería, gitanería, mentecatería, bellaquería, chiquillería*. Суффикс существительных *—е—о* обра—зует имена от глаголов на *—е—ar*, ср. *zapatear—zapateo, patear—pateo, titubear—titubeo, vocear—voceo, pasear—paseo, manotear—manoteo, relampaguear—relampagueo*.⁵² Суффикс *—агю* сочетается с основами книжных слов, латинизмов, и это сильно сужает сферу его применения, ср. *bibliotecario, humanitario, subsidiario, bancario, destinatario*. Корневой элемент *—forme* присоединяется только к латинским основам, участвуя в образовании специальных терминов. Ср. *pisciforme, filiforme, digitiforme, periforme, esteliforme, cuneiforme, caliciforme, peniforme, lingüiforme*.

Напротив, такой суффикс, как *—(i)ego*, примыкает к основам народных слов (*voces populares*). Ср. *salariego, andariego, mujeriego, manchego, vinariego, aldeaniego*. Это обстоятельство также лимитирует продуктивность модели. Образование отглагольных имен при помощи конечных гласных *—о*, *—а*, *—е* невозможно в тех случаях, когда производящий глагол имеет неправильные формы спряжения и не обладает единой основой. Так, при общей большой продуктивности этой модели словообразования отсутствуют производные от таких глаголов, как *ser, estar, tener, ver, saber, conducir, decir* и пр.

Словообразование может быть затруднено факторами фонетического порядка, связанными с адаптацией звукового состава основ к присоединяемому компоненту. Так, в образовании сложных прилагательных типа *manilargo* участвуют почти все названия частей тела. Ср. *ojituerto, alicortado, perniquebrado, patizanco, pelirrojo, pancir—relleno, bracitendido, culiblanco, uñilargo, corniabierto, cuellilargo, casquivano, cabeciduro, rostrituerto, cariblanco, pechirrojo, colilargo, barbilampiño, boquiseco, piquituerto, sejjunto*. Однако отсутствует композиция с основами таких слов, как *labio, pie*, и некоторых других. Можно полагать, что это вызвано фонетическими причинами: наличием *i—* основы и угрозой хиата.

Следует заметить, что противодействие, оказываемое словообразованию звуковой оболочкой слова, является устранимым. В языке обычно вырабатываются варианты модели, использование которых не нарушает его фонетических норм. Ср. такие варианты испанских

⁵² Тяготение к основам определенной морфологической и фонетической структуры обычно характеризует синонимические типы словообразования. Так, суффикс *—ино* присоединяется к топонимам, основы которых содержат *a* или оканчиваются на *—а* (*granadino, bilbaíno, alcaláino*). Суффикс *—és* сочетается преимущественно с основами с исходом на *g* или плавную (*vigués, lugués, coruñés, torés, roncalés*).

суффиксов, как – ano | – ino, – dad | – idad. Поэтому едва ли можно согласиться с учеными, видящими одну из основных причин упадка французской деривации в том, что большинство основ французского языка оканчивается на гласную, которая, в сочетании с начальной гласной суффикса, давала хиат.⁵³ Неспособность модели преодолеть звуковое сопротивление материала чаще всего является признаком ее общей непродуктивности, вызванной иными причинами.

Некоторые модели словообразования активны только в рамках определенной синтаксической конструкции. Например, префикс *re-* (*rete-*), выражающий повторность или эмфазу, обладает жизненной силой только в сочинительных словосочетаниях с союзом *y* 'и'. Ср. *gusto y regusto, cambio y recambio, vueltas y revueltas, pruebas y repuebas, viejo y reviejo, pasado y repasado, pensado y repensado, mugriento y retemugriento, bien y rebien, viva y reviva*. В словосочетаниях этого типа встречаются и другие префиксы, выражающие эмфазу и совсем непродуктивные в этом значении, ср. *unto y bisunto, sudar y trasudar*. Напротив, в усилительных сочетаниях другой структуры, а именно, в конструкциях с союзом *pero* 'но', распространенных в разговорном языке, префикс *re-* никогда не замещает наречия. Ср. *malo, pero muy malo; bien, pero muy bien; malo, pero muy malo*. Это говорит в пользу того, что выбор средства выражения эмфазы зависит от строения словосочетания и характерной для него интонации.

Активность словообразовательных типов обусловлена в некоторой степени и семантическим соотношением внутри коррелирующей пары. Если последнее регулярно, создание неологизма не требует поисков производящей основы. Так, имена деятеля образуются от названия соответствующего действия, собирательные имена – от названий отдельных предметов и пр. Выбор производящей основы не является в таких случаях произвольным. Однако не все типы словообразования обладают этим свойством. Существуют модели, допускающие значительное варьирование внутренней формы. Например, русские названия ягод создаются от прилагательных, указывающих на самые различные признаки сорта. Ср. *клубника, земляника, рябина, костяника, черника, брусника* и др. То же относится к таким испанским названиям цвета, основанным на сравнении, как *morado, rosado, violado, plateado, rajado, nevado; plomizo, cobrizo, pajizo; cetrino, alabastrino, perlino*. Деривация, опирающаяся на образное представление, наименее грамматизована, наиболее лексична, конкретна, индивидуальна.

Перечисленные ограничения продуктивности связаны с самой функциональной структурой модели. В области деривации это, по существу, пределы сочетаемости аффиксов. Некоторые элементы безразличны к лексическому, морфологическому и фонетическому свойствам основы, другие относятся к основам избирательно. Одни модели нейтральны в стилистическом отношении, другие обслуживают частную стилистическую сферу языка. Чем больше дополнительных оттенков сопровождает основное значение модели, тем более ограниченным оказывается ареал ее действия. Разные типы словообразования имеют разное число границ, очерчивающих область их применения.

Существуют и другого рода лингвистические факторы, лимитирующие активность моделей уже в пределах определенного значения. Мы имеем в виду параллельное употребление синонимических конструкций. Синонимия в области словообразования может трактоваться по-разному. Если подойти к этому вопросу с точки зрения семантической однородности создаваемых слов, их принадлежности к одному лексическому классу, то различаются следующие типы моделей—синонимов. Синонимичными бывают разные виды словообразования. Например, словосложение типа *guardabosque, sacacorchos* соперничает с суффик-

⁵³ См., например, [Dauzat 1931: 73; Camproux 1951]. Ж. Марузо возражал против точки зрения А. Доца, видевшего одну из причин разрушения французской деривации в скоплении гласных на границе основы и суффикса. [Marouzeau 1951: 1955 (с!1. II, 2. Déficience de la derivation)].

сальным словопроизводством типа *deshollinador*, *desclavador* в создании названий инструмента и профессиональной характеристики лица. Причины преобладания того или другого вида словообразования чаще всего приходится искать в общих закономерностях развития языковой системы. В испанском языке с его обилием морфологических форм и аффиксальных элементов отдается предпочтение деривации. Синонимичными могут оказаться модели одного вида, обладающие в то же время различной словообразовательной структурой. В рамках лексической категории названий профессии применяется отыменная деривация с суффиксами – *ero* и – *ista* (*vaquero*, *acemilero*, *calcetero*, *violinista*, *florista*) и отглагольное словопроизводство при помощи элементов – *dor* и – *ante* | – *iente* (*regidor*, *cantante*, *dependiente*). Указанные два типа могут давать языку слова—синонимы (*sacacorchos* и *desclavador*), но они не создают вариантов слова. Наконец, могут конкурировать между собой одинаковые по своему строению модели (т. е. синонимические конструкции в собственном смысле этого термина). Ср. – *ada*, – *azo* (*cuchillada*, *sablazo*, *puñetazo*), – *ón* | – *udo* (*cabezón*, *narigón*, *peludo*, *orejudo*), – (с) *ión*; – *miento*, – *ada*, – *dura*, – *anza*, – *encia*, – *a*, – *o*, – *e* (*sublevación*, *llamamiento*, *andanza*, *comienzo*, *desfile*, *toma*, *andadura*, *querencia*, *llegada*, *caída*), – *dad*, – *ez(a)*, – *ura*, – *or* (*tranquilidad*, *gentileza*, *rapidez*, *blancura*, *verdor*). Синонимия этого рода иногда вводит в язык словообразовательные дублеты или варианты слова, ср. *narigón* | *narigudo*; *dulzor* | *dulzura*; *simplicidad* | *simpleza*; *protesta* | *protestación*; *cabezazo* | *cabezada*; *braveza* | *bravura*; *desorientamiento* | *desorientación*; *torpedad* | *torpeza*; *encantamiento* | *encanto*; *desmoché* | *desmocha* | *desmochadura*. Вопрос о причинах преобладания той или иной конструкции не прост. Он обычно решается с учетом стилистической окрашенности создаваемых слов, дополнительных смысловых оттенков, которые они могут выражать, их диалектальной принадлежности, яркости и употребительности так называемого лидирующего слова и других обстоятельств.

Говоря о продуктивности словообразовательных типов, обслуживающих одну лексическую категорию, мы, конечно, вправе сравнивать количества возникающих неологизмов. Эти сопоставления непосредственно характеризуют языковую активность моделей. При наличии параллельных образований, не дифференцировавшихся по значению и стилистической окраске, существенно также обращать внимание на их сравнительную употребительность.

Словообразование современного испанского языка отличается расчлененной системой синонимии, отсутствием унификации, действием перекрещивающихся форм аналогии, наконец, свободой выбора. В него входит большое количество дублирующих друг друга словообразовательных типов. Оно характеризуется неустойчивостью звуковой формы суффиксов, отсутствием системной строгости и однозначности моделей. Выше уже отмечались некоторые примеры словообразовательных синонимов. Приведем еще два—три очень показательных в этом отношении примера. Следующие элементы, соединяясь с названиями цвета, выражают ослабление качества, меньшую интенсивность цвета: – *uzco* (*parduzco*, *verdusco*, *negruzco*), – *usco* (*verduco*), – *uzo* (*negruzo*), – *áceo* (*grisáceo*, *rosáceo*, *violáceo*), – (i) *ento* (*amarillento*), – *enm* (*azulenco*), – *ado* (*azulado*), – *izo* (*rojizo*, *bermejizo*, *blanquizo*), – *ecino* (*blanquecino*), – *esco*, – *izco*, – *isco* (*blanquesco*, *blanquizco*, *blanquisco*), – *ino* (*azulino*), – *oso* (*azuloso*, *amarilloso*, *verdoso*).⁵⁴

В результате функционирования этих типов словообразования возникают многочисленные варианты слова. Ср. *azulenco*, *azuloso*, *azulado*, *azulino*; *blanquecino*, *blanquizo*, *blanquizco*, *blanquesco*, *blanquisco*, *blancazo*, *blanquinoso*.

⁵⁴ Почти все приведенные прилагательные взяты из одного произведения. См.: А. Arraiz. Dámaso Velázquez. Caracas, 1944. P. 13, 18, 19, 40, 72, 121, 135, 146, 200, 206, 208, 211, 213, 214, 215, 216, 217.

Очень большое количество суффиксов присоединяется к основам топонимов. Ср. –ense (rioplatense), –és (cardobés) –ero (santiaguero), –eño (malagueño), –ano (sevillano), –ino (granadino), –(i)ego (manche-go), –ista (penquista), –teco (guatemalteco), –ita (moscovita), –í (zamorí), –oso (terrinchoso).

На пестроту действующих в этой области моделей обращали внимание многие языковеды. Так, Р. Ленц замечает: «Странно, что испанский язык не выработал нормального способа для того, чтобы образовывать названия жителей областей и городов». ⁵⁵ Вполне понятно, что обилие суффиксов, соединяющихся с основами топонимов, объясняется диалектальными особенностями речи Испании и Латинской Америки. Так, на севере Испании предпочтение отдается суффиксам –ano, –ino, –és, в южных провинциях продуктивны суффиксы –eño, –ego; –(i)ego распространен в Кантабрии ⁵⁶ и пр. Следовательно, одной из причин отсутствия унификации в системе испанского словообразования является сохранившаяся диалектальная раздробленность языка.

Любопытно, что при общей непродуктивности испанских относительных прилагательных в языке встречается немалое количество параллельных производных от одной основы, включающих редкие, а иногда даже единичные суффиксы. Подобные образования (среди них встречаются и латинизмы) дифференцируются между собой по кругу сочетаемости с определяемым: ср. resguardo terrestre, transporte terrestre, la superficie terrestre, paraíso terrenal, hombre terrenal. Есть прилагательные, которые приняты лишь в одном—двух соединениях. Например, terráqueo 'земной' комбинируется только с существительными globo 'шар' и esfera, образуя устойчивые словосочетания.

Этот пример свидетельствует о том, что обилие аффиксальных элементов, обладающих сходной функцией, не всегда является признаком продуктивности словопроизводства в рамках данной лексической категории.

Значения, свойственные словообразовательному типу, могут выражать и синтаксические конструкции, дублирующие содержание слова. Так, наряду со сложными прилагательными типа manilargo употребляются перифрастические сочетания, такие как largo de manos, de manos largas, con las manos largas. Относительные прилагательные функционируют параллельно сочетаниям de + существительное. Ср. la labor propagandística = la labor de propaganda; la lógica aristotélica = la lógica de Aristóteles, las balas civiles = las balas de los civiles, la sociedad estudiantil = la sociedad de los estudiantes.

Рост или падение активности моделей, синонимичных словосочетаниям, могут свидетельствовать о сдвиге во всем грамматическом строе языка, о перераспределении его концептуального содержания между синтаксисом и словообразованием (лексикой). Ср. разрушение аффиктивного словообразования в английском и французском языках. ⁵⁷

Иногда значение, характеризующее элемент словообразования, может быть выражено также самостоятельным словом, т. е. средством лексики языка. Это прежде всего относится к суффиксам субъективной оценки, ср. una mesita = una mesa pequeña, grandote = muy grande, mujercita = una mujer pequeña, mujeron = una mujer grande, mujeronaza = una mujer enorme, etc.

Итак, количественная продуктивность словообразовательных типов зависит от собственно языковых факторов, а также от развития понятийного содержания лексики. Абсолютно и неограниченно продуктивными должны быть, по—видимому, признаны те модели, действие которых не наталкивается на препятствия лингвистического порядка. Строение таких моделей гармонирует с грамматическим и фонетическим строем языка и закономерностями развития его лексики. По продуктивным моделям испанские слова создаются по

⁵⁵ [Lenz 1935: 185].

⁵⁶ Подробнее см. [Sachs 1934: 393–399].

⁵⁷ Ср., например, [Dauzat 1955].

мере необходимости в процессе речевого общения почти с такой же легкостью и свободой, с которой конструируются словосочетания и парадигматические формы слова.

Подведем некоторые итоги. Построение синхронной системы словообразования невозможно без предварительного анализа активности моделей. Последний производится при помощи различных приемов исследования, выбор которых обусловлен значением и структурой модели, условиями ее функционирования, ее языковым окружением. Изучая модели, обслуживающие замкнутые лексические категории, мы обращаем внимание на структуру слов, относящихся к данному разряду. Если словообразование опирается на четко определившуюся, поддающуюся учету производящую базу, полезно сопоставить число производных с количеством производящих основ. При наличии синонимических типов словообразования важно выяснить не только сам факт активности моделей, но и их сравнительную продуктивность. Последняя определяется количеством неологизмов и их общеупотребительностью. В этом случае полезно использовать при изучении синхронного состояния языка факты его недавней истории. Если параллельно с моделью словообразования применяются синтаксические конструкции или лексические средства выражения данного значения, существенно принимать во внимание не только сам факт создания неологизмов, но и их распространенность по сравнению с описательными оборотами. Сведения о степени употребительности важны и тогда, когда в языке существуют словообразовательные синонимы или варианты слова. Анализируя причины роста или падения продуктивности модели, следует обращать внимание на те средства выражения, которые принимают соответствующее языковое значение, либо, наоборот, постепенно его утрачивают.

Литература

- Арутюнова 1959 – Н. Д. Арутюнова. Статьи Марчанда по теории синхронного словообразования // ВЯ. 1959. № 2. С. 127–131.
- Винокур 1946 – Г. О. Винокур. Заметки по русскому словообразованию // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. V. Вып. 4.
- Глисон 1959 – Г. Глисон. Введение в дескриптивную лингвистику: Пер. с англ. М., 1959.
- Косерю 1963 – Э. Косерю. Синхрония, диахрония и история // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Смирницкий 1948 – А. И. Смирницкий. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филол. факта МГУ. Вып. 5. М., 1948.
- Balufér 1920 – J. Alemany Bálufér. Tratado de la formación de palabras en la lengua castellana. Madrid, 1920.
- Bloch, Trager 1942 – В. ВЪоИ, G. Jrager. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942.
- Bloomfield 1933 – L. Bloomfield. Language. New York, 1933.
- Bolinger 1948 – D. L. Bolinger. On defining the morpheme // Word. 1948. Vol. 4. № 1.
- Brunot 1953 – F. Brunot. La pensée et la langue. 3 éd. Paris, 1953.
- Bustos 1986 – Bustos Gisbert E. La composición nominal en español. Salamanca, 1986.
- Camproux 1951 – Ch. Camproux. Déficience et vitalité de la dérivation // Le français moderne. 1951. № 3. Coseriu 1952 – E. Coseriu. Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952.
- Dauzat 1931 – A. Dauzat. Tableau de la langue française. Paris, 1931. Dauzat 1955 – A. Dauzat. Les diminutifs en français moderne // Le français moderne. 1955. № 1. Gleason 1956 – H. A. Gleason. An Introduction to Descriptive Linguistics. New York, 1956.
- Gramatica 2000 – RAE. Gramática descriptiva de la lengua española. Madrid, 1999; 2000.
- Greenberg 1957 – J. H. Greenberg. Essays in linguistics. New York, 1957. Harris 1942 – Z. Harris. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. 1942. Vol. 18. № 3. Harris 1946 – Z. Harris. From morpheme to utterance // Language. 1946. Vol. 22. № 3.
- Harris 1951 – Z. Harris. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951. Harwood, Wright 1956 – F. W. Harwood, A. M. Wright. Statistical studies of English word—formation // Language. 1956. Vol. 32. № 2. Hockett 1947 – Ch. Hockett. Problems of morphemic analysis // Language. 1947. Vol. 23. № 4.
- Hockett 1957 – Ch. F. Hockett. Idiom formation. «For Roman Jakobson». The Hague, 1957.
- Householder 1952 – F. Householder. [Рец. на кн.:] Zellig S. Harris. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951 // International Journal of American Linguistics. 1952. Vol. 18. № 4.
- Lenz 1935 – R. Lenz. Oración y sus partes. Madrid, 1935.
- Marchand 1951a – H. Marchand. Esquisse d'une description des principales alternances derivatives dans le français d'aujourd'hui // Studia linguistica. 1951. Vol. 5. № 2.
- Marchand 1951b – H. Marchand. Phonology, morphology and word—formation // Neuphilologische Mitteilungen. 1951. Vol. LII. № 3–4. Marchand 1953 – H. Marchand. The question of derivative relevancy and the prefix *s—* in Italian // Studia linguistica. 1953. Vol. VII. № 2. Marchand 1954a – H. Marchand. Notes on English prefixation // Neuphilologische Mitteilungen. 1954. Vol. LV. № 7–8. Marchand 1954b – H. Marchand. Über zwei Prinzipien der Wortableitung in ihrer Anwendung auf das Französische und Englische // Archiv für das Studium der neueren Sprachen. 1954. Bd. 190. Hft 3. Marchand 1955a – H. Marchand. Notes on nominal compounds in present—day English // Word. 1955. Vol. 11. № 2. Marchand 1955b – H. Marchand. Synchronic analysis and word—formation //

Cahiers Ferdinand de Saussure. 1955. № 13. Marchand 1956 – *H. Marchand*. Compounds with locative particles as first elements in present—day English // *Word*. 1956. Vol. 12. № 3. Marchand 1957a – *H. Marchand*. Motivation by linguistic form // *Studia neo— philologica*. 1957. Vol. XXIV. № 1. Marchand 1957b – *H. Marchand*. Compound and pseudo—compound verbs in present—day English // *American Speech*. 1957. Vol. 32. № 2. Marouzeau 1951 – *J. Marouzeau*. Les déficiences de la dérivation française //

Le français moderne. 1951. № 1. Marouzeau 1955 – *J. Marouzeau*. Notre langue. Paris, 1955. Murphy 1950 – *S. Murphy*. A Description of Noun Suffixes in Colloquial

Mexican Spanish. Illinois Univ., 1950. Murphy 1954 – *S. Murphy*. A description of noun suffixes in colloquial Spanish //

Descriptive Studies in Spanish Grammar. Urbana, 1954. Newman 1948 – *S. Newman*. English suffixation: a descriptive approach //

Word. 1948. Vol. 4. № 4. Nida 1946 – *E. Nida*. Morphology: The Descriptive Analysis of Words. Univ. of

Michigan Press, 1946. Nida 1948a – *E. Nida*. The analysis of grammatical constituents // *Language*. 1948. Vol. 24. № 2.

Nida 1948b – *E. Nida*. The identification of morphemes // *Language*. 1948. Vol. 24. № 4.

Pichon 1942 – *E. Pichon*. Les principes de la suffixation en français. Paris, 1942.

Pike 1954 – *K. L. Pike*. *Language*. Vol. I. California, 1954.

RAE 1956 – Real Academia Española. Diccionario de la lengua española. Vol. 18. Madrid, 1956.

RAE. Esbozo 1973 – Real Academia Española. Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid, 1973. Sachs 1934 – *Sachs*. La formación de los gentilicios en español // *Revista de la filología española*. 1934. Vol. XXI. Togeby 1951 – *K. Togeby*. Structure immanente de la langue française. Copenhagen, 1951.

Thorndike, Lorge 1944 – *E. L. Thorndike, I. Lorge*. The Teacher's Word—Book of 30 000 Words. New York, 1944.

Voegelin 1947 – *C. F. Voegelin*. A problem in morpheme alternants and their distribution // *Language*. 1947. Vol. 23. № 3.

Сокращения источников

Arraiz – *A. Arraiz*. Dámaso Velázquez. Caracas, 1944. Unamuno – *M. de Unamuno*. San Manuel Bueno, mártir y tres historias más. Buenos Aires, 1945.

Глава II О СИНТАКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ СЛОВ В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ^{2}

Важным аспектом синтаксиса является изучение и описание сочетаемости слов, т. е. тех отношений, которые Ф. де Соссюр называл синтагматическими, или линейными, а американская дескриптивная школа – дистрибутивными, причем под дистрибуцией понималась сумма всех возможных позиций языкового элемента (для синтаксиса – морфемы). Дистрибуция была положена дескриптивистами и в основу классификации морфем, позволив им внести ряд уточнений в выделение морфемных классов и подклассов.

Параллельно с дескриптивистами большое внимание сочетаемости слов уделяли и другие лингвисты. Так, почти вся книга Люсьена Теньера «Основы структурного синтаксиса» посвящена анализу синтаксических связей между словами. Л. Теньер пишет, что «понятие связи (соединение) лежит в основе всего структурного синтаксиса. Поэтому трудно переоценить важность этого понятия».⁵⁸ Изучение синтаксической сочетаемости слов было предпринято Л. Теньером в целях наибольшего проникновения в строй предложения и в меньшей степени связано с классификацией слов. Имеется также большое количество работ, в которых исследуются методы выявления синтаксических отношений между словами в рамках программ для автоматического перевода.⁵⁹

---

⁵⁸ [Tesniere 1959: 12].

⁵⁹ [Ревзин 1961; Волоцкая 1961 и др.].

I

Исследование синтагматических отношений между словами отличается от анализа словосочетаний. Последние образуют лишь замкнутые конструкции. Связь между членами словосочетания обусловлена и выражена признаками, заключенными в нем самом, и не зависит от общего строя и формы предложения, а также его интонационного рисунка. Интонация, следовательно, не является существенным признаком словосочетания. Напротив, изучение синтаксических связей должно охватывать все возможные случаи соединения слов в предложении, многие из которых оказываются обусловленными более широким синтаксическим контекстом, т. е. признаками, лежащими за пределами данной пары слов. Поэтому, анализируя нормы сочетаемости слов, следует установить не только сам факт возможности того или иного соединения, но и необходимые и достаточные условия его реализации в предложении. Эти условия и будут существенными, постоянными признаками данной синтаксической структуры.

В качестве иллюстрации сказанного выше сравним следующие два сочетания: *las orejas gachas* (букв. 'уши опущенные', означает 'опущенные уши') и *gachas las orejas* (букв. 'опущенные уши', означает 'опустив уши, с опущенными ушами'). Конструкция *las orejas gachas*, образующая словосочетание, не нуждается в более развернутом синтаксическом контексте для анализа своей формы. Она мыслима также в отвлечении от определенной интонации. Напротив, сочетание *gachas las orejas* возможно только при наличии некоторых дополнительных условий. К их числу принадлежит интонационное оформление, ставящее сильный акцент на атрибут (*gachas*) и выделяющего все сочетание, а также отнесенность всего сочетания к субъектно—предикатной паре. Ср. ...*ensillé chiflando mi petizo que dormitaba, gachas las orejas, resoplando a intervalos con disgusto* (Sombra, 74) ...насвистывая, я оседлал мою лошадку, которая дремала, опустив уши и временами недовольно фыркая'.

Конструкции, подобные приведенной, как бы наделены способностью «предсказывать» отдельные черты того синтаксического контекста, в который они включены. Словосочетания этой способностью не обладают. В теорию словосочетаний входит анализ лишь тех синтаксических отношений, которые обусловлены признаками, заключенными в паре связанных между собой слов. Поэтому многие словесные связи, весьма существенные для структуры предложения, не попадают в сферу теории словосочетания. К их числу относятся, например, конструкции с обособленными определениями, форма которых немислима в отрыве от интонации, определительные сочетания с личными местоимениями и др. Мы уже не говорим о всякого рода предикативных отношениях, которые принципиально исключаются из теории словосочетаний и относятся к теории предложения. Очевидно, таким образом, что далеко не все связи, участвующие в построении предложения, создают словосочетания. Следовательно, предложение не может быть без остатка разделено на словосочетания. Если видеть в словосочетаниях лишь бинарные конструкции, то членение предложения на словосочетания приведет к выделению ряда частично перекрывающих друг друга отрезков, что не свойственно другим единицам языка, таким, как фонема, морфема, слово, предложение. Для всех этих единиц характерно, что отрезки речи, анализируемые на разных лингвистических уровнях, членятся на них полностью и без остатка. Словосочетание не может быть поставлено в один ряд с другими единицами языка, поскольку в противном случае само понятие основной лингвистической единицы утратило бы четкость. Поэтому едва ли можно видеть в словосочетании простейшую единицу синтаксиса. Изучение словосочетаний как особой грамматической категории имеет основание лишь постольку, поскольку оно выделяет особый способ синтаксической связи, непредикативной, не обусловленной определенной интонацией и образующей замкнутую конструкцию.

II

Способность слова сочетаться с другими словами принято называть его синтаксической валентностью, хотя само это понятие не получило однозначного определения. С. Д. Кацнельсон, впервые применивший этот термин в отечественном языкознании, назвал валентностью «свойство слова определенным образом реализоваться в предложении и вступать в определенные комбинации с другими словами».⁶⁰ Б. М. Лейкина считала целесообразным расширить понятие валентности, применив его к сочетаемости других единиц языка (фонем, морфем, конфигураций и пр.).⁶¹ Т. П. Ломтев полагал, что предикативные отношения в предложении складываются на основе каких—то других, не валентных, свойств слова. Валентность, следовательно, по мнению Т. П. Ломтева, это только свойство слова образовывать сочетания непредикативного характера. Нам представляется целесообразным называть валентными такие свойства сочетаемости слова, которые зависят от его принадлежности к определенному лексико—грамматическому разряду (классу или подклассу). С этой точки зрения на основе валентных свойств слова могут возникать как предикативные, так и непредикативные отношения. Сочетаемость глагола в личной форме с подлежащим (*я пришел, человек работает*) является реализацией субъектной валентности глагола, поскольку зависит от класса, к которому принадлежит управляющее слово (т. е. глагол в личной форме). Изменение класса (например, постановка глагола в инфинитиве или переключение его в разряд отглагольных имен) влияет на нормы сочетаемости с субъектом действия (ср. *мне работать, моя работа* или *человеку работать, работа человека*). При этом сочетаемость с субъектом не создает словосочетаний в случаях, когда субъект выражен дат. падежом. Этот способ соединения слов не является реализацией субъектной валентности глагола. Как только в сочетаемость слов в предложении вовлекаются предикативные отношения, конструкция не образует слово.

Таким образом соединение слов в предложении и словосочетании следует разным правилам. Это очень заметно в испанском синтаксисе, в котором в предикативные отношения вовлечены неличные формы глагола. В испанском языке способность сочетаться с прямым падежом субъекта свойственна не только глаголу в личной форме, но также инфинитиву и герундию, объединяя все три формы в один дистрибутивный класс. Ср., *yo trabajo* 'я работаю', *trabajar* уо 'работать я', *trabajando* уо 'работая я'. Отглагольному имени, однако, подобная сочетаемость уже не свойственна. Ср. *mi trabajo* 'моя работа'. В английском языке с прямым падежом соединяется только глагол в личной форме, субъект действия при герундии оформляется, так же как при отглагольном существительном, притяжательным местоимением или посессивным падежом имени (*my working, John's working*), а инфинитив совсем лишен субъектной валентности. Способность глагольных форм соединяться с субъектом действия различна в разных языках, но везде она определяется тем разрядом, к которому принадлежит опорное слово.

⁶⁰ [Кацнельсон 1948: 132].

⁶¹ [Лейкина 1961]. В этой статье содержится подробный анализ разных типов валентностей, свойственных единицам языка.

III

К числу тех вопросов, которые возникают при изучении комбинаторных свойств слова, относится проблема занятости синтаксической валентности.

Синтаксические валентности слова неоднородны, что обусловлено отчасти формой выражения отношений между словами. Рассмотрим в качестве иллюстрации валентные свойства глагола в испанском языке. Глагол, как известно, обладает рядом валентностей,⁶² из которых мы остановимся на трех основных. Первая из них дает глаголу возможность соединяться с подлежащим, две другие – с прямым и косвенным дополнениями. Принципиально разный характер этих валентностей проявляется в случае их незанятости.

Отнесенность глагола к субъекту действия в испанском языке выражена в самой морфологической форме глагола, поэтому подлежащее, особенно в первом и втором лицах, очень часто опускается. Вполне понятно, что в этих лицах субъект действия может быть выражен только местоимениями, указание на которые всегда содержится в глагольной флексии. В третьих лицах подлежащее может быть выражено не только местоимениями, но и существительными (и их субститутами). В этом случае оно легко опускается. Однако эллипс подлежащего не может быть основанием для того, чтобы считать «субъектную» валентность глагола незамещенной, поскольку форма глагола всегда указывает на отнесенность к субъекту и на характер последнего. Об этом, между прочим, свидетельствует и тот факт, что опущенное подлежащее может иметь в испанском языке определения в морфологически согласованной форме: Ср.: *Inmóvil miré alejarse... aquella silueta de caballo y jinete* (Sombra, 26) 'Неподвижный, я смотрел как удаляется. силуэт лошади и всадника'.

В безличных и неопределенно—личных предложениях отсутствие подлежащего целесообразней всего расценивать как своего рода нулевой субъект, поскольку субъектная валентность глагола в данных условиях замещена быть не может. Не следует, по—видимому, рассматривать безличные глаголы как лишенные субъектной валентности. В этом последнем случае трудно было бы объяснить личную форму глагола, поставленного в третьем лице единственного числа; ср. *amanece, hace frío, llueve* 'рассветает', 'холодно', 'идет дождь'. Субъект безличного глагола и сочетаний, содержащих безличный глагол (типа *empieza a amanecer* 'начинает рассветать', *comenzó a llover* 'пошел дождь'), не может быть конкретизирован по семантическим причинам, поэтому он и не выражается именем, однако он мыслится как обладающий грамматическими категориями лица и числа.

В неопределенно—личных предложениях отсутствие субъекта несет некоторую смысловую нагрузку, и хотя нет причин говорить об эллипсе подлежащего, нельзя в то же время считать субъектную валентность глагола незамещенной, поскольку она не может быть занята ни местоимением, ни именем.

Иначе обстоит дело в испанском языке с п р я м ы м д о п о л н е – н и е м переходного глагола. Его объект всегда присутствует в предложении, местоимение появляется даже в тех случаях, когда оно не соотносится ни с каким конкретным именем. Ср. *que lo pase bien* 'пусть все будет хорошо'; 'всего хорошего'. Если при переходном глаголе отсутствует дополнение, это свидетельствует лишь об утрате им объектной валентности, о наличии в языке двух лексико—син—таксических вариантов данного глагола, ср. *saber leer* 'уметь читать' и *leer un libro* 'читать книгу'. Объектная валентность переходного глагола, следовательно, не

⁶² Под одной валентностью подразумевается свойство слова сочетаться либо с членами одного определенного класса слов, либо со словами, принадлежащими к разным классам, при условии, если они находятся в отношении дополнительной дистрибуции, т. е. замещение валентности словом одного класса исключает одновременное замещение ее словом, принадлежащим к другому классу. Так, сочетаемость глагола с инфинитивом лишает его возможности соединяться с прямым дополнением. Ср. *хочу есть и хочу пирога*.

бывает незанятой, причем невозможен также эллипс прямого дополнения. Это положение распространяется и на косвенно—переходные глаголы типа *apoderarse de* 'захватить что—либо', 'завладеть чем—либо'.

Наконец, отношения глагола с прочими дополнениями, в том числе с дополнением дательного падежа, носят иной характер. Косвенное дополнение может отсутствовать в предложении. Его отсутствие однако не является эллипсом, а свидетельствует о том, что соответствующая валентность глагола остается свободной, незамещенной, ср. *Lo dijo Juan* 'сказал Хуан' и *Me lo dijo Juan* 'Мне сказал это Хуан'.

Подобный характер валентностей глагола специфичен именно для испанского языка и зависит от особенностей его грамматического строя. В других языках валентные свойства глагола могут быть принципиально иными. Так, например, во французском языке субъектная валентность глагола всегда занята выраженным подлежащим. Эллипс последнего, равно как и его нулевая форма, в нем невозможны. В русском языке, напротив, допустим эллипс не только подлежащего, но и дополнений, как прямого, так и косвенного.

IV

Выше было сказано, что валентными можно считать лишь такие свойства слова, которые определяются его принадлежностью к тому или иному классу и изменяются при изменении класса лексемы; ср. *человек вернулся, человеку вернуться, возвращение человека, возвращающийся человек*. Однако контакты, существующие между словами в предложении, далеко не всегда возникают в результате реализации их валентных свойств. Нередко сочетаемость слова определяется не его принадлежностью к тому или другому разряду, а его функцией в предложении. Иначе говоря, следует различать с и н– таксическую валентность, присущую частям речи, и сочетаемость, характерную для членов предложения. Эту последнюю можно было бы назвать п о з и ц и о н н о й. Наличие позиционной сочетаемости говорит о том, что дистрибутивные признаки далеко не во всех случаях могут служить критерием для распределения слов по классам и подклассам.

Возникновение особых норм сочетаемости, находящихся в прямой зависимости от позиции слова в предложении, нередко обусловлено явлением эллипса элемента—посредника. Поэтому для правильного синтаксического анализа языка немаловажным является решение проблемы эллипса структурного элемента, приводящего к контакту слов, в других условиях между собой не соединяющихся.⁶³ Не всегда легко провести границу между закономерным и эллиптическим отсутствием структурного звена. Не ясно, например, как следует расценивать синтаксические связи в таких русских предложениях, как *Кто куда, а я в сберкассе* или *Кто кого, ты его или он тебя?* Правомерно ли устанавливать непосредственную синтаксическую связь между подлежащим и обстоятельством места или дополнением, играющими роль предикатива? По—видимому, если подходить к эллипсу с лингвистических, а не логических позиций, то правильней говорить не об эллипсе структурного элемента, а о возможности его замены интонационными средствами выражения, об интонационном субституте. Строго говоря, эллипс можно усматривать лишь в тех случаях, когда опущенный элемент употреблен в более или менее широком контексте и может однозначно восстанавливаться в речи, т. е. когда опускается звено лексической, а не грамматической структуры предложения. Поэтому в приведенных и других подобных примерах правильней видеть непосредственную связь между подлежащим и предикативом, выраженную не морфологическими, а фонетическими (интонационными) средствами языка и, следовательно, не существующую вне данного интонационного оформления. Такого рода обусловленность может, однако, быть не только интонационной, но и конструктивной. Например, в испанском языке эллипс герундия связочного глагола в абсолютных оборотах привел к установлению непосредственной связи между подлежащим и предикативом, совершенно независимо от их морфологического выражения. Возможности подобных соединений, однако, ограничены лишь рамками данного синтаксического построения, ср. *Tú allá, quizá sea más fácil para mí arrancar* (Selva, 120), букв. 'Ты там (если ты там будешь, когда ты там будешь), возможно, мне будет легче сдвинуться с места', а также *Que así las cosas, al siguiente día la hubiesen dejado en paz con los crespos y los cuentos* (Memorias, 47), букв. 'Так дела (если бы дело приняло такой оборот), на следующий же день ее бы оставили в покое и не приставали бы с локонами и сказками'.

Контакт между личным местоимением и наречием места в первом предложении и между существительным и наречием образа действия во втором устанавливается не в резуль-

⁶³ Об эллиптических (абсолютных) конструкциях см.: RAE. *Eslozo de la nueva gramática de la lengua española*. Espasa—Calpe. Madrid, 1973. P. 483–499. См. также примеры в кн.: Арутюнова Н. Д. Трудности перевода с испанского языка на русский. 2–е изд. М., 2004. С. 98—104.

тате реализации валентности данных частей речи. Морфологическая форма элементов сочетаний в этом случае безразлична для их сочетаемости. Важна лишь их синтаксическая функция в предложении. Необходимой и достаточной предпосылкой для осуществления подобного синтаксического сцепления является примыкание к полному предложению. Сама по себе, вне данного синтаксического контекста, эта связь немыслима, в отрыве от главного предложения она распадается. Такого рода синтаксические связи, выражающие неполное предикативное отношение (т. е. предикативное, не образующее самостоятельного предложения), структурно обусловлены внешними по отношению к ним элементами, они не создают ни словосочетания, ни предложения. Следует еще раз подчеркнуть, что подобная сочетаемость возникла в результате эллипса связочного глагола, но существует теперь как факт синхронной системы испанского языка, и контакт между элементами конструкции является вполне закономерным. В конечном счете эллипс приводит к созданию новых типов сочетаемости, отличных от норм соединения частей речи.

Факты, подобные отмеченному выше, в испанском языке не единичны. Эллипс подлежащего и связки в некоторых типах придаточных предложений ставит в непосредственный контакт союзное слово и предикатив. Ср. *cuando en la escuela...* 'когда (он был) в школе...', *cuando niño...* 'когда (он был) ребенком...', *donde tú...* 'там где (находишься) ты...'.

Опущение инфинитива перед именным предикативом создало особый тип предложных сочетаний, ср. *...vido que rostriquemados bastaban para testigos del milagro...* (Lazarillo, 117) *...oh* увидел, что людей с обожженными лицами было достаточно, чтобы засвидетельствовать это чудо..

Предлог в таких конструкциях сближается по своей функции с союзом. Напр., *Desde niño había sido muy infeliz* (H. Arena), *Ya de niños se les iban las manos tras los objetos ajenos* (R. Nieto).

Поскольку в русском языке союз и предлог функционально не столь близки, при переводе обычно приходится разворачивать абсолютный оборот в придаточное предложение, либо заменять предикат (обычно прилагательное) именем существительным: *Si entonces no dormía por pobre, ahora no podía sosegar de rico* (M. Cervantes) 'Если раньше ему не давала спать бедность, то теперь его беспокоило богатство', *¿No ha oído decir que más sabe el diablo por viejo que por diablo?* (R. Gallegos) 'Вам не приходилось слышать, что дьявол мудр от того, что он стар, а не от того, что он дьявол?'.

Сочетание существительного с предлогом, казалось бы, является общей нормой испанского синтаксиса. Однако своеобразие построений, о которых сейчас идет речь, заключается в предикативной отнесенности имени к подлежащему всего предложения. Слово *testigos* 'свидетели' не просто присоединяется к глаголу при помощи предлога, но находится в предикативном отношении к *rostri—quemados* 'люди с обожженными лицами'. Этим объясняется отсутствие артикля перед *testigos*. Эллипс связочного глагола создал возможность вводить предикативное определение при помощи предлога: *para (ser) testigos*. Однако такой тип сочетаемости возможен только в положительной форме. При наличии отрицания тяготеющего всегда к глаголу, эллипс связки не происходит. Полный параллелизм позитивных и негативных форм оказывается нарушенным, и двум формам положительным (со связочным глаголом и без него) соответствует одна, полная, форма отрицательная: *para no ser testigos del milagro*.

Опущение инфинитива связочного глагола не только расширило сочетаемость определенных членов предложения, но и раздвинуло диапазон функционирования частей речи, дав возможность прилагательному присоединяться к другим словам (глаголу, прилагательному) при помощи предлога. Ср. *Me dejé estar, ensillando el bayo que elegí por más corajudo y duro para el trabajo* (Sombra, 211) 'Я продолжал седлать буланого, которого выбрал за то что он был смел и вынослив в работе' (букв. 'за более смелого и выносливого в работе'). В приве-

денном предложении глагол—связка может быть введен как посредник между предлогом и прилагательным (...que elegí **por** ser más corajudo y duro). Во многих же других случаях это оказывается невозможным, ср. Díle que lo olvidó todo porque *le conocí de pequeño* (Catedral, 209);.. y tomando una cucharita la llevó a la boca y la probó con la punta de la lengua, a ver si estaba *buena de dulce* (Selva, 130).

В сочетаниях *conocí de pequeño* 'знал его маленького' (букв. 'знал его с малых лет') и *buena de dulce* 'достаточно сладкий' (букв. 'хороший по сладкому') связочный глагол введен быть не может. Таким образом, эллипс инфинитива вызвал в данном случае расширение сферы функционирования прилагательных, которая распространилась за пределы эллиптических конструкций, и сочетаемость с предлогом стала общим синтаксическим свойством данной части речи, его валентностью.

Влияние функции слова в предложении на его синтаксическую сочетаемость является разным в разных языках и, по—видимому, зависит от степени развитости их морфологии. Вероятно, можно было бы утверждать, что в одних языках способность к сочетаемости есть свойство по преимуществу членов предложения, в то время как в других языках оно определяется главным образом принадлежностью слова к той или другой части речи, т. е. его валентностью. К этому последнему типу относятся и романские языки. Однако полное описание структуры предложения в отрыве от анализа синтаксических функций слова оказывается невозможным и в языках этой группы.

V

Важным аспектом синтаксиса, наряду с изучением синтаксической валентности отдельных слов, является анализ свойств сочетаемости эквивалентов слов. Под эквивалентами слов мы подразумеваем конструкции, обладающие семантической целостностью и функционирующие как самостоятельные синтаксические единицы. Чтобы сделать более ясным сформулированное положение, разберем следующее предложение: *Nunca nadie me había mirado tan de frente y tan por partes* (Sombra, 307) 'Никогда никто не разглядывал меня так прямо и так детально' (букв. 'так по частям'). В нем обнаруживается последовательность, состоящая из наречия степени качества, предлога и существительного (*tan de frente, tan por partes*). Однако подобные построения не вскрывают особой валентности занятых в них частей речи. Сочетания *de frente* и *por partes* являются закономерными синтаксическими эквивалентами наречий, принявшими на себя валентность последних. Предлог здесь не служит средством связи наречия и существительного, т. е. не выражает форму зависимости имени от управляющего слова, а входит в структуру наречного предложения, определяемого как нечто целое наречием степени качества (*tan*). Это подтверждается тем, что эквиваленты наречий нередко присоединяются к глаголу при помощи еще одного предлога, выражающего форму их зависимости от другого слова (глагола или существительного), ср. *siete hombres de a pie* (Sombra, 273) 'семеро пеших', *arrancar de a pellizcos* (Там же, 188) 'выщипать', *de a una pasaron bajo mi curiosidad* (Там же, 125) 'они прошли по одному перед моим любопытным взглядом'. В предложении *Y se alborotó la gente de a de veras* 'взбунтовался народ по—настоящему' имеется скопление трех предлогов, свидетельствующее о постепенном поглощении их полнозначным словом. Часть предлогов в этом случае утрачивает способность выражать форму подчинения по отношению к другому внешнему элементу.

Рассмотрим еще два предложения: *Di vuelta al tirador* (Sombra, 270) 'повертел кошелек' и *El caballo se me caía golpeando de atrás y lo dí vuelta tan ligero como pude* (Там же, 127) 'Лошадь у меня падала назад, и я как мог легонько повернул ее'. В них как бы обнаруживаются два прямых дополнения к глаголу *dar*: *vuelta* и *el tirador* – в первом предложении, *vuelta* и *lo* – во втором. Это противоречит общей норме сочетаемости глагола в испанском языке, обладающего лишь одной валентностью, рассчитанной на прямое дополнение. На самом деле в приведенных предложениях употреблен эквивалент глагола *volver* – *dar vuelta*, состоящий из глагола и имени действия. Этот эквивалент перенял способность глагола управлять прямым дополнением и функционирует как одно целое.

Синтаксические эквиваленты нередко возникают в условиях нормальной сочетаемости слов. Так, например, в конструкции *!a poesía de Ronsard* 'поэзия Ронсара' имеет место обычная форма подчинения одного существительного другому, выраженная предлогом. И хотя *de Ronsard* эквивалентно по значению прилагательному *ronsar—diano*, предлог *de* осуществляет здесь наряду с лексической еще и свою обычную синтаксическую функцию. Будучи семантическим эквивалентом прилагательного, сочетание *de Ronsard* может обособляться, становясь его синтаксическим эквивалентом и приобретая его валентность. Постепенно оно переходит и в другие синтаксические позиции прилагательного; например, в позицию предикатива (*es de Ronsard*), позицию после наречия степени качества (*muuy de Ronsard*).

Функционирование синтаксических эквивалентов слова определяется, с одной стороны, валентностью того класса слов, значение которого они передают, с другой стороны, оно зависит и от валентности входящих в эквивалент частей речи. Преобладание того или другого влияния зависит от общей грамматической структуры языка. В языках со сравнительно слабо развитой морфологией синтаксические свойства эквивалентов слов определяются преимущественно характером той части речи, которую они замещают, что уже было

проиллюстрировано испанскими примерами. Теперь приведем пример обратного явления, показав, как синтаксическая валентность наречного предложения формируется под влиянием норм сочетаемости слов, обычно входящих в его состав. Большинство испанских эквивалентов наречий содержит существительное с предлогом. Ср. *en todas partes* 'всюду', *en ninguna parte* 'нигде', *en torno* 'вокруг' и пр. Существительное, входящее в их состав, может соединяться с притяжательным прилагательным (в постпозиции по преимуществу). Например, *en torno mío* 'вокруг меня', *a mi lado* или *al lado mío* 'рядом со мной'. Подобная сочетаемость распространяется и на другие наречия места, в состав которых не входит существительное. Ср. *detrás suyo* (Sombra, 77) 'сзади него', *detrás mío* (Там же, 88) 'сзади меня', *delante mío* (Там же, 12) 'передо мной', *delante suyo* (Там же, 151) 'перед ним', *cerca mío* (Там же, 95) 'близ меня', *cerca tuyo* (Там же, 232) 'близ тебя'. Особенно любопытен тот факт, что наречия места всегда воспринимаются как содержащие существительное мужского рода единственного числа, поскольку притяжательное прилагательное стоит именно в этой форме. Даже если в состав наречия входит существительное женского рода, слившееся с предлогом, притяжательное прилагательное, определяющее данное наречие, все равно ставится в форме мужского рода, ср., *encima nuestro* (Там же, 100) 'над нами'.

Выше было показано, что наречия места усвоили определенный тип сочетаемости, не свойственный им как части речи, потому лишь, что в состав многих наречных эквивалентов входит существительное. Эта дистрибутивная особенность могла бы послужить основанием для выделения их в особый подкласс.

Синтаксические свойства эквивалентов слов еще остаются недостаточно изученными. Для многих языков, особенно для языков аналитического строя может быть создан специальный синтаксис эквивалентов слов, дающий систематическое описание их сочетаемости.

Литература

Волоцкая 1961 – *З. М. Волоцкая*. Один из способов описания словосочетаний стандартизованного русского языка // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 5. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Кацнельсон 1948 – *С. Д. Кацнельсон*. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.

Леикина 1961 – *Б. М. Леикина*. Некоторые аспекты характеристики валентностей // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 5. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Ревзин 1961 – *И. И. Ревзин*. Установление синтаксических связей методом Айдукевича—Бар—Хиллела и в терминах конфигурационного анализа // Доклады конференции по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 2. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Tesniere 1959 – *L. Tesniere*. Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959.

Сокращения источников

Cantaclaro – *Rómulo Gallegos*. Cantaclaro. 1er festival del libro popular venezolano. [Вып. 1]. Catedral – *V. Blasco Ibáñez*. La catedral. Valencia, s. d. Lazarillo – La vida de Lazarillo de Tannes. Madrid, 1936. Memorias – *Teresa de la Parra*. Memorias de Mamá Blanca. 1er festival del libro popular venezolano. [Вып. 2]. Selva – *A. Palacios*. La selva y la fluvia. Moscú, 1958. Sombra – *Ricardo Girdes*. Don Segundo Sombra. Buenos Aires, 1926.

Глава III

О ФУНКЦИЯХ СУФФИКСОВ^{3}

Испанский язык изобилует суффиксами. Ни развитие в нем синтаксических способов номинации – аналитических форм слова, перифраз и перифразирования, ни склонность к созданию простых слов и к заимствованиям из арабского языка, из языков романо–германских, а также из испанских и латиноамериканских диалектов с их аборигенной лексикой, ни даже чрезвычайная активность словосложения нисколько не ущемили в современном испанском языке прав суффиксации. Суффиксация не уступает своих позиций синтаксису. Синтаксис слишком логичен и недостаточно эмоционален. Слово иррационально, решительно и выразительно. Испанский язык предпочитает целостную номинацию расчлененной информации. В современном испанском языке насчитывается более ста суффиксов, включая варианты и этимологические дубликаты. Однако до сих пор лингвисты не озаботились составлением словаря испанских аффиксов.

Чем можно объяснить присутствие в испанском языке столь богатого аффиксального фонда?

Можно думать, что одной из причин является особенность исторического развития испанского языка. В ходе его эволюции постоянно происходило умножение суффиксов, то есть возникали этимологические дубликаты, каждый из которых мог получать индивидуальные семантические, эмоциональные и стилистические коннотации. Так, в разные эпохи суффиксы попадали в испанский язык в составе латинских заимствований – культизмов и семикультизмов, морфологическая структура которых вполне ясно ощущалась говорящими. Обилие заимствований в ту или другую эпоху, однако, не всегда оборачивалось продуктивностью соответствующей словообразовательной модели. Так, начиная с XV в., благодаря притоку культизмов, растет число слов с суффиксом – *tud*, который, однако, не дает новообразований. Большинство латинских суффиксов испанизировалось наследственным путем (*per via patrimonial*), то есть по мере изменения звукового и лексического состава испанского языка. Но и они допускали варьирование, в зависимости от своей принадлежности к тому или другому стилю речи.

Так, в испанском языке выстраивались ряды суффиксов, фиксирующих историческую последовательность развития фонетических форм и их значений. Возникали «родовые династии» слов, восходящих к общему источнику. Ср. лат. – *tate* и его варианты в современном языке: – *tad*, – *dad*, – *edad*, – *idad*. Подробное описание исторического развития испанских суффиксов см. [Dillet 1937–1998].

В предлагаемых ниже заметках ставится проблема смысловой структуры суффиксов. Разумеется, все суффиксы входят в арсенал технических средств словообразования и объединены общим для всех них назначением создания в языке новых слов. Это качество и отличает их от элементов формообразования. Однако в указанных пределах вскрывается сложный и запутанный механизм взаимодействия суффикса и производящей основы, наблюдаются самые различные случаи вхождения суффикса в словопроизводство, свидетельствующие о неоднородности функций, обслуживаемых суффиксами.

В лингвистической литературе неоднократно отмечалось, что суффиксы выполняют две основные функции: смысловую (или модифицирующую) и классифицирующую. В. фон Вартбург, описывая, как к пикардскому *bollenc* 'булочник', включающему германский суффикс лица – *enc* < – *ing*, во французском языке был присоединен еще один агентивный суффикс – *ier* (ср. фр. *boulangier*), отмечает: «Во всех подобных случаях суффикс вводит слово в

более крупный морфологический разряд».⁶⁴ Особенно настойчиво подчеркивал эту мысль В. Брэндаль. Так, в небольшом этюде «Теория словопроизводства», включенном в его «Очерки по общей лингвистике», В. Брэндаль пишет: «Суффикс прибавляет к производящему слову и элемент значения, и классифицирующий формант».⁶⁵

Под классом, показателем которого является суффикс, автор понимает определенный разряд слов внутри той или иной части речи. «Terminus ad quem суффикса с точки зрения класса всегда есть подгруппа в пределах части речи и никогда не бывает целиком той или иной частью речи».⁶⁶

Создавая новое слово, суффикс вводит его в определенный лексико—грамматический класс. В этом, функциональном, плане каждый суффикс связан лишь с одной частью речи.⁶⁷ Понятно, что образовав новое слово, суффикс не выпадает из его состава, он продолжает жить в качестве его компонента. Он является одним из признаков классификации словарного состава по лексически и структурно однородным группам. В языках аналитического строя конверсия подрывает роль суффикса как показателя части речи. В этом морфологическом (статическом) плане классифицирующая функция суффикса подавляется действием бессуффиксальной деривации. Конверсия охватывает в первую очередь простые слова. Однако есть немало примеров конвертирования суффиксальных образований. Так, в английском языке легко адъективируется любое (даже абстрактное) существительное независимо от его морфологического состава. Итак, присоединение суффиксов всегда ведет к созданию слов определенной части речи. Однако само *n* а л ч и е суффикса внутри слова в положении перед флексией для языков с развитой несобственной деривацией утрачивает свое классифицирующее значение. Несобственная деривация (см. о ней ниже) сводит на нет классифицирующую функцию суффикса как структурного элемента уже готового слова. Словообразующая и морфологическая роли суффиксов расходятся. Поэтому применительно к языкам, в которых активна несобственная деривация и отсутствует синкретизм суффикса и флексии, вряд ли можно считать классифицирующую функцию суффикса основной.

Рассмотрим действие словообразовательного механизма. Суффиксы могут не менять лексико—грамматического класса слова. Это, однако, не лишает их способности служить показателем части речи. Хотя *puño* и *puñetazo*, *muchacho* и *muchachada*, *puñal* и *puñalada* принадлежат к одной и той же части речи, суффиксы – *azo* и – *ada* связаны только с деривацией существительных. Если производящая основа принадлежит иной части речи сравнительно с образуемым словом, роль суффикса оказывается более динамичной. Он осуществляет то, что Ш. Балли, а вслед за ним и другие ученые его школы, например А. Сеше и А. Фрей, называли функциональной транспозицией, т. е. перевод слова из одного лексико—грамматического класса в другой. Суффиксы этого типа определяют иногда как гетерогенные, в противоположность гомогенным суффиксам, не меняющим категории слова.⁶⁸ С точки зрения техники дескриптивного исследования транспонирующая функция суффиксов внешне выявляется в том, что ведет к изменению окружения (дистрибуции) слова.⁶⁹

В ряде случаев транспозиция составляет основное и даже единственное содержание суффиксов. Так, роль суффикса – *mente* сводится к передвижению прилагательных в категорию наречий. Этим, по—видимому, и следует объяснить отсутствие у – *mente* суффиксов—синонимов. Такой элемент, как – *guisa*, конкурировавший с ним одно время, не удержался в

⁶⁴ [Wartburg 1943: 80].

⁶⁵ [Brøndal 1943: 125]. Ср. также [Богородицкий 1935: 137; Левковская 1955: 310].

⁶⁶ [Brøndal 1943: 125].

⁶⁷ В испанском языке исключение составляют лишь суффиксы *nomina agentis* и *instrumenti*, участвующие также в образовании прилагательных.

⁶⁸ См., например [Togeby 1951: 225].

⁶⁹ См. [Harris 1946].

языке в силу своего функционально—стилистического совпадения с *– mente*. Сравнительная простота смысловой структуры этого суффикса определяется спецификой семантического соотношения прилагательных и качественных наречий. Оба эти разряда слов выражают признак, отличаясь друг от друга лишь его отнесенностью – к предмету, либо действию или качеству. Разницу в этой отнесенности и выражает *– mente*.

Естественно, что функциональная транспозиция связана не только с грамматическим, но и с семантическим сдвигом, поскольку она направлена на создание в языке нового слова. Смысловое преобразование, сопровождающее транспозицию, зависит в большой степени от семантической корреляции соответствующих частей речи. Мы рассмотрели наиболее простой случай соотношения прилагательных и наречий. Обратимся к другим, более сложным примерам.

Многие суффиксы прилагательных, например, *– al, – il, – ero, – ico, – ario, – ar, – ano, – ino, – iego, – ista* также выполняют транспонирующую функцию, переводя основу существительного в класс относительных прилагательных. Семантическое ядро слова при этом не переживает коренной ломки, происходит лишь трансформация его грамматических категорий и синтаксической сочетаемости. Ср. *estudiante universitario – estudiante de la universidad, sociedad estudiantil – sociedad de los estudiantes, canción lorquiana – canción de Lorca, arte mágico – arte de la magia, retórica ciceroniana – retórica de Cícero*.

Объем понятия, выражаемого существительным, совпадает с представлением, содержащимся в относительном прилагательном. Переход от производящего слова к производному развивается по прямой линии. Наличие же в языке ряда параллельных форм прилагательных, коррелирующих с одним существительным, связано с разного рода лексико—стилистическими факторами, такими, например, как лексические нормы сочетаемости с определяемым. Последнее нередко обуславливает выбор относительного прилагательного, его суффиксальное оформление. Бывают случаи, когда относительные прилагательные от одной основы дифференцированы лишь по кругу своей лексической сочетаемости. Так, например, прилагательное *terráqueo* 'земной' (от лат. *terraqueus* 'состоящий из земли и воды') встречается только в соединении со словом *globo* 'шар'. В одном из произведений М. Унамуно имеется по этому поводу любопытное наблюдение. Употребив необычное для испанского языка сочетание *la realidad terráquea* 'земная действительность', писатель так комментирует свой стилистический прием: «¿Terráquea? – удивится читатель. – Что это? Имеется некоторое количество имен существительных и прилагательных, которые надо освободить из заключения. Так, например, от слова *tierra* производятся прилагательные *terreo, terroso, terreno, terrenal, terrestre* и *terráqueo*, но употребление последнего ограничено лишь сочетанием с *globo – globo terráqueo*. Если мы соединим его с другим существительным, мы заставим читателя сосредоточить свое внимание на обоих. Это будет своего рода сигналом „стой!“, а может быть просто камнем преткновения, шокирующим читателя. Это выпуклое прилагательное, сходное с вогнутыми глаголами арабского языка» [Unamuno 1945: 14].

Избирательная сочетаемость относительных прилагательных обычно бывает фактом узуса и не обязательно вытекает из особенностей системы словообразования. Однако наличие устойчивых соединений существительных и прилагательных оказывает своего рода обратное воздействие на функционирование системы словообразования. Оно мешает выпадению из языка слов, созданных при помощи неактивных элементов, и даже способствует включению некоторых малопродуктивных суффиксов в структуру других, близких по значению словосочетаний. Ср., например, *transporte terrestre* 'сухопутный транспорт' и созданное по этой же модели *transporte pedestre* 'пешеходный транспорт'. В этом примере словообразовательная аналогия опирается на структуру словосочетания.

В других случаях наличие ряда относительных прилагательных от одной основы обусловлено многозначностью производящего слова. Вернемся к нашему примеру. Испан-

ская *земля* (*la tierra*) исключительно плодородна. На ней произрастает множество производных слов и фразеологизмов – бытовых, местных, технических, но также возвышенных и культурных. Так, прилагательные *terreno* и *terrenal* 'земной' соотносятся со словом *tierra* 'земля' антонимичным понятию 'небо'. Ср. *el paraíso terrenal* 'земной рай', *el hombre terrenal* 'земной человек', *alma terrena* 'земная душа'. Другое прилагательное от той же основы – *terrestre* – коррелирует с понятием земли как суши, противостоящим понятию моря. Ср. *fuerzas terrestres* 'сухопутные силы', *los agentes terrestres y marítimos* 'сухопутные и морские агенты', *olores terrestres* 'запахи земли'. Прилагательное *terreo* используется для указания на внешние признаки земли: *color terreo* 'цвета земли'. *Terreño* характеризует местные продукты; *fruta terrena*. Прилагательное *terrizo* относят к невымощенной земле – проезжей или пешеходной. Это же прилагательное указывает на близость к земле; ср.: *aves terreros*, *vuelo terrero* 'низкий полет птиц'; *caballería terrera* 'лошади, бег которых близок к земле'. *Terroso* значит 'содержащий землю': *agua terrosa*. Наконец, прилагательное *terrero* 'земляной' связано с понятием земли как сыпучего вещества. Ср. *canasto terrero* 'корзина для переноски земли'.

Сравнительно простая в семантическом плане корреляция существительных и относительных прилагательных осложняется различными дополнительными факторами, такими в частности, как нормы лексической сочетаемости слов, стилистическая окраска производных, полисемия производящего слова и пр. Адъективная транспозиция существительных может быть осложнена и другими смысловыми оттенками. Ср. такие пары, как *crema* > *cremoso*, *barriga* > *barrigudo*, *naranja* > *anaranjado*. Производные прилагательные не просто выражают свойство через отношение к субстантивному понятию. Они конкретизируют связь с обозначенным основой предметом. В этом случае транспозиция как бы сходит с прямого пути, лексический объем производящего слова и производящей основы перестает совпадать. Транспонирующая роль таких суффиксов не является единственной.

Семантическое соотношение глагола и существительного оказывается еще более сложным. Транспозиция глаголов ведет к созданию имен со значением действия (случай чистой транспозиции), результата действия, производителя действия, орудия и места действия. Поэтому, оформляя переход глагола в категорию имен, суффикс обычно показывает, к какому более узкому семантическому классу принадлежит создаваемое слово. Так, *preguntador* и *informante* (от глаголов *preguntar*, *informar*) входят в разряд имен действующего лица; *quemadura* (от глагола *quemar*) означает результат действия; *desclavador* (от глагола *desclavar*) – орудие действия; *andanza*, *movimiento* (от *andar*, *mover*) – само действие, а *embarcadero* (от *embarcar*) – место действия.

Таким образом, транспонирующей функции, выполняемой суффиксами отглагольных существительных, сопутствуют другие более частные значения, связанные с семантической дифференциацией имен.

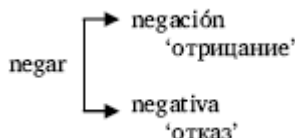
Даже словопроизводство, воплощающее «чистую» транспозицию (действие > имя действия), может оказаться лишенным однозначности. Например, испанские производные типа *estrechón*, *remoión*, *resbalón*, *empellón*, *empujón* или *escapada*, *conversada*, *ojeada*⁷⁰ не просто выражают «опредмеченное» действие, а передают значение единичного акта. Следовательно, сам смысловой объем *nomina actionis* расщепляется, распадаясь на ряд более частных категорий. Кроме того, значение имени действия обычно осложняется в испанском языке другим смежным и сопутствующим ему значением результата действия. Эти две лексические категории пользуются для своего выражения одними средствами словообразования. Ср. такие суффиксы, как – *ción*, – *miento*, – *dura*, – *ada*, – *ida*. Значения действия и

⁷⁰ Имена действия с суффиксом – *ada* преимущественно выступают в сочетании с глаголами *hacer*, *dar*, *echar* (ср. *hacer la armada*, *hacer una atropellada*, *dar una espantada*, *echar una nadada*). В этом случае сам тип словосочетания, эквивалентного по значению глаголу, требует определенного суффиксального оформления имени. См. подробнее [Вольф 1954: 94 и м.].

результата действия обычно совмещаются в одних и тех же конкретных словах. Такие имена, как *enumeración, acusación, indicación; repartimiento, pensamiento; desligadura, deshojadura, desmontadura; despedida*, выражают действие и результат действия по соответствующим глаголам.

С точки зрения системы испанского словообразования два разных в логическом плане значения (действие и результат действия) составляют нерасчлененное единство.

Параллельное функционирование в языке суффиксов *nomina actionis* обусловлено в ряде случаев многозначностью производящих глаголов. Последние являются как бы центрами, от которых расходятся в разные стороны самостоятельные деривативные лучи. Ср.

Действие синонимических словообразовательных моделей используется также в целях лексической дифференциации готовых слов, которые получают индивидуальные значения, укладывающиеся в общее родовое понятие *nomen actionis*. Ср. *andadura* 'хождение' и *andanza* 'случай, происшествие, дело', *ordenación* 'распоряжение, распределение', *ordenamiento* 'закон, постановление', *ordenanza* 'правила, регламент', *palpación* 'пальпация (мед.)', *palpada*, *palpamiento* 'осязание, ощупывание'. Процесс лексической дифференциации имен действия сопровождается иногда закреплением за ними различных конкретно—предметных значений. Образование нового *nomen actionis* вызывается, следовательно, смысловым развитием ранее созданного производного. Новый акт словообразования компенсирует утраченное лексическое значение. Так, когда *la embarcación*, являющееся по своей структуре именем действия, получило значение 'судно', были созданы новые *nomina actionis* по глаголу *embarcar* 'погружаться на судно' – *el embarco, el embarque, el embarcamiento*.

Конкретно—предметное значение слова *el edificio* 'здание' привело к образованию другого имени действия – *edificación* 'строительство, воздвижение, сооружение'.

Рассмотрим транспозицию, осуществляющую переход типа «прилагательное > глагол». Понятие вербализованного качества оказывается также неоднородным. Одни суффиксы вполне отчетливо указывают на направление процесса. Таковы, например, элементы – *ific—ar, – iz—ar*, образующие только переходные глаголы. Ср. *dulcificar* 'подслащивать, делать сладким', *diversificar* 'разнообразить', *pacificar* 'умиротворять', *clarificar* 'очищать, осветлять (хим.)', *pormentozar* 'детализировать', *singularizar* 'выделять', *neutralizar* 'нейтрализовать', *electrizar* 'электризовать', *personalizar* 'перечислять поименно'. Впрочем, эти суффиксы имеют книжную окраску и мало активны в живом языке. Чаше, однако, глагольные суффиксы, осуществляющие транспозицию прилагательных, безразличны к значению переходности—непереходности. Они могут образовывать глаголы как с каузативным, так и с медиальным значением. Таковы суффиксы – *e—ar, – es—er*.⁷¹ Ср. следующие непереходные глаголы: *loquear* 'безумствовать', *lozanear* 'пышно разрастаться, быть цветущим', *palidecer* 'бледнеть', *rojear* 'краснеть, быть рыжеватым (о цвете)', *ronquear* 'хрипеть', *rosear* 'розоветь'.⁷² Напротив, такой глагол, как *malear* 'портить, подделывать', транзитивен. Наконец, имеются образования, совмещающие оба значения и могущие выступать как само-

⁷¹ Остается сомнительным вообще, следует ли рассматривать элемент – *es* – как словообразующий суффикс или как фонетический инфикс, посредничающий между производящей основой и парадигмой II спряжения.

⁷² Ср. следующий пример употребления глаголов на – *ear* с переходным и непереходным значениями: *El céfiro cobalto clarinea el cabello azulea, nacarea la piel y se plateade un polvo nítido el paisaje (Rafael Alberti, 124) y al negro albor que lo sombrea el claroscuro redondea la cima exacta del relieve (Ibid., 11).*

стоятельно, так и в сочетании с прямым объектом. Их смысловой объем в каждом случае выявляется через синтаксическое построение (наличие или отсутствие дополнения). Ср. такие глаголы, как *blanquear*, *blanqueser* 'белить, белеть' (любопытно, что антонимичные глаголы *negrear*, *negreser* имеют только непереходное значение – 'чернеть'), *oscurecer* 'затемнять, темнеть' (и на этот раз антоним не обнаруживает полного параллелизма значений: *clarecer* означает только 'рассветать'), *lobregueser* 'омрачать, темнеть'. Мы видели, что дифференциация значений среди производных с суффиксами – е—аг, – ес—ег определяется действием нормативного фактора, а не специализацией средств словообразования. Корреляция переходность/непереходность выражается чаще другими языковыми средствами, а именно, префиксацией и соотношением возвратных и невозвратных глаголов. Ср. *embellecer(se)*, *enorgullecer(se)*, *enrudecer(se)*, *enternecer(se)*, *embrutecer(se)*, *ennegrecer(se)*, *entristecer(se)*. Впрочем, некоторые глаголы, содержащие префикс *en-*, выражают как переходное, так и непереходное значения, ср. *enriquecer* 'богатеть, обогащать', *empobrecer* 'беднеть, разорять, делать бедным'. Встречаются также образования, имеющие лишь интранзитивный смысл, ср. *enguineser* 'становиться подлым'.

Транспозиция типа «существительное > глагол» также безразлична к категории переходности/непереходности. Отыменные глаголы, созданные при помощи элемента—е—аг, могут быть как транзитивными, так и интранзитивными. Ср. *rajarear* 'ловить птиц, летать, бродяжничать', *patear* 'топтать, бить ногами, брыкаться', *pasear* 'гулять, водить на прогулку', *mostear* 'выделять сок, заливать сок в бочки', *saborear* 'придавать вкус, смаковать'. За некоторыми глаголами этой структуры закрепляются либо только переходные, либо только непереходные значения. Ср. *partear* 'принимать ребенка при родах', *patronear* 'командовать кораблем', *perfumear* 'душить духами', *palmear* 'аплодировать', *mayordomear* 'быть мажордомом', *ma—panear* 'рано вставать', *pastrandear* 'шумно веселиться', *pobretear* 'побираться', *secretear* 'секретничать'. Элемент—е—аг осуществляет лишь вербализацию именной основы, не уточняя характера протекания действия. Его функция в семантическом отношении недифференцирована. Категория переходности/непереходности в этом случае нередко выражается коррелирующими парами возвратных и невозвратных глаголов.⁷³

Транспозиция типа «глагол > прилагательное» не может в испанском языке протекать в чистом виде, будучи всегда дополненной модальными и залоговыми⁷⁴ значениями. В этом случае имеет место строгая дифференциация словообразовательных средств, осуществляющих транспозицию глаголов. Так, суффиксы – able | – ible, – dizo, – dero выражают модально—пассивное значение, ср. *espantadizo* 'пугливый', *quebradizo* 'ломкий, хрупкий', *resbaladizo* 'скользящий', *corregible* 'поправимый', *irreprochable* 'безупречный', *realizable* 'осуществимый', *comedero* 'съедобный', *hacedero* 'возможный, легко осуществимый', *pagadero* 'выплачиваемый'. Напротив, суффиксы – ante | – iente, – dor, – ón выражают только активное залоговое значение, ср. *hablador* 'болтливый', *trabajador* 'работающий, трудящийся', *sabidor* 'знающий', *preguntador* 'спрашивающий', *escandalizador* 'скандальный, возмутительный', *palpitante* 'бьющийся, трепещущий', *combatiente* 'сражающийся', *concluyente* 'заключительный', *contratante* 'договаривающийся', *llorón* 'плаксивый', *respondón* 'любящий противоречить'. Суффиксы – tivo, – torio (-sorio) также тяготеют к выражению оттенка активности; ср. *comunicativo* 'общительный, соединительный', *completativo* 'дополняющий, дополнительный', *conductor* 'проводящий (физ.)', *conjuntivo* 'соединительный, союзный', *constitutivo* 'определяющий, основной', *destilatorio* 'очищающий, фильтрующий', *conservatorio* 'предохранительный', *conminatorio* 'угрожающий', *divisorio* 'разъединительный, разъединяющий'.

⁷³ Ср. следующий любопытный пример употребления возвратных глаголов, образованных от именных основ при помощи суффикса—е—ап «*Aunque más a Isabel quiero, que a Inés, no es malo Inesearme, mientras no me Isabeleo*» (Calderón, II, 226).

⁷⁴ Эти термины употреблены здесь в их лексическом значении.

В приведенных прилагательных отчетливо прослеживается значение активного отношения к действию. Однако есть случаи, когда этот оттенок проступает менее ясно: ср. *commemorativo* 'поминальный, памятный', *contradictorio* 'противоречивый', *narrativo, narratorio* 'повествовательный', *inflamatorio* 'воспалительный', *partitivo* 'делимый, разделительный'. Суффиксы –*tivo, –torio* менее дифференцированы с точки зрения их отношения к действию. Следует, впрочем, оговорить, что эти элементы мало продуктивны в современном языке и встречаются преимущественно в составе латинских заимствований.

В целом суффиксы, осуществляющие адъективацию глаголов, оказываются далеко не безразличными к их залоговому значению, выражая качество через указание на активное либо пассивное отношение к действию. Это отличает их от суффиксов *nomina actionis*, нивелирующих категорию переходности / непереходности производящего глагола.

Суффиксы, субстантивирующие прилагательные, вполне однозначны. Они образуют имена качества, ср. *blancura* 'белизна', *dulzor* 'сладость', *fealdad* 'некрасивость, уродство', *dignidad* 'достоинство', *lealtad* 'верность', *palidez* 'бледность', *riqueza* 'богатство', *agudeza* 'острота' и пр. Наличие синонимических словообразовательных средств и возможность их соединений с одной основой обусловлены многозначностью производящих слов, а также семантическим развитием отдельных имен качества, конкретизирующих свое значение, получающих предметную отнесенность. Так, когда *beldad* стало чаще употребляться в значении 'красавица', возникло новое производное – *belleza* 'красота'.

Более конкретные и частные значения, возникающие у суффиксов, переводящих слово из одной части речи в другую, оказываются в целом закономерными, отражая возможное соотношение категориальных значений, свойственных данным частям речи. При максимальной лексической близости частей речи (как в случае наречий и прилагательных) транспозиция оказывается наиболее однозначной.

Все суффиксы, выполняющие транспонирующую функцию в более или менее чистом виде, служат для создания слов, выражающих производные лексические категории. Эти элементы расширяют гнезда слов, вовлекая в них различные части речи. Обычно они изменяют лексическое значение основы лишь в той мере, в какой это отражает разницу в смысловом объеме соответствующих частей речи. Продуктивность этих суффиксов не ограничена поэтому таким внешним по отношению к языку фактором, как появление новых понятий или реалий. Их активность зависит от других обстоятельств, таких, например, как количество слов, могущих служить базой словопроизводства. Падение продуктивности суффиксов, основным назначением которых является транспозиция, обычно имеет лингвистические причины. Оно может явиться следствием роста активности другого синонимического элемента либо функционирования параллельных по значению синтаксических конструкций. Это последнее обстоятельство отчасти связано с тем, что транспозиция бывает нередко обусловлена потребностями, возникающими в связи с построением предложения, т. е. с синтаксисом того или иного языка.⁷⁵ Именно в связи с требованиями синтаксиса нередко приходится прибегать к субстантивному представлению вербальных, адъективных и других понятий.

Такого рода транспозиция нередко осуществляется синтаксическими, а не словообразовательными средствами языка (например, артиклем). Она обладает в силу этого и определенной смысловой спецификой. Так, субстантивация прилагательных артиклем *lo* выражает более чистую транспозицию, затрагивая семантику слова лишь в той степени, в какой это необходимо в связи с переходом адъективного понятия в субстантивное. Образования такого типа лишены возможности дальнейшего семантического развития и не получают никаких дополнительных смысловых оттенков, которые нередко присутствуют у слов, образован-

⁷⁵ На это обстоятельство обращал внимание Э. Пишон (см. [Pichon 1942: 8]).

ных при помощи суффиксов. Например, имена качества с суффиксом на – (i)dad, наряду с абстрактным значением, могут обозначать также лицо – носителя качества? ср. *personalidad* 'личность', 'деятель, историческая личность'. У прилагательных, оформленных артиклем *lo*, отсутствуют перспективы подобной или какой—либо иной семантической эволюции. Этому препятствует в частности артикль *lo*, который не может сочетаться с названиями предметов и лиц. Синтаксический, а не словообразовательный характер носит также субстантивация инфинитивов артиклем мужского рода *el*, хотя в этом случае имеются редкие примеры семантической конкретизации субстантивированного инфинитива. Ср. *el deber* 'долг, задолженность, обязанность', *el poder* 'власть, мощь'. Транспозиция понятий, их перевод в субстантивный план, нередко связывается с эмфатическим синтаксисом. Выражение эмфазы очень часто происходит путем субстантивации выделяемого члена предложения. Это вполне естественно, поскольку лишь субстантивное понятие может быть синтаксически независимым, не управляемым, а управляющим другими членами словосочетания. Ср. *la dificultad de esta tarea*; *la hermosura de sus ojos*; *la serenidad y tersura de su frente*; *la dulzura de la amistad*; *la calma del cielo*; *el frío de la indiferencia amorosa*. Эти примеры показывают, что эмфатич—ность достигается инвертированием отношений между определением и определяемым. Логически подчиненное слово (определение) становится синтаксически независимым, подчиняющим себе определяемое. Однако в современном языке эмфатическая транспозиция все более выходит за рамки словообразования и прибегает к синтаксическим средствам субстантивации. Ср. *lo difícil de esta tarea*; *lo blanco, sonrosado y limpio de su tez*; *lo rápido, lo fugitivo de la impresión*, ср. также конструкцию *el bueno de Pablo, el pícaro de tu amigo*. См. подробнее в главе «Синтаксическая эмфаза».

Следует обратить внимание еще на одну черту транспозитивной деривации. Выше уже отмечалось, что транспозиция используется для обозначения производных, вторичных лексических значений и бывает вызвана потребностями, связанными со строем предложения. Это делает транспозитивную деривацию наиболее спонтанной и подвижной. В рамках деривации этого рода легко возникают дублирующие друг друга формы, которые функционируют в языке параллельно. Сосуществование таких слов было особенно распространено в староиспанский период, когда еще отсутствовала твердая нормализация литературного языка. Ср. *prometimiento – promisión – promesa*; *asperidad – asperura – asperidumbre – asperez – aspereza*; *pre—tesa – pretensión*; *torpedad – torpeza*; *braveza – bravura*; *preparamiento – preparación*; *deslealtanza – deslealtad*; *omildanza – humila—ción*. Это явление, разумеется в более слабой степени, прослеживается и в современном языке. Ср. *desorientamiento – desorientación*; *desmoche – desmocha – desmocho – desmochadura*; *desviación – desvío*; *ofrecimiento – oferta*; *lobreguez – lobregura*; *dulzor – dulzura* etc.

* * *

Выше была вкратце охарактеризована функция суффиксов служить показателем части речи. Теперь перейдем к другой функции суффиксов, также связанной с классификацией слов, но осуществляющей их семантическое, а не лексико—грамматическое деление. Эта функция развивается на основе лексико—семантической аналогии, заключающейся в морфологической унификации близких по значению слов.

Связь суффикса с образованием определенных лексико—семанти—ческих разрядов слов, разумеется, не может вызвать сомнений. Ведь с некоторыми суффиксами непосредственно ассоциируется общее значение той категории слов, в состав которой они чаще всего входят. Так, известна изоляция суффикса— *изм*, получающего во многих языках значение 'течение, доктрина'. Аналогичный случай использования суффиксов приводит В. Вартбург. Английский суффикс— *ade*, выделившись из таких слов, как *lemonade, orangeade*, начал сам

по себе означать понятие фруктовой воды, ср. *Have you some ade?*⁷⁶ Можно напомнить также образование К. Пайком лингвистического термина *eme* путем вычленения суффикса из такого ряда, как *phoneme, morpheme, sememe, tagmeme, uttereme, behavioreme*, а также названий лингвистических дисциплин *etic* и *emic*, выделенных из *phonetic* и *phonemic*.⁷⁷

В приведенных примерах суффиксы берут на себя обобщенное лексическое значение тех категорий слов, в состав которых они чаще всего входят. Если суффикс полисемичен, то при самостоятельном употреблении он передает значение лишь одной из образуемых им лексических категорий. Отмеченное свойство суффиксов широко используется в языке эсперанто, в котором каждый суффикс может употребляться в качестве отдельного слова. Так суффикс уменьшительности – *et* в сочетании с показателем прилагательных – *a* (*eta*) употребляется как прилагательное со значением 'маленький'. Инструментальный суффикс – *il* в соединении с субстантивным индексом—*o* создает существительное *ilo* 'орудие, инструмент'.

Лексическую функцию суффикса не всегда следует считать доминирующей. Обычно в грамматиках и специальных работах по словообразованию значения суффикса выявляются через указание на лексические категории создаваемых им слов. Такой метод не всегда оказывается достаточным. Прежде всего, выделение семантических групп часто субъективно и основывается на классификациях понятий. В этом отношении было своевременно предостережение С. Ньюмена, который рекомендовал «избегать попыток определять семантические функции суффиксов исходя из готовых логических и предполагаемых эмпирических систем значений». ⁷⁸ Между тем такой метод широко распространен. Например, характеризуя значения суффикса – *dog*, обычно указывают, что при его помощи создаются существительные, обозначающие деятеля, профессию, звание, должность. Естественно возникает вопрос, можно ли разграничить перечисленные значения и действительно ли эти семантические группы имеют в языке обособленное друг от друга существование. Выделение этих категорий основано на неязыковых критериях. Такое дробление значений суффиксов имеет еще и другой недостаток. Хотя суффиксу приписывается большое количество разнообразных функций, их перечень вместе с тем никогда не может оказаться исчерпывающим. Продолжим наш пример. При характеристике суффикса – *dog* в грамматиках обычно указывается, что он служит для создания существительных со значением профессии, должности, звания, инструмента и места. Очевидно, что большое количество имен, закономерно образованных при помощи этого элемента, не войдет ни в одну из названных категорий. Куда, например, следует отнести такие слова, как *denominador* 'знаменатель', *ajustador* 'лиф, корсаж', *borrador* 'черновик' и многие другие? Кроме того, перечисление казалось бы ничем не связанных между собой значений не обнаруживает того общего, что лежит в основе применения данного суффикса. Не выяснив того, что скрепляет между собой все более частные лексические значения, весьма различные с точки зрения логических представлений, нельзя понять, что же мешает суффиксу распасться на оморфемы. Таким функциональным ядром суффикса – *dog* является выражение активного отношения к действию. Все, что обозначается словом, включающим данный суффикс – будь то лицо, предмет или отвлеченное понятие – мыслится с точки зрения производимого действия. Именно на фоне функции агенса и возникают те многочисленные частные значения, которые были отмечены выше.

Традиционное описание значений суффиксов, основывающееся на классификации понятий, в какой—то степени применимо к существительным, поскольку в пределах этой части речи понятийная классификация в некотором роде соответствует словообразователь-

⁷⁶ [Wartburg 1943: 78].

⁷⁷ [Pike 1954: 8, 57].

⁷⁸ [Newman 1948: 33].

ной структуре имен. Так, есть суффиксы, образующие слова со значением места, времени, отвлеченного качества, «опредмеченного» действия, лица и пр. Но этот метод описания неприменим к другим частям речи, таким, как прилагательные, глаголы, наречия. Суффиксы, служащие для их образования, не обнаруживают в испанском языке никакой связи с лексическими разрядами слов. Разумеется, семантическая классификация внутри этих частей речи вполне возможна, но она никак не совпадает со словообразовательной структурой слова. Так, нет специальных суффиксов, служащих для образования прилагательных со значением цвета, вкуса и пр. Отсутствуют суффиксы, которые бы создавали *verba putandi, sentiendi, dicendi*. Любопытно, что в «Грамматике французского языка» Л. И. Илии⁷⁹ отмечаются значения суффиксов существительных и просто перечисляются наиболее продуктивные суффиксы прилагательных. Описание системы словообразования разных частей речи поэтому обычно лишено единства.

В целом все сказанное выше не должно привести к выводу, что при выделении функций суффикса вовсе не нужно говорить о том, какие лексические категории слов создаются при его помощи. Мы хотели лишь подчеркнуть, что функция суффиксов разных частей речи, выполняющих в предложении разные функции, различна. Более того, она различна у одного суффикса, входящего в состав слов разных частей речи, особенно имен и атрибутов.

Касаясь принципов описания суффиксов с точки зрения образуемых ими лексических классов, мы бы хотели сделать еще одно замечание. Нередко полагают, что параллельное выделение таких отвлеченных, казалось бы, категорий, как категория лица, инструмента, качества, предмета, наряду с группами слов, обозначающих растения, животных, удар, звук, неправомерно ввиду их несоотносимо—сти. Приведенное выше возражение основано на недоразумении чисто терминологического порядка. Так, инструментальное значение суффикса вызывает ассоциацию с инструментальной функцией в грамматике. Однако когда говорят о суффиксах с инструментальным значением, имеют в виду лексическое содержание группы слов, обозначающих инструменты, орудия, машины, аппараты, приспособления и пр. Категория инструментальности в грамматике, напротив, связана с установлением отношения между членами предложения (инструментальный падеж) и безразлична к значению слова. Точно так же понятие лица в словообразовании не совпадает с одноименной категорией в грамматике. Поэтому при описании лексических категорий слов, которые образуются при помощи того или другого суффикса, следует признать вполне последовательным параллельное выделение таких категорий, как *nomina agentis, instru—menti, actionis, qualitatis*, наряду с группами, обозначающими предметы, животных, растения, породы деревьев, удар и пр.

Обратимся к роли лексической функции при решении вопроса о суффиксальной омонимии. Как известно, между лексической функцией и суффиксом нет однозначного соотношения. Семантические изменения, претерпеваемые отдельными словами, а также смысловое развитие целого класса слов отражаются на функции суффикса, который начинает регулярно образовывать слова, входящие в разные семантические ряды. Один и тот же суффикс может создавать разные по значению слова. Так, присоединяясь к именным основам, суффикс — *ada* образует существительные со значением периода времени (*otoñada* 'осенний период'), действия (*muchachada* 'ребяческая выходка'), удара (*puñalada* 'удар кинжалом'), содержимого (*sucharada* 'содержимое ложки'), собирательности (*vacada* 'стадо коров'). Лексическая многофункциональность дает повод для оценки некоторых суффиксов как омоморфем.⁸⁰ Основанием для этого служит резкая разница между лексическими значениями

⁷⁹ [Илия 1955: 47–50, 68–69].

⁸⁰ Мы оставляем в стороне вопрос об омонимии готовых слов, созданных при помощи многозначных суффиксов. Интересные замечания по этому поводу можно найти в кн.: [Ахманова 1957: 128–138].

слов, создаваемых при помощи одного суффикса. Нередко полагают, что суффиксы – *тель*, – *чик*, – *щик*, – *ник*, образующие в русском языке названия инструментов и *nomina agentis*, распались на две оморфемы. В то же время совмещение в этих же суффиксах орудийного и местного значений обычно не рассматривается как омонимия, а считается полисемией, поскольку место и инструмент воспринимаются как более родственные понятия, чем категории инструмента и лица. Эти беглые соображения показывают, что в вопросе о суффиксальной полисемии и омонимии трудно опереться на лексическую значимость суффикса, на его связь с разными понятийными категориями. В этом случае следует исходить из другой, более общей функции суффикса, к характеристике которой мы сейчас перейдем.

Выше были описаны две функции суффиксов, первая из которых осуществляет лексико—грамматическую, а вторая чисто семантическую классификацию слов. Обе эти функции, следовательно, служат для того, чтобы объединять слова в классы. Суффиксы важны не только потому, что они образуют новые слова, воздействуя на семантику производящей основы, но и потому, что они группируют слова внутри лексического запаса языка, а также дают мотивировку их значения. Однако суффиксы выполняют в слове и другую функцию, более релятивного и, тем самым, более грамматического характера.⁸¹ Она заключается в выражении отношения между значением производящей основы и семантикой создаваемого слова. Суффикс служит как бы знаком определенной семантической пропорции. Например, элемент – *able* | – *ible*, присоединяясь к основе глагола и образуя прилагательные, указывает на модально—пассивное отношение значения слова к действию, выраженному его основой. Ср. *al—canzable* = *que puede ser alcanzado*; *excusable* = *que puede ser excusado*, *remediable* = *que puede ser remediado*. Следовательно, этот суффикс не просто производит транспозицию глагольной основы в класс прилагательных, но еще и уточняет характер отношения между значением производящей основы и производного слова, то есть выполняет реляционную функцию. Суффиксы отглагольных прилагательных – *dor*, – *ante* | – *iente*, – *ón* характеризуют определяемое как активного исполнителя (агенса) действия. Следовательно, кроме транспозиции глагола в категорию имен, эти элементы выражают еще и активное отношение к действию, обозначенному основой. Ср. *bramador* = *que brama*, *conveniente* = *que conviene*, *llorón* = *que llora*.⁸²

Разумеется, подобная функция присуща не только элементам образования прилагательных. Суффиксы – *dor*, – *ante* | – *iente*, – *ón* участвуют также в создании существительных, указывая непосредственно на производителя действия. Ср. *el respondón* = *el que responde*, *el labrador* = *el que labra*, *el estudiante* = *el que estudia*.

Суффикс глаголов – *ific—ar* (*dulcificar*, *pacificar*), присоединяемый к основе прилагательного, означает, что действие направлено на достижение качества, выраженного основой: *dulcificar* = *hacer dulce*.

Отношение, знаком которого являются суффиксы, иногда приближается к грамматической функции формантов. Оно находится в непосредственной зависимости от категориального характера основы. Почти любое изменение основы сказывается на функции суффикса. Так, суффикс – *able* | – *ible* утрачивает способность указывать на модальную пассивность, присоединяясь к основе существительного, как в *saludable*, *bonancible*. Суффикс – *ante* | – *iente* в сочетании с основами имен либо вербализует сами основы (*comediante*, *farsante*), либо перестает выражать то субъектное отношение к действию, которое характеризует его в отглагольных образованиях (ср. *cabildante*). Суффикс — *ón*, поставленный после основ существительных и числительных, вносит значение посессивности (ср. *cabezón*, *setentón*), в то

⁸¹ Наличие у суффиксов общеграмматического значения, возвышающегося над отдельными лексическими значениями, отмечал Р. А. Будагов. См. его ст. «Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках» [Будагов 1952: 105].

⁸² Об этих суффиксах и их функции см. подробнее [Левинтова 1958: 107–122].

время как в соединении с основой глагола этот же суффикс выражает субъектное отношение к действию (ср. *llorón, empollón*). Такая реакция суффикса на изменение основы является чертой лишь рассмотренной нами сейчас реляционной функции. Напротив, прочная связь суффикса с лексико—семантическим кругом слов нередко затушевывает выражаемое им отношение. Например, суффикс – *ista*, образующий слова со значением последователя определенного политического или идеологического направления, а также профессии, более безразличен в выборе основы. Функция суффикса не дает колебаний в таких словах, как *socialista, derrotista, arribista, ropista*, образованных от основ разных частей речи.

Итак, существенным различием между отмеченными выше двумя функциями суффиксов является то обстоятельство, что в одном случае значение суффикса полностью зависит от характера основы, а в другом случае такая зависимость ослаблена.

Чтобы еще рельефнее представить разницу между лексической и грамматической функциями суффиксов, проведем следующую параллель. С точки зрения значения образуемых слов можно охарактеризовать как инструментальные такие испанские суффиксы, как – *dor (-a)*, – *dera*, – *ero (-a)*. При их помощи действительно образуются названия различного рода орудий, машин, аппаратов и инструментов, ср. *calentador* 'нагреватель', *enceradora* 'электрополотер', *fresadora* 'фрезер (станок)', *nevera* 'холодильник'. По своей лексической функции эти суффиксы очень близки между собой. Напротив, выражаемое ими грамматическое значение различно, поскольку – *dor (-a)* и – *dera* присоединяются к глагольным основам и выполняют аген—тивную функцию, в то время как суффикс – *era* сочетается с основами существительных и обозначает инструменты через отношение к предмету. Он выражает, следовательно, значение относительности. Имея лексическую функцию инструментальности, эти суффиксы не передают, однако, орудийного отношения между значением производящей основы и семантикой создаваемого слова. Такую функцию, напротив, можно обнаружить у суффиксов – *ada* и – *azo*, создающих существительные со значением удара, ср. *puñetazo* 'удар кулаком', *manotazo* 'удар рукой', *cuchillada* 'удар ножом', *puñalada* 'удар кинжалом'. Основы этих слов указывают на то, чем был нанесен удар, а суффиксы выражают отношение инструментальности, орудийности. Эти примеры показывают различие между лексической и общеграмматической, или реляционной, функциями суффиксов.

Значение отношения, выражаемое суффиксами, в отличие от их лексического содержания, едино для всех созданных при помощи данного элемента слов (не считая, разумеется, спорадических отклонений). Оно составляет основу деривации, определяет место суффикса в системе словообразования. Грамматическая функция важна еще и тем, что именно она обуславливает те лексические значения, которые могут иметь производные слова. Выше мы говорили, что при описании суффикса существительных – *dor* нередко ограничиваются перечислением лексических категорий слов, которые создает этот элемент, и подчеркивали, что такое перечисление никогда не может быть исчерпывающим. Суффикс – *dor* выражает активного исполнителя действия. Это общее значение обычно конкретизируется: слово получает определенную предметную отнесенность. Чаще всего существительные с суффиксом – *dor* обозначают людей, характеризуемых по их общественной или профессиональной деятельности, а также предметы и инструменты в широком смысле этого слова. Впрочем, суффикс – *dor* может образовывать любое слово, даже самого отвлеченного значения, его возможности не ограничены какими бы то ни было смысловыми сферами лексики. Название любого понятия, мыслимого в функциональном плане, т. е. с точки зрения производимого действия, может быть создано с участием этого элемента. Лексические группы слов, образуемых суффиксом – *dor*, обусловлены тем общим значением отношения, которое он выражает. Лексическая функция суффикса является, следовательно, производной от его более общей грамматической функции. Эта последняя должна при описании суффикса отмечаться до перечисления тех разрядов слов, в которые он входит. Выше говорилось о том, что параллельное выделение

таких классов слов, как названия лица, предмета, животных и др., является вполне оправданным. Теперь заметим, что, напротив, неправомерно одновременное выделение разных типов значений суффиксов, без соблюдения между этими значениями необходимой иерархии. Приведем пример именно такой разноплановой характеристики функций суффиксов, встречающейся у испанских грамматистов. Де Диего так описывает функции суффикса –dor: –dor имеет в испанском языке значение агенса (creador), профессии (pescador), должности, звания (emperador), названий животных (arador), инструмента (pasador, calador), прилагательных (hablador).⁸³ Такое описание смешивает значение части речи с семантическими категориями внутри части речи и общей функцией отношения, лежащей в основе всех частных значений, выделенных автором, и других, совсем им не упомянутых.

Именно для того, чтобы избежать подобной разнолинейности, представляется существенным определять ту субординацию, которая существует между разными функциями суффиксов.

Большое число суффиксов оказывает количественное (градуирующее) воздействие на значение основы. Таковы прежде всего суффиксы –izo, –oso, –áceo, –usco, –uzco, –izco, –esino, присоединяемые к основам прилагательных, служащих названиями цветов, ср. *rojizo, verdoso, grisáceo, pardusco, blancuzco, blanquizco, blanquesino*. В системе глагольного словообразования это количественное значение принимает форму указания на интенсивность или частотность действия. Отчасти оно присутствует у суффикса –e—ar, ср. *filosofear, palmatear, manosear, pestañear*. Аналогичное значение характеризует суффиксацию отглагольных существительных, ср. *preguntón, respondón, comilón, dormilón*. Сочетаясь с основой глагола, –ón акцентирует интенсивность действия, его обычность, характерность для субъекта. Усилительное значение этого суффикса заметно и тогда, когда он присоединяется к именным основам. В таких словах, как *narigón, barrigón*, суффикс подчеркивает признак, выделяет его как основной, доминирующий. Таким образом, суффикс может одновременно оказывать воздействие как на качественную, так и на количественную сторону значения слова.

Итак, функциональная структура суффиксов сложна и разнородна. Она складывается из ряда значений. Суффиксы способны указывать на принадлежность слова к той или иной части речи. Они выражают, наряду с этим, определенное отношение значения производящей основы к семантике всего слова. Суффиксы указывают иногда также на лексико—семантический разряд, к которому принадлежит новое слово. Они могут усиливать или ослаблять значение основы, воздействуя на него в квантификативном отношении. Но смысловая структура суффиксов не ограничивается указанными четырьмя функциями. Суффиксы нередко имеют оценочно—стилистическое значение, указывая на отношение говорящего к обозначаемому явлению или на стилистическую принадлежность слова.

В испанском языке имеется развитая система уменьшительных и увеличительных суффиксов, используемых также для выражения субъективной оценки. К их числу относятся такие элементы, как –ito, (-cito, –ecito), –illo (-cillo, –ecillo), –ico (-cico, –ecico), –azo, –ón, –ote, –usco, –acho, –astro. Оценочное значение присуще и многим другим суффиксам. Субъективный оттенок присутствует у такого элемента, как –ón (ср. *tristón, valentón*). Эмоциональное значение может возникать также при нарушении лексических норм словообразования. Так, суффикс –upo в сочетании с названиями животных создает нейтральные прилагательные. Напротив, соединяясь с основами другой семантики, он придает образуемому слову презрительную окраску, ср. *una dueña toquiblanca, larga y antojuna (Don Quijote, 582): antojuna (от antojo 'каприз') 'своеравная, капризная'*.

Оценочное значение суффикса может вести к ослаблению или оттеснению на задний план других его функций. Например, суффикс –esco первоначально служил в испанском

⁸³ [de Diego 1951a: 233].

языке для образования относительных прилагательных от основ существительных. Затем к этой функции присоединилась оценочная, эмоциональная окраска. Наконец, в отдельных случаях суффикс совсем освобождается от транспонирующей роли, некогда единственной, ср. у Сервантеса *caballería andantesca* (*Don Quijote*, 239), наряду с *caballería andante*, или *una canalla hechiceresca* (там же, 574), наряду с *hechicera*. Ср. также прилагательные *liberalesco*, *villanesco*, *pedantesco*, образованные от основ той же части речи. В приведенных примерах оценочное значение суффикса вытесняет его транспонирующую функцию, делается основным. Этот пример может служить маленькой иллюстрацией того, что в процессе взаимодействия различных значений суффиксов одни из них могут усиливаться за счет других, временно или навсегда оттесняя их на задний план. В ходе видоизменения функциональной структуры суффиксов оценочные, эмоциональные оттенки иногда оказываются более стойкими и жизнеспособными, чем, например, функция транспозиции. Эмоциональная значимость суффикса является очень существенным элементом его функциональной структуры. Она оказывает непосредственное воздействие на лексико—семантические значения суффикса. Так, негативно окрашенный суффикс —*ón*, образуя *nomina agentis*, никогда не входит в названия профессий. В таких случаях, при описании функций суффиксов, целесообразно отмечать их эмоциональную тональность еще до перечисления лексических групп слов, создаваемых при помощи этого суффикса.

Кроме значения оценочности, суффиксы могут обладать той или другой стилистической окраской. Последняя определяется происхождением суффиксов, а также их участием в образовании слов, принадлежащих к тому или иному стилю речи. В испанском языке, как и в других романских языках, существует деление суффиксов на книжные и народные (*cultos*, *semicultos*, *populares* или *patrimoniales*), связанное в частности с наличием в языке ряда этимологических дублетов, таких как —*ez* | —*áceo*, —*zón* | —*ción*, —*agio* | —*ego*. Это деление, отражающее разницу между письменной и разговорной речью, в современном языке постепенно ослабевает, сглаживается, преимущественно за счет проникновения в устную речь слов ученого происхождения (*cultismos*), оформленных соответствующими суффиксами. Это ведет к нарушению так называемого правила лексического соответствия (*conformismo lexical*), требующего, чтобы народные суффиксы соединялись только с основами, попавшими в литературный язык через устную традицию, а суффиксы ученого происхождения сочетались с соответствующими им основами.

Перечисленные выше типы значений суффиксов могут выступать в чистом виде. Тогда мы имеем дело с монофункциональным суффиксом. Таким является суффикс наречий —*mente*, суффиксы имен качества —*ez*, —*eza*, —*dad* и некоторые другие. Большинство же суффиксов обладает многогранной смысловой структурой. Так, элемент —*dog* осуществляет транспонирующую функцию, переводя основу глагола в класс имен. В этом заключается его общекатегориальное значение. Далее, этот элемент выражает субъектное отношение к действию. Этот признак оказывается общим как для существительных, так и для прилагательных. Участие суффикса —*dog* в словообразовании прилагательных ограничивается этими двумя значениями (транспозиции и субъектного отношения к действию), в то время как функциональная структура этого же суффикса при образовании существительных сложнее. Выражение субъекта активного действия дает суффиксу возможность создавать названия исполнителей профессионального и непрофессионального действия, а также инструментов и места. Следовательно, суффикс существительных —*dog* служит также признаком принадлежности слова к определенному семантическому разряду.

Суффикс —*ón*, присоединяясь к основе глагола, переводит ее в категорию имен. Он указывает, кроме того, на активного производителя действия и выражает усиление, интенсификацию признака. Он обладает, наконец, некой негативной эмоциональной окраской, что, как отмечалось, мешает ему образовывать названия профессии.

Можно было бы привести еще множество примеров полифункциональных суффиксов, в структуре которых сочетаются самые различные значения. Преобладание тех или иных типов значения во многом зависит от смыслового своеобразия той или иной части речи. Так, если для суффиксов существительных и прилагательных характерно значение субъективной оценки, оно менее свойственно суффиксам глаголов. Для существительных типична связь отдельных суффиксов с семантическими группировками слов. Это обусловлено, по—видимому, самим предметным значением данной части речи, дающим более широкие возможности для выявления лек—сико—семантических групп. Характеристика суффиксов существительных обычно дается методом выявления тех лексических разрядов слов, для образования которых они используются. Напротив, суффиксам прилагательных и глаголов это значение не свойственно. Суффиксы этих частей речи почти не обнаруживают связи с конкретными лексическими категориями слов. Нет специальных суффиксов, служащих для образования, например, вкусовых качеств предмета и пр. Соответствующие прилагательные обычно являются морфологически простыми. Зато в рамках словообразования прилагательных обнаруживается притяжение к определенным семантическим категориям основ. Так, суффикс – *upo* соединяется с основами существительных, обозначающих породы животных: *lebruno, gatuno, vacuno, conejuno, etc.* Суффикс – *udo* присоединяется к названиям частей тела: *peludo, narigudo, dentudo etc.*

Подведем краткие итоги. Суффиксы могут выполнять в словообразовании различные функции. Они могут указывать на то, к какой части речи принадлежит образуемое слово. Они являются также показателями принадлежности слова к тому или иному лексико—се—мантическому разряду. Эти две функции являются классифицирующими. Суффиксы выражают также регулярное отношение между значением основы и семантикой образуемого слова. Они способны оказывать на значение основы квантифицирующее воздействие. Наряду с этими функциями суффиксы могут выражать различные оценочные значения, а также свидетельствовать о принадлежности слова к тому или иному речевому стилю. Все перечисленные функции могут либо совмещаться в одном суффиксе, либо действовать самостоятельно. Поэтому одни суффиксы обладают более сложной, другие более простой функциональной структурой. Преобладание тех или иных значений зависит от ряда обстоятельств, в частности от той части речи, которую образует данный суффикс и от той основы, к которой он присоединяется.

Литература

Ахманова 1957 – О. С. *Ахманова*. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.

Богородицкий 1935 – В. А. *Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. Казань, 1935.

Будагов 1952 – Р. А. *Будагов*. Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках // Доклады и сообщения Ин—та языкознания АН СССР. Вып. 1. М., 1952.

Вольф 1954 – Е. М. *Вольф*. Устойчивые сочетания глаголов с существительными без предлога в современном испанском языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1954.

Илия 1955 – Л. И. *Илия*. Грамматика французского языка. М., 1955.

Левинтова 1958 – Э. И. *Левинтова*. Словопроизводство отглагольных прилагательных (из очерков по современному испанскому словообразованию) // Вестник МГУ. Историко—филологическая сер. 1958. № 2.

Левковская 1955 – К. А. *Левковская*. О специфике префиксации в системе словообразования // Вопросы грамматического строя. М.: Изд—во АН СССР, 1955.

Bybee 1988 – J. *Bybee*. Morphology as lexical organization // Theoretical morphology. London: Academic Press, 1988. Br0ndal 1943 – V. *Br0ndal*. Essais de linguistique générale. Copenhagen, 1943. de Diego 1951a – V. *García de Diego*. Gramática histórica española. Madrid, 1951. Dillet 1997–1998 – *Montse Dillet*. Derivación y diacronía // *Estudi General*. Vol. 17–18. Girona 1997–1998. Harris 1946 – Z. *Harris*. From morpheme to utterance // *Language*. 1946. Vol. 22. № 3.

Newman 1948 – S. *Newman*. English suffixation: a descriptive approach // *Word*. 1948. Vol. 4. № 4. Pichon 1942 – E. *Pichón*. Les principes de la suffixation en franjais. Paris, 1942. Pike 1954 – K. L. *Pike*. *Language*. Part I. California, 1954. Togeby 1951 – K. *^geby*. Structure immanente de la langue franjaise. Copenhagen, 1951.

Wartburg 1943 – W. F. *Wartburg*. Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. Haale, 1943.

Сокращения источников

- Calderón 1829 – *Calderón de la Barca*. Las comedias. Vol. 1–2. 1827–1829.
Alberti 1954 – *R. Alberti*. A la pintura. Buenos Aires, 1954.
Unamuno 1945 – *M. de Unamuno*. San Manuel Bueno, mártir y tres historias más. Buenos Aires, 1945. Cervantes 1947 – *Miguel de Cervantes Saaverda*. El ingenioso hidalgo Don Quijote de la Mancha. Buenos Aires, 1947.

Глава IV ИНТЕРФИКСЫ

Испанские слова – существительные, прилагательные и глаголы, сократив формообразование, не стали от этого короче и не потеряли гибкость. Испанские полнозначные слова редко бывают односложны. Чем же компенсировал язык понесенные морфологические утраты? Упростив формообразование, он расширил зону словообразования. Язык сузил репертуар грамматических значений, но расширил зону лексической семантики. Развитие номинативных средств испанского языка в ущерб грамматическим, отчасти мотивировано широтой его территориального распространения. Число носителей испанского языка достигает 300 млн. человек. На нем говорят в 19 странах Латинской Америки, в Испании, в ее бывших африканских колониях – Марокко, Гвинеи, на Филиппинских островах, в некоторых штатах Северной Америки, примыкающих к Мексике. На всех этих территориях испанский язык находится в тесном взаимодействии с другой природой, укладом жизни, с другой культурой и культурными традициями, наконец, с другими языками – языками индейских аборигенов, а также с близко родственными романскими языками – португальским, каталанским, галисийским, провансальским, французским. Кроме того, язык Испании отличается диалектальным разнообразием. Говорящие на испанском языке обладают разным ухом и слухом, разными артикуляторными навыками, побуждающими их видоизменять произношение слов и интонацию высказываний. Все это в той или другой степени отражается на варьировании как формы, так и значения слов. Кроме того, испанская речь изобилует неологизмами – однодневками, часто образными, отвечающими языкотворческим порывам и прорывам говорящих и пишущих. В итоге, испанский язык стремится к лексическому изобилию и разнообразию, но в то же время старается соблюдать грамматическую строгость и единообразие.

Характерно, что испанский дискурс не слишком широко пользуется аббревиатурами, приемом столь распространенным в языках

Европы и Америки. Напротив, среди неологизмов, кроме богатой аффиксальной деривации и словосложения, распространено удлинение слова за счет разного рода «вставка» (инфиксов, эпентезы), удвоения суффиксов, сращения словосочетаний и субстантивации предложений.

Нельзя, впрочем, не отметить, что наряду с растяжением слова, наблюдается обратный процесс сокращения слова, в частности стяжение сложных образований, причем иногда путем исключения из их состава корневых морфем и сохранения завершающих слово слогов: *telemática* (*telecomunicación* + *informática*), *itañol* (*italiano* + *español*), *cantautor* (*cantante* + *autor*), *Aviateca* (*aviación guatemal-* *teca*), *muñecolates* (*muñeca* + *chocolate*), *camivolar* (*caminar* + *volar*), *suntuosa* (*suntuosa* + *sosa*), *petrodólares* (*petróleo* + *dólares*), etc. [Casado Velardo 1985: 56–57].

В обыденной речи особенно активно идет процесс редукции слова к первым двум слогам: *pelí* (*película*), *tele* (*televisión*), *compi* (*compañeros*), *disco* (*discoteca*), *boli* (*bolígrafo*), etc. Ср. аналогичное явление в русской речи: *маг* (*магнитофон*), *бад* (*бадмингтон*) и др.

Итак, испанский язык, прежде всего, лексичен. Он постоянно озабочен созданием новообразований, сохранением архаизмов, варьированием уже существующих слов, а также словесными играми. Одним из откликов на зов лексикона можно считать расширение арсенала морфонемных элементов, занимающих промежуточное место между основой слова и суффиксом или флексией. Эти элементы не входят в систему регулярного аффиксального словообразования. Поэтому для их обозначения служит термин *интерфикс*, а не *инфикс*,

который ассоциируется с названиями собственно деривативных морфем – *суффиксом*, *постфиксом* и *префиксом*. Термин *инфикс*, впрочем, также используется в лингвистике. Он обычно применяется к семантическим «вставкам» в основу слова, то есть внутрь лексем; например, рус. *ндрав*, *страм*, ср. лат. *visi* «я победил» и *vi—n—co* «я побеждаю». Ср. англ. бранные слова *hipo—bloody—crite*, *fan—fuckin—tastic* [Carthy 1952]. Об интерфиксах и инфиксах см. также: [Celdrán M. E. 1978: 447–460; Montes J. 1985: 181–189; Dressler 1984; Dressler 1986: 381–395; Яруллина—Тодорова 1998].

В отечественном языкознании применяется ряд терминов для обозначения морфонемных элементов, входящих в состав слова и выполняющих в нем соединительную функцию, но не закрепивших за собой четкого значения. Их называют *субморфами*, *квазиморфами*, *факультативными морфами*, *пустыми морфами*, *эпентезой*, *конка—тенаторами*, *формантами*, «*структемами*», *вставками*, «*прокладками*», *соединительными морфемами* (*Verbindungsmorphemen* в терминологии Н. С. Трубецкого). См. серию работ об интерфиксах Е. А. Земской [Земская 1964; Земская 1973: 113–136; Земская 2004: 117–142]. См. также [Яруллина—Тодорова 1998; Лопатин 1977: 53–57]. В русскую лингвистику, как отмечает А. А. Реформатский, термин *интерфикс* был введен А. М. Сухотиным [Реформатский 1967: 266].

В русистике термин *интерфикс* используется преимущественно для обозначения соединительных звуков – гласных и согласных: *лес—о—стень*, *стал—е—вар*, *пол—у—круг*, *пят—и—этажный*, *суди—л—ище*, *жи—л—ец*, *пе—в—ец*, *африк—ан—ец* и др. Соединительная морфа может соответствовать грамматическому показателю первого компонента сложения: *дв—ух—этажный*, *перекат—и—поле*, *тр—ех—рублевый*. В то же время она может быть нулевой: *вольт—метр*. Очень часто интерфикс вводится в слово по аналогии; ср. *будущ—н—ость*, *настоящ—н—ость*; *ялт—ин—цы*, *чит—ин—цы*. Об аналогии см. ниже. Во всех случаях интерфиксация способствует созданию единства или цельнооформленности слова. Она, кроме того, «расширяет круг основ, от которых могут создаваться суффиксальные производные» [Земская 1973: 126]. Русский язык не пользуется интерфиксами для растяжения звуковой оболочки слова. Интерфикс в нем выполняет в основном функцию фонетической адаптации суффикса или флексии к словообразовательной основе и способствует созданию морфосемантических аналогов. Более того, для русского языка вообще не слишком характерно стремление к растяжению слов. Напротив, в определенных ситуациях он любит словесные «обрубки»; ср. имена действия, обычно пользующиеся двухсложными суффиксами – *ение*, – *ание*, и др.: *выгул \ выгуливание*, *отлов \ отлавливание*, *запрет \ запрещение*, *выполз \ выползание*, *вывод \ выведение*, *развод \ разведение*, *визг \ визжание*, *дребез \ дребезжание* и др. ср. также: *навар*, *нарыв*, *наскок*, *наем*, *накал*, *обрыв*, *воз*, *навес*, *развес*, *отлет*, *лет*, *полет*, *налет*, *подвиг*, *подкоп*, *разбой*, *прибой*, *прыг—скок* и пр., а также окказионализмы: *выпендр*, *выклянч*, *вымет икры*, *вымуштр солдат*, *выпор детей* и пр. [Земская 1996: 130–131].

Сопоставление суффиксальных образований с «лилипутами» свидетельствует о влиянии значения, стиля и контекстов употребления слова на его протяженность. Так, сокращение слова было характерно для постреволюционной поры.

Испанский язык, напротив, не любит нулевых словообразовательных элементов. Он избегает прямого присоединения флексии к основе другой части речи, например, глагольной флексии к именной основе. Иными словами, он не пользуется конверсией, то есть переключением слова из одной парадигмы в другую в словообразовательных целях. Классический испанский язык не экономен, и это отличает его от других европейских языков, в частности английского и французского, не обременяющих слово избыточными морфологическими и слоговыми элементами. Так, назализация привела во французском языке к сокращению слогового состава слова, в частности суффиксов; ср. – *mente* (лат. *mentis*) и – *ment*.

В современном испанском языке арсенал интерфиксов богат и разнообразен, причем их выбор, значение и применение не подчинены строгим правилам. Интерфиксы вариативны, непредсказуемы и... не всегда необходимы. Интерфиксы – это своего рода складки, оборки и вставки, делающие звуковой «наряд», или «облачение», слова более гармоничным и выразительным. Приведем наугад несколько примеров с разными интерфиксами: *mach—ac—ón*, *acab—ad—or*, *camb—al—ache*, *habl—anch—ín*, *pap—arr—ucha*, *com—ed—ero*, *dent—ec—illo*, *blanqu—in—oso*, *joven—z—uelo*, etc. Всего в испанском языке насчитывается около 100 интерфиксов, в том числе 30 глагольных. Последние всегда предшествуют окончаниям глаголов 1 спряжения, даже если основа принадлежит глаголу 2 или 3 спряжения: *lam—isc—ar* «облизывать» (от глагола *lamer* «лизать»), *adorm—il—arse* «задремать» (от глагола *dormir* «спать»), *com—isc—ar* «перекусывать, закусывать» (от глагола *comer* «есть»), *mord—isc—ar* «покусывать» (от глагола *morder* «кусать»), *mull—isc—ar* «разрыхлять, размягчать» (от глагола *mullir* «делать мягким»), *corr—et—ear* «бегать, резвиться» (от глагола *correr* «бежать»), etc. Интерфиксы в этом случае, усложняя основу, упрощают формобразование, унифицируя его по образцу 1-ого спряжения. Как показывают приведенные примеры интерфиксы могут придавать значению глагола градуирующие коннотации, указывать на частотность или процессуальность действия.

По данным испанского Академического словаря 1992 г. в испанском языке имеется 250 разных комбинаций интерфиксов с суффиксами и глагольной флексией. Некоторые суффиксы (например, *—ón*) соединяются с 40 разными интерфиксами: *mach—ac—ón*, *corr—ach—ón*, *mat—al—ón*, *gat—all—ón*, *vej—anc—ón*, *garg—anch—ón*, *lim—at—ón*, *grab—az—ón*, *tem—er—ón*, *beb—err—ón*, *com—il—ón*, etc. Некоторые интерфиксы (например, *—ar—*) предшествуют 14 разным суффиксам: *viv—ar—acho*, *espumar—ajo*, *sec—ar—al*, *hoj—ar—asca*, *fog—ar—ata*, *bot—ar—ate*, *lengu—ar—az*, *hum—ar—eda*, *pasm—ar—ote*, etc. Эти сведения приведены в [Portolés 1988: 166].

На необходимость введения в испанскую дескриптивную морфологию категории интерфиксов обратил внимание Я. Малькиель [Malkiel 1957]. Основным аргументом Я. Малькиеля состоял в том, что во многих случаях в языке отсутствует исходная (промежуточная) форма, способная, прямо, не прибегая к посреднику, присоединять к себе суффикс; ср.: *humo* – **humar* – *hum—ar—eda* «облако дыма», *polvo* – **polvar* – *polv—ar—eda* «облако пыли». Однако, интерфиксы вводятся в слово и при возможности прямого соединения суффикса с основой. Так, нет препятствий для непосредственного примыкания суффикса к основе прилагательного *grande* «большой» (ср. *grandor* «размер, величина»). Однако, язык часто предпочитает интерфиксальные образования: *grandote*, *grand—ill—ón*, *grand—ull—ón*, *grand—ul—ón* «высокий человек, дылда, верзила»; ср. также *largo—iruch—o*, *larg—uch—o* «длинновязый». Это наводит на мысль, что большая протяженность предмета может повести к интерфиксальному растяжению обозначающего его слова, как бы передавая этим движение взгляда вдоль объекта; ср. рус. *длинный* – *длиннющий*, *широкий* – *широченный*, *толстый* – *толстущий*, *высокий* – *высоченный* и др. Впрочем слова со значением малой протяженности также растягиваются; ср. *малый* – *маленький* – *малюсенький*, *короткий* – *коротенький* – *коротюсенький*. Этим маркируется эмоциональная реакция на воспринимаемый объект.

После выступления Я. Малькиеля тема интерфиксов стала предметом широкой дискуссии. Те испанисты, которые возражали против введения в морфологический анализ категории интерфиксов, предпочитали пользоваться понятием усложненных вариантов суффиксов (ср. *—eg—oso*, *—isc—al*, *—arr—ón*), служащих их фонетической адаптации к основе, в частности устраняющих хиа. Кроме того, указывалось, что не всегда в дериватах выделяется исходная основа, соответствующая реально существующему суффиксальному слову; ср. *tonto* – **tontero* – *tont—ería*, *bobo* – **bobero* – *bob—ería*. Сторонники интерфиксации объясняли эти случаи действием аналогии, благодаря которой суффикс среднего звена слово-

образовательной «тройки» переносится во второй элемент словообразовательной «двойки». Тем самым, приведенные выше производные повторяли последовательность морфем в третьем члене рядов типа *ganado – ganadero – ganad—er—ía*. Ласаро Карретер предпочитает применять к деривации по аналогии термин *estereotipía* «стереотипическое словообразование», при котором к основе присоединяется не последовательность отдельных элементов, а целостный блок, объединяющий интерфикс и флексию, например, *– izar, – eser* [Carreter 1980; Carreter 1997].

Между тем действие аналогии, или стереотипа, не всегда может объяснить случаи интерфиксации. Например, пара **humar – humareda*, как отмечает Л. Портолес, лишена опоры на аналогичные образования [Portalés 1988: 154–155].

Много споров вызывали также случаи двойной суффиксации. Так, Я. Малькиель обособляет интерфикс *– ar–* в словах *bail—ar—ín, danc—ar—ín, cant—ar—ín*. Ласаро Карретер видит в этих словах стереотипное воспроизведение итальянской модели типа *ballerino* [Carreter 1997: 18]. Л. Портолес допускает случаи совместного действия интерфиксации и аналогии (стереотипа), в результате которого оказывается возможным присоединять суффикс к инфинитиву. Аналогия как бы отрывает окончание инфинитива от глагола и переносит его к суффиксу; ср.: *saltar—ín* и *salt—arín*. Однако такое совместное действие интерфиксации и аналогии не укрепилось в испанском языке и обычно предпочтение отдается интерфиксации; ср.: *escup—it—ina* («плевок» от *escupir* «плевать»), *habl—anch—ín, habl—ant—ín* («болтун» от *hablar* «разговаривать»), *parl—ant—ín, parl—anch—ín* («болтун» от *parlar* «болтать») и др.

В сущности интерфиксация и аналогия отвечают разным тенденциям в функционировании языка. Интерфиксация, хотя и способствует грамматической унификации глагольных парадигм, в целом ведет к морфологическому и лексическому варьированию, тогда как действие аналогии (стереотипизации) направлено на снятие, или ограничение, варьирования морфологических форм, то есть ведет к унификации структуры близких по значению лексических групп слов. Грамматическая унификация и лексическое варьирование отвечают некой общей закономерности развития испанского языка. Его грамматические формы устремлены к единообразию, а лексические – к разнообразию. Испанская грамматика считается с нормой, а лексика любит отстранять ее от себя. Территориальное разобщение не вызвало резкого расхождения грамматических форм, но способствовало лексико—семантическому обособлению региональных вариантов языка, которые вместе с тем в той или иной степени взаимодействуют друг с другом, умножая варьирование. Даже, казалось бы, устойчивые формы морфологической деривации, не оберегают слово от варьирования. В испанском словообразовании, как показывает феномен интерфиксации, аналогия действует гораздо менее активно, чем в грамматике.

Каков же статус интерфиксов в испанской морфологии? Нельзя не заметить, что обращение к понятию интерфиксов весьма запутало морфологические теории структуралистов, внося в них разноречие и поставив под сомнение статус и определение основной единицы анализа – морфемы. Отечественные испанисты этого избежали, отстранившись от интерфиксации.

Интерфиксы лишены регулярной семантической и грамматической функции. В этом смысле они подобны фонеме. Их, поэтому, трудно отнести к категории морфем в структурном понимании этого термина. Я. Малькиель, обратившись к анализу интерфиксации, расширил понятие морфемы, подведя под него асемантические и грамматически неактивные элементы, выделяемые в слове остаточным путем [Malkiel 1958: 185]. Точно так же те авторы, которые видят в морфеме не столько мельчайшую значимую единицу, сколько единицу, выделяемую в составе слова «по узнаванию», как, например, М. Аронофф, причисляют интерфиксы к морфемам: «What is essential about a morpheme: not that it means, but rather that

we be able to recognize it» [Aronoff 1981: 15]. Некоторые филологи (например, Л. Бауэр) относят интерфиксы к числу *формативов* – дистрибутивных сегментов, выделяемых в ходе морфологического анализа слова, независимо от того, обладают ли они признаками морфов или нет [Bauer L. 1983: 16–21]. Одни авторы видят в интерфиксах морфемный элемент, цель которого – гармонизировать звуковую оболочку слова. Другие приписывают интерфиксам грамматическую функцию. Так, суффикс —ón может присоединяться только к основам глаголов I спряжения (acus—ar – acus—ón, tap—ar – tap—ón). Присоединение этого суффикса к основам глаголов II или III спряжений происходит через посредство интерфикса: com—er – com—et—ón, beb—er – beb—er—ón, perd—er – perd—ig—ón, dorm—ir – dorm—il—ón. Интерфикс, таким образом, снимает запрет на сочетаемость суффикса —ón с основами глаголов II и III спряжений и тем самым осуществляет не столько фонетическую, сколько грамматическую гармонизацию глагольных парадигм. Этот же суффикс избегает присоединяться к существительным мужского рода. Запрет снимается включением в слово интерфикса; ср.: vuelo и vol—ant—ón.

Итак, введение в испанскую морфологию интерфиксов слегка пошатнуло ее строгие основания. В конечном счете, большинством авторов интерфикс был признан все же морфемой – минимальной *узнаваемой* единицей грамматического анализа [Portales 1988: 156–157].

Какие же признаки позволяют выделить интерфиксы в особый класс морфем?

К числу интерфиксов принято относить компоненты слова, удовлетворяющие следующим условиям: 1) Форма интерфикса не зависит от синтаксической функции слова, то есть интерфикс не влияет на синтаксические отношения и связи слова с другими лексическими единицами. 2) Интерфикс занимает позицию между основой слова и суффиксом или флексией. Поэтому в категорию интерфиксов не входят соединительные гласные (barb—i—rubio), фонемы, отделяющие префикс от основы (en—s—anchar), фонемы, проникшие внутрь корня (dele—z—nable от delenar). 3) Интерфикс не несет на себе ударения, но может получать его в ходе глагольного спряжения: despach—urr—ar – despach—**urro**. 4) Не являются интерфиксами первые компоненты суффиксальных цепочек, возникающих при вторичной суффиксации: leche – lech—ero – lech—ería. 5) Не принято относить к интерфиксации действие аналогии, при которой в близкое по смыслу слово вводится целый звуковой блок; ср. аналогическое образование медицинских терминов: verb—оггеа «многословие», bronc—оггеа «слизистые выделения из горла», leuc—оггеа «бели, мокрота», pi—оггеа «нагноение» и др. 6) Не выделяют интерфиксы в заимствованных словах и латинизмах, переживших в испанском языке фонетическую эволюцию (так называемые *palabras patrimoniales*): safetera (fr. safetiere), tutear (fr. tutoyer), ferretero (cat. ferreter) «торговец скобяными изделиями», cervigón букв. «имеющий большой затылок», фиг. «упрямый» (lat. cervicus от cervus «олень»), в котором сегмент—ig— есть результат эволюции латинского этимона, etc. 7) Интерфикс, в отличие от суффиксов и префиксов, тяготеет не к основе слова, а к суффиксу или флексии, и, образовав с ними единый компонент, входит в состав слова: [hum(o)] + [ar + eda]. Это давало повод смешивать интерфиксы с цепочками суффиксов; ср. chico – chic—it—o – chic—it—ín.

Принято считать, что в отличие от суффиксов, которые выбираются основой, интерфиксы выбираются суффиксом или флексией. Испанский язык утратил способность образовывать глаголы путем прямого присоединения флексии к именным основам. Для образования глаголов используются интерфиксы, которые примыкают к флексии, образуя с ней единый блок: – ear, – ificar, – izar, – eser. Если бы интерфиксы создавали единый блок с основой глаголов, это бы затрудняло непосредственное присоединение глагольной флексии, как это имеет место в словах с интерфиксальным посредником, типа churr—asc—ar, agu—az—ar, ar—ic—ar, tromp—ill—ar, com—isc—ar, mach—uc—ar и др. Такого рода образования, как уже отмечалось, переводят глаголы II и III спряжений в продуктивный класс глаголов

I спряжения: *adorm—il—arse*, *lam—isc—ar*, *com—isc—ar*. Такие объединения отличны от вербальных суффиксов типа *—ear*, *—ificar*, *—izar*, *—ecer*, которые образуют целостный блок, способный присоединяться и к основе глагола, и к интерфиксам: *llor—iqu—ear*, *ol—isqu—ear*, *atont—ol—in—ar*, *chisp—orr—ot—ear* [Portolés 160].

Теперь перечислим те функции, которые выполняют в испанском языке интерфиксы:

1. Интерфиксы исключают хиат: *ruso—n—iano* (от *Rousseau*). В испанском языке не используется форма *rus—i—ano*, которая больше бы соответствовала принятой норме (ср. *Logsa—lorquiano*), так как в этом случае могла бы возникнуть ассоциация не с *Rousseau*, а с *ruso* «русский».

2. Интерфиксы препятствуют возникновению омонимов: ср. *llamada* «зов, призыв» (от *llamar* «звать») и *llamada* (от *llama* «пламя, огонь») «вспышка пламени», *manada* «горсть, пригоршня», *man—ot—ada* «удар рукой».

3. Интерфиксы сохраняют вспомогательный акцент на корневой морфеме, препятствуя ее варьированию, в частности дифтонгизации, которая бы мешала узнаванию корня: *tierno—es—illo*.

4. Интерфикс снимает фонетические препятствия для суффиксации: *lengu—a—*lengu—udo—lengu—ar—udo*.

5. Интерфикс вносит в слова новые значения и коннотации: *enamorarse—enamor—isc—arse*, *chup—ón—chup—et—ón*, *trag—ón—trag—all—ón*, *mam—ón—mam—ar—ón—mamant—ón*, *mam—ar—mam—uj—ar—mam—alón—mam—ant—ear*, *bes—ar—bes—uqu—ear*, *llor—ar—llor—equ—ear*, *morder—mord—is—que—ar*, *pis—ar—pis—ot—ear*, *ner—vo—nerv—ad—ura*, *bot—ón—boton—ad—ura*, *cuern—o—corn—ad—ura*, *estac—o—estac—ad—ura*.

Эти значения не столь ясны и определены, как значения суффиксов, поскольку, как отмечалось, интерфикс непосредственно взаимодействует не с основой слова, в которой сосредоточено лексическое значение, а с суффиксом или флексией. В некотором роде интерфиксы подобны фонеме: они не выражают регулярных отношений между означающим и означаемым. Тем не менее, интерфиксы делают некоторый вклад в семантику слова, наделяя ее фреквен—тативными и оценочными (обычно отрицательными) коннотациями, а также значением эвфемизации. Поэтому интерфиксальные слова отдают предпочтение предикатной позиции, а, выполняя субъектную функцию, придают ей субъективные коннотации. Испанская семантика не склонна ограничивать употребление слов чисто информативной целью, достаточной для того, чтобы *emiliarse*, то есть обмениваться сообщениями по e—mail'у.

6. Наконец, интерфиксы препятствуют укорачиванию слов, превращению их в неавтономные компоненты высказывания. Х. Порта—лес, вслед за Малькиелем, считает, что обилие интерфиксов отвечает склонности испанской речи к растяжению слова ради сохранения второстепенного пропарокситонического ударения (*acento esdrú—juk*). Тем самым интерфикс, будучи сам неударным, способствует сохранению второстепенного ударения на основе слова, позволяя тем самым ее идентифицировать. Тенденция к развитию пропарок—ситонического ударения заметна также в экспрессивной лексике; ср. *titiritar* «дрожать». Я. Малькиель отмечал неприязнь испанского языка к односложности полнозначных слов, особенно прилагательных. Он объяснял удлинение имен тем, что «пропарокситоническое ударение стало для испаноговорящих столь привлекательным, что они все чаще вставляют в слова незначимые слоги, чтобы подвести их звучание под излюбленную модель (*as if to squeeze them into their favorite mould*)» [Malkiel: 355]. Испанская речь отдает предпочтение певучей, а не рубленой, интонации. Испанская интонация, особенно эмоциональная, нуждается в протяженности. Слово—знак растягивается в слово—высказывание.

Подчеркнем еще раз, что в испанском языке тенденция к максимализации слова отличает его от некоторых других европейских языков, в частности английского и французского, в которых, скорее, заметна склонность к «уплотнению» лексем.

Литература

- Земская Е. А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
- Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 113–136.
- Земская Е. А.* Активные процессы современного русского словообразования / Русский язык конца XX столетия (1985–1995), М., 1996. *Земская Е. А.* Язык как деятельность. Морфема. Слово. Речь. М., 2004. *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 53–57.
- Реформатский А. А.* Введение в языкознание, 4 изд. М. 1967. С. 266. *Яруллина—Тодорова Т.* Интерфиксация с позиций восприятия текста \ \ Лики языка. М., 1998.
- Aronoff M.* Word Formation in Generative Grammar. Cambridge. 1981.
- Bauer L.* English Word Formation. Cambridge UP. 1983. P. 16–21.
- Casado Velardo M.* Tendencias en el Léxico Español Actual. Madrid, Coloquio, 1985.
- Carreter Lazam F.* Lengua Española. Teoría y Práctica. Madrid. 1976. *Carreter Lázaro F.* El tardo de la palabra. Madrid. 1997.
- Celdrán Martínez E.* En torno a los conceptos de interfijo e infijo en Español // Revista española de la lingüística. N 8, 1978. P. 447–460.
- Carthy M.* Prosodic Structure and Expletive Infixation. Language. № 58, 1952.
- Dressler W. U.* Zur Wertung der Interfixe in einer semantischen Theorie den natürlichen Morphologie // Wiener slawistischer Almanach. 1984.
- Dressler W. U.* Forma y función de los interfijos // Revista Española de linguística. 1986, № 2.
- Malkiel J.* Los interfijos hispánicos. Problemas de linguística histórica y estructural // Miscelania. Homenaje a André Martinet. La Laguna. 1958.
- Malkiel J.* Genetic Analysis of Word Forms (?).
- Montes Giraldo José. J.* Los interfijos hispánicos. Reexamen con base en datos de ALEC. Anuario de Linguística Hispánica. 1985. P. 181–189.
- Portales Lázaro J.* Sobre los interfijos en Español. Linguística Española Actual. V. 10, № 2, Madrid 1988. P. 154–169.
- Portales Lazaro J.* La Interfijación // Gramática Descriptiva de la Lengua Española. Vol. 3. cap. 77. RAE. Madrid. 1999.
- Rainer Fr.* Spanische Wortbildungslehre. Tübingen. 1993.

Глава V

ОБРАТНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ И ВОПРОСЫ НЕСОБСТВЕННОЙ ДЕРИВАЦИИ^{4}

При описании словообразования нередко отмечается такая его разновидность, как обратная деривация (*derivación inversa* o *retrógrada*).⁸⁴ Этот прием состоит в «извлечении» производящей основы из производного слова. Иначе говоря, процесс словообразования как бы инвертируется, протекает в обратном направлении: от второго члена модели к первому. Ср. *legislador* > *legislar* при нормальной последовательности *hablar* > *hablador*. Обычно приводятся следующие примеры подобной деривации: *asco* (из *asqueroso*), *burro* (из *borrico*, лат. *burcus*), *mango* (из лат. *māncūla*), *carbunco* (из *carbúnculo*), *humilde* (из *humildad*), *ilar* (из *ilación*), *transar* (из *transación*), *juagar* (из *enjuagar*), *tropezar* (из *entropesar*), *jalbegar* (из *enjalbegar*), *cobrar* (из *recobrar*), *soso* (из *ensoso*, лат. *insulsu*). Обратное словопроизводство, как показывают иллюстрации, возможно в тех случаях, когда аффиксальное образование попадает в язык самостоятельно, не будучи созданным от простого слова. Естественно, что наличие в языке производного слова при отсутствии простого – явление весьма редкое, соответственно немногочисленны и разрознены случаи обратной деривации. Проникновение в язык сложных по своему составу слов, формальные элементы которых входят в определенные морфологические ряды, а основа остается единичной, обусловлено обычно так называемой внешней историей языка, в частности заимствованием рядов слов с одинаковым аффиксом, а также переразложением основы в результате народной этимологии, трактующей произвольный отрезок слова как значимый морфологический элемент. Так, любопытным примером обратной деривации является выделение слова *enconía* 'ненависть, озлобление' из сложного образования *malenconía* (вариант слова *malencolía* 'меланхолия'). Это последнее является результатом ассоциации элемента *mel-* (в *melancolía*) с прилагательным *mal-*—о 'плохой'. Осмысление первого слога позволило связать определенное значение и с остающимся отрезком. Затем из существительного *enconía* была извлечена основа слова *encono*, имеющего то же значение, которая обогатила язык рядом производных – таких, как *enconar* 'раздражать, вызывать гнев', *enconado* 'ожесточенный', *enconamiento* 'гнев, ожесточение', *enconoso* 'злобный, раздраженный'. Аналогичного происхождения слово *la granada* 'гранат'. Оно выделилось из сложного образования *malgranada* (из *mala*—*granada* 'яблоко с семечками'), так как элемент *mal-* (из лат. *mala* 'яблоко') стал ассоциироваться с *mal* 'плохо' и был исключен из слова.⁸⁵

Иногда действие обратного словообразования зависит от движения самой языковой системы, от тех отношений, которые складываются в языке в результате его внутреннего развития. Так, например, причастие, выступая в адъективной функции, может не утрачивать своих парадигматических и, следовательно, смысловых связей с глаголом. Прилагательные *perniquebrado* 'со сломанными, перебитыми ногами', *maniatado* 'со связанными руками', *alicortado* 'с подрезанными крыльями', *aliquebrado* 'со сломанными крыльями' созданы по типу сложных слов *manilargo*, *patizambo*, вторым компонентом которых являются прилагательные. Форма второго элемента приведенных выше сложений дала повод понять все слово

⁸⁴ Обзор литературы об обратной деривации в романских языках, в частности французском, можно найти в статье [Dánilá 1959: 95—105].

⁸⁵ Явление, обратное словосложению, в испанистике принято называть анализом.

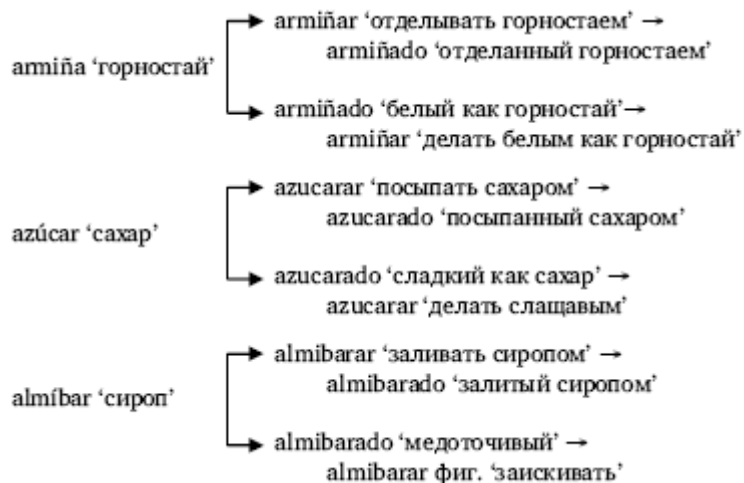
как причастие глагола, который и был затем «восстановлен» в языке. Ср. *perniquebrar* 'ломать ноги', *maniatar* 'связывать руки', *alicortar* 'подрезать крылья', *aliquebrar* 'ломать крылья'.

Глагол *indisciplinarse* 'выходить из повиновения', включающий префикс прилагательных *in-*, возник в результате обратной деривации от адъективированного причастия *indisciplinado* 'распущенный, недисциплинированный'. Такого же происхождения глагол *indisponer* 'расстраивать, сердить, заболеть (в возвратной форме), созданный от прилагательного *indispuesto* 'расстроенный, нерасположенный, нездоровый'. Глагол *independerse* 'освободиться, получить независимость' образован от *independiente* 'независимый' (бывшее активное причастие).

В других случаях обратное словопроизводство вызывается тем, что грамматический элемент получает регулярную словообразующую функцию, продолжая в то же время соотноситься с парадигматическим рядом. Так, суффикс причастий – *ado* может присоединяться к именным основам, образуя прилагательные. Словообразование этого рода часто сопровождается префигированием. Ср. *leonado*, *datilado*, *azafranado*, *apicarado*, *adamado*, *envalentonado*, *deslenguado*, *desalmado*. Форма суффикса позволяет в некоторых случаях осмыслить прилагательное как причастие отыменного глагола, который вслед за этим также вводится в язык, ср. *envalentonar(se)*, *adamar*, *apicarar(se)*, *azafrantar*. Регрессивная деривация как бы сочетается здесь с прямым словопроизводством. Иначе говоря, глаголы *envalentonar(se)*, *adamar* одновременно соотносятся с именами *valentón*, *dama* и прилагательными *envalentonado*, *adamado*. Причину такой словообразовательной двойственности не трудно объяснить. Модели *dama* > *adamado*, *lengua* > *deslenguado*, *león* > *leonado*, *valentón* > *envalentonado* возникли в результате пропуска одного из звеньев словообразовательной цепи: *tonto* > *atontar* > *atontado*, *freno* > *frenar* > *desfrenar* > *desfrenado*, *ceniza* > *encenizar* > *encenizado*, *almacén* > *almacenar* > *almacenado*.

Опущение глагольного элемента, непосредственная ассоциация между крайними точками ряда (в данном случае между существительным и прилагательным) привели к созданию в языке новых моделей, обладающих морфологической и семантической спецификой.⁸⁶ Вербальный член может, однако, восстанавливаться в языке, входя в употребление позднее соответствующего прилагательного. Ср. *adamar* < *adamado*; *apicararse* < *apicarado*; *amanerarse* < *amanerado*; *apergaminarsе* < *apergaminado*. Глагол в приведенных примерах возникает в результате одновременного действия прямой и обратной деривации. *Adamar*, *apicararse*, *amanerarse*, с одной стороны, являются производными от основ существительных *dama*, *picarо*, *manera*. С другой стороны, они возникли после прилагательных *adamado*, *apicarado*, *amanerado* и под воздействием их смыслового содержания. Происходит как бы скрещивание прямой и обратной деривации. Словообразование этого рода следует схеме А – В <– С: *dama* – *adamar* «– *adamado*; *picarо* – *apicararse* «– *apicarado*. Нередко в произведенном таким способом слове можно различить элементы смысловой структуры, обусловленные прямой и обратной деривацией. Так, *azafrantar* в значении 'приправлять шафраном' соотносится с существительным *azafrán* 'шафран' и является результатом прямого словопроизводства: *azafrán* – *azafrantar*. Другое значение этого же глагола – 'красить шафраном, красить в шафрановый цвет, делать похожим на шафран' – возникло под воздействием отыменного прилагательного *azafranado* 'похожий на шафран, желтый как шафран'. Следовательно, на значение глагола *azafrantar* оказали влияние как существительное *azafrán* и семантические возможности, связанные с его вербализацией, так и прилагательное *azafranado*, осмысленное как причастие глагола. Ср. следующие аналогичные соотношения:

⁸⁶ См. подробнее в главе «Смешанные типы словообразования».

Приведенные примеры говорят о том, что смысловый объем глагола определяется действием прямого и обратного словопроизводства. В зависимости от удельного веса в слове разных значений можно говорить о преобладании того или другого словообразовательного типа. Так, глаголы *adamar*, *apicararse*, *amanerarse* обнаруживают более тесную связь с прилагательными *adamado*, *apicarado*, *amanerado*. *Azucarar*, *almibarar*, напротив, скорее соотносятся с существительными *azúcar*, *almíbar*, а *azafrán* образует равномерное двустороннее сцепление. Итак, некоторые слова в разных значениях обнаруживают разные словообразовательные связи. Перекрестное функционирование ряда моделей приводит к сплетению в слове самостоятельных (но обусловленных его морфологической структурой) значений. Полисемия определяется в подобных случаях не семантическим развитием слова и не многозначностью единой модели словообразования, а тем местом, которое занимает слово в разных моделях, как бы на стыке прямой и обратной деривации.

Лингвистическая проблема обратного словообразования имеет разные аспекты. При изучении функционирования системы языка во времени, а также в плане исторической лексикологии регрессивная деривация интересна с точки зрения реальной последовательности возникновения в языке слов. Иначе обстоит дело при анализе тех морфологических и семантических связей, которые складываются между словами в пределах синхронного среза языка. Изучая статические словообразовательные отношения, мы не должны расценивать слова, возникшие в результате обратной деривации, как произведенные от тех слов, из состава которых они были выделены. Так, *legislar* не может рассматриваться как вторичное по отношению к *legislador*, *humilde* – к *humildad*, *perniquebrar* – к *perniquebrado*, *burro* – к *borrico*. Во многих лингвистических работах, однако, излагается именно такой взгляд. Так, А. Граур в одной из своих статей подчеркивает, что производное слово совсем не обязательно создается в языке при помощи аффиксов, ссылаясь при этом на регрессивную деривацию.⁸⁷ В романской лингвистической традиции при определении производного слова принято указывать, что оно может возникнуть путем прибавления аффиксов, замены одних аффиксов другими, а также их исключения из состава слова.⁸⁸ Такая точка зрения, очевидно, основывается на неразличении фактов системы языка и явлений, характеризующих ее функционирование во времени. В современном языке аффиксальное слово (при наличии простого) воспринимается как вторичное, а не первичное образование, независимо от того, было ли оно исходным пунктом или результатом деривации.⁸⁹ Оно структурно отождествляется со

⁸⁷ [Graur 1957: 17].

⁸⁸ См., например [Lázaro Carreter 1953: 106–107; Marouzeau 1951b: 71].

⁸⁹ Подробнее см. [Смирницкий 1956: § 71–74].

вторым, а не первым членом модели. Этим определяется и семантическая иерархия, существующая между единицами лексического состава языка. Слова, не содержащие аффиксов, обычно мотивируют значение аффиксальных производных от той же основы. Мы понимаем существительное *humildad* 'смирение, покорность', установив его вторичность по отношению к морфологически непроемному и семантически более простому *humilde* 'смирительный, покорный'. Значение существительного *ilación* 'следствие' уже не является результатом прямой ассоциации с данным звуковым комплексом, как было бы при отсутствии глагола *ilarg* 'следовать, вытекать', а устанавливается через посредство этого глагола. Слова, созданные путем регрессивной деривации, становятся в отношении, типичные для прямого словопроизводства. Обратная деривация обычно не дает языку новых словообразовательных моделей, характеризуясь лишь изменением последовательности возникновения в языке слов, но не сдвигом в их лингвистической оппозиции. Поэтому нет достаточных оснований выделять регрессивную деривацию в особый словообразовательный тип наряду с аффиксацией, словосложением и пр., как это имеет место в описательных грамматиках испанского языка, а также в специальных работах по словообразованию.⁹⁰

Изучая протекание словообразовательного процесса во времени, необходимо констатировать, что существующие в языке модели могут служить базой для словообразования в двух направлениях: от первого члена модели ко второму и, наоборот, от второго члена к первому. Структура словообразовательной модели в синхронном плане может быть передана формулой $A \leftrightarrow B$, в которой обратимость словообразовательного процесса выражена двусторонней стрелкой, а семантическая и морфологическая зависимость одного слова от другого представлена фиксированным порядком расположения компонентов (слово, отождествляемое со вторым членом, всегда является вторичным, производным). Возможность прямого и инвертированного функционирования модели не равнозначна ее распаду на две более простые конструкции: $A - B$ и $B - A$. Иначе говоря, модель $A \leftrightarrow B$ не составлена из двух элементарных формул, а представляет одну, неразложимую далее лингвистическую структуру. Однако в некоторых случаях инверсия членов модели приводит к расщеплению этого первоначального единства, к его разложению на две схемы деривации. Это доказывает, что обратимость словообразовательного процесса, может стать весьма важным фактором развития системы языка. Попытаемся подкрепить это положение конкретным материалом.

Испанский язык унаследовал от латыни модель, по которой создаются глаголы от именных основ без помощи специальных суффиксов. Ср. *el almacén* > *almacenar*, *la araña* > *arañar*, *la tapia* > *tapiar*, *el tapiz* > *tapizar*, *el tapón* > *taponar*, *la sangre* > *sangrar*, *la tapa* > *tapar*. В испанистике такой прием принято обозначать термином «непосредственное словопроизводство» (*derivación inmediata*). В дальнейшем этот тип словообразования будет называться нами, в соответствии с общероманской традицией, несобственной деривацией.

Изменение последовательности словообразовательного процесса в рамках модели «имя – глагол» дало возможность создавать имена существительные путем выделения глагольной основы.⁹¹ Ср. *suspirar* > *el suspiro*, *sospechar* > *la sospecha*, *mermar* > *la merma*, *dañar* > *el daño*, *escotar* > *el escote*, *menguar* > *la mengua*, *despilfarrar* > *el despilfarro*, *desafiar* > *el desafío*,

⁹⁰ [Gramática 1931: 146; Alemany Bolufer 1920: 151].

⁹¹ Словообразование этого типа имело место уже в латыни. Его продуктивности в испанском языке способствовало и то обстоятельство, что в испанском лексическом запасе оказалось большое количество соотносимых между собой существительных и глаголов, основы которых не содержали специальных словообразовательных суффиксов. Такие пары с исторической точки зрения не всегда находились в непосредственном деривативном отношении. Они могли быть параллельно созданы от одной и той же производящей основы. Так, от основы латинского причастия II образовывались глаголы и имена действия. Ср. Исчезновение первичного глагола в народной латыни ставило фреквентативный глагол в непосредственную словообразовательную связь с отпричастивным именем, делало его как бы производящей основой этого имени. Такого происхождения испанские пары *usar*: *uso*, *conquistar*: *conquista*, *cantar*: *canto*. В них имя, содержащее общую с инфинитивом основу, означало действие.

ansiar > el ansia, preguntar > la pregunta, desmayar > el desmayo. В этом случае в языке имелось достаточно словарного материала, отождествляемого со вторым членом модели (т. е. глаголов). Это обеспечило активное функционирование модели в обратном направлении, т. е. от В к А.

Однако постепенно наметились существенные морфологические и фонетические расхождения между прямым и обратным действием модели. Как известно, испанские имена с исходом на *-o* и *-e* – мужского рода, а существительные, оканчивающиеся на *-a*, – женского рода. В лексическом запасе испанского языка имеется немало отступлений от этой нормы. Так, звук *-e* оформляет большое количество имен женского рода, ср. la sangre, la calle, la clase, la corte, la liebre, la legumbre, la fiebre, el hambre (f.), la costumbre, la base, la frase, la fuente. Эти существительные могут служить основой для образования глаголов, ср. la sangre > sangrar. Напротив, если мы рассмотрим структуру производного имени (при инвертированном действии модели), то заметим, что звук *-e* закрепляется только за существительными мужского рода, ср. avanzar > el avance, arrancar > el arranque, tocar > el toque, costar > el coste, dejar > el deje, trocar > el trueque, rozar > el roce, frotar > el frote.⁹² Любопытно сопоставить такие слова, как la corte (от лат. cohors, –tis) 'двор, резиденция' и el corte 'отрез, порез' – имя по глаголу cortar 'резать'. Итак, будучи производящей основой, имена на *-e* могут принадлежать как женскому, так и мужскому роду. При обратном словообразовании существительные на *-e* всегда мужского рода.

Расхождение прямой и инвертированной деривации коснулось также фонетического облика имени, в частности места ударения. В испанском языке возможно создание отыменных глаголов независимо от того, на какой слог падает ударение в производящем слове. Ср. la lámina > ^ пiцм, la c ópula > copular(se), el almacén > almacenar, la página > paginar. Однако при инверсии словообразования отглагольное имя не имеет колебаний в оформляющем его ударении: оно всегда падает на предпоследний слог. Сдвиг ударения наблюдается только в тех случаях, когда глагол и производное от него имя были оба заимствованы из латыни. Ср. такие испанские пары, как calcular > el cálculo, computar > el cómputo, suplicar > la súplica, vomitar > el vómito. Заимствованные латинские слова следуют определенной закономерности: имена сохраняют латинское ударение, связанное с долготой и краткостью гласных, глаголы всегда подчиняются правилам испанской акцентуации, единой для всех спряжений. Отсюда и возможность расхождения в ударении имен и глаголов, взятых испанским языком из латыни. Ср. el cálculo, но yo calculo, tú calculas, él calcula и т. д. Латинизмы со сдвинутым ударением, естественно, не могут быть подведены под испанскую конструкцию типа arrancar > el arranque, contar > la cuenta.

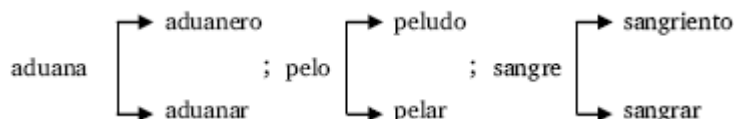
Отмеченные фонетические и морфологические расхождения между прямым и обратным действием анализируемой модели, имеют следующую общую причину. Модель «имя – глагол» (как и всякая словообразовательная конструкция) фиксирует прежде всего формальную характеристику производного слова, приводя ее в соответствие с продуктивной морфонологической системой, управляющей современным языком. Это обуславливает принадлежность отыменного глагола к первому спряжению. Однако многие формальные черты производящего имени – его ударение, конечный звук, родовая принадлежность – не влияют на функционирование данной модели и не входят в ее структуру. Эти признаки имени могут не находиться в соответствии с действующей языковой системой. Форма имени нередко имеет нормативный, закрепленный литературной традицией характер. При инверсии словообразовательного процесса модель «глагол – имя», естественно, начинает включать, как необходимые признаки, всю морфонологическую структуру производного имени – его звуковой исход, родовую принадлежность, ударение, – в свою очередь подводя их под действу-

⁹² Об отглагольных именах этого типа см. [Malkiel 1959].

ющие в языке отношения. Правда, модель «глагол – имя» также достаточно твердо определяет форму производящего глагола: он обычно принадлежит к I спряжению и обладает регулярной парадигмой. Случаи несобственной деривации от глаголов II и III спряжений немногочисленны, ср. *socorrer* > *el socorro*, *sorber* > *el sorbo*, *crecer* > *las creces*, *hender* > *la hienda*, *contender* > *la contienda*, *carcomer* > *la carcoma*, *recibir* > *el recibo*, *repartir* > *el reparto*, *tundir* > *la tunda*, *combatir* > *el combate*, *debatir* > *el debate*, *rebatir* > *el rebate*, *fruncir* > *el frunce*. Характер глагола, следовательно, является фиксированным как в структуре «имя – глагол», так и в обратной схеме «глагол – имя». Но многие черты имени, несущественные при образовании от него глагола, оказываются весьма важными при создании отглагольных имен. Морфонологическое расхождение двух моделей касается, следовательно, преимущественно формы существительного. Для конструкции «имя – глагол» она во многом безразлична, для модели «глагол – имя» она предопределена.

Попытаемся проследить далее дифференциацию прямого и обратного действия словообразовательной модели.

При создании отыменных глаголов конечная гласная существительного (если она имеется) отпадает. Это соответствует общей норме испанского словообразования: производящие основы имен не включают конечного гласного, если на него не падает ударение. Ср.

При образовании отглагольных имен (т. е. когда вступала в действие регрессивная деривация) основа глагола должна была получать в исходе определенный гласный, который придавал бы ей фонетическую завершенность, поскольку лишь немногие согласные (*n, d, s, l, r, z*) и далеко не во всех комбинациях с предшествующими звуками встречаются в конце испанского слова. Последнее может оканчиваться на *-o, -e, -a* (так называемые сильные гласные). Слабые гласные *-i, -u* встречаются в этом положении лишь sporadически в заимствованных словах и латинизмах (обычно под ударением). Ср. *grisú, jabalí, espíritu, alfaquí*. При образовании отглагольных имен наметились некоторые фономорфологические тенденции, определяющие выбор конечного звука. Так, возможность согласного исхода практически была отброшена. Образования типа *perdonar* > *el perdón*, *disfrazar* > *el disfraz*, *sostener* > *el sostén*, *pregonar* > *el pregón*, *deslizar* > *el desliz* единичны. Это уже само по себе заметно отличает прямую деривацию от «обратной», поскольку отыменные глаголы свободно образуются от существительных, оканчивающихся на согласный звук. Ср. *acción* > *accionar*, *azúcar* > *azucarar*, *almacén* > *almacenar*, *almíbar* > *almibarar*, *señal* > *señalar*. Основы глаголов, содержащие суффикс *-e-*, притягивают к себе *-o*. Ср. *pasear* > *el paseo*, *manotear* > *el manoteo*, *patear* > *el pateo*, *pisotear* > *el pisoteo*, *tantear* > *el tanteo*, *manosear* > *el manoseo*, *tirotear* > *el tiroteo*, *pal—motear* > *el palmoteo*, *tutear* > *el tuteo*. (Образования типа *pelear* > *la pelea* чрезвычайно редки.) В этом случае выбор конечного звука в современном языке обязателен.

Вполне понятно, что наличие некоторых норм выбора конечного звука обратно пропорционально его способности быть показателем смысловых различий. Однако эти нормы, как мы видели, не настолько императивны, чтобы не оставить места для параллельного функционирования всех трех гласных. Там, где условия выбора исходного звука обязательны (*vocear* > *el voceo*), его смысловозначительная функция сводится к нулю. В испанском языке есть немало отглагольных производных, которые оформлены разными гласными и в соответствии с этим семантически обособлены друг от друга. Ср. *embarcar* 'погружать на

корабль' – el embarque 'погрузка товаров' – el embarco 'посадка пассажиров',⁹³ destetar 'отнять от груди, отнять ребенка от матери' – el destete 'отлучение от матери' – el desteto 'отнятый от матери скот'; costar 'стоять' – la costa плата', el coste 'расход, стоимость' – el costo 'ценность, издержки'⁹⁴ (эти три имени могут употребляться, однако, и как свободные варианты); gritar 'кричать' – el grito 'крик' – la grita 'гам, галдеж'; pagar 'платить' – la paga 'платеж, заработная плата' – el pago 'уплата, вознаграждение'; pesar 'весить' – el peso 'вес' – la pesa 'гиря'. Иногда наличие синонимичных словообразовательных формул используется при создании производных от многозначных глаголов. Ср. resaltar 'отскакивать, выдаваться вперед' – el resalto 'отскакивание, отпры—гивание' – el resalte 'выступ'; cargar 'грузить, обременять, возлагать ответственность, поручать' – la carga 'груз' – el cargo 'пост, должность'; tratar 'обращаться, обходиться, торговать' – el trato 'обращение, обхождение' – la trata 'торговля (обычно рабами); desterrar 'изгонять, высылать, очищать минералы от земли' – el destierro 'ссылка, изгнание' – el destierre 'очистка минералов от земли'; contar 'считать, рассказывать' – la cuenta 'счет' – el cuento 'рассказ, сказка'; gozar 'наслаждаться, пользоваться' – el gozo 'наслаждение, удовольствие' – el gose 'пользование'. Окончание производного имени выступает в качестве дифференцирующего признака и тогда, когда производящий глагол сам является вторичным по отношению к другому существительному. Ср. la lanza 'копье' – lanzar 'метать копье, бросать' – el lance 'бросок'; la baraja 'колода карт' – barajar 'тасовать карты' – el baraje 'перетасовка карт'; la guisa 'способ' – guisar 'стряпать еду' – el guiso 'стряпня, блюдо'; la rueda 'колесо' – rodar 'вращать' – el ruedo 'вращение'; la derrota 'поражение' – derrotar 'разбить, нанести поражение' – el derrote 'удар рогами (термин тавромахии); el paso 'шаг' – pasar 'проходить, передавать' – el pase 'передача, пропуск'; la cruz 'крест' – cruzar 'перекрещивать, пересекать' – el cruce 'перекресток'; la estera 'циновка' – esterar 'покрывать циновками' – el estero 'покрытие пола циновками'. Таким образом, производное имя отличается своим звуковым исходом от первичного существительного.

Приведенные примеры показывают, что, хотя в словообразовании этого типа и возможно использование разного гласного исхода для выражения смысловых различий, ни один из трех элементов не обладает специфической, одному ему свойственной деривативной функцией. Гласные – о, – е, – а могут указывать на любые семантические расхождения в рамках общего значения действия и результата действия по соответствующим глаголам. Пожалуй, можно заметить лишь некоторую, не вполне определившуюся, тенденцию языка связывать с отглагольными именами на – е значение действия, ср. el destete, el destierre, el gose, el baraje. Обычно же смысловой объем каждого существительного фиксируется языковой нормой, а не определяется его словообразовательной структурой. Так, el destierro могло бы быть производным как от desterrar 'очищать минералы от земли', так и от desterrar 'изгонять, высылать', но норма установила его связь лишь со вторым значением этого глагола, закрепив за формой el destierre значение имени действия по глаголу desterrar 'очищать от земли'.

Использование конечного звука в целях семантической дифференциации отглагольных имен находится в соответствии с общей закономерностью испанского словообразования. Действительно, в лексическом запасе испанского языка имеется большое количество существительных, отличающихся друг от друга смысловыми нюансами и оформленных в исходе разными гласными.⁹⁵ Ср. следующие лексически разнозначные пары одноосновных

⁹³ Любопытно, что антонимичный глагол desembarcar 'выгружать, выса—живать(ся) с корабля' дает лишь одно производное el desembarco 'выгрузка, высадка'.

⁹⁴ Этот пример интересен тем, что у производных имен отсутствует дифтонгизация гласного, которую следовало бы ожидать, поскольку она имеет место у глагола (ср. yo cuesto, tú cuestas, él cuesta, ellos cuestan).

⁹⁵ Этот способ семантической дифференциации имен, по—видимому, исторически связан с латинским различием некоторых существительных путем применения разных парадигм склонения. В латыни это обычно касалось прича-

имен: *la barca* 'лодка' – *el barco* 'корабль, пароход'; *el gorro* 'круглая шапка' – *la gorra* 'шапка с козырьком, кепи'; *la huella* 'след' – *el huello* 'утоптанная земля'; *la huerta* 'огород' – *el huerto* 'плодовый сад'; *el banco* 'скамья, банк' – *la banca* 'скамейка без спинки'; *la cesta*, *la canasta* 'корзинка' – *el cesto*, *el canasto* 'большая корзина'; *el bordo* 'борт корабля' – *el borde* 'край'; *la borda* 'борт, планшир, большой парус на галерах' и пр. Эта возможность выражать смысловые различия путем дифференциации гласного исхода стала применяться при образовании отглагольных имен.

Параллельное использование в словообразовании трех оформителей имени, оказалось возможным потому, что все они в одинаковой мере активны с точки зрения фонетического состава испанского слова. Звуки *o*, *e*, *a* в отличие от *u*, *i* в положении конца слова являются равноправными элементами действующей фонетической системы. Все они придают законченность и самостоятельность звуковому облику слова. Итак, мы подошли еще к одному различию между прямым и обратным действием первоначально единой модели. Конструкция «имя – глагол» при своей инверсии расщепляется, вводя в язык три синонимичных между собой формулы. Это могло произойти в частности потому, что конечный звук производящего существительного в модели «имя – глагол» безразличен для ее структуры и не ведет к ее распаду на варианты. Ср. *acción* > *accionar*, *archivo* > *archivar*, *aduanas* > *aduanar*, *albergue* > *albergar*. Образование этих слов следует одной, общей для всех них модели. При обратном словообразовании конечный гласный начинает выполнять смысловоразличительную функцию. Этот признак становится поэтому существенным, расщепляя модель на три варианта.

В то же время при создании отыменных глаголов в испанском языке отсутствует выбор грамматического оформителя основы. Происходит лишь образование глаголов I спряжения. На это обстоятельство следует обратить особое внимание, поскольку в словарном составе испанского языка имеются случаи, когда смысловая дифференциация глаголов выражается именно при помощи различий в спряжении. Ср. *fundir* 'плавить' – *fundar* 'основывать'; *consumir* 'потреблять, поглощать' – *consumar* 'осуществлять'; *sumir* 'погружать' – *sumar* 'суммировать'; *sentirse* 'чувствовать себя' – *sentarse* 'садиться'; *toser* 'кашлять' – *tosar* 'сталкиваться, бить головой'; *imprimir* 'печатать' – *imprimir* 'грунтовать холст' и пр. Однако этот способ семантического противопоставления носит случайный характер, не распространяется на одноосновные глаголы и не активизируется в словообразовании. А между тем само по себе подобное средство нередко применяется при несобственной деривации. Ср., например, такие пары русских слов, как *чернеть* – *чернить*, *желтеть* – *желтить*, *синеть* – *синить*, *белеть* – *белишь*, *зеленеть* – *зеленить*. В этих глаголах, произведенных от прилагательных, категория переходности/непереходности и связанные с ней семантические различия выражены разной системой флексий.⁹⁶ Во французском языке парадигма II продуктивного спряжения указывает на переходность в глаголах типа *teindre* 'красить в красный цвет', *jaunir* 'желтить' и др. Следовательно, в принципе флективные различия могут получать определенную словообразовательную функцию, создавая в языке разные модели несобственной деривации. Арсенал морфологических (парадигматических) средств поступает в этом случае непосредственно в распоряжение словообразования. Использование флективной морфологии как основного словообразующего средства придает парадигме способность воздей-

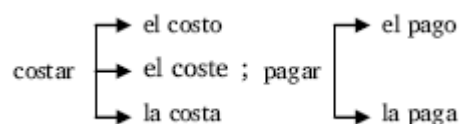
ствий, субстантивированных в разных родовых формах. В испанском языке эта тенденция осложнилась еще и тем, что нередко имена существительные единственного числа восходят к латинской форме множественного числа. Ср. исп. *punta* 'острие' (лат. *puncta* мн. ч., ср. р. от причастия глагола *pungo*, *pupugi*, *punctum*, – *ere*) и *punto* 'точка' (лат. *punctum*); исп. *deudo* 'родственник' (лат. *debitus* от причастия глагола *debeo*, – *ui*, – *itum*, – *ere*) и *deuda* 'долг' (лат. *debita* мн. ч., ср. р.).

⁹⁶ Противопоставление этого типа засвидетельствовано и в латыни, где оно, впрочем, не отличалось продуктивностью. Ср. *albo*, – *are* 'делать белым' и *albeo*, – *ere* 'белеть'. Категория непереходности выражена принадлежностью глагола *albere* (от *albus* 'белый') ко II спряжению, с которым в латыни нередко связывалось значение состояния.

ствовать на семантику слова. Активность парадигмы в словообразовании зависит от ее роли в синхронной морфологии. Это очень хорошо видно на материале испанского языка, в котором при образовании отыменных глаголов не используются возможности, связанные с применением разных парадигм. Происходит лишь создание глаголов I спряжения (т. е. с исходом – аг в инфинитиве). II и III спряжения оказываются непродуктивными. Можно было бы даже утверждать, что действующая система испанского глагола состоит только из I и отчасти II (с исходом на – *eser*⁹⁷) спряжений. Глаголы типа *comer*, *vivir*, разумеется, продолжают употребляться в языке. Они принадлежат к нормативной морфологии. Объем ее лимитирован и может увеличиваться только за счет префиксальных производных. Это остатки бывших систем. Отсутствие словообразовательной функции у парадигм II и III спряжений объясняется тем, что в испанском языке со спряжениями не ассоциируется классификация глаголов по смысловым группам, что отчасти имело место в латыни. Так, латинские глаголы I спряжения обычно были переходными и каузативными, а глаголы II спряжения имели тенденцию выражать состояние.⁹⁸ Функционирование в испанском языке трех разных спряжений также перестало определяться наличием разных по своей фонеморфологической структуре основ. Вербальные парадигмы стали чисто нормативной, традиционной чертой испанской морфологии. Именно поэтому семантическая дифференциация типа *fundar* – *fundir* и даже *descolorar* – *descolorir* стерильна и не используется при образовании отыменных глаголов.

Изложенные факты дают повод для некоторых семантических наблюдений. При образовании отыменных глаголов путем несобственного словопроизводства их внутренняя семантическая дифференциация не выражается языковыми средствами, поскольку имеется лишь одна действующая модель. Напротив, при создании отглагольных существительных нередко происходит сужение их семантического объема по сравнению с производящим глаголом. Общее значение имени действия и результата (или объекта) действия распределяется между несколькими производными. Ср.

Следовательно, отпадение конечного гласного, а также наличие лишь одной продуктивной парадигмы спряжения увеличивают полисемию отыменных глаголов, а иногда даже ведут к созданию омонимов. Например, от существительного *el lacre* 'сургуч' возникает глагол *lacrar* 'запечатывать сургучом'. Омонимичный глагол образуется и от другого имени: *la lacra* 'язва' > *lacrar* 'портить, вредить здоровью'. Так протягиваются нити, соединяющие формальную (грамматическую и фонетическую) систему языка и семантическую структуру слова.

Вернемся к анализируемой словообразовательной конструкции. Разница между прямым и инвертированным действием модели не ограничивается ее расщеплением на три варианта. Она гораздо глубже и затрагивает само существо словообразовательного процесса. Выше говорилось, что при производстве отыменных глаголов основным словообразующим средством является парадигма. Иначе обстоит дело при создании отглагольных имен. Здесь, кроме флексии множественного числа – *s*, словообразующую функцию выполняют гласные – *o*, – *e*, – *a*, которые присоединяются к основе глагола, чтобы создать производное имя. Эти элементы никак не могут рассматриваться как парадигматические. Какова же их природа?

⁹⁷ Суффикс – *es-*, по—видимому, не имеет вполне определенной словообразовательной функции и выступает как своего рода посредник между основой прилагательного и парадигмой II спряжения. Такого рода инфиксы очень характерны для испанского языка.

⁹⁸ См. [Эрну 1950: 172, 177].

Какую роль выполняют они в составе имени? Некоторые лингвисты называют *-o*, *-e*, *-a* показателями существительного (*noun—markers*), противопоставляя их показателям глагольности *-ar*, *-er*, *-ir* (*verb—markers*).⁹⁹ Между этими категориями имеется, однако, различие. Конечная гласная существительного не является флексией. В то же время для глагола окончание инфинитива есть лишь частный случай в системе парадигматических форм, которые могут служить знаками вербальности. Кроме того, гласные *o*, *e*, *a* не являются исключительным достоянием имен существительных. Они не реже встречаются в конце любого испанского слова, а также являются составной частью глагольного спряжения (указывая на первое и третье лицо ед. числа).

Следовательно, так называемые сильные гласные являются признаком фонетической завершенности испанского слова. Их присутствие императивно в тех случаях, когда предстоящие им согласные или группы согласных не могут стоять в конце слова. Роль этих звуков прежде всего фонетическая. Нельзя не видеть, однако, что в существительных и прилагательных конечные звуки выполняют также и морфологическую функцию, указывая на родовую принадлежность имени. Например, они образуют коррелирующие между собой по значению названия лиц мужского и женского пола. Ср. *el niño – la niña*, *el hijo – la hija*, *el hermano – la hermana*, *el tío – la tía*.

Итак, внутри существительного роль конечного гласного двояка: он придает имени фонетическую самостоятельность и одновременно указывает на его родовую характеристику. Обе эти функции ясно обнаруживаются при производстве deverbальных имен. Действительно, трудно себе представить образование существительных от основ таких глаголов, как *habl—ar*, *cerr—ar*, *inform—ar*, *arranc—ar*, *contar*, *asalt—ar*, *ahorr—ar*, *encontr—ar*, без прибавления к ним гласного. Чистые основы этих и подобных им глаголов не отвечают фонетической структуре испанского слова. Кроме того, конечные звуки совершенно точно указывают на родовую принадлежность имени: все отглагольные дериваты с исходом на *-o*, *-e* – мужского рода, а производные, оканчивающиеся на *-a*, *-a* – женского рода. Тут возникает вопрос: связана ли смысловая дифференциация производных имен с их родовой принадлежностью? По—видимому, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным. Отглагольные имена, типа *el destierro – el destierre*, *el gozo – el goce*, *el trato – la trata*, имеют значение действия и результата действия. Для существительных подобной семантики родовая принадлежность является чисто грамматической категорией и не перекликается ни с какими лексическими нюансами.¹⁰⁰ Кроме того, параллельные производные от основы одного глагола не обязательно различаются по роду (*el resalto – el resalte*, *el embarco – el embarque*, *el desteto – el destete*). При наличии родовой оппозиции она выражает любое семантическое различие, возможное у *nomina actionis*.

Необходимо заметить, попутно, что в словопроизводстве, основанном на чисто родовых различиях, всегда участвует только оппозиция *-o* и *-a* (или нуль и *-a*). Элемент *-e* может включаться в родовые противопоставления лишь случайно, входя в состав имеющих в языке названий лиц мужского пола (ср. *el monje – la monja*, *el cacique – la cacica*, *el jefe – la jefa*). Соотношение *el dependiente: la dependienta*, *el comediante: la comedianta* – непродуктивно. Элементы *-o*, *-e*, *-a* вступают в словообразование преимущественно как показатели звуковой самостоятельности слова.¹⁰¹ Будучи разными фонемами, они получают

⁹⁹ См. [Murphy 1954: 19–24].

¹⁰⁰ Среди существительных, не имеющих значения лица, смысловая дифференциация, выражаемая только разной родовой принадлежностью, в испанском языке не носит системного характера. Ср. *la pez* 'смола, деготь' и *el pez* 'рыба', *el cura* 'кюре, священник' и *la cura* 'лечение', *el parte* 'сообщение, сводка' и *la parte* 'часть', *la corte* 'двор' и *el corte* 'отрез, порез'.

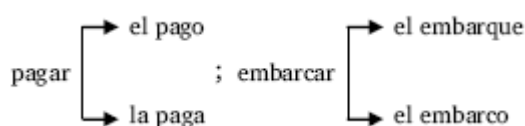
¹⁰¹ Такое положение подтверждается и теми случаями, когда образование отглагольного имени не сопровождается соединением гласного звука. Это может произойти, когда основа глагола соответствует звуковой структуре испанского слова. Ср. *deslizar* > *el desliz*, *pregonar* > *el pregón*, *perdonar* > *el perdón*, *sostener* > *el sostén*, *disfrazar* > *el disfraz*.

способность выражать семантические колебания среди производных слов. Этот вывод помогает разобраться в характере тех языковых ресурсов, которые используются при деривации отглагольных имен. В качестве основного словообразующего средства применяются в данном случае необходимые элементы звуковой структуры слова. Это отличает словопроизводство данного типа от модели *el hermano – la hermana*, где словообразующую роль выполняет показатель родовой принадлежности существительного. Только у производных типа *tantear – tanteo* функция конечного звука оказывается более осложненной. В исходе таких слов – *o* указывает на морфемный характер предшествующего ему – *e-*, суффикса, выражающего фреквентативность. Отсутствие дополнительного гласного поставило бы – *e*— в конце имени, превратив в реквицит производного существительного. Чистая основа глагола *pase* — *ar* (*pase-*) совпала бы, например, с производным от глагола *pasar* (*el pase*).

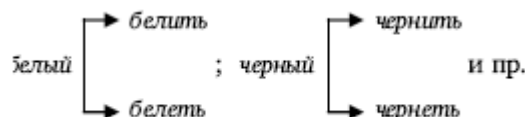
Итак, инверсия модели затронула само существо словообразовательного процесса: при создании отыменных глаголов словообразующим средством является вербальная парадигма, при создании отглагольных имен деривативное значение приобретают фонетические элементы, придающие самостоятельность испанскому слову. Изменение качества словообразовательного процесса произошло уже непосредственно в испанском языке и было обусловлено неравномерностью развития системы имени и глагола. Испанские гласные – *o*, – *a*, – *e* в конце слова восходят к латинским – *us*, – *um*, – *am*, – *is*, являвшимся элементами именной парадигмы. После разложения склонения характер конечных гласных и их роль в слове изменились. Они перестали выражать падежные различия и отошли к морфологической основе имени. На первый план выдвинулась их фонетическая функция. Это привело к качественной дифференциации двух типов несобственного словопроизводства.

В модели «имя – глагол» словообразующую роль выполняет парадигма спряжения, а в модели «глагол – имя» эта функция приходится на долю звуков, придающих фонетическую законченность слову. Следует ли на этом основании полагать, что данные элементы становятся словообразующими суффиксами? В испанских грамматиках принято рассматривать окончание инфинитива отыменных глаголов как деривативный суффикс. Такая точка зрения не может быть признана справедливой прежде всего потому, что показатель неопределенной формы не входит в основу слова, а является лишь звеном (пусть даже исходным) глагольной парадигмы. Звуки – *o*, – *e*, – *a* также относятся испанскими грамматистами к числу суффиксов. Эти элементы действительно обладают некоторыми чертами, роднящими их с аффиксами. Так, они входят в состав морфологической основы имени и в то же время лежат за пределами производящей основы глагола. Однако между ними и словообразующими суффиксами имеются существенные различия. Испанские именные суффиксы всегда ударны, тогда как звуки – *o*, – *e*, – *a* ударения на себе не несут. Далее. Эти гласные не вводят в производное слово никаких дополнительных смысловых оттенков. Значение отглагольного имени всецело обусловлено категориальным сдвигом, транспозицией, которую переживает основа глагола, переключаясь в состав существительного. Наконец, поведение звуков *o*-, – *e*, – *a* в конце производного имени ничем не отличается от их поведения в любом другом существительном. Выше упоминалось о том, что, вступая в словообразование, имена теряют свой конечный гласный. Отглагольные производные с исходом на – *o*, – *e*, – *a* также подчиняются этому общему правилу, ср. *contar > cuenta > cuentista*, *abonar > abono > abonero*, *reservar > reserva > reservista*, *contratar > contrato > contratista*. Вряд ли, поэтому, было бы целесообразно считать суффиксами элементы, лежащие за пределами производящей основы. Хотя – *o*, – *e*, – *a* несут заметную словообразующую нагрузку, они не могут быть поставлены в один ряд с такими «классическими» суффиксами отглагольных имен, как – *dura*, – *miento*, – *ción*. С точки зрения структуры слова они остаются всего лишь морфонологическими оформителями имени. Нивелировка качественной разницы между этими элементами и полноценными суффиксами не позволила бы увидеть некоторые особенности испанского словообра-

зования. В испанском языке становится все более активным использование для передачи категориальной транспозиции (перевода лексемы из одной части речи в другую) не специальных суффиксов, а морфонологических признаков, характеризующих отдельное, грамматически и фонетически оформленное слово. Признав конечные гласные имени суффиксами, мы бы стерли границу, отделяющую аффиксацию от несобственной деривации, при которой словообразующую роль несут элементы грамматического и фонетического строя языка. Число имеющихся способов несобственной деривации поэтому всегда лимитировано количеством активных типов фонограмматической системы. При наличии ряда элементов, выполняющих аналогическую роль, все они могут быть использованы в словообразовании. Если выбор этих элементов императивен, обусловлен определенными нормами сочетаемости, они не могут нести смысловозначительной функции, находясь в дополнительной дистрибуции. Параллельно функционирующие элементы могут осуществлять просто лексическую дифференциацию производных имен действия. Ср.

Они, как упоминалось, способны обладать регулярной словообразовательной нагрузкой. Ср. использование разных спряжений при образовании глаголов в русском языке:

При отсутствии вариантных типов модель несобственной деривации осуществляет чистую транспозицию лексемы, не осложненную никакими дополнительными оттенками (ср. образование испанских отыменных глаголов).

Мы остановились на формальных чертах, дифференцирующих две модели несобственной деривации. Теперь следует рассмотреть их смысловое содержание, поскольку именно в этой области обнаруживаются доводы, свидетельствующие о расщеплении первоначально единой конструкции. Образование именных глаголов, с одной стороны, и отглагольных имен – с другой, обладает каждое своими закономерностями. Смысловое соотношение между членами модели «имя – глагол» разнообразно и с трудом поддается учету и классификации. Большинство существительное, служащее производящей основой, имеет конкретно—предметное значение, а образуемый глагол выражает действие, так или иначе связанное с этим предметом. Наиболее распространенными являются местные и орудийные отношения. Ср. *el aceite* 'оливковое масло' – *aceitar* 'покрывать маслом'; *la aduana* 'таможня' – *aduanar* 'производить таможенный осмотр'; *el archivo* 'архив' – *archivar* 'сдавать в архив, хранить в архиве'; *el albergue* 'постоялый двор, гостиница' – *albergar* 'давать или получать пристанище'; *el arma* 'оружие' – *armar* 'вооружать'; *la aldarba* 'вьючное седло' – *aldarbar* 'седлать'; *el azote* 'плеть' – *azotar* 'хлестать'; *el cepillo* 'щетка' – *cepillar* 'чистить щеткой'; *el pelo* 'волосы, шерсть' – *pelar* 'ощипывать'; *la sierra* 'пила' – *serrar* 'пилить'; *el barniz* 'лак' – *barnizar* 'лакировать, покрывать лаком'; *el lápiz* 'карандаш' – *lapizar* 'чертить карандашом', *el motivo* 'мотив, повод' – *motivar* 'мотивировать'; *la cocina* 'кухня' – *cocinar* 'стряпать'; *el remo* 'весло' – *remar* 'грести'. Производящее имя иногда является именем деятеля, ср. *el guía* 'гид, поводырь' – *guiar* 'вести, руководить'; *el mendigo* 'нищий' – *mendigar* 'нищенствовать'. При образовании отглагольных имен последние редко получают конкретно—предметные значения, выражая обычно действие и результат (или объект) действия по производящему глаголу. Ср. *cazar*

'охотиться' – la caza 'охота, дичь'; derrochar 'расточать, проматывать' – el derroche 'расточительность'; cerrar 'закрывать' – el cierre 'закрытие'; alzar 'повышать' – el alza 'повышение'; bajar 'снижать' – la baja 'снижение'; descansar 'отдыхать' – el descanso 'отдых'; consolar 'утешать' – el consuelo 'утешение'; desarrrollar 'развивать' – el desarrollo 'развитие'; lamentar 'жаловаться' – el lamento 'жалоба'; agobiar 'утомлять, истощать' – el agobio 'истощение'; ayudar 'помогать' – la ayuda 'помощь'; apoyar 'поддерживать' – el apoyo 'поддержка'; rozar 'тереть' – el roce 'трение'; tocar 'касаться' – el toque 'прикосновение'; saltar 'прыгать' – el salto 'прыжок'; robar 'грабить' – el robo 'кража' etc. Имеются отдельные случаи, когда существительное получает значение деятеля (el adivino 'прорицатель' от adivinar 'отгадывать', el recluta 'рекрут' от reclutar 'рекрутировать', el enlace 'связной' от enlazar 'связывать') или орудия действия (la sonda 'зонд, бур' от sonar 'зондировать, бурить').

О наличии резкой семантической дифференциации двух моделей свидетельствует следующий факт. Имеются случаи, когда глагол, образованный от существительного конкретного значения, дает языку новое производное, отличное по своей семантике и гласному оформлению от первичного имени. Ср. la lanza 'копье' – lanzar 'метать копье, бросать' – el lance 'метание копья, бросок'; la baraja 'колода карт' – barajar 'тасовать карты' – el baraje 'перетасовка карт'; la rueda 'колесо' – rodar 'кружить, вращать' – el ruedo 'вращение, оборот'. Исходное существительное обозначает предмет, производный от него глагол выражает действие, а deverбальное имя является *nomen actionis*. Семантические отношения между глаголом и обоими существительными различны. Разница в значении имен отражена в их звуковом составе. Приведенный пример устраняет сомнения в том, что образование deverбальных имен не есть обратная деривация по модели «имя – глагол». Если бы это было так, то оказалось бы невозможным продолжение словообразовательной цепи на основе одной и той же структурной модели. При наличии в языке первичного имени регрессивная деривация была бы лишней, ненужной. Дальнейшее развитие словообразовательного ряда стало возможным именно потому, что имена с исходом на – o, – e, – a получили способность обозначать действие, быть *nomen actionis*. При этом конечная гласная не совпадает с гласным исходом предметного имени, т. е. выполняет дифференцирующую функцию.

Выше говорилось о том, что регрессивная деривация как бы «восстанавливает» первичное, производящее слово, которое по тем или иным причинам в языке отсутствует. Следовательно, слово, возникшее в результате обратной деривации, никогда не может быть более сложным по своей смысловой структуре, чем то слово, от которого оно реально было создано. Модель «глагол – имя», напротив, дает языку производные существительные, поскольку имена действия всегда являются вторичными образованиями, зависимыми по своему значению от соответствующих глаголов. Это говорит о тенденции языка упрощать морфологическое строение слова там, где значение производности связано с переходом лексемы из одной части речи в другую.

Изложенные факты убеждают в том, что инверсия членов модели привела к ее распаду, раздвоению. Из состава первоначально единой схемы выделилась новая конструкция, характеризующаяся иными морфологическими и семантическими признаками. Изменение последовательности словообразовательного процесса оказало влияние на систему языка, вводя в действие новую оппозицию. Более того, если при несобственной деривации глаголов в языке функционировала единая модель, так как исход имени был безразличен для ее структуры, нейтрализуясь в процессе деривации, то при образовании отглагольных имен можно говорить о наличии трех обособившихся друг от друга вариантах модели. Черты, безразличные при образовании глаголов, стали существенными для создания отглагольных имен. Прямое и обратное действия модели перестали совпадать.

Изложенные соображения позволяют сделать следующий вывод. В испанском языке инверсия словообразовательного процесса в рамках модели «имя – глагол» привела к ее

разложению на две обособившиеся, семантически индивидуальные конструкции. Из этого, однако, не последовало, что в пределах этих новых моделей перестала быть возможной обратная деривация и каждая из них стала действовать только в одном направлении. Напротив, вновь возникшие конструкции не отличаются в этом плане от любой другой модели словообразования. В них также происходит инверсия. Например, существительное *la sonda* 'бур, зонд' выделено из глагола *sondar* 'бурить, зондировать'. Полученное имя означает орудие действия по глаголу *sondar*. Такого рода семантическое соотношение характеризует в испанском языке модель «имя – глагол», под которую и подводится пара *la sonda* <– *sondar*. С точки зрения семантической иерархии *la sonda* является первичным именем, а *sondar* следует рассматривать как производный, мотивированный глагол. Приведем пример обратной деривации по модели «глагол – имя». Существительное *el ultraje* 'оскорбление' является галлицизмом (ср. ст. – фр. *outrage*, совр. фр. *outrage*). В испанском языке от него был создан глагол *ultrajar* 'оскорблять'. Смысловые отношения между глаголом *ultrajar* и существительным *ultraje* должны быть подведены под модель «глагол – имя», поскольку *ultraje* является по своему значению *nomen actionis*. Пара *ultrajar* – *ultraje* ничем не отличается от другой, синонимичной ей пары *ofender* – *ofensa*, в которой имя является отглагольным производным. С точки зрения системы современного языка *ultraje* должно рассматриваться как вторичное, а *ultrajar* – как первичное образование, «восстановленное» в языке под действием обратной деривации.

Глагол *elogiar* 'хвалить, восхвалять' образован путем регрессивной деривации от существительного *el elogio* 'хвала, восхваление'. Последнее является семантически зависимым словом. Оно относится к глаголу *elogiar*, точно так же как синонимичные ему существительные *el halago* и *la alabanza* относятся к глаголам *halagar* и *alabar*, от основ которых они были созданы.

Глагол *eclipsar* астр. 'затмевать' возник путем обратной деривации от существительного *el eclipse* 'затмение' и находится к нему в отношении первичности. *Eclipsar* мотивирует значение существительного *el eclipse*, выступающего как имя действия и результата действия по этому глаголу.

То же самое можно отнести и к такой паре, как *derrotar* 'разбить, нанести поражение' – *la derrota* 'поражение'. Глагол, хотя и возник от существительного *la derrota* (лат. *dirupta*), но относится к нему как первичное слово к производному.

Создание глаголов способом несобственной деривации возможно не только от основ существительных, но также прилагательных и наречий. Ср. *alegre* > *alegrar*, *contento* > *contentar*, *atrás* > *atrasar*, *adelante* > *adelantar*, *limpio* > *limpiar*, *lleno* > *llenar*, *sobre* > *sobrar*, *através* > *atravesar*. Наблюдаются случаи и обратного действия этой модели. Ср. *amargar* > *amargo*, *cansar* > *canso*, *colmar* > *colmo*, *descalzar* > *descalzo*, *desnudar* > *desnudo*, *finar* > *fino*. Однако на этот раз инверсия словообразовательного процесса не имела своим результатом выделение новой схемы несобственной деривации. Прямое и регрессивное функционирование модели не отличаются друг от друга ни в морфологическом, ни, что особенно важно, в семантическом отношении. Так, *agrio* 'кислый' дает *agriar* 'делать кислым', но *amargo* 'горький' извлечено из глагола *amargar* 'делать горьким'; *lleno* 'полный' производит *llenar* 'наполнять', но *colmo* 'переполненный' создано путем обратной деривации от *colmar* 'переполнять'. Образование прилагательных путем выделения глагольной основы остается в пределах модели «прилагательное – глагол» и может расцениваться как регрессивное действие данной конструкции: *colmo* <– *colmar*, *amargo* <– *amargar*. Решающим в этом случае оказывается отсутствие семантических различий между прямым и обратным функционированием модели.

Выше мы пришли к выводу, что при несобственной деривации создание новых слов происходит без участия специальных словообразующих морфем. Основы новых слов не

содержат поэтому аффиксов. Отсутствие морфологически выраженной производности не ведет, однако, к нейтрализации категории «первичности—вторичности».¹⁰²

У слов, соотношение которых определяется несобственной деривацией, в принципе одно выступает как производящее, а второе как вторичное образование. Проблема производности решается в этом случае с учетом общих семантических тенденций, управляющих словообразованием данного языка.¹⁰³ Так, обычно все имена действия являются вторичными по отношению к глаголам, выражающим соответствующее действие, имена качества воспринимаются как производные от прилагательных, означающих данное качество, и пр. Разумеется, не всегда связи между словами столь очевидны. Нередко последующее семантическое развитие нарушает сложившиеся отношения, заменяя их новыми, как бы инвертируя. Изменение отношений «первичности—вторичности» вполне естественно у слов, образованных путем несобственной деривации, поскольку категория производности остается у них морфологически невыраженной.

Попытаемся показать это на ряде примеров, для чего произведем сравнение между следующими аналогичными по значению парами: *desayunar* 'завтракать' – *el desayuno* 'завтрак', *almorzar* 'завтракать' *el almuerzo* 'второй завтрак', *comer* 'обедать' – *la comida* 'обед', *cenar* 'ужинать' – *la cena* 'ужин'. С исторической точки зрения словообразовательные отношения внутри приведенных пар оказываются неодинаковыми. Так, существительное *la cena* является первичным по сравнению с глаголом *cenar*, созданным, впрочем, еще в латыни. *El almuerzo* также является первичным образованием, возводимым к народнолатинскому *admordium (от *admordere). В этом случае отношения первичности—вторичности уже однажды инвертировались, так как глагол *admordere был заменен отыменным *almorzar*. Глагол *desayunar*, в отличие от предыдущих двух, возник до соответствующего имени. Одним из признаков этого является наличие префикса *des-*, характеризующего глагольное, а не именное словообразование. *Desayunar* принято возводить к народнолатинскому *disjejunare.¹⁰⁴ В один ряд с разобранными словами включается пара *comer* – *la comida*, в которой категория производности отчетливо выражена морфологически. Существительное *la comida* 'еда' получило дополнительное значение 'обед'. Соответственно и глагол *comer* 'есть, принимать пищу' стал употребляться также в значении 'обедать'. Вследствие этого пара *comer* – *la comida* вошла в одну серию с такими оппозициями, как *desayunar* – *el desayuno*, *almorzar* – *el almuerzo*, *cenar* – *la cena*. Итак, в историческом плане у одних пар (*desayunar* – *el desayuno*, *comer* – *la comida*) первичным является глагол, у других (*el almuerzo* – *almorzar*, *la cena* – *cenar*) – имя. Однако соответствует ли это отношениям, сложившимся в современном языке? При отсутствии четко морфологически выраженной производности у слов *la cena* и *el almuerzo* такой вывод был бы неверным. Отношения «первичности—вторичности» переживают сдвиг, включаясь в новый словообразовательный цикл. Глагол становится первичным, а имя начинает восприниматься как производное образование.

Присмотримся внимательнее к семантической канве этого процесса. *La cena* 'ужин' (т. е. 'пища'), равно как и *el almuerzo* 'завтрак', самостоятельно либо под влиянием

¹⁰² Не следует думать, что в словообразовании вообще невозможна нейтрализация категории «первичности—производности». Так, например, порядок расположения членов модели безразличен в словообразовании, основанном на дифференциации конечного гласного. Ср. *la canasta* – *el canasto*, *la gorra* – *el gorro*, *la manzana* – *el manzano*, *el hilo* – *la hila*, *el fruto* – *la fruta*. Ни одно из этих слов не может рассматриваться как производное. Оба существительных являются равноправными членами семантически взаимодействующих пар, хотя реально одно из них возникло раньше и послужило базой для создания своего сочлена. Этот пример показывает, что производность не есть необходимая словообразовательная категория. Она сопутствует только тем моделям деривации, у которых порядок расположения компонентов является их существенным структурным признаком.

¹⁰³ См. [Смирницкий 1956: § 84]. Ср. также [Соболева 1958; 1959].

¹⁰⁴ Эта форма до сих пор давалась под звездочкой. Однако, как сообщил Бенвенист, она засвидетельствована в текстах XI в. (см. [Benveniste 1957: 145]).

соответствующих глаголов, получили более отвлеченное значение действия или события (т. е. принятия пищи). Это превратило их в *nomina actionis* по глаголам *cenar* и *almorzar* и привело к изменению отношений первичности—производности. Семантическое развитие существительного *el desayuno*, по—видимому, протекало в обратном направлении. Будучи с самого начала отглагольным именем, оно имело значение действия и лишь потом стало обозначать пищу (т. е. объект действия), что обычно для *nomina actionis*. Семантический объем всех трех существительных совпал, хотя их развитие шло разными путями. Это имело своим результатом выравнивание словообразовательных отношений между существительными и соответствующими глаголами, образцом для которого послужила пара *comer – la comida*. Значение действия, развившееся в существительных *la cena* и *el almuerzo* сделало их вторичными по отношению к глаголам. Изменилась и смысловая структура существительных *la cena* и *el almuerzo*. Исходное конкретное значение пищи стало у этих слов вторичным, производным от значения процесса (принятие пищи). Семантическое строение этих слов реорганизовалось по типу *nomina actionis*, у которых значение результата или объекта действия является обычно сопутствующим значению действия.

Прослеживается в языке и обратное явление. Отглагольное существительное может конкретизировать свою семантику, утратить способность выражать процесс, сохранив лишь предметное значение результата действия. Глагол, послуживший производящей базой для такого имени, становится по отношению к нему вторичным, производным. Существительное *la renta* 'доход, рента' возникло от глагола *rentar* 'приносить доход'. Однако, обладая только конкретно—предметным значением, оно начинает восприниматься как первичное по отношению к глаголу. Этому способствует также и то обстоятельство, что слово *renta* гораздо более употребительно, чем глагол *rentar*. Оно пустило в языке более глубокие корни и ощущается поэтому как центральное в соответствующем лексическом гнезде.

Можно привести немало примеров того, как развитие языка нарушает иерархические отношения между словами. Проблема пер—вичности—вторичности осложняется еще и тем, что существительное в результате изменений в своей смысловой структуре, нередко под влиянием соотносимого с ним глагола, может совмещать значения, одни из которых являются первичными, а другие следовало бы рассматривать как производные. Так, глагол *azotar* 'стегать, пороть' является производным от *el azote* (араб. *azaüt*) 'плеть, кнут, розга'. Семантическое отношение *el azote > azotar* вполне соответствует содержанию модели «имя – глагол», в которой существительное часто означает орудие действия. Ср. *el látigo* 'кнут, бич' – *latigar* 'бичевать, стегать кнутом'. Однако *el azote* имеет еще и другое значение – 'порка, избиение'. Это более общее значение присуще *nomina actionis* и могло бы рассматриваться как производное от глагола *azotar*. Следовательно, *el azote* выступает и как производящая база и как существительное, произведенное от глагола *azotar*. Пара *el azote – azotar* в структурном и смысловом отношениях подводится как бы одновременно под две модели несобственной деривации: «имя – глагол» и «глагол – имя».

Рассмотрим еще один пример. Глагол *hilvanar* 'наметывать, сметывать' образован от *el hilván* – 'наметка (нити) (сращение словосочетания *hilo vano* 'ненужная нить')'. Однако существительное *el hilván* может означать также действие – 'наметывание, сметывание'. Это второе значение воспринимается как производное от глагола *hilvanar*.

Мы могли убедиться, что семантическое движение слов, их взаимодействие, влияние, оказываемое производными образованиями на значение первичных слов, осложняют смысловую корреляцию в лексических гнездах, нередко опрокидывая существовавшие ранее отношения первичности—вторичности. Из этого факта никак, однако, не вытекает, что модели несобственной деривации отличаются неустойчивостью категории производности. Словообразовательные конструкции этого типа всегда однозначны: слово, структурно соответствующее их второму элементу, является производным по сравнению со своим сочленом.

Сложность же отношений у слов, возникших путем несобственной деривации, определяется в частности тем, что их дальнейшее смысловое развитие протекает более свободно, чем эволюция аффиксальных образований. Простота их морфологического строения, отсутствие в их составе каких—либо специальных словообразовательных компонентов дает им почти такие же широкие возможности семантического разветвления, какими обладают корневые слова. Это и является одной из причин усложненной семантической структуры некоторых словарных гнезд.

Итак, историческая последовательность возникновения в языке слов может приходиться в противоречие со смысловыми отношениями, складывающимися в синхронной системе языка. При отсутствии морфологически выраженной производности одного слова и первичности другого, такого рода инверсия приводит к переосмыслению структуры слова, которое как бы переходит из одной словообразовательной орбиты в другую. Но даже в пределах несобственной деривации возможны случаи, когда морфологическая структура слов не позволяет переоценить их словообразовательные отношения. В процессе заимствования из латыни испанский язык вводил в свой состав имена действия, нередко оставляя за бортом соответствующие им глаголы, особенно если последние имели неправильную парадигму. В дальнейшем, уже на почве испанской речи, от заимствованных существительных образовались глаголы I спряжения. Ср. *acci3n* > *accionar*, *fracci3n* > *fraccionar*, *perfecci3n* > *perfeccionar*, *reacci3n* > *reaccionar*, *coacci3n* > *coaccionar*, *evoluci3n* > *evolucionar*, *ilusi3n* > *ilusionar*, *confecci3n* > *confeccionar*, *reflexi3n* > *reflexionar*, *facci3n* > *faccionar*, *influencia* > *influenciar*, *prudencia* > *prudenciar*, *conferencia* > *conferenciar*, *presencia* > *presenciar*, *pendencia* > *pendenciar*, *licencia* > *licenciar*.

Закономерностью испанского языка является создание имен действия от основ глаголов. Эта общая тенденция однажды помогла нам разобраться в той взаимозависимости, которая существует между словами, возникшими путем несобственной деривации. Теперь картина оказывается более запутанной. Пары типа *acci3n* > *accionar* нарушают логическую последовательность испанского словообразования, поскольку у них имя действия является производящей базой для соответствующего глагола. Структура именной основы не позволяет считать глагол первичным, а имя – производным образованием (как это возможно применительно к таким парам, как *ultrajar* – *ultraje*, *juntar* – *junta*, *cenar* – *cena*). Основы существительных *acci3n*, *perfecci3n*, *presencia*, *influencia* и др. содержат суффиксы имен действия – (с)и3н и – enci3a, четко выделяемые в слове. С семантической точки зрения отыменные глаголы, такие, как *accionar*, *perfeccionar*, *seleccionar*, *funcionar*, замещают в испанском языке не проникшие в него *agere*, *perficere*, *seligere*, *fungi*. Напротив, по своей морфологии испанские глаголы имеют ярко выраженный производный характер.

Семантическую близость первичного и отыменного глаголов легко проследить в тех случаях, когда в языке одновременно употребляется как корневой, так и производный глаголы от одной основы.

Ср. *influir* > *influencia* > *influenciar*. *Influir* и *influenciar* – оба означают 'влиять, оказывать влияние' и находятся, следовательно, в одинаковом смысловом отношении к существительному *la influencia* 'влияние', хотя словообразовательные связи с именем у них различны. Разумеется, есть случаи, когда первичный и производный глаголы обладают разными значениями (ср. *imprimir* 'печатать', *impresi3n* 'отпечаток, впечатление', *impresionar* 'производить впечатление'; *revolver* 'вертеть, переворачивать', *revoluci3n* 'вращение, переворот, революция', *revolucionar* 'революционизировать, поднимать на восстание'). Однако эти примеры не исключают возможности семантического совпадения первичного и отыменного глаголов.

Противоречивость создавшихся отношений особенно хорошо заметна при сопоставлении таких пар, как *infringir* > *infracci3n* и *fracci3n* > *fraccionar*; *elegir* > *elecci3n* и *coleccionar*

> coleccionar; oprimir > opresión и presión > presionar; resurgir > resurrección и insurrección > insurreccionar; resolver > resolución и solución > solucionar.

Пять пар полностью передают латинскую корреляцию «глагол > имя действия». Напротив, существительные *fracción*, *colección*, *presión*, *insurrección*, *solución*, содержащие те же основы, что *infracción*, *elección*, *opresión*, *resurrección*, *resolución*, были заимствованы без смежных с ними глаголов. Последние образовались уже в испанском языке от основ существительных и получили вторичный, производный характер. Семантические связи у всех десяти пар совпадают, а их словообразовательные отношения оказываются противоположными. Последовательность процесса деривации приходит в столкновение с семантическими (логическими, понятийными) нормами, руководящими испанским словообразованием. Причиной этого, возможно, явилась тенденция языка к морфологическому выравниванию глагольной парадигмы, нарушившая привычные закономерности словообразования. Следует обратить внимание, что в языке наблюдается стремление восстановить равновесие между словообразовательными и смысловыми отношениями, подчинив приведенные выше пары общей норме испанской деривации. Этому способствует дальнейшее развитие словообразовательного ряда, направленное на преодоление возникшей коллизии. Оно сопровождается перераспределением значений между словами, входящими в общую серию. За именем, служащим исходным пунктом словообразовательного ряда, закрепляется более конкретное значение (бывшее значение результата или объекта действия), а имя действия создается заново от отыменного глагола. Так, существительное *fracción* удерживает значение 'доля, фракция, дробь' и практически утрачивает способность выражать процесс. Это последнее значение переходит к отглагольному имени *fraccionamiento*, включающему суффикс – *miento*. Любопытно заметить, что значение действия полностью сохраняется у существительных *infracción*, *elección*, соотносимых с первичными глаголами. Можно привести и другие примеры аналогичного перераспределения значений. Ср. *perfección* 'совершенство' > *perfeccionar* 'совершенствовать' > *perfeccionamiento* 'усовершенствование', *función* 'функция' > *funcionar* 'функционировать' > *funcionamiento* 'функционирование', *colección* 'коллекция' > *coleccionar* 'коллекционировать' > *coleccionamiento* 'коллекционирование' и др. В этих рядах значения действия и результата действия, обычно совмещающиеся в испанском языке в рамках одного производного, оказываются выраженными разными словами.

Приведенные факты показывают, что область несобственной деривации дает весьма обильный и любопытный материал для наблюдений над взаимодействием разных частей системы языка – его морфологии, фонетики и словообразования.

Литература

- Смирницкий 1956 – *А. И. Смирницкий*. Лексикология английского языка. М., 1956.
- Соболева 1958 – *П. А. Соболева*. Критерии внутренней (или семантической) производности при словообразовательных отношениях по конверсии // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Фак—т иностр. языков. 1958. Т. СХХVI. Вып. 2.
- Соболева 1959 – *П. А. Соболева*. Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии // ВЯ. 1959. № 2.
- Эрну 1950 – *А. Эрну*. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.
- Alemanu Bolufer 1920 – *J. Alemany Bolufer*. Tratado de la formación de palabras. Madrid, 1920.
- Benveniste 1957 – *E. Benveniste*. A propos de fr. *déjeuner* // Romance Philology. 1957. Vol. X. № 3.
- Dánilá 1959 – *N. Danila*. Observations sur la dérivation régressive dans la langue française // Revue de linguistique. 1959. T. IV. № 1.
- Gramática 1931 – Gramática de la lengua española. Madrid: Ed. Real Academia española, 1931.
- Graur 1957 – *AI. Graur*. Note asupra structurii morfologica a cuvintelor // Studii de gramática. Vol. II. Bucarest, 1957.
- Lázaro Carreter 1953 – *F. Lázaro Carreter*. Diccionario de términos filológicos. Madrid, 1953.
- Malkiel 1959 – *Y. Malkiel*. Fuentes indígenas y exóticas de los sustantivos y adjetivos verbales en—e // Revue de linguistique romane. 1959. T. XXIII.
- Marouzeau 1951b – *J. Marouzeau*. Lexique de la terminologie linguistique. Paris, 1951.
- Murphy 1954 – *S. Murphy*. A description of noun suffixes in colloquial Spanish // Descriptive Studies in Spanish Grammar. Urbana, 1954.

Глава VI

СМЕШАННЫЕ ТИПЫ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ^{5}

Последовательное применение разных способов словообразования создает в языке ряды слов, объединенных общностью основы. Рассмотрим такую, например, серию, как *arma* 'оружие' > *armar* 'вооружать' > *desarmar* 'разоружать' > *desarmado* 'разоруженный, безоружный'; *freno* 'узда' > *frenar* 'обуздать' > *desfrenar* 'разнуздать' > *desfrenado* 'разнузданный, лишенный узды'. Глаголы *armar*, *frenar*, произведенные от существительных *arma*, *freno*, соединяются затем с привативным префиксом *des-*, образуя *desarmar*, *desfrenar*. Эти последние дают языку прилагательные (адъективированные причастия) *desarmado*, *desfrenado*. Каждое последующее слово такой серии произведено от непосредственно ему предшествующего. Следовательно, соседние слова соотносятся по определенной модели деривации. Средние члены ряда структурно соответствуют второму элементу одной и первому элементу другой модели. Однако реально словообразовательная цепь не обязательно включает все промежуточные звенья. Между любыми двумя компонентами ряда легко устанавливаются прямые семантические, а затем и деривативные отношения. Словообразование может осуществляться с пропуском опосредствующих элементов. Вернемся к нашему примеру. Между первым и третьим членами ряда устанавливается прямая семантическая зависимость: *arma* > *desarmar*. Наличие смысловой корреляции приводит к образованию префиксальных глаголов от именных основ. Ср. *diente* 'зуб', *desdentar* 'лишить зубов, выбить зубы'; *cabeza* 'голова', *descabezar* 'обезглавить'; *oreja* 'ухо', *desorejar* 'отрубить уши'; *boca* 'рот, отверстие', *desbocar* 'отбить горлышко (у сосуда); *tripa* 'живот', *destripar* 'выпотрошить, выпустить внутренности'; *rama* 'ветка', *desramar* 'обрубить ветки'; *gorra* 'шапка', *desgorrar(se)* 'снять шапку'; *pluma* 'перо', *desplumar* 'ощипать перья'; *dinero* 'деньги', *desdinerar* 'лишить денег' и пр. Все приведенные слова образованы от основ имени, поскольку соответствующие бесприставочные глаголы в языке не употребляются. Контакт между первым и третьим членами словообразовательного ряда создал новую модель с характерным для нее смысловым отношением привативности. Второй член ряда (т. е. бесприставочный отыменной глагол типа *armar*, *frenar*) опускается, его опосредствующая роль не представляется необходимой.

Прямые словообразовательные отношения устанавливаются также между крайними членами цепи. При этом оказываются опущенными два промежуточных звена. Ср. такие пары, как *dicha* 'счастье' и *desdichado* 'лишенный счастья, несчастливый'; *garbo* 'изящество' и *desgarbado* 'неизящный, неотесанный'; *bragas* 'штаны' и *desbragado* 'неимущий, голоштаный' и др. Перечисленные прилагательные произведены от основ существительного. Ни бесприставочный глагол, ни глагол с префиксом *des-* в языке не употребляются. Слова, созданные по этой как бы эллиптической модели, отличаются по своему значению от прилагательных (адъективированных причастий), соотносимых с полным словообразовательным рядом. Прилагательные, произведенные от именной основы, обозначают отсутствие признака, в то время как отглагольные прилагательные указывают на его утрату в результате осуществленного ранее действия. Иногда одно и то же слово может совмещать значения, свойственные этим двум моделям. Так, прилагательное *descabezado*, соотносясь с глаголом *descabezar* и воспринимаясь как причастие этого глагола, имеет значение 'обезглавленный'. Находясь же в словообразовательном контакте с существительным *cabeza*, это же прилагательное означает 'безголовый, безмозглый'.

Мы видели, что в словообразовательной цепи могут опускаться отдельные кольца, в результате чего возникают новые модели, выражающие новую смысловую оппозицию.

Рассмотрим функционирование еще одного словообразовательного ряда, такого, например, как *motín* 'бунт' > *amotinar* 'поднимать на бунт, возмущать' > *amotinado* 'мятежный'; *montón* 'куча, груда' > *amontonar* 'сваливать в кучу' > *amontonado* 'сгруженный, сваленный в кучу'. Опускание префиксального глагола дало возможность производить прилагательные непосредственно от имен существительных. Ср. *paranja* 'апельсин' и *anaranjado* 'круглый, как апельсин, оранжевого цвета'; *berenjena* 'баклажан' и *aberenjenado* 'фиолетовый, цвета баклажана'; *concha* 'раковина' и *aconchado* 'напоминающий по форме раковину'; *cigarro* 'сигара' и *acigarado* 'сигарообразный'; *mulato* 'мулат' и *amulado* 'смуглый, как мулат'; *almendra* 'миндаль' и *almendrado* 'миндалевидный'; *pergamino* 'пергамент' и *apergaminado* 'желтый и высохший, как пергамент'. Отыменные прилагательные указывают на сходство по какому-нибудь признаку (цвету, форме и пр.) с предметом, обозначенным основой существительного. Семантическое своеобразие этой новой модели хорошо заметно при анализе значений некоторых прилагательных, созданных как бы одновременно по обеим моделям деривации. Так, *achicado*, соотносясь в качестве производящей основы с глаголом *achicar* 'уменьшать, делать маленьким', имеет значение 'уменьшенный, сокращенный', перен. 'униженный, ущербный'. Это же прилагательное может рассматриваться как производное от существительного *chico* 'ребенок'. Тогда оно указывает на сходство объектов и имеет значение 'ребячливый, похожий на ребенка'. Разные словообразовательные связи позволили прилагательному совмещать разные значения. Аналогичной семантической структурой обладают такие, например, слова, как *avasallado* 'порабощенный' (от глагола *avasallar* 'обращать в рабство') и 'похожий на вассала, обладающий чертами вассала' (от существительного *vasallo* 'вассал'); *armitado* 'отделанный горностаем' (от глагола *armitar* 'отделять горностаем') и 'белый как горностаи' (от существительного *armita* 'горностаи'); *acordonado* 'окруженный, оцепленный' (от *acordonar* 'оцеплять') и 'тощий, слабый' (от *cordón* 'веревка'); *azafranado* 'приправленный шафраном' (от *azafranar* 'приправлять шафраном') и 'желтый как шафран' (от *azafrán* 'шафран'); *almibarado* 'залитый сиропом' (от *almibarar* 'заливать сиропом') и 'сладкий, сладкий как сироп' (от *almibar* 'сироп') и многие другие. Прилагательные типа *avasallado* могут, следовательно, входить в разные словообразовательные пары, взаимодействуя то с глаголом, то с именем. Это позволяет им сочетать значения, обусловленные двумя моделями деривации.

Итак, новая модель (*paranja* > *anaranjado*) обладает семантической спецификой, отличающей ее от полного словообразовательного ряда (*tonto* > *atontar* > *atontado*). Однако пропущенный глагольный элемент оказал влияние на значение производного прилагательного, внося в него оттенок вербальности, действительности.¹⁰⁵ Данный элемент значения отличает слова типа *anaranjado* от других синонимических прилагательных, созданных от одной и той же основы.¹⁰⁶ В этом нетрудно убедиться, сравнив такие одноосновные слова, как *azulado* и *azuleño*, *azulino*, *azulejo*, *azulenco* 'голубоватый'; *acerado* и *acerino*, *acereño* 'стальной, стального цвета, твердый как сталь'; *aperlado* и *perlino* 'жемчужный, жемчужного цвета'; *argentado* и *argénteo* 'серебристый, серебряный'; *agrisado* и *griseo* 'серый, сероватый'; *alobado* и *lobuno* 'волчий, похожий на волка'; *aplomado* и *plomizo*, 'свинцовый, свинцово-серый, тяжелый как свинец'; *agraciado* и *gracioso* 'красивый, грациозный' и пр. О семантическом своеобразии модели *paranja* > *anaranjado*, заключающемся, по-видимому, именно в оттенке вербальности, свидетельствует и возможность конструирования парасинтетических прилагательных от основ этой же части речи. Ср. *bobo* и *abobado* 'глупый, отупевший', *silvestre* и *asilvestrado*

¹⁰⁵ Оттенок глагольности, как бы переведенный в атрибутивный план, выражается в том, что свойство предмета воспринимается не как имманентное, а как возникшее в результате осуществленного ранее действия и потому приближающееся к состоянию.

¹⁰⁶ На это обстоятельство обратил внимание Я. Малкиель [Malkiel 1941]. В его работе прослеживаются возникновение, причины распространения, семантика и стилистическая окраска данной модели словообразования.

'лесистый, заросший джунглями', *lobuno* и *alobunado* 'волчий, превратившийся в волка, озверевший', *lindo* и *alindado* 'красивый' и пр. В таких прилагательных особенно отчетливо ощущается их связь с потенциальным глаголом.¹⁰⁷ Элемент вербальности вводится в слова типа *aparanjado* не только суффиксом – *ado*, но и префиксом *a-*, придающим глаголу значение переходности или интенсивности, полноты осуществления действия. Так, прилагательные *agranujado*, *abrasilado*, *abalaustrado*, *acanelado* содержат гораздо большую дозу вербальности, чем бесприставочные *granujado*, *brasilado*, *balaustrado*, *canelado*.

Опущенный член словообразовательного ряда влияет на семантику новой модели, придавая отыменному прилагательному особый действенный оттенок.

Необходимо заметить, что семантическая дифференциация эллиптической модели имеет место далеко не во всех случаях. Сравним такие ряды слов, как *tolerar* > *tolerable* > *intolerable*, *resistir* > *resistible* > *irresistible*, с эллиптическими парами *cansar* > *incansable*, *decir* > *indecible*, в которых словообразование минует стадию суффиксального прилагательного. Значение прилагательных, образованных по второй модели, ничем не отличается от семантики слов, созданных путем присоединения отрицательной приставки к прилагательному. Парасинтетическая модель лишена в данном случае смыслового своеобразия. Ср. *intolerable* (от *tolerable*) 'невыносимый', *inadmisible* (от *admisible*) 'недопустимый', *imperdonable* (от *perdonable*) 'непростительный', *intraducible* (от *traducible*) 'непереводимый' и такие прилагательные, как *incansable* (от *cansar*) 'неутомимый', *imperdible* (от *perder*) 'нетеряемый, который не может быть утрачен', *infatigable* (от *fatigar*) 'неутомимый, неустанный', *irreconciliable* (от *reconciliar*) 'непримиримый'. И префиксальные, и парасинтетические прилагательные выражают значение модализованной пассивности. При совпадении семантического диапазона эллиптической модели с полным словообразовательным рядом промежуточные звенья легко восстанавливаются в языке. Можно сказать, что они в нем присутствуют в качестве «потенциальных» слов, как некая еще не использованная языковая возможность.

Лексическая цепь создается путем применения разных способов деривации. Вернемся еще раз к приведенному выше примеру. Первый и второй члены такого ряда, как *arma* > *armar* > *desarmar* > *desarmado*, находятся в отношении несобственной (безаффиксальной) деривации (*arma* > *armar*). Третий член создан от второго путем префиксации (*armar* > *desarmar*), а четвертый произведен от ему предшествующего при помощи суффиксирования (*desarmar* > *desarmado*). Опущение какого—либо звена цепи вводит в действие смешанные модели, сочетающие в себе признаки разных словообразовательных типов. Так, пропуск двух средних членов создает суффиксально—префиксальную деривацию типа *alma* > *desalmado*. Элиминация второго компонента устанавливает модель *cabeza* > *descabezar*, по—видимому, соединяющую черты несобственной деривации и префиксации. Эта схема словопроизводства возникла в испанском языке путем слияния двух моделей, одна из которых основывается на несобственной деривации (*arma* > *armar*), а другая на префиксации (*armar* > *desarmar*). Вновь возникшая словообразовательная оппозиция унаследовала от обоих типов присущие им качества. От несобственной деривации новая модель получила способность переключать производящую основу в иную парадигму без посредства суффиксов, от префиксации – привативную функцию. Новая схема может быть отнесена либо к смешанному типу, либо рассматриваться как чистое префиксирование. В последнем случае следовало бы считать, что пропуск среднего члена привел к расширению функции префикса, получившего способность осуществлять деривативную транспозицию. Такая оценка префиксации, однако,

¹⁰⁷ Любопытно заметить, что прилагательные типа *barbado* 'бородатый' сохраняют некоторый, хотя и очень слабый, оттенок вербальности. Этот нюанс поддерживается активным функционированием суффикса – *ado* в сфере образования причастий глаголов I спряжения. В то же время сходные по значению прилагательные типа *barbudo* 'бородатый', *narigudo* 'носатый' утратили элемент вербальности, чему способствовала неупотребительность суффикса – *udo* для образования причастий от глаголов II спряжения.

затушевывала бы разницу между суффиксами и префиксами. Испанские приставки лишены транспонирующей функции, они не оказывают воздействия на парадигму слова. Поэтому представляется более целесообразным допустить сочетание в одной модели особенностей префиксации с некоторыми чертами несобственной деривации, заключающимися в замене одного грамматического оформления основы другим.

Вполне естественно, что пропуск одного из членов ряда не всегда ведет к возникновению в языке смешанных моделей. Если последовательно использованы однотипные приемы деривации, то опущение среднего члена может вызвать, например, сращение аффиксов. Так, испанский суффикс – *ería* возник в результате сращения суффиксов – *ero* и –*ía*. Суффикс – *ería* образует существительные со значением качества, свойства, а также места, помещения (названия мастерских, магазинов и пр.). Словообразовательная цепь в ее целостности может быть представлена в следующем виде: *leche* > *lechero* > *lechería*; *sombrero* > *sombrerero* > *sombrerería*; *reluca* > *reluquero* > *reluquería*. Опущение второго элемента дало возможность образовывать существительные, прибавляя к их основе суффикс – *ería*: *alcahuete* > *alcahuetería*, *caza* > *cacería*, *burla* > *burlería*, *tonto* > *tontería*, *bellaco* > *bellaquería*, *niño* > *niñería*. В некоторых из приведенных примеров исходное слово уже само по себе имеет значение лица, а следовательно – *er* – *o*, входящий в состав суффикса, такое значение утрачивает. Этот процесс обусловлен действием морфологической аналогии.

Совмещение разных способов словообразования также не всегда вызывает возникновение смешанных моделей. Последние зарождаются только тогда, когда используются приемы словообразования, обладающие принципиально разными, им лишь присущими свойствами. Если грамматические признаки двух типов словообразования оказываются сходными, их сочетание не вводит в язык качественно новой структуры. Так, например, соединение префиксации и несобственной деривации не создает смешанного типа словообразования, поскольку основной функцией несобственной деривации является перевод основы в другую лексико—грамматическую категорию, что свойственно также и суффиксации. В ряду *azafrán* > *azafranar* > *azafranado* первые два члена находятся в отношении несобственной деривации, а третий компонент создан от второго путем суффиксации. Пропуск промежуточного звена дает модель *gosa* > *gosado*, *dátil* > *datilado*, *limón* > *limonado*, *león* > *leonado*. Однако она не может быть отнесена к смешанному типу словообразования, который бы совмещал черты несобственной деривации и суффиксации. В данном и подобных случаях происходит лишь видоизменение функции суффикса. Элемент – *ado*, адъективировавший ранее глагол, осуществляет в рамках новой модели адъективацию имени существительного. Транспонирующая функция глагольной парадигмы сливается с аналогичной ролью суффикса и как бы адсорбируется ею.

В ряду *gusto* > *disgustar* > *disgusto* участвуют различные словообразовательные типы, такие, как префиксация, несобственная деривация и суффиксация. Однако опущение среднего звена не повело к возникновению смешанной модели, а лишь изменило словообразующие возможности префикса, позволив ему присоединиться непосредственно к именным основам. Ср. *sabor* > *desabor*, *tiempo* > *destiempo*. Новая модель не получила, впрочем, распространения в испанском языке, и элемент *des-*(*dis-*) продолжает функционировать преимущественно в сфере внутриглагольной деривации.

Иначе обстоит дело, когда словообразовательная конструкция скрещивает черты словосложения и суффиксации. Подобные модели могут быть признаны смешанными, так как они совмещают черты разных типов словообразования. В испанском языке создание слов этим способом лишено какой—либо продуктивности и дает лишь спорадические производные. Ср., например, *picapedrero* 'каменотес', объединяющее черты двух агентивных моделей, одна из которых принадлежит словосложению (тип *picapleitos*), другая – суффиксальной деривации (тип *tendero*).

Этот способ словообразования не следует отождествлять с другими путями создания новых слов аналогичного строения. Многие сложнопроизводные слова возникают в результате присоединения суффиксов к составным словам. Так, существительное *guardarropía* 'театр. реквизит, костюмерная' создано от сложного слова *guardarropa* 'гардероб, гардеробщик, костюмер'. В этом случае имеет место последовательное применение двух самостоятельных приемов словообразования:

$$\begin{array}{l} \text{guardar} \\ \text{ropa} \end{array} \begin{array}{l} > \\ > \end{array} \text{guardarropa} > \text{guardarropía}.$$

Напро—против, в разобранный выше примере одно из звеньев цепи отсутствует:

$$\begin{array}{l} \text{picar} \\ \text{pedrero} \end{array} \begin{array}{l} > \\ > \end{array} \text{picapedrero}.$$

Результирующее слово создано единым актом словообразования, сочетающим черты двух разных структурных типов.

Нельзя также говорить о смешанном словообразовании применительно к другому способу создания сложноаффиксальных слов. Имеется в виду присоединение суффиксов к свободным и устойчивым словосочетаниям. Ср. *goravejero* 'старьевщик' (от *gora vieja* 'старая одежда'), *cincomesino* 'пятимесячный' (от *cinco meses* 'пять месяцев'), *sietemesino* 'семимесячный' (от *siete meses* 'семь месяцев'), *dosañal* 'двухгодичный' (от *dos años* 'два года'), *aguagriero* 'лечащийся минеральными водами' (от *aguas agrias* 'кислые воды'), *miliuna—nochesco* 'сказочный' (от *mil y una noche* 'тысяча и одна ночь'), *versoliberalismo* 'белые стихи (как направление в поэзии)' (от *verso libre* 'белый стих'), *cuentacorrentista* 'владелец текущего счета в банке, вкладчик' (от *cuenta corriente* 'текущий счет'), *librecambista* 'сторонник свободной торговли' (от *libre cambio* 'свободная торговля'). Немало производных слов создается от двучленных собственных имен (в том числе топонимов). Ср. *santafereño* и *santafesino* (от *Santa Fe*); *sanjuanada*, *sanjuanero*, *sanjuanino* (от *San Juan*); *Sanluisero* (от *San Luis*). В лексическом составе языка подобные образования соотносятся со словосочетанием (а не словом), выступающим в качестве их производящей основы. Составной характер последней отражается на морфологической структуре слова, которое должно рассматриваться как сложноаффиксальное.

Можно предположить, что способность суффикса присоединяться к словосочетаниям развилась не без влияния тех случаев, когда он примыкал к уже готовому сращению. Ср. *agua ardiente* > *aguardiente* > *aguardentoso*, *aguardentero*.

Средний член этого ряда (т. е. сращение) затем опускался, и суффикс присоединялся к основе словосочетания. Ср. *cuenta corriente* > *cuentacorrentista*. Суффиксирование поглощает, растворяет в себе действие агглютинации, стягивающей элементы словосочетания в одно целое. Функция сращения переходит к суффиксации.

Выше мы пытались показать, что смешанные разновидности словообразования могут возникнуть лишь в результате объединения различающихся по своему характеру типов создания слов. В испанском языке смешанное словообразование представлено моделями, сочетающими черты 1) суффиксации и префиксации, 2) префиксации и несобственной деривации, 3) словосложения и суффиксации. Этот последний тип непродуктивен. В испанском языке встречаются отдельные примеры производных слов, созданных путем префиксации и варьирования конечного гласного, ср. *contertulio* 'один из друзей, член компании' от *tertulia* 'компания друзей, общество'. Но эти случаи не создают продуктивных моделей.

Глава VII

СОЧЕТАНИЯ ТИПА *EL PAJARO MOSCA* В СОВРЕМЕННОМ ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ^{6}

Вопрос о границе сложного слова и словосочетания по—разному ставится для сложных слов, образованных синтаксическим путем, то есть путем сращения словосочетаний, и для сложных слов, созданных по определенной словообразовательной модели. В первом случае речь идет об изменении качества отдельных соединений, превращающихся из словосочетаний в сложные слова. Во втором случае рассматривается самый способ сочетания компонентов. Если признается, что последние соединяются по нормам словосложения, а не синтаксиса данного языка, то этим самым признаются словами, а не словосочетаниями все образования, обладающие одинаковой структурой. Методологически это решается не только путем выяснения качества получаемых тем или иным способом соединений, но и путем анализа функционирования в языке данного способа сочетания компонентов. Именно в таком плане должен рассматриваться вопрос об испанских образованиях типа *el pájaro mosca* 'колибри', букв. 'птица—муха', *la casa cuna* 'ясли', букв. 'дом—колыбель'.¹⁰⁸

Данный способ соединения двух существительных, характерный и для других романских языков, получил в последнее время довольно широкое распространение. Сочетания этого типа привлекали внимание многих романистов, которые, однако, ограничивались преимущественно изучением вопросов их происхождения. Большинство лингвистов объясняло возникновение и формирование в романских языках соединений типа франц. *timbre—poste* ('почтовая марка'), исп. *pájaro mosca* влиянием словосложения двух существительных в германских языках. Так, В. Мейер—Любке связывает происхождение подобных образований во французском языке с влиянием английских и немецких слов (например, *timbre—poste* возникло под влиянием нем. *Post—marke*).¹⁰⁹

Анна Хэтчер¹¹⁰ полагает, что формирование во французском языке соединений типа *timbre—poste* определилось влиянием словосложения двух существительных, под воздействием которого произошло затемнение отношений между компонентами аппозитивных групп во французском языке. Известную продуктивность композиции этого типа А. Хэтчер объясняет тем, что в устойчивых словосочетаниях, состоящих из двух существительных, типа *cheval á (de) main* 'заводная лошадь', которые она называет сложными словами, стало возможно параллельное употребление двух или более предлогов. Затруднение в выборе между двумя или тремя вариантами и привело, по ее мнению, к распространению простого соположения.

Среди испанистов аналогичных взглядов придерживается Хулио Касарес,¹¹¹ который замечает, что причиной продуктивности сочетаний данного типа в испанском языке является трудность определения отношений между первым и вторым компонентами, то есть иначе — действие «закона наименьшего усилия» (*la ley del menor esfuerzo*).

Такое объяснение, исходящее из теории «экономии речевых усилий», нельзя считать удовлетворительным, оно неверно уже в самой своей предпосылке.

¹⁰⁸ См. подробно в главе «Вопросы морфологии и функционирования имен в испанском языке».

¹⁰⁹ [Meyer—Lübke 1921: 171].

¹¹⁰ См. [Granville Hatcher 1946: 216–228].

¹¹¹ См. [Касарес 1958].

Как мы увидим далее, причины продуктивности соединений данного типа кроются в закономерностях развития испанского языка как системы.

Касаясь вопроса происхождения соединений типа *el pájaro mosca* в испанском языке, возможно допустить, что некоторые из них возникли под прямым или косвенным (через французский язык) воздействием немецких и английских слов. Так, *la guerra relámpago* 'молниеносная война', 'блицкриг', очевидно, является калькой с нем. *Blitzkrieg*. *El peso mosca* 'вес мухи, наилегчайший вес' (спорт.), видимо, калька с англ. *the fly weight*. *El niño prodigio* 'вундеркинд', несомненно, скопировано с нем. *Wunderkind*. *La pluma fuente*, которое в странах Латинской Америки стало употребляться вместо *la pluma estilográfica* 'самопишущая ручка', возникло под влиянием англ. *the fountain—pen*. В прессе встречаются сочетания, вторым членом которых является непосредственно заимствованное слово. Например, *las cifras record* 'рекордные цифры', *las casas standart* 'стандартные дома'. В последнем случае заимствование слова *standart* объясняется тем, что исп. *estandarte* означает 'знамя', а не 'стандарт'.

Остается, тем не менее, сомнительным, чтобы формирование подобных сочетаний в романских языках, в частности в испанском, в структурном отношении происходило под влиянием германских языков, потому что иным является порядок расположения компонентов, иной также является их грамматическая характеристика: в германских языках флектирует второй член, а в романских – первый.

А. Дармстетер полагает, что соединения типа *timbre—poste* во французском языке развились на базе словосложения путем аппозиции. «*Il faut y voir une extension de l'apposition*»¹¹² («в этом следует усматривать распространение приложений»), – пишет он. Процесс преобразования сложных слов аппозитивного типа в сложные существительные типа *timbre—posie*, по мнению А. Дармстетера, основывается на том, что у первых соотношение между компонентами в отдельных случаях затемнено и может интерпретироваться скорее как подчинительное, чем как соположительное: например, *café concert* 'кафе—шантан' можно истолковать как *café á concert*. По аналогии с этими сложными словами начали возникать другие, второй компонент которых уже несомненно находился в подчинении у первого.

Не берясь решать вопрос о происхождении сочетаний типа *el pájaro mosca*, *la casa cuna* в испанском языке, не являющийся в данном случае центральным, укажем, однако, что формирование подобных соединений, вероятней всего, происходило, путем выпадения предлога *de* из сочетаний типа *el rublo de oro* 'золотой рубль', *el reloj de pulsera* 'ручные часы', второй компонент которых подвергался постепенной адъективации. Этот процесс, видимо, опирался на имеющиеся пережитки ложного выражения отношений принадлежности, возможного в староиспанском синтаксисе, а также существующего в одном из образцов словосложения (*la bocacalle* 'начало улицы'). В структурном отношении развитию и укреплению в испанском языке сочетаний типа *el pájaro mosca* способствовала также вся разнообразная система беспредложных сочетаний двух существительных, в частности аппозиция и особенно построенные по аппозитивному типу названия.

Иногда на материале языка удается проследить, как интересующие нас образования возникают на базе предложных словосочетаний. Например, *ясли* назывались по—испански сначала *la casa de cuna*. Эта форма зарегистрирована в испанско—русском словаре С. С. Игнатова и Ф. В. Кельина (1931). Сейчас употребляется *la casa cuna*. *El área del dólar* 'долларовая зона' функционирует параллельно с *el área dólar*. Наряду с *el reloj pulsera* 'ручные часы' можно встретить форму *el reloj de pulsera*.

Сочетания, аналогичные исп. *el pájaro mosca*, *la casa cuna*, в других романских языках, например, во французском и итальянском, обычно считаются сложными словами. С этой точки зрения их качество не подвергается даже сомнению. В испанистике вопрос об обра-

¹¹² [Darmesteter 1875b: 160].

зованиях подобного рода почти не освещен, хотя он представляет интерес. Отдельное замечание по этому поводу встречается у С. Хи—ли—и—Гайа, который полагает, что приложение в испанском языке, с одной стороны, дало начало образованию сложных слов типа *bosamanga* 'обшлаг', *aguanieve* 'мокрый снег', *rájaro mosca*, пишущихся то слитно, то раздельно, а с другой стороны, привело к адъективации второго компонента, например, *un día perro* 'собачья погода', *la noticia bomba* 'сногшибательная новость (известие). Легко заметить, что автор смешивает разнородные способы сочетания двух существительных. Так, слово *aguanieve* принадлежит к иному типу сравнительно с *el rájaro mosca*, которое, не будучи по своей структуре однородным с первыми двумя, совершенно однотипно с *la noticia bomba*, противопоставляемым ему С. Хили—и—Гайа. Это замечание, таким образом, не проясняет вопрос о встречающихся в испанском языке беспредложных сочетаниях двух существительных.

Х. Касарес называет образования данного типа «*locuciones geminadas*»¹¹³ («двоенные выражения»), не причисляя их к словам, но подчеркивая все же их лексический характер.

Проанализируем более подробно образования типа *el rájaro mosca* с точки зрения их свойств.

Дефисное написание сближает некоторые из них со сложными словами. Однако, как указывал уже С. Хили—и—Гайа, многие образования данного типа пишутся совершенно раздельно, например: *la guerra relámpago* 'молниеносная война', *la noticia bomba* 'сногшибательное известие', *el peso pluma* 'вес пера' (спорт.). Следовательно, имеет место простое колебание в орфографии, которое не должно отражаться на оценке этого явления. Необходимо поэтому рассмотреть вместе все соединения, обладающие одинаковой структурой, независимо от их написания.

Основной особенностью, отличающей образования типа *el rájaro mosca* от других способов сочетания двух существительных, принадлежащих как к синтаксису, так и к словосложению в испанском языке, является неизменяемость второго члена,¹¹⁴ например *el rájaro mosca*, мн. ч. *los rájaros mosca*. Ср. также *el alumno modelo* 'примерный ученик' (букв. 'ученик—образец'), *los alumnos modelo*, *la alumna modelo*, *las alumnas modelo*. Изменение окончания происходит только у первого компонента, который может принимать также суффиксы субъективной оценки, например, *la maletita tocador* 'несессер'.

Считая основным в такого рода соединениях их строение, их грамматическую характеристику, мы вправе рассматривать вместе все образования, обладающие одинаковой структурой. В современном испанском языке такие сочетания, как *el peso pluma*, *el rublo oro* и пр., в которых ощущается эллипсис предлога *de*, и сочетания типа *el rájaro mosca*, в которых этого ощущения нет, представляют структурно однородный класс. В настоящий момент нет никакой разницы в оформлении таких соединений, как *el traje sastre* 'верхний костюм', *el mitin relámpago* 'летучка', *el coche—cama* 'спальный вагон', *el pájaro mosca* 'птица—муха, колибри', *el coche correo* 'почтовый вагон', *el peso pluma* 'вес пера' (спорт.), *el peso gallo* 'вес петуха' (спорт.), *el papel moneda* 'бумажные деньги', *el año luz* 'световой год', *el tren correo* 'почтовый поезд', *el reloj pulsera* 'ручные часы', *la guerra relámpago* 'молниеносная война, блицкриг' и пр. Все они однородны по своему грамматическому свойству, хотя некоторые из них могут быть заменены сочетаниями с предлогом *de*, а другие нет. К этому же типу, возможно, следует отнести также сочетания с существительным, употребляемые для обозначения цвета (например, *el traje chocolate* 'костюм шоколадного цвета', *un vestido violeta* 'фиолетовое платье', *la cinta rosa* 'розовая лента'). Подчеркиваем еще раз, что предлагаемый

¹¹³ [Касарес 1958: 172].

¹¹⁴ Во французском языке, в котором категория множественности выражается преимущественно артиклем, это качество соединений типа *timbre—poste* выступает не столь отчетливо.

здесь анализ основывается на совместном рассмотрении целого класса соединений, обладающих указанными выше грамматическими свойствами, хотя в семантическом отношении они не вполне однородны.

Конкретным показателем грамматической оформленности существительного в современном испанском языке является способ образования множественного числа: в словосочетании происходит раздельное флектирование компонентов, в сложном слове флексия мн. ч. общая у обоих компонентов. В сочетаниях типа *el pájaro mosca* изменение окончания происходит только у первого существительного, второй компонент всегда остается неизменяемым. Однако вряд ли это дает право полагать, что он является чистой, никак не оформленной основой существительного, вступающей в словосложение, поскольку грамматическая оформленность сложного существительного в испанском языке достигается флектированием второго, а не первого компонента.¹¹⁵ Формирование некоторых сложных существительных в испанском языке шло именно по линии переноса окончания *s* с первого компонента на второй. Ср. *las bocas de calle > las bocas—calles > las bocacalles*.

Во всей грамматической системе испанского языка есть только два слова, в которых флектирует один первый компонент. Это неопределенные местоимения *cualquiera* 'кто—нибудь' (мн. ч. *cualesquiera*) и *quienquiera* 'всякий' (мн. ч. *quienesquiera*). Формы множественного числа этих местоимений, впрочем, очень малоупотребительны. Кроме того, это изолированный случай, выпадающий из системы формообразования в целом. Поэтому он не может повлиять на оценку соединений типа *el pájaro mosca*, тем более что морфологии существительных это явление не свойственно.

Приведенные выше соображения показывают, что образования типа *el pájaro mosca* в системе современного испанского языка не обладают грамматической целостностью. Они также лишены фонетического и графического единства.

Чтобы уяснить место соединений типа *el pájaro mosca* в современном испанском языке, необходимо проследить их функционирование в речи.

Не оставляет сомнений, что подобные образования носят атрибутивный характер, причем определением является второй компонент. Такое выражение определения не совпадает с принятыми в испанском синтаксисе нормами, отличаясь в структурном отношении от атрибутивно употребленного прилагательного и от приложения. С точки зрения современного испанского языка, нет пока также достаточных оснований, чтобы видеть в образованиях подобного рода новый тип атрибутивных словосочетаний. Для этого они не обладают необходимой степенью абстракции, характеризующей грамматические категории. Сочетания данного типа не абстрагируются в современном испанском языке от частного и конкретного. По их образцу нельзя произвольно создавать другие сочетания с любым существительным во второй части, например, нельзя сказать *el vestido seda* вместо *el vestido de seda* 'шелковое платье' или *la casa piedra* вместо *la casa de piedra* 'каменный дом'.

Наблюдая за сочетаниями типа *el pájaro mosca*, можно заметить, что атрибутивное употребление существительного связано с изменением его качества, выражающимся в его адъективации. Это позволяет ему также выступать в функции определения других существительных. Так, существительные, служащие для обозначения цвета, совершенно свободно сочетаются с любыми словами. Например: *la tela rosa* 'розовая материя', *la blusa rosa* 'розовая кофта', *el mundo rosa* 'розовый мир'. Ср. у А. П. Варела: *Quien sabe si no sería mejor que el chico quedase en ese mundo rosa*¹¹⁶ ('кто знает, может быть было бы лучше, чтобы ребенок остался в этом розовом мире'). Ср. также другой пример, свидетельствующий о том, что сочетания подобного рода нередко носят свободный характер: *Las ondas plata se disolvían en un creciente*

¹¹⁵ На это, между прочим, указывает Р. Ленц (см. [Lenz 1935: 88]).

¹¹⁶ [Varela 1951: 166].

*fango marrón*¹¹⁷ ('серебристые волны растворялись в поднимающейся коричневой грязи'). Любопытно сравнить эту фразу со следующим предложением, которое А. Труэба приводит как пример писательского штампа: *La luna reflejaba en las plateadas ondas del río*¹¹⁸ ('отражение луны мерцало в серебристых волнах реки'). Это сравнение показывает жизнеспособность образований интересующего нас типа, которые вытесняют даже привычные сочетания с прилагательными. Однако не только существительные, обозначающие названия цвета, могут определять любое слово. Целый ряд других существительных свободно вступает в подобные сочетания (мы не говорим в данном случае о логических ограничениях сочетаемости слов). Например: *el profesor modelo* 'образцовый преподаватель', *el alumno modelo* 'примерный ученик', *el padre modelo* 'примерный отец', *la madre modelo* 'примерная мать', и т. д., *el viaje relámpago* 'летучка, молниеносная поездка', *la entrevista relámpago* 'краткое свидание' и т. д. Существительное *flor* 'цветок', выступая в функции определения, получает значение 'прекрасный, отменный', иногда с ироническим оттенком. Ср., например, следующие случаи его употребления, взятые из романа латиноамериканского писателя А. Варела «Темная река»: *Van a pasar una vida flor*¹¹⁹ ('у вас будет прекрасная жизнь'); *Susto flor me pegué 'ta mañana*¹²⁰ ('я чертовски перепугался сегодня утром'); *Los soldados andaban como locos y la gente protestando en Posadas por los crímenes y el bochinche flor*¹²¹ ('солдаты вели себя, как безумные, и население Посадаса протестовало против преступлений и ужасных беспорядков').

Свободно сочетаются с любым существительным также такие, например, слова, как *clave* 'ключ', *cumbre* 'вершина' и др. Ср. *Ha sido montado el complot imperialista para invadir Guatemala desde Honduras, tomar lugares clave del país y penetrar en la República*¹²² ('Был составлен империалистический заговор, чтобы вторгнуться в Гватемалу из Гондураса, захватить ключевые позиции страны и проникнуть в республику').

Степень адъективации ряда существительных, следовательно, оказывается настолько высокой, что позволяет им определять любое слово, образуя свободные словосочетания.

Некоторые существительные, обозначающие названия цвета, могут выступать также и в других синтаксических функциях прилагательных, в частности в функции именной части сказуемого (ср. *Rosa, rosa era su vestido*¹²³ 'платье у нее было розовое'), а также соединяться союзом *y* с другими прилагательными, например, *un lago rosa y celeste*¹²⁴ 'лазурно—розовое озеро'.

Однако процесс адъективации существительного не достигает полного развития. Происходит лишь его частичная адъективация, так как нет морфологического сближения с прилагательным (отсутствует флектирование), но есть определенное синтаксическое, иначе функциональное, сближение. Можно, между прочим, заметить, что частичной адъективации подвергаются, как правило, бессуффиксальные существительные одного рода, ср.: *modelo* 'образец', *relámpago* 'молния', *clave* 'ключ', *correo* 'почта'. Если в такое соединение вступает существительное, имеющее соотносительные родовые формы, происходит его полная адъективация, например, *el perro* 'собака' и *perro* 'собачий', ср. *el corazón perro* 'собачье сердце', *la vida perra* 'собачья жизнь', *los patrones perros* 'подлые хозяева'. Употребление в качестве определения суффиксальных существительных привело в ряде случаев к расширению функ-

¹¹⁷ [Ibid.: 63].

¹¹⁸ [Tnieba 1865: 38].

¹¹⁹ [Varela 1951: 15].

¹²⁰ [Ibid.: 136].

¹²¹ [Ibid.: 226].

¹²² *La voz de México*. № 824 (от 5 февраля 1954 г.).

¹²³ [Varela 1951: 8].

¹²⁴ [Del Valle Inclán 1940: 103].

ции некоторых суффиксов, которые стали служить также для образования прилагательных, например – *dor*.

В целом процесс адъективации существительных опирается на общую тенденцию языка к структурному сближению существительных и прилагательных, к распространению общих для этих двух частей речи словообразовательных типов. Подобное сближение существительных и прилагательных ведет в конечном счете к их функциональному смешению и взаимозаменяемости даже при сопротивляемости определенного класса существительных морфологической унификации с прилагательными. Это вызывает к жизни сочетания типа *el rájaro mosca*, *la casa cuna*, *el padre modelo* и пр., в которых существительное выступает в функции прилагательного, не меняя, однако, своей морфологической формы.¹²⁵

На основании всего вышеизложенного можно сделать вывод о том, что в современном испанском языке образования типа *el rájaro mosca* являются не сложными словами, а свободными или устойчивыми словосочетаниями определительного типа, между членами которых отсутствует согласование в роде и числе. Второе существительное адъективируется лишь частично, не сближаясь морфологически с прилагательными. Вполне естественно, что чем меньше степень адъективации второго компонента таких образований, тем более устойчивыми они являются.

Не пытаясь решать вопрос о дальнейшей судьбе сочетаний типа *el rájaro mosca*, укажем лишь, что раньше они обладали большей склонностью к слиянию в одно слово, ср. *verdemar* 'цвета морской воды', *verdemontaña* 'медная зелень' и др. В современном испанском языке сочетания данного типа обнаруживают несколько иные тенденции, и сцепление их компонентов идет по линии своего постепенного ослабления. Второй компонент получает все большую свободу соединения с другими существительными, не переоформляясь, однако, морфологически. Поэтому процесс частичной адъективации имеет в данном случае некоторую тенденцию к изменению своего характера из словообразовательного в грамматический, то есть к созданию нового типа синтаксических словосочетаний. Однако пока нет достаточных оснований для того, чтобы в этом смысле делать какие—либо определенные выводы, поскольку в современном испанском языке тенденции соединений типа *el rájaro mosca* нельзя считать полностью выявившимися.

---

¹²⁵ Образования этого типа не следует смешивать с аппозицией, при которой существительное выступает в атрибутивной функции, не подвергаясь при этом адъективации, иначе говоря, при аппозиции не происходит отрыва качества от субстанции.

Литература

- Касарес 1958 – *X. Casares*. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
Casares 1950 – *J. Casares*. Introducción a la lexicografía moderna. Madrid, 1950. P. 173.
Darmesteter 1875b – *A. Darmesteter*. De la creation actuelle des mots nouveaux dans la langue française. Paris, 1875. P. 160. Valle Inclán 1940: – *R. del Valle Inclán*. El ruedo ibérico. Viva mi dueño. Vol. I. Buenos Aires, 1940. P. 103. Hatcher 1946 – *A. Granville Hatcher*. La type «timbre—poste» // Word. 1946. № 3. Lenz 1935 – *R. Lenz*. Oración y sus partes. Madrid, 1935. Meyer—Lübke 1921 – *V. Meyer—Lübke*. Historische Grammatik der französischen Sprache. Bd. II. Heidelberg, 1921. Trueba 1865 – *A. Trueba*. Cuentos campesinos. Leipzig, 1865.

Глава VIII

СИНТАКСИЧЕСКАЯ ЭМФАЗА В ИСПАНСКОМ ЯЗЫКЕ В СРАВНЕНИИ С ДРУГИМИ РОМАНСКИМИ ЯЗЫКАМИ^{7}

1. Вводные замечания

Испанский синтаксис гибок и выразителен, в нем имеются многочисленные способы передачи не только тонких оттенков значения и эмоциональных нюансов, но и целый ряд особых конструкций, отражающих распределение акцентов в предложении. Ниже мы попытаемся дать предварительную систематизацию и описание основных типов эмфатических конструкций и предложений в испанском языке. Эмфатическими будем считать конструкции, соотносимые с нейтральными построениями и отличающиеся от них только по одному признаку – распределению акцентов, которое выражается синтаксическими средствами языка. Различие в построении нейтральных и эмфатических конструкций может быть сформулировано в правилах преобразований. Совокупность этих правил составит грамматику эмфазы. Метод преобразований здесь вполне уместен, поскольку главным условием выделения эмфатических конструкций является наличие в языке соотносимых нейтральных структур. Принцип системной организации языка в этом случае выступает особенно наглядно. Как мы увидим ниже, в испанском языке имеются сочетания, совпадающие по строению с эмфатическими конструкциями, но не выражающие эмфазы ввиду отсутствия пар.

Нельзя забывать, впрочем, что эмфатические и нейтральные конструкции представляют собой самостоятельно функционирующие в речи синтаксические модели, обладающие независимыми перспективами развития, которое может отдалять, а затем и совсем отрывать эмфатические построения от нейтральных.

В данном очерке не будут затронуты способы эмфазы, связанные с порядком слов, поскольку эта категория синтаксиса вызывает особый круг проблем. Изучаемая нами эмфаза состоит в выделении членов предложения или целых предложений. Выделение может происходить в пределах разных синтаксических структур – словосочетания, простого и сложноподчиненного предложения. В зависимости от этого изменяются и сами способы эмфазы. Отмеченные два признака – какая единица подвергается выделению и какова та синтаксическая среда, в которой происходит выделение, – могут быть использованы в качестве принципов систематизации материала.

2. Эмфаза членов словосочетания

В словосочетании возможна эмфаза атрибутов, осуществляемая по двум моделям, одна из которых применяется для выделения определений существительных со значением лица, а другая служит для выделения определений существительных со значением не—лица.

2.1. Эмфаза определений существительных: со значением лица

Mi tonto hermano > el tonto de mi hermano;
el buen señor vicario > el bueno del señor vicario

В эмфатическом сочетании определение *tonto* получает независимую именную позицию, а определяемое *mi hermano* перемещается в позицию определения с предлогом *de*. Обе части словосочетания оформляются детерминативами.

Таким образом, сущность синтаксической эмфазы внутри словосочетания заключается в том, что подчиненный элемент переходит в позицию главного, управляющего, а этот последний, напротив, начинает занимать подчиненное положение. Происходит синтаксическая рокировка. Очевидно, что подобный способ эмфазы в рамках словосочетаний дает возможность выделить только подчиненные элементы.

В качестве выделяемого члена встречаются:

1) прилагательные и адъективные сочетания: *el tonto del conde (Valera)* 'глупый граф'; *el tramposo de Barrera (Vorágine)* 'этот жулик Баррера'; *el testarudo de su padre (Catedral)* 'упрямец ее отец'; *el loco de don Luis* (там же) 'безумец дон Луис'; *esa alocada de Luisa (Fiebre)* 'эта обезумевшая Луиза'; *el abúlico de Eduardo* (там же) 'безвольный Эдуард'. Определяемое часто выражается именем собственным, по—скольку испанский язык избегает употреблять, с одной стороны, непосредственные (беспредложные) соединения имени собственного с определением в препозиции (тип *la alocada Luisa, el tramposo Barrera, ese abúlico Eduardo*), а с другой, не очень любит особенно в эмоциональной речи ставить атрибут непосредственно перед именем нарицательным (*el alocado profesor, su loca hermana*). Поэтому и в том, и в другом случае предпочтение часто отдается предложным конструкциям. При этом и тут и там, особенно в сочетаниях с именем собственным, эмфаза ослаблена.

2) существительные и субстантивные сочетания:

а) существительные со значением лица: *el opulento almacenero de su marido (Cuentos)* 'ее муж, богатый лавочник'; *el bribón de lord Gray (Cádiz)* 'мошенник лорд Грей';

б) существительные со значением не—лица: *el cerdo de nuestro padre (Marsé)* 'эта свинья наш отец'; *el zángano de su hijo Felix (Fiebre)* 'этот трутень его сын Феликс'; *la buena alhaja de doña Inesita (Cádiz)* 'это сокровище донья Инесита'.¹²⁶ В эту же группу входят сочетания с именами качества, такими как *preciosidad* 'прелесть', *maravilla* 'чудо', *horror* 'ужас' и др.: *esa preciosidad de la niña*.

Поскольку эмфатическое определение может быть выражено существительным, возникает проблема его родовой характеристики. Если им является название лица, то его родовой признак приводится в соответствие с родовым признаком определяемого, так как эта категория имен располагает соотносимыми родовыми формами: *la pícara de Pepita (Valera)*

¹²⁶ По данному синтаксическому типу могут строиться и вполне нейтральные сочетания. Например, *la ciudad de Málaga* 'город Малага', *el mes de mayo* 'месяц май' лишены эмфазы, поскольку они не соотносятся с нейтральными конструкциями такого же лексического наполнения: по—испански нельзя сказать ни *la ciudad Málaga, ни *el mes mayo. Этот пример еще раз подтверждает мысль о том, что отличие эмфатических конструкций от нейтральных заключается не столько в особенностях их синтаксического строения, сколько в соотносительности с неэмфатическими сочетаниями или предложениями.

'хитрая Пепита', el bobalicón de Diego (Escándalo) 'этот дурачок Диего'. Однако имеются примеры (группа «б»), когда род существительных, занимающих позицию эмфатического определения, неподвижен. В случае совпадения рода обоих имен проблема выбора, естественно, не встает. Когда род имен не совпадает, оказывается возможным либо сохранить это несоответствие по родовому признаку, либо изменить родовую характеристику эмфатического определения (но никогда не переведенного в подчиненную позицию определяемого): el culebrón de su madre (Valera) 'этот змей ее мать'; un bombón de niña (Isla) 'не девочка, а конфетка'; но: el buena pieza de tu Eduardo (Cuentos) 'хорошенькая штучка этот твой Эдуард'. Возможность изменения рода эмфатического определения показывает, что, перейдя в синтаксически доминирующую позицию и став главным членом, ядром словосочетания, эмфатический элемент в известной степени сохраняет лексическую зависимость от синтаксически подчиненного ему члена. Таким образом, при эмфазе оказывается возможным несопадение отношений синтаксической и лексической доминации.

Большинство сочетаний, у которых в позиции эмфатического определения находится существительное, в особенности же сочетания группы «б», сводимо к нейтральной основе лишь в принципе, но не с полным сохранением их лексико—грамматического содержания. Эмфатическая модель получила в этом случае некоторое самостоятельное развитие, не ограниченное соотносительностью с нейтральным сочетанием. Выделяемый компонент в этих конструкциях соотносится не столько с определением в составе словосочетания, сколько с предикативом оценочных предложений: Esta niña es un bombón – un bombón de niña.

В известном смысле эмфатические конструкции этого типа являются свернутыми предложениями. Это объясняется тем, что для эмоциональной оценки более характерна предикатная позиция, делающая ее ядром высказывания. Возможности словесного наполнения эмфатической конструкции оказались более широкими. Это обусловлено той ее структурной особенностью, что оба ее элемента занимают именную позицию, легко заполняемую прилагательными, существительными и даже субстантивными сочетаниями.

Именная позиция каждого из членов эмфатического сочетания опирается на детерминативы. Естественно, что из двух именных стержней сочетания первый, заключающийся в синтаксически доминирующем члене, оказывается более прочным и может ослаблять, расшатывать другую именную опору словосочетания, перетягивая к себе детерминативы второго имени: su galopín de marido (Valera) 'негодяй ее муж'; ср. также уже приводившийся пример: un bombón de niña. Внутренняя организация этих сочетаний значительно изменена. Это обнаруживается сразу же при их разложении на непосредственно составляющие, ср. el galopín/de su marido и su/galopín de marido. Исключение из состава словосочетания детерминатива второго элемента переводит его в позицию уточняющего определения. Ср. примеры с уточняющими определениями в следующих предложениях: ¡Pedazo de inútil! (Fiebre) 'Никчемный человек!'; ¡Qué lástima de hombre! (там же) 'Что за жалкая личность!

Подобное развитие доводит инверсию отношений при эмфазе до предела. Происходит «соскальзывание» сочетания к другому синтаксическому полюсу, лежащему уже за пределами эмфатического синтаксиса.

* * *

Эмфаза определения происходит обычно в эмоционально окрашенной речи. По характеру эмоциональной окраски эмфатические конструкции могут быть разделены на две разновидности.

В одной группе преобладает элемент отрицательной оценки. Поэтому в них обычно употребление таких имен, как tonto 'глупый', bobo 'дурак', tunante 'пройдоха', loco 'безумный', tramposo 'мошенник', pícaro 'хитрец, обманщик', borracho 'пьяный', ladrón 'вор', bribón

'мошенник', *imbécil* 'идиот' и др. (см. примеры выше). Эмфаза и отмеченный эмоциональный оттенок поддерживаются морфологическими средствами языка, а именно частым присутствием в слове усилительных суффиксов. Ср.: *el bobalicón de Diego* (*Escándalo*) 'дурачок Диего'; *el borrachón del alguacil* (*Alarcón*) 'пьяница алыгвасил'; *el ladronazo del Don Balbino* (*Bárbara*) 'ворюга дон Бальбино'; *el culebrón de su madre* (*Valera*) 'змеюка ее мать'. Происходит объединение синтаксических, лексических и морфологических средств языка, мобилизованных на достижение общего эффекта. Оттенок презрения выражается использованием для детерминации местоимения *ese, esa*: *ese imbécil de su hermano* 'этот глупец его брат'.

Другая группа эмфатических конструкций наделена иным эмоциональным содержанием, которое явственно выступает из самого лексического набора участвующих в ней слов, ср.: *pobre* 'бедный', *infeliz* 'несчастный', *desdichado* 'несчастливый', *miserable* 'несчастный'. Эта группа отличается от первой не только своим лексическим составом, но и некоторыми структурными чертами. Эмоциональное содержание конструкций этого второго типа обуславливает их преимущественное употребление в восклицательных предложениях, в которых они получают предикативную функцию: *¡Miserable de mí, he aspirado a lo que me era tan superior!* (*Cádiz*) *¡Desgraciada de usted si ha hecho algún daño al señor corregidor!* (*Alarcón*). Употребление этих сочетаний в восклицательных предложениях, по—видимому, было причиной замены эмфатического определения междометием *ay*: *¡Ay de aquellos que lo hayan echado en olvido!* *¡Ay de mi mujer, si ha mancillado mi nombre!* (там же).

Подобная замена нейтрализует эмфазу, и восклицания выходят за пределы эмфатического синтаксиса. Конструкции этого типа обладают еще одной особенностью. Если их первый член допускает замену междометием *ay*, то второй элемент может легко подвергаться местоименной замене: *¡Pobre de mí!* (*Alarcón*) 'Ах я несчастная! *¡Pobrecitos de nosotros!* (*Perfecta*) 'Бедняги мы! *¡Desgraciada de ti si me metes en un callejón sin salida!* (*Sombrero*) 'Горе тебе, если ты поставишь меня в безвыходное положение!. Сочетания этого типа лишь в принципе соотносятся с нейтральными конструкциями, поскольку личное местоимение не образует определительных сочетаний, а форма косвенного падежа (*mi*) ослабляет соотношение с предикативной конструкцией.

2.2. Эмфаза определений существительных со значением не—лица

Sus dulces miradas > lo dulce de sus miradas

Выделение атрибутов неодушевленных существительных подчиняется общей закономерности синтаксической эмфазы в словосочетании: меняется направленность синтаксической связи, определение переходит в позицию управляющего элемента, а определяемое низводится до положения подчиненного члена. Оба элемента получают самостоятельные детерминативы. Особенностью этой разновидности эмфазы является оформленность определения как субстантивированного прилагательного со значением имени качества (*lo bueno, lo malo, lo profundo*) и утрата им согласования с определяемым существительным. Таким образом, происходит отвлечение качества от субстанции, его абсолютизация, в то время как для типа *el tonto de mi hermano*, напротив, характерно отождествление качества с субстанцией. Именно поэтому для них было возможно сохранение детерминативов только перед выделяемым элементом (ср. *su galopín de marido*), в то время как для сочетаний типа *lo dulce de sus miradas* устранение детерминатива перед вторым элементом невозможно. Если эмфатические сочетания типа *el tonto de mi hermano* обладают некоторой свободой заполнения позиций или, иначе говоря, синтаксическими вариантами, то эмфатические сочетания анализируемого типа устойчивы в своей форме: первая позиция заполняется в них только прилагательным, а вторая — только существительным. Не менее значительны и стилистиче-

ские расхождения между ними. Если эмпфаза определений одушевленных существительных прочно связана с отрицательной окраской, то эмпфаза второго типа лишена этой тональности. Таким образом, эти два вида эмпфатических сочетаний различаются не только тем признаком, который вынесен в качестве классификационного, но и целым рядом других.

Рассмотрим более подробно строение сочетаний данного типа. Эмпфатическую позицию может занимать в них одно прилагательное или более, получающие либо совместное, либо раздельное оформление артиклем *Zo*. Ср.: *lo apremiante y angustioso de mi situación* (Cádiz); *lo cómico y miserable de la acción* (Valera); *lo sonrosado, lo pulido y brillante de las uñas* (там же); *lo firme de mi resolución* (там же). Эмпфаза определения может подчеркиваться постановкой прилагательного в превосходной степени либо введением усилительного наречия: *lo terriblemente angustioso de aquella alucinación* (Güiraldes).

Функционируя в предложении, сочетания этого типа занимают любую именную позицию, не отличаясь от прочих имен, с которыми они могут вступать в сочинительную связь: *Su andar airoso y reposado, su esbelta estatura, lo terso y despejado de su frente, la suave y pura luz de sus miradas todo se concierta en un ritmo adecuado* (Valera); *La blancura de sus manos, lo afilado de sus dedos, lo sonrosado, lo pulido y brillante de las uñas de nácar, todo era para volver loco a cualquier hombre* (там же).

Разобранные выше сочетания полезно отличать от совершенно совпадающих с ними по своему составу конструкций, в которых, однако, отношение между элементами имеет иное значение: *Yo me aflijo en lo interior de mi alma* (Valera) 'В глубине души я огорчен'. Ср. также: *lo alto del árbol* 'вершина дерева'; *en lo más frondoso y esquivo de las alamedas* (там же) 'в самой густой и уединенной части рощи'. Элементы сочетаний этого типа связаны между собой отношением партитивности, а не атрибутивности. Это легко выяснить методом синтаксических преобразований. Конструкции указанного типа не—соотносимы с определительными сочетаниями, что уже само по себе не позволяет причислить их к эмпфатическим. Они структурно аналогичны сочетаниям двух существительных типа *los tesoros de su alma* 'сокровища ее души'.

Различие между одинаковыми по составу эмпфатическими и неэмпфатическими сочетаниями вполне объективно. Так, сведение сочетания *lo profundo de su alma* 'глубина ее души' только к *su alma profunda* 'глубокая душа' могло бы повести к неправильной интерпретации текста. Сочетания типа *lo profundo de su alma* передают два вида логических отношений, равно как и сочетания, в которых первое место занимает суффиксальное имя качества (*la profundidad de su alma*). Ср. в русском языке: *Он понимал это в глубине души* и *Он поразил меня глубиной (своей) души*. В первом предложении речь идет о вертикальном измерении души, но во втором – о длине этого измерения.

В заключение отметим, что атрибутивные отношения в эмпфатических конструкциях описанного типа передаются отношениями принадлежности (предлог *de*). В латыни, как известно, имело место обратное явление и определительные по форме отношения нередко скрывали за собой значение партитивности. Так, *summus mons* означало не 'высочайшая гора', а 'вершина горы'. Этот пример показывает, что указанные два типа отношений – атрибутивные и партитивные – находятся между собой в тесном взаимодействии и в принципе допускают инверсию в том и другом направлении.

3. Эмфаза членов придаточных предложений

Выделение элементов придаточного предложения достигается их передвижением в главное, в составе которого они занимают место придаточного. Последнее же становится к эмфатическому элементу в отношении подчинения (определения, уточнения). Таким образом, выделяемый элемент оказывается синтаксически связанным как с членами главного, так и с членами придаточного предложения. При этом его функция в главном и придаточном предложениях может быть либо неоднородной, либо однородной. В первом случае он выполняет по отношению к придаточному предложению неизменную функцию (предикатива, обстоятельства образа действия), а при эмфазе передвигается в главное предложение в позицию имени. Во втором случае выделяемый элемент занимает в главном и придаточном предложениях именную позицию (обычно дополнения). Иные варианты соотношений (их в принципе могло бы быть четыре) в испанском языке не представлены. В дальнейшем описании материал будет разбит по названному признаку.

3.1. Эмфаза элементов непердметного значения

А. Выделение именной части сказуемого

Te quiero porque eres buena > Te quiero por lo buena que eres

Суть процесса эмфазы состоит, таким образом, в расщеплении придаточного предложения. Раздвоению подвергается и союз. Как известно, большинство испанских подчинительных союзов двучленно и состоит из предлога (или его эквивалента) и относительного местоимения *que*. В процессе эмфазы союз разрывается и предлог занимает место перед предикативом, присоединяя его к главному предложению, а *que* подчиняет придаточное предложение эмфатическому элементу.

Выделяемый предикатив может быть выражен прилагательным, существительным либо словосочетанием, возникшим на основе одной из этих частей речи. При этом перед эмфатически выделенным компонентом сохраняется управляющий предлог. Например: ¿Usted no puede todavía figurarse *Zo hermosa, grande y rica* que es el alma humana (Alarcón); Tú y la mayoría de los que aquí viven no tenéis idea de *Zo rica* que ha sido esta casa (Catedral); El médico se retiró a cumplir las órdenes del Gran Turco admirándose de *lo pedazo de bruto* que era el abuelo (Trueba); Piensa que si te dejara la iniciativa de los negocios con *lo mano floja* que eres... (Canaima); Ya sabes *lo bruto* que es, – dijo ella – *lo loco* que se pone (Marsé); Supongo... – prosiguió mi amigo – que lloras de alegría como yo, al considerar *lo buenos y lo felices* que todavía podemos ser (Escándalo); Tú ya sabes *lo burlón y alegre* que es Juan (Trueba); Y eso que no sabe todo *lo mala* que está su hija (там же).

Чтобы убедиться в этом, проанализируем следующее предложение: A pesar de tales reflexiones y propósitos y de *lo muy abrumado* que, durante tres días que duró mi ausencia, me vi de recepciones ... no logré desechar la inquietud secreta con que emprendí aquel viaje (Escándalo).

Элемент *lo muy abrumado* находится в позиции имени в уступительном предложении, в котором он стоит в одном ряду с существительными (tales reflexiones y propósitos). Оформление артиклем *lo* позволяет соединить уступительное предложение с уступительным именным оборотом, т. е. поставить в один ряд предикат и имена.

Приведенные примеры показывают, что именная часть сказуемого, передвигаясь в главное предложение и занимая в нем место придаточного, всегда оформляется артиклем *lo* (или с усилением – *todo lo*), безотносительно к тому, чем она выражена. *Lo* может оформлять весь предикатив, независимо от числа входящих в его состав членов, или повторяться перед каждым из них. *Lo* является показателем именной позиции, полученной эмфатиче-

ским элементом в пределах главного предложения, но не субстантиватором прилагательных. Напротив, когда выделяется существительное, *lo* как бы его адъективирует, вводя в фокус его качественные признаки. Предикатив не утрачивает своих связей с подлежащим придаточного предложения, с которым продолжает согласовываться в роде и числе. Выделяемый элемент являет собой пример синтаксического синкретизма, т. е. сочетания черт, присущих обычно противопоставленным членам предложения (занимающим именную и неименную позиции). Подобный синкретизм нередко наблюдается среди классов слов. Ср., например, двойственную природу вербоидов, обладающих активными валентностями глагола и пассивными имени или наречия. В испанском языке синкретизм проникает и в сферу членов предложения, безотносительно к их морфологической характеристике. Как элемент предметного значения (в рамках главного предложения) выделяемый предикатив оформляется артиклем *lo*, как элемент непердметного значения (по отношению к придаточному предложению) он сохраняет признаки своей морфологической зависимости от управляющего им слова, согласуясь с ним в роде и числе.

Lo – оборот, выделяющий признак объекта, легко становится в один ряд с квалификативными именами, но не с лексемами строго предметного значения. Иначе говоря, *Zo* эквивалентен суффиксам, субстантивирующим атрибут, позволяя им входить в один ряд с непердметными существительными, но не с именами предметов. В отличие от суффиксов, *Zo* не обогащает значение атрибутов дополнительными семантическими коннотациями. Оно осуществляет чисто формальную субстантивацию, переводя предикат в именную позицию и позволяя ему стать в один ряд с существительным. *Lo* – это своего рода синтаксический артикль. Он нередко употребляется тогда, когда прилагательное либо не образует суффиксального производного, либо это последнее обременяет излишними семантическими ассоциациями или морфологическим «весом»: в тексте автор часто использует разные приемы выделения признаков описываемого объекта. Например, *Su andar airoso y reposado, su esbelta estatura, lo terso y despejado de su frente, la suave y pura luz de sus miradas, todo se concierta en un ritmo adecuado* (Valera).

Столь же многосторонни и противоречивы синтаксические связи эмфатического элемента.

Б. Выделение обстоятельств образа действия

Te admiro porque trabajas mucho > Te admiro por lo mucho que trabajas

Эмфатическому выделению может быть подвергнуто обстоятельство, выраженное наречием.

Объектом эмфазы обычно являются качественные (соотносимые с качественными прилагательными), количественные наречия и реже наречные речения:

*También me han dicho que a Agustín Montería le han nombrado teniente por *Zo bien* que se portó en el ataque dentro de las casas (Zaragoza); No pensé más que en el cielo azul y en *Zo bien* que me sentía ahora (Arenal); ¡Ah, Coronel, y *Zo sabroso* que se ríe de sus picardías! (Canaima); ... y sólo después cuando no hay remedio sabemos *Zo mucho* que nos necesitaba (Fiebre); Tenías que haber visto *Zo de prisa* que me ha comprendido (Marsé).*

* * *

Эмфатическое выделение предикатива и наречного обстоятельства встречается во многих, но не во всех типах придаточных предложений. Оно прежде всего невозможно в составе придаточных, вводимых союзами, не содержащими предлога (*si, cuando, donde, ya que, aunque* и др.). Нам не встретилось случаев выделения элементов придаточных времени, места, условия, сравнения, цели. Наиболее частой является эмфаза элементов придаточных

дополнительных (предложных и беспредложных), субъектных, уступительных и причинных.

1) В придаточных дополнительных:

No puedes imaginar *lo terrible* que es para mí (Isla); Si hubieras visto *lo preocupado* que se puso Santos (Bárbara); Yo ya me doy cuenta – prosiguió Luzardo – de *lo tirante* que ha debido ser la situación de ustedes en Altamira (там же); Quedé convencido de *lo útil* que es la equitación (Valera).

2) В придаточных субъектных:

El susto del caz, *lo muy mojadas* que seguían todas sus ropas, la violenta escena del dormitorio, y el miedo al trabuco con que le apuntaba la navarra, habían agotado las fuerzas del enfermizo anciano (Alarcón); Pajarote tenía fama de ser el mejor bailaror de zamuros de todos aquellos contornos, y en efecto lo ayudaba mucho *lo canilludo y desgachado* que era (Bárbara).

3) В придаточных причины:

A este no le quería nadie por *lo cruel y soberbio* que era (Escándalo); Sin ser visto, por *lo afanados* que estaban en el juego, don Luis los vio (Valera); ... y ya Melquíades, en vista de *lo mucho* que se prolongaba esta paz, en la cual se enmohecía, estaba pensando en irse (Bárbara).

4) В придаточных уступительных:

Al cabo de los pocos años de casada conmigo hubiera tenido que aborrecerme, a pesar de *lo buena* que es (Valera); Los Funes lo habían comprendido así, ni más ni menos, a despecho de *lo raro, subrepticio e inconveniente* que pudiera parecer la aventura (Cuentos); Diego y yo no obstante *lo muy consagrados* que estábamos el uno al otro, veíamos frecuentemente a Lázaro (Escándalo).

Наконец, эмфатическое построение может выключаться из сложноподчиненного предложения и функционировать самостоятельно в качестве восклицания. Например: ¡ *Lo contenta* que va a ponerse Maiguálida! (Canaima); ¡ *Lo orgullosa y oronda* que me pongo cuando oigo decir que tú eres un esto y un aquello! (там же).

* * *

Обратимся теперь к вопросу о соотношении эмфатических конструкций с прочими синтаксическими построениями. В испанском языке обе части анализируемой конструкции – эмфатический предикатив и связочный глагол – синтаксически независимы друг от друга. Предикатив не обязательно должен сопровождаться глаголом—связкой:

Acabábamos haciendo la caricatura de su propia vida, que por *Zo ignorada y misteriosa* — le decíamos, — no podía servirnos de edificante ejemplo (Escándalo); Don Antolín era el único que reía, encontrando graciosísimas por *Zo disparatadas* las ideas de Gabriel (Catedral); Por un instante lo recordó tal como lo había hallado media hora antes en el bar: sentado solo, con ojos de haber llorado por *Zo inmóviles* (Marsé); Mi padre no quiere que me muestre en público hasta que pame, por *Zo bien pZantado* (Valera); Nos mandó Barrera a quitarte la mercancía... ¡Si no te la quitamos ahora es por *Zo poquita y Zo cara!* (Vorágine).

Эллипсис связочного глагола, а следовательно, и всех зависимых от него членов, в том числе и подлежащего, ведет к некоторым изменениям в синтаксической структуре эмфазы. Именная часть сказуемого, утрачивая опору на глагол, принимает на себя его предикативность.

С другой стороны, глагол—связка также может употребляться в испанском языке за пределами данных конструкций как своего рода усилитель и уточнитель, подтверждающий истинность того или другого факта: Y ¿qué son ínsulas? ¡Es alguna cosa de comer, golosazo, comilón *que tu eres!* (Don Quijote); ¿Es que estás en tus cabales, Mario? (Delibes).

3.2. Эмфаза элементов предметного значения

Conviene darle gracias porque tiene mucha conciencia > Conviene darle gracias por la mucha conciencia que tiene

Если объектом эмфазы является член предложения предметного значения (обычно дополнение), то он передвигается в главное предложение, внутри которого занимает место придаточного. Последнее становится по отношению к нему в позицию определения. Выделенный член всегда оформляется определенным артиклем:

Таким образом, выделению подвергается дополнение придаточного предложения, которое, переходя в главное, занимает и в нем также позицию именного члена предложения (обычно предложного или беспредложного дополнения):

Tiempo no faltará seguramente – repuso Luzardo, en un tono que la hiciera comprender *eZ poco gusto* que ponía en hablarle (Bárbara); No sabes *Za Zata* que dan los niños en casa (Fiebre); ¡Oh! Ha sido horrible, Andrés, algo que, te lo juro, habría acabado conmigo de no ser por *esa certeza* que tengo de que pronto voy a dejar todo esto (Marsé).

Эмфатические предложения описанного типа обнаруживают большое структурное сходство со сложными предложениями, в которых дополнение придаточного предложения перенесено в главное. Ср.: Te agradezco el consejo que me has dado 'Благодарю тебя за совет, который ты мне дал'. Такое предложение ставит акцент на слове consejo 'совет', подразумевая ценность совета, а не тот факт, что собеседник дал совет; ср.: Je agradezco que me hahas dado consejo; Je agradezco haberme dado este consejo. Эти предложения не сводимы к нейтральному типу. Таким образом, одна и та же конструкция может выражать и не выражать эмфазы в зависимости от семантики глагола главного предложения.

Есть глаголы двойного управления, дополнение которых может быть выражено именем существительным и придаточным предложением. Они допускают перенос акцента на дополнение или предикаты придаточного, различая при этом структуру и степень эмфазы. Ср.: Aprecio las palabres que has didi; Aprecio que has dicho estas palabres; Aprecio que novia es tan bella; Aprecio lo bella que es tu novia. Эмфаза особенно заметна там, где происходит нарушение логических связей между словами.

4. Эмфаза членов простого предложения

Суть эмфазы состоит в преобразовании простого предложения в сложное, в котором главная часть строится на базе выделяемого элемента и сказуемого, введенного глаголом *ser* 'быть'. Полученное предложение выражает отношения тождества. Ср. русск.: *Я тот, которому внимала...* Построенная таким способом эмфаза возможна по отношению к любому члену простого предложения, за исключением определений и сказуемого.

4.1. Эмфаза подлежащего

А. Выделение подлежащего со значением лица

Yo lo declaré > Fuí yo quien lo declaré

Vete: *yo soy ahora quien te pide que te vayas* (Valera); *Doña María ... es quien manda en la casa* (Cádiz); *Fuí yo quien me le declaré* (Bárbara); *El que tiene que hablar eres tú* (Sombrero); *La que está más afectada es Asunción, su madre* (Fiebre); *No eras tú quien quería que yo callara, sino ella* (Escándalo).

Все эти предложения соотносимы с простыми, от которых они отличаются в смысловом отношении только распределением акцентов: *Las mujeres atan a la tierra* > *Las mujeres son las que (quienes) atan a la tierra*. Позицию относительного местоимения обычно занимают *quien, el que*.

Любопытно отметить, что в испанском языке возможен эллипсис элемента, даже если он является объектом эмфазы. Например: *Ahora soy (yo) quien se ríe* (Bárbara).

Сказуемое придаточного предложения согласуется с *quien (el que, los que)*, т. е. всегда стоит в 3-ем лице. Поэтому если подлежащее соотносимого простого предложения имеет форму 1-го или 2-го лица, то при эмфазе происходит преобразование окончания сказуемого, как в приведенном выше примере.

Б. Выделение подлежащего со значением не—лица

Le pasaba esto > Esto es lo que le pasaba

Чаще всего объектом эмфазы являются анафорические местоимения ср. рода *esto, eso, aquello*, относящиеся к событиям или фактам, обозначенным ранее. Местоимения ставятся в отношении тождества с *lo que (lo único que, lo primero que)*: *No me compadezcas. Eso es lo que más me aterra* (Fiebre); *Esto es lo que le pasaba a Martín Lorente* (там же); *Eso es lo que tú crees* (там же); *Esto es lo que en Derecho se llama la coartada* (там же).

Эмфатические конструкции коррелируют с простыми нейтральными предложениями: *Me aterra eso* > *Eso es lo que me aterra*. Реже происходит выделение существительного, замещаемого местоимением *el que (la que)*, например: *Es mi vida la que se desploma, pensó* (Fiebre). Это предложение соотносимо с нейтральной структурой, ср. *Mi vida se desploma* > *Es mi vida la que se desploma*.

Испанские конструкции, начинающиеся с *esto (eso) es ... que*, не следует сблизать с французскими предложениями, вводимыми *c'est. qui*. Во французском языке указательное местоимение *ce* является принадлежностью только эмфатической конструкции и отсутствует в соответствующем ей нейтральном предложении, ср. *Anna vous déplaît* > *C'est Anna qui vous déplaît*. Французские предложения этого типа могут быть сопоставлены с испанскими конструкциями, описанными в предыдущем разделе (*Es Juan quien lo dice*).

В. Выделение подлежащего, выраженного инфинитивом

Me disgusta vivir en esta calle > Lo que me disgusta es vivir en esta calle

Ella no le desagradaba. Lo único que le desagradaba era haber sido empujado violentamente hacia ella (Fiebre).

Предложения этого типа взаимодействуют с неэмфатическими конструкциями, ср.: *No me gusta hacer esto > Lo que no me gusta es hacer esto*. Местоимением, замещающим инфинитив, является *lo que*.

4.2. Эмфаза дополнений (предложных и беспредложных)

А. Выделение дополнений со значением лица

Besó sólo a su hermana > a la única que besó fue a su hermana

Con quien ella deseaba ajustar cuentas era con eZ tío Lucas (Alarcón); Ahora es a ti a quien no le interesa comprender (Fiebre); Con el único que se sentía mejor era con su abueZo (Arenal).

Предложения этого типа непосредственно взаимодействуют с простыми нейтральными предложениями, ср. *Ella deseaba ajustar cuentas con el tío Lucas > Con quien ella deseaba ajustar cuentas era con el tío Lucas*. Эмфатический элемент соотносится с местоимениями *quien, el que*. Если эмфазе сопутствует обобщение значения дополнения, то используется местоимение *lo que*. Например: *También le dijo que, a su edad, lo que más echaba de menos era una mujer, una casa, unos hijos (Fiebre)*. При выделении предложных дополнений глагол *ser* всегда принимает форму 3-го лица единственного числа.

Б. Выделение дополнений со значением не—лица

Puedo regalarte esta anilla > La único che puedo regalarte es esta anilla

¿Que es lo que prefieres? (Alarcón); Lo primero que escuchó fue Za música (Fiebre); Es lo que siempre hago (Isla); Para que sea un gran hombre, lo primero que tiene que hacer son Zos deberes de CoZegio (Fiebre); Esto es lo único que puedo pagarle a mi madre (Fiebre).

Из приведенных примеров явствует, что эмфаза как правило сопровождается обобщением значения дополнения. Поэтому выделяемое имя обычно соотносится с несогласуемым местоимением *lo que (lo único que, lo primero que)*. Глагол *ser* согласуется с эмфатическим элементом.

Эмфатические конструкции, в которых объектом эмфазы является дополнение, соотносятся с нейтральными предложениями, ср.: *Ha sufrido un desengaño > Lo que ha sufrido es un desengaño*.

В. Выделение зависимого инфинитива

L e gusta nadar en el mar > Lo único che le gusta es nadar en el mar

Yo lo que siento es no haber podido descubrir quien fue el que lo dijo (Bárbara); Lo único que deseaba era pasar tranquila los últimos años de vida (Fiebre).

Местоимением, замещающим инфинитив, является *lo que*. Сам инфинитив, если он следует за модальным глаголом (мы условно объединяем эмфазу инфинитива и дополнений ввиду сходства их синтаксических позиций), может замещаться глаголом *hacer* 'делать': *Lo único que podía hacer era pedirle que no se atormentase más con aquello (Fiebre)*. Приведенные предложения соотносимы с нейтральными конструкциями, ср.: *Siento no haber podido descubrirlo > Lo que siento es no haber podido descubrirlo*.

Г. Выделение дополнительных предложений

Espero che me permitan hacer este viaje > Lo que espero mucho es che me permitan hacer este viaje

Daniel lo único que quería era que le dejaran en paz (Fiebre); Lo único que quiere es que le enseñen al muchacho (Santaclaro). И в этом случае местоимением является *lo que*. Предложения этого типа легко сводимы к нейтральной структуре: *Daniel quería que le dejaran en paz > Lo que quería Daniel era que le dejaran en paz*.

4.3. Эмфаза обстоятельств

Aquí pienso pasar las vacaciones > Es aquí donde pienso pasar las vacaciones

Ahora es cuando vamos a ver si es verdad (Bárbara); *Durante aquella ausencia del alguacil* fue cuando el molinero estuvo en el molino (Sombrero); *Entonces* era cuando Marisela aprendía más (там же); *Entonces* es cuando lamentamos no haber hecho algo por evitarlo (Fiebre).

Как явствует из приведенных примеров, эмфазе обычно подвергаются обстоятельства времени и места, которые дублируются относительными местоимениями *cuando*, *donde* (*a donde*, *de donde*). Глагол *ser* всегда ставится в 3 лице единственного числа. Эмфатические конструкции приведенного образца соотносятся с нейтральными предложениями, ср.: *Se los llevan de aquí > De aquí es de donde se los llevan*. В предложениях этой категории бывает заметна связь эмфазы с акцентированным ответом на вопрос: *¿A donde vas? Voy a Madrid / Es a Madrid a donde voy*.

* * *

Рассмотрим теперь некоторые черты, общие всем разновидностям эмфатических предложений данного типа.

Прежде всего выясним грамматическую характеристику глагола *ser*. Этот глагол, вводимый в предложение при его эмфатическом преобразовании, ставится в том же времени, что и сказуемое исходного простого предложения (см. примеры выше). Если сказуемое имеет форму сложного (перфектного) времени, то *ser* ставится в соответствующем данному сложному простом времени: *La madre era quien había inspirado la carta* (Cuentos). Впрочем, не редко использование сложных времен в обеих частях предложения: *Quien ha gemido ha sido él* (Fiebre); *Has sido tú quien ha empezado* (там же). Невозможно одновременное употребление двух будущих времен, которые вообще несовместимы в испанском языке, для выражения связанных между собой во времени действий. Смысловой глагол в этом случае ставится в сослагательном наклонении: *¿Por qué voy a ser yo quien le saque las castañas del fuego a ese gandul?* (Fiebre); *¿No será yo quien saque del vientre a tu mujer el próximo crío?* (там же).

Совпадение категорий времени и наклонения обоих глаголов в эмфатических предложениях говорит о том, что одно сказуемое, дублируя форму другого, не передает никаких дополнительных временных и модальных значений. Вместе с тем оно свидетельствует о том, что бытийный глагол семантически более значим, чем в тех случаях, когда он выполняет только функцию утверждения истинности, как в предложениях, которые он вводит: *Pero es que no voy a reventarme así para el amo* (Sampedro, 122); *Y es que decían que yo no era su hijo* (Sampedro, 35), см. о них ниже.

Теперь следует определить тип придаточного предложения, входящего в сложный синтаксический комплекс. Рассматриваемые структуры представляют собой разновидность связочного предложения, особенностью которого является возможность варьировать формы отождествляемых членов, ставя перед ними предлоги: *con quien quiero hablar es contigo*. *De quienes quiero hablar son de mis hijos*. *A quien quieres hablar es a Juan*.

Определительные придаточные чаще всего вводятся местоимением *que*. В эмфатических предложениях (во всяком случае, при выделении подлежащего и дополнений) это исключено. Относительными местоимениями в них служат *quien*, *el que*, т. е. только элементы, которые занимают сразу две синтаксические позиции – относительного местоимения и его антецедента. Поэтому если придаточное предложение и можно было бы считать определительным, то только по отношению к своему собственному антецеденту, включенному в местоимение. Это особенно заметно при введении в состав относительных местоимений

прилагательных *único*, *primero* и некоторых других. Таким образом, испанские эмфатические конструкции, созданные на базе глагола *ser*, обнаруживают особый способ выделения сравнительно с разобранными ранее построениями. Этот тип эмфазы состоит во введении в предложение связочного глагола и в переходе выделяемого члена в позицию предикатива, то есть, именной части сказуемого. При этом более сильное ударение падает на первый компонент, особенно тогда, когда он выражен указательным местоимением: *Esto es lo que yo quiero más que nada*.

Эмфатические конструкции являются разновидностью связочных предложений, выражающей отношения идентификации. Своеобразие эмфатических связочных предложений состоит еще и в том, что оба члена тождества могут сохранять одинаковое предложное оформление, указывая тем самым на свою соотнесенность с одним элементом нейтральной структуры:

Con quien quería hablar era con el tío Lucas > Quería hablar con el tío Lucas

Впрочем, при обобщении значения эмфатического элемента сходство оформления может утрачиваться: *Tú sabes que cuando se quiere a una persona, lo que menos se piensa es en obtener de ese amor alguna ventaja (Fiebre)*.

Вопрос о том, какая часть тождества в связочном предложении является подлежащим, а какая – предикативом, на наш взгляд, зависит уже не от состава конструкции, а от расположения ее членов и главным образом от интонации и места фразового ударения. Грамматический анализ должен совпадать в этом случае с результатами актуального членения предложения, выявляющими его логическую структуру. В собственно эмфатических конструкциях выделяемый член в принципе всегда должен занимать место предикатива. Подобной оценке, казалось бы, противоречит тот факт, что глагол *ser* сохраняет согласование с эмфатическим элементом. Это особенно заметно, когда выделяется подлежащее, выраженное местоимениями 1 и 2 лица. Например: *yo me voy > soy yo quien se va; tú me sorprendes > eres tú quien me sorprende*. На этом основании можно было бы предположить, что местоимения *yo* и *tú* выполняют функцию подлежащего не только в простом предложении, но и в эмфатической конструкции. Такое суждение было бы, однако, сомнительным. Во всех испанских связочных предложениях, выражающих тождество, предпочтение при согласовании отдается первым двум лицам сравнительно с третьим независимо от того, какой элемент тождества берет на себя роль предикатива. Фактор согласования в этом случае утратил связь с синтаксической функцией, ср. *La madre de estos hijos eres tú (soy yo)* и *Tú eres (yo soy) la madre de estos hijos*.

5. Эмфаза предложений

No quiero verte > Es que no quiero verte

¿Es que *no me oyes?* (Marsé); ¿Es que *no vienes?* (там же); Bueno, hijo, ¿pero qué te pasa? – Es que *me revientan tus opiniones del momento* (там же); ¿Es que tú *también me vas a perder eZ respeto?* (Fiebre); Yo tenía derecho a vivir con las mismas comodidades de tú... Si es que *no existe en Za tierra aZgo permitido para unos y prohibido para otros* (там же); ¿Es que *no piensas acostarte?* (там же).

Эмфатические предложения всегда соотносимы с неэмфатическими, ср. Tú mismo lo has dicho > Es que tú mismo lo has dicho. Если предложение вводится отрицательным *no es que*, то сказуемое ставится в сослагательном наклонении, ср.: Me encuentro mal aquí > No es que me encuentre mal aquí.

Как свидетельствуют приведенные примеры, эмфаза предложения достигается постановкой перед ним *es que*. Одно предложение как бы наслаивается на другое.

Глагол *ser* чаще всего неподвижен в своей форме, которая не зависит от формы смыслового глагола: *Es que la vida se nos hizo fácil* (Fiebre); ¿Es que *han regañado?* (там же). Утрата глаголом *ser* связи с категориями времени и наклонения ведет к ослаблению его предикативной силы, а следовательно, и к уменьшению его эмфатической нагрузки. Чтобы усилить эмфазу, предложение вводится не просто *es que*, а такими формулами, как *lo que pasa es que*. 'вот что происходит', 'дело в том, что.; *la verdad es que*. 'правда, что.; *lo cierto es que*. 'верно, что. и др. Например: *Lo que pasa es que no quiero tratarte más* (Escándalo); *Lo que pasa es que tú ya no eres niño* (Fiebre); *La verdad es que el juez hará mañana o pasado la declaración de quiebra* (там же).

Эти примеры обнаруживают связочный характер глагола *ser*. Эмфаза целых предложений, таким образом, следует тому же принципу, что и выделение членов простого предложения. Однако предложения, начинающиеся с *es que*, обладают и чертами, отличающими их от конструкций типа *Es Juan quien lo dice*. В этих последних глагол *ser* дублирует категорию времени смыслового глагола. Напротив, в предложениях с *es que* форма глагола фактически не изменяется. Однако оба эти явления – окаменелость формы и ее рефлексивность – свидетельствуют об отсутствии у нее собственного референтного содержания. Эмфаза в этом случае состоит в акцентировании истинностного значения предложения.

6. Эмфаза придаточных предложений причины и цели

Vengo porque quiero verte > Si vengo es porque quiero verte

Cuando digo que no eres hombre es *porque no* *Zo eres* (Isla); Si quieres saber por qué abrí la puerta. fue *porque creí que eras tú* el que se ahogaba y me llamaba a gritos (Sombrero); Si todavía vive, se mueve o habla, es *por inercia, por rutina o Dios sabe por qué* (Fiebre); Había llegado a Altamira hacía poco tiempo y si aun permanecía allí. era *por complacer a Antonio* (Bárbara); A los demás les doy las palabras inútiles, y si me quedo con las palabras amargas es *porque creo* que es lo único que me pertenece (Fiebre).

Процесс эмфазы заключается в том, что главное предложение преобразуется в условное придаточное, а придаточное причины или цели (либо его эквивалент) создает главное предложение на базе глагола *ser*. Ср.: Lo ha hecho por falta de inteligencia > Si lo ha hecho es por falta de inteligencia; Vengo para decírtelo > Si vengo es para decírtelo. Эмфатические предложения этого типа могут быть названы псевдоусловными. Суть эмфазы в этом случае, как и в предшествующих двух, состоит в придании рematicности выделяемому элементу.

7. Эмфатические конструкции в романских языках: сопоставительный анализ

Ограниченный размер очерка не позволяет нам сопоставить все способы эмфазы, бытующие в романских языках. Поэтому мы выбрали для сравнения только конструкции, созданные на базе глагола *быть*. Они интересны тем, что выявляют общие для романских языков черты и индивидуальные особенности каждого из них. Проследим, как реализуется этот тип эмфазы во французском, итальянском и португальском языках.

Хотя общий принцип преобразования простых предложений в эмфатические сложные во французском языке такой же, как и в испанском, сама структура эмфатических построений оказывается в этих языках различной. Во всех французских эмфатических конструкциях, созданных при помощи глагола *etre*, место подлежащего занимает указательное местоимение *се*. Глагол *etre* поэтому всегда стоит в 3 лице единственного числа, например: *C'est moi qui vous invite* (ср. с исп. *Soy yo quien os invita*). *Etre* почти не изменяется по временам, что также отличает французскую конструкцию от испанской. Ср.: фр. *C'est nous qu'on était la* и исп. *Éramos nosotros quienes estaban allí*. При эмфазе предложных дополнений и обстоятельств во французском языке в отличие от испанского предлог никогда не повторяется перед относительным местоимением, например: *C'est de votre fils que je veux parler*. Но самое главное отличие французской эмфазы от испанской состоит в функции придаточного предложения. Во французском языке место подлежащего занято *се*, поэтому оно не может перейти к придаточному предложению, которое становится в позицию определения эмфатического члена. В предложении *C'est Patrick que j'aime* придаточная часть *que j'aime* является определением к *Patrick*.¹²⁷ Французские эмфатические конструкции, таким образом, строятся по типу связочных предложений указательного типа.

В итальянском языке эмфатические конструкции, созданные при помощи глагола *essere*, также обладают своими особенностями. *Essere*, как и испанский *ser*, обычно дублирует категорию времени смыслового глагола, например: *È stata lei, che lo ha pagato*; *Era lui che raccomandava di tacere*. Однако в отличие от испанского глагол *essere* и смысловой глагол согласуются с выделяемым элементом, если это подлежащее: *Son io che ho mandato a chiamarvi*; *Sei tu che hai parZaZo*. Ср. исп. *Soy yo quien ha mandado a llamaros*; *Eres tú quien ha habZado*. Если объектом эмфазы является дополнение, то глагол *essere* всегда ставится в 3 лице единственного числа, а смысловой глагол согласуется с подлежащим придаточного. Предлог перед относительным местоимением не повторяется: *E di me che cercate*; *E poi è l'uomo politice che io voglio conoscere*.

Что касается структуры итальянского эмфатического предложения, то она оказывается сходной скорее с французской, чем с испанской. Придаточное предложение выполняет в нем роль определения. Это видно по тому, что оно присоединяется к эмфатическому элементу при помощи относительного местоимения *che*, которое в отличие от *chi* (= *coZui che*) никогда не занимает позиции антецедента. Роль придаточного предложения раскрывается и порядком слов: оно всегда ставится непосредственно за эмфатическим членом: *Son io che pago*; *Siete stata voi che gZi avete rifiutati*.¹²⁸

Особенно оригинальным оказалось развитие эмфатических конструкций с глаголом *ser* в португальском языке.

¹²⁷ Очень полные сведения о французской эмфазе содержатся в кн. [Mül—ler—Hauser 1943]. Приведенные выше примеры взяты из этой монографии.

¹²⁸ Об эмфазе в итальянском языке см. [Gossen 1954]. Примеры взяты из этой книги (с. 118–121).

Сочетания типа *Fui eu que arranjei a coisa* хотя и повторяют в каких—то чертах соответствующую испанскую конструкцию (совпадение категории времени обоих глаголов), отличаются от нее главным: придаточное предложение, вводимое *que*, выполняет в португальском языке роль определения эмфатического элемента. Именно поэтому при эмфазе подлежащего с ним согласуются оба глагола. Не менее употребительной, особенно в разговорной речи, оказалась конструкция, содержащая неизменяемое *é que*. В испанском языке *es que* используется только при эмфазе целого предложения (см. выше). В португальском языке *é que* стало применяться также и при выделении отдельных членов предложения, передвигаемых в препозицию. *E que*, таким образом, внедряется внутрь предложения и начинает связываться с его отдельным элементом, не согласуясь с ним, однако, по форме; ср.: *é que eu o rago* и *eu é que o rago*; *é que tenho medo* и *eu é que tenho medo*; *é que tu me interessas* и *tu é que me interessas*. Связочный глагол становится ударным.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что эмфатическая роль глагола 'быть', присущая ему и в других романских языках, в португальском языке (в разговорной речи) выступает в особо чистом виде. Бытийный глагол в форме 3 лица единственного числа настоящего времени или имперфекта может ставиться непосредственно за сказуемым в целях его усиления: *Eu quero é trabalhar*; *Quería era se amigar com ele*.

Таким образом в португальском языке достигается выделение глагола в личной форме.¹²⁹

Сравнение эмфатических конструкций, создаваемых при помощи глагола 'быть', показывает, что хотя в романских языках имеются очень сходные построения, их внутренняя синтаксическая организация далеко не одинакова, причем только в испанском языке эмфатические конструкции с глаголом *ser* строятся по типу связочных предложений, выражающих тождественность двух частей.

¹²⁹ См. [Вольф, Никонов 1965: 114]. Все португальские примеры предоставлены мне Е. М. Вольф.

8. Заключение

Итак, мы рассмотрели два способа эмфазы: 1) передвижение синтаксически подчиненного члена в позицию управляющего, 2) сообщение выделяемому элементу предикативности. Каждое из этих средств эмфазы имеет свою сферу применения. Первый способ служит главным образом для выделения определений в широком смысле этого термина. Второй используется для усиления элементов предложения, занимающих именную позицию, а также целых предложений. Однако, несмотря на известную автономность отмеченных способов эмфазы, они могут комбинироваться, а области их распространения взаимопроницаемы.

Подчеркнем еще раз, что эмфатические конструкции обычно следуют образцу существующих в языке неэмфатических построений, от которых они отличаются своей соотносительностью с нейтральными структурами. Поэтому разграничение эмфатических и неэмфатических конструкций опирается главным образом именно на этот признак.

Литература

Арутюнова 1965, 2004 – *Н. Д. Арутюнова*. Трудности перевода с испанского языка на русский. М.: Высшая школа, 2004.

Вольф, Никонов 1965 – *Е. М. Вольф, Б. А. Никонов*. Португальский язык. Изд—во МГУ, 1965.

Зеликов 1987 – *М. В. Зеликов*. Синтаксическая эмфаза в испанском языке.

Уч. пособие. Л., 1987. Gossen 1954 – *C. Gossen*. Studien zur Hervorhebung in modernen Italianisch.

Berlin, 1954.

Müller—Hauser 1943 – *M. L. Müller—Hauser*. La mise en relief d'une idée en français moderne // *Romanica Helvetica* (Geneve; Erlenbach). 1943. Vol. 21.

СОКРАЩЕНИЯ ИСТОЧНИКОВ

- Alarcón – *P. A. de Alarcón*. Obras escogidas. El sombrero de tres picos. Moscú, 1953.
- Alemán – *M. Alemán*. Guzmán de Alfarache. V. II. Madrid, 1926. Arenal – *H. Arenal*. La vuelta en redondo. La Habana, 1962. Bárbara – *R. Gallegos*. Doña Bárbara // 3er festival del libro cubano. V. 21. La Habana.
- Caballero – *J. Caballero*. La familia de Alvareda. Lágrimas. Leipzig, 1860.
- Cádiz – *B. Pérez Galdós*. Cádiz. Moscú, 1951.
- Canaima – *R. Gallegos*. Canaima. Buenos Aires, 1945.
- Cantaclaro – *R. Gallegos*. Cantaclaro // 1er festival del libro venezolano. V. 1.
- Catedral – *V. Blasco Ibáñez*. La catedral. Valencia, s. d.
- Cuentos – *H. Quiroga*. Cuentos de amor, de locura y de muerte // 3er festival del libro cubano. V. 26. La Habana. Delibes – *M. Delibes*. Cinco horas con Mario. Barcelona, 1967. Don Quijote – *M. de Cervantes Saavedra*. El ingenioso hidalgo don Quijote de la Mancha // Colección Austral. Buenos Aires – México, 1947. Escándalo – *P. A. de Alarcón*. El escándalo // Colección Austral. Buenos Aires – México, 1944. Fiebre – *R. Nieto*. La fiebre. Ediciones Cid. Madrid, 1959. Güiraldes – *R. Güiraldes*. Don Segundo Sombra. Buenos Aires, 1926. Isla – *J. Goytisoló*. La isla. La Habana, 1962.
- Marsé – *J. Marsé*. Encerrados con un solo juguete. Barcelona, 1962. Perfecta – *B. P. Caldos*. Doña Perfecta. Moscú, 1952. Sampedro – *J. L. Sampedro*. El río que nos lleva / Ed. Aguilar. Madrid, 1967. Trueba – *A. Trueba*. Cuentos campesinos. Leipzig, 1865. Valera – *J. Valera*. Pepita Jiménez. Moscú, 1954. Vorágine – *J. E. Rivera*. La vorágine. 3er festival del libro cubano. Vol. 25. Zaragoza – *B. Pérez Galdós*. Zaragoza. Moscú, 1953.

Глава IX

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ СЛОВ

1. Вступительные замечания

Классификация сложных слов представляет немалые трудности, обусловленные многогранностью самого явления, в котором тесно переплетаются морфологические, синтаксические, семасиологические и фонетические особенности. Даже такой, казалось бы, внешний признак, как написание, имеет для сложных слов известное значение. Каждая из особенностей сложных слов может быть положена в основу их классификации. Однако дело осложняется тем, что между самыми разнообразными типами сложных слов протягиваются нити сходства. Сплетаясь друг с другом, они связывают между собой различные в структурном отношении виды сложений. Часто оказывается при этом, что признаки наиболее существенные для одних классов сложных слов представляются несоотносимыми с особенностями других классов.

Все это сильно затрудняет разработку такой классификации, которая была бы последовательной, отражала бы существо явления и одновременно делала удобным его описание. Ниже дается краткий обзор принципов классификации сложных слов, предлагаемых в работах по словосложению в различных индоевропейских языках. Рассмотренные в общем виде, эти принципы отвечают материалу каждого из них и действительно широко применяются. Так, можно говорить о делении сложных слов на основе их морфологического состава, поскольку во всех индоевропейских языках слово обладает определенной морфологической структурой, о классификации по соотношению компонентов, по способу образования и пр.

Поскольку у ряда авторов проблема классификации органически связана со всей системой их взглядов на словосложение, мы коснемся в этой главе и некоторых более общих вопросов теории словосложения.

2. Деление сложных слов по способу образования

Переходя к конкретному разбору принципов деления сложных слов, необходимо прежде всего остановиться на вопросе о так называемом «собственном» и «несобственном» словосложении.

Я. Grimm, положивший начало учению о полносложных и неполно—сложных словах, считал, что оно является центральным моментом в теории словосложения.¹³⁰

Выделение собственного и несобственного словосложения в немецком языке, согласно учению Я. Grimma, основывается на двух признаках: смысловом и формальном.

Семантическое различие двух типов сложных слов сводится к вопросу об их идиоматичности. «Собственносложные слова являются носителями нового, единого и многогранного значения (*eine allge—meine, vielseitige, neue Bedeutung*), несобственные сложения опираются на узкоопределенный смысл (*auf dem engen und bestimmten Sinn*), заключающийся в той синтаксической конструкции, из которой они образовались».¹³¹ Я. Grimm, однако, допускает, что в результате последующей идиоматизации неполносложного слова оно может близко подойти к полносложному.¹³²

Внешним различием между этими двумя типами сложений является форма их первого компонента. «Собственносложные слова легко узнать, так как их первый компонент лишен какой бы то ни было флексии»,¹³³ — пишет Grimm и поясняет, что по своему происхождению этот способ сочетания элементов сложного слова восходит к словосложению с соединительной гласной. Собственное или, как его еще называют, истинное словосложение, согласно Я. Grimmu, является древнейшим способом образования сложных слов.

Классификация сложных слов в немецком языке, предложенная Grimмом, вытекает из его теории о двух способах словосложения. Она основывается на форме первого элемента сложного слова.

Теория Я. Grimma хотя и встретила целый ряд возражений, получила широкий резонанс. Остановимся на том, как отразилась теория Я. Grimma в романском языкознании.

Учение Я. Grimma сказалось уже на первой сравнительной грамматике романских языков, принадлежащей Ф. Дицу.¹³⁴ Однако в применении к новому языковому материалу теория Я. Grimma была модифицирована. Фактически распалось единство смыслового и формального признаков, поскольку в романских языках сложные слова, образованные на основе синтаксических конструкций, обычно бывают в той же степени идиоматичны, что и сложения, восходящие к древнему типу. Более того, в некоторых случаях именно основосло—жение с соединительной гласной служит образцом для создания неидиоматичных сложных слов (ср. испанские сложные прилагательные типа *ojinegro* 'черноглазый', *manilargo* 'длиннорукий'). При выделении Ф. Дицем двух типов сложных слов смысловый принцип, следовательно, был отброшен. С другой стороны, поскольку в некоторых романских языках, например во французском, вообще не сохранился древний способ образования сложных слов, т. е. осново—сложение, изменился также внешний признак, отличающий истинный тип от неистинного. Форма первого компонента уже не может служить показателем принадлежности к тому или иному классу. Напротив учитывается место определения по отношению к определяемому внутри сложного слова. Положение определения после определяемого является для Ф. Дица

---

¹³⁰ [Grimm 1826: 407].

¹³¹ [Ibid.: 597].

¹³² [Ibid.].

¹³³ [Ibid.: 409].

¹³⁴ [Diez 1874: 377–408].

признаком неполносложного слова, так как такой порядок расположения компонентов чужд «пра—индоевропейскому» образцу словосложения (напр., *respublica*).¹³⁵ Однако Ф. Диц указывает, что у неистинных сложных слов определение может также предшествовать определяемому (*legislator, bene—dicere, manu—mittere*).

В целом теория Я. Гримма осталась для Ф. Дица чисто внешней, формальной. Ф. Диц не использует ее при классификации и не конкретизирует отдельные ее положения применительно к романским языкам.

С делением словосложения на истинный и неистинный типы можно встретиться и у другого крупного представителя романского языкознания – В. Мейера—Любке.¹³⁶ Для В. Мейера—Любке характерен более исторический подход к понятию истинного и неистинного словосложения или, по его терминологии, *Zusammenrückung und Zusammenfügung* (или иначе *Worteinigung und Wortfüge*). К истинному словосложению он относит не только древний тип, но также и некоторые способы образования сложных слов, возникшие уже на почве романских языков, учитывая этим самым путь развития словообразовательных моделей, их формирование на базе синтаксических словосочетаний.

Мейер—Любке, точно так же как и Диц, распространяет деление на истинное и неистинное словосложение с процесса словообразования на сами сложные слова. Поэтому проблему изменения качества некоторых типов сложений он сводит к вопросу об отдельных словах, ставших из неполносложных полносложными (напр., *gendarme, chef—d'oeuvre*).

Аналогично решается проблема истинного и неистинного словосложения, которое в романском языкознании принято называть «композицией», т. е. сложением, и «юкстапозицией», т. е. соположением, у большинства авторов грамматик романских языков.

Иное освещение получает, однако, деление способов образования сложных слов на два типа у А. Дармстетера. Для А. Дармстете—ра разница между композицией и юкстапозицией вытекает из его теории эллипсиса.¹³⁷ При этом он имеет в виду не семантику слова, т. е. не то, что значение сложного слова обычно бывает идиоматично, а грамматическую неформленность компонентов сложения, невыраженность связи между ними. Иными словами, под эллипсисом подразумевается все то, что оказывается выраженным в языке, если раскрыть значение сложного слова средствами синтаксиса. Согласно этой теории наиболее эллиптическим является основосложение.¹³⁸

Отсутствие флексии первого компонента Дармстетер рассматривает как «внешний показатель эллипсиса». В современном языке сложные слова также бывают эллиптически, вызывая представление о большем, чем в них выражено. Словосложение истинно лишь в том случае, если оно заключает в себе эллипсис. Его методом является синтез. Юкстапозиция не предполагает эллипсиса. Это лишь простое объединение слов, сближенных случаем употребления (*par les hazards de l'usage*).¹³⁹ Юкстапозиция прибегает к *анализу*, выражая все сопутствующие значения точно так же, как в синтаксисе языка.

Истинное и неистинное словосложение, в интерпретации Дарм—стетера, различаются тем, что первое эллиптически, а второе нет. Содержание эллипсиса Дармстетер раскрывает путем сравнения строения сложного слова с соответствующей ему по смыслу синтаксической конструкцией. В определении эллипсиса он, следовательно, исходит из перифразы.

¹³⁵ [Ibid.: 377].

¹³⁶ [Meyer—Lübke 1895: 431; 1921: 162–164].

¹³⁷ [Darmesteter 1875a: 10–19].

¹³⁸ [Ibid.].

¹³⁹ [Ibid.].

Напр. *le pourboire est ce qui est pour boire; arriere—cour est le cour qui est arriere ou cour d'arriere*.¹⁴⁰

При этом автор подчеркивает, что невыраженными остаются по существу не грамматические отношения, а логические процессы мышления. Словосложение поэтому, сокращая синтаксическую конструкцию, прибегает к синтезу. Для него требуется особое синтезирующее усилие ума. Подход к явлениям языка Дармстетера близок популярным сейчас когнитивным методам анализа.

Теория эллипсиса Дармстетера неоднократно подвергалась критике с разных позиций.¹⁴¹ Не будем повторять упреки, уже высказанные в адрес Дармстетера. Заметим лишь, что главный из них состоит в рассмотрении сложного слова как сокращенного предложения.

Та теоретическая платформа, которую Дармстетер подводил под выделение двух способов образования сложных слов – композиции и юкстапозиции, – не могла не отразиться и на его подходе к конкретному языковому материалу. Интересуясь выявлением определенных мыслительных процессов, скрывающихся за различными приемами словосложения, он часто отвлекается от чисто языковых особенностей отдельных способов образования сложных слов. Так, под рубрикой «юкстапозиция с подчинением»¹⁴² он объединяет такие различные по своей структуре единицы, как *chef—d'oeuvre, bain—marie, hôtel—Dieu* и пр. Такое объединение мотивируется тем, что все они построены на генитивном отношении, выраженном согласно нормам синтаксиса, свойственным языку в момент образования этих соединений. Интересно отметить, что остальные образования типа *hôtel—Dieu*, но возникшие в период, когда беспредложное выражение генитивных отношений перестало употребляться в синтаксисе (напр., *timbre—poste, timbre—quittance, vert—pomme*), Дармстетер относит к эллиптическому словосложению,¹⁴³ разбивая этим структурно однородный класс слов.

Учение А. Дармстетера оказало немалое влияние на дальнейшее развитие теории словосложения. Мысли А. Дармстетера можно встретить у Ф. Брюно.¹⁴⁴ Однако теория А. Дармстетера для него не органична и не отражается на распределении сложных слов по типам. Идеи А. Дармстетера находим также у Л. Кледа, который выделяет два типа эллипсиса: эллипсис предлога: *timbre—poste* вместо *timbre de poste*, и эллипсис существительного (*porte—drapeau* вместо *l'officiel qui porte le drapeau*).¹⁴⁵

Среди испанистов мысли А. Дармстетера отражены у Мартина Алонсо, который различает эллиптические и полные сложные слова (*compuestos completos y elípticos*). Характеризуя разницу между теми и другими, М. Алонсо замечает: «Полными следует считать те сложные слова, в которых присутствует элемент связи. Эллиптическими называются те сложные слова, в которых этот элемент опущен. Последние выражают больше представлений, чем в них содержится».¹⁴⁶ Среди примеров эллиптических сложных слов Алонсо приводит, между прочим, такие, как *correvedile, quitaipón* и др., у которых нет пропуска элемента связи между компонентами.

Совершенно аналогичные идеи выражены в «Испанской исторической грамматике» В. Г. де Диего: «Полным словосложением следует считать такое, которое не опускает грамматического элемента, необходимого для выражения отношений между частями сложного

¹⁴⁰ [Ibid.: 125, 131].

¹⁴¹ [Nyrop 1936: 271–272].

¹⁴² [Ibid.: 111].

¹⁴³ [Ibid.: 138].

¹⁴⁴ [Brunot 1953: 55].

¹⁴⁵ [Cledat 1908: 121].

¹⁴⁶ [Alonso 1949: 258].

слова. Эллиптическим является такое словосложение, в котором опущен грамматический элемент, выражающий взаимоотношения между частями сложного слова». ¹⁴⁷

Подведем итог вышесказанному. Выделение двух способов образования сложных слов, ведущее свою историю от Гримма, основывается на реально существующем различии словообразовательных процессов. Следует признать, однако, не вполне удачной терминологию, предложенную Гриммом (*eigentliche und uneigentliche Wortzu—sammensetzung*), которая вносит оценочный элемент в наименование двух самостоятельных способов словообразования. Еще менее удачными оказываются эти термины в применении к самим сложным словам, поскольку они ставят под сомнение качество единиц, полученных путем сращения словосочетаний, называя их неистинными или неполносложными.

---

¹⁴⁷ [Diego 1951f: 250].

3. Деление сложных слов по соотношению их компонентов

Принцип деления сложных слов по соотношению их компонентов был выдвинут еще около 2000 лет тому назад индийским грамматиком Патанджали в его книге «Большой комментарий на грамматику Панини». ¹⁴⁸ Патанджали выделяет следующие типы сложных слов: 1) сочинительный тип, который он условно называет *dvanda*, что значит 'пара' и является примером сложных слов этого типа. Компоненты таких сложных слов семантически самостоятельны и независимы друг от друга. 2) Определительный тип, условно называемый *tatpuruṣa*, что буквально значит 'его человек'. Сюда относится ряд разновидностей сложных слов: а) сложные слова, в которых один элемент определяет другой, будучи от него в падежной зависимости (собственно *tatpuruṣa*); б) сложные слова, в которых один элемент стоит к другому в отношении аппозиции (*karmadhāraya*); в) сложные слова, в которых определителем является числительное (тип *dvigu*); г) сложные слова с глагольным управлением и некоторые другие менее существенные виды композитов. 3) Третий тип сложных слов, выделяемый в санскрите, называется *bahuvrīhi*, букв. (имеющий) много рису'. Слова этого разряда представляют лицо, обозначаемое или определяемое всем словом, как носителя признака, выраженного его внутренней формой. Такие сложные слова могут быть как прилагательными, так и существительными. Между их компонентами существуют определительные отношения. Однако между бахуврихами и определительными композитами, принадлежащими ко 2-му типу, есть различия, которые А. Потебня сформулировал следующим образом:

Поставленные атрибутивно или предполагающие такую постановку слова этого рода, судя по русским, двусмысленны. Именно прозвища, как мр. *Рябокось*, *Сивокось*, *Куцокось*, *Горбокось*, *Рябокось*, *Лихабаба*, если они даны по сходству и таким образом совпадают со своим определяемым, суть карма *dhāraya*, как выше *дуб—стародуб*. Если они даны по принадлежности, т. е. *Рябокось*, потому что ездил на рябой кобыле, и, таким образом, не совпадают со своим определяемым, они суть *bahuvrīhi*, притяжательные, каковы, без сомнения, прозвища *Белошапка*, *Кривошапка*, или *Краснокорень*, *Чернокорень* в значении не корней, а целых известных растений. ¹⁴⁹

В определительных сложных словах лексическое значение слова в основном связывается с определяемым, т. е. с одним из его компо—нетов; в бахуврихах обозначаемый словом предмет не выражен ни в одном из их компонентов; «... в *bahuvrīhi* названо то, что принадлежит другому, а это другое не названо, но предполагается». ¹⁵⁰ Например, слово «бахуврихи» буквально значит «много рису», но оно указывает не на количество риса, т. е. в конечном счете не на сам *рис*, а на *лицо*, обладающее большим количеством риса. Разница между этими двумя типами сложных слов состоит, таким образом, уже не в отношении между компонентами, а в разной предметной отнесенности сложного слова; в одном случае она в основном совпадает с предметной отнесенностью одного из элементов композита, в другом — нет. Никакого формального указания на различие в предметной отнесенности сложных слов первого и второго типов может, однако, не быть.

Наконец, последний класс композитов, согласно делению Патанджали, составляют адвербиальные, т. е. неизменяемые сложные слова, условно называемые *avyayībhāva*. Обычно это наречия, образованные путем соединения предлога с существительным в винительном падеже, которые индийские грамматики также считали сложными словами.

¹⁴⁸ [Müller 1868: 324–337; Кальянов 1947].

¹⁴⁹ [Потебня 1968: 158].

¹⁵⁰ [Там же: 157].

Такова в общих чертах схема классификации, предложенная индийскими грамматиками для санскрита. Она в основном исходит из связи компонентов сложения. Этот принцип не соблюдается дважды: при выделении так называемых бахуврихов и при выделении четвертого типа композитов.

Классификация по соотношению компонентов сложного слова стала наиболее популярной в лингвистике. В зависимости от системы взглядов авторов на соотношение между компонентами сложного слова классификация, построенная по этому принципу, приобретала тот или иной вариант. При полном отождествлении отношений между элементами сложного слова и синтаксических связей между членами предложения классификация сложных слов совпала с классификацией их синтаксических перифраз. Тем самым не принимались во внимание различия между этими категориями. Необходимо оговориться, впрочем, что такое деление допустимо для сложных слов синтаксического способа образования – сращений. При этом, однако, правильнее ставить вопрос о классификации сложных слов согласно типам словосочетаний, путем сращения которых они образовались.

Некоторые авторы, классифицируя сложные слова по отношениям между их компонентами, рассматривают их как узко—семантические, излишне частные. Это мешает им иногда увидеть более общие категории во взаимоотношении между частями сложного слова. Так, в своей грамматике Суит замечает, говоря о связи между компонентами сложного слова: «Во многих случаях эти логические отношения не определены. Например, *a waterpZant* может означать растение, произрастающее в воде, или растение, произрастающее около воды, или же, по аналогии с *a watermeZon*, – растение, содержащее большое количество жидкости и, возможно, растущее на сравнительно сухом месте».¹⁵¹ Каково бы не было конкретное отношение между компонентами в приведенном Суитом примере, языковое отношение между ними остается одинаковым – атрибутивным.

Классификация, построенная на выделении подобного рода частных связей между компонентами сложного слова, по существу опирается на внеязыковые категории, т. е. на отношения между соответствующими предметами в жизни, и не учитывает то обобщение, которое характеризует отдельные типы словосложения.

В итоге, классификация сложных слов по отношению между их компонентами отражает весьма существенный для характеристики типов словосложения фактор, во многом определяющий их жизнь и функционирование в языке. Так, при одинаковом морфологическом составе сложных слов может быть выделено несколько типов словосложения при условии разных видов связей между их компонентами. Ср. испанские *la bocamanga*, *la compraventa*, *el vagaralo*. Не следует, однако, прямо отождествлять отношения между компонентами сложного слова с синтаксическими отношениями между членами ответствующего словосочетания. Эти отношения колеблются между синтаксисом и логикой.

¹⁵¹ [Sweet 1900: 447].

4. Деление сложных слов по типу предметной отнесенности

Проблема, которую поставил Патанджали, выделяя в отдельный класс сложных слов так называемые бахуврихи, использована при классификации сложных слов рядом авторов. Так, Бругманн различает по этому признаку *мутирующие* и *немутирующие* сложные слова.¹⁵² А. Мейе и Ж. Вандриес¹⁵³ делят сложные слова в зависимости от их предметной отнесенности на два основных типа: 1) прямые (*direct*) композиты, которые означают понятие, непосредственно связываемое с синтезом значений их компонентов и 2) непрямые или притяжательные (*indirecte, possessive*) сложные слова, у которых выражаемое ими понятие, вытекая из синтеза значений их компонентов, относится к другому предмету, давая ему качественную характеристику (лат. *magnanimus*). См. также выше мнение А. Потебни.

То специфическое соотношение между внутренней формой сложного слова и его предметной отнесенностью, на которое обратили внимание индийские грамматики, отделив так называемые бахуврихи от остальных определительных композитов, получило в дальнейшем самые различные терминологические обозначения: посессивные сложные слова у Пауля, непрямые сложения у Мейе и Вандриес—са, мутата у Шредера и в некоторых работах Бругманна, который иногда называет их также вторичными сложными словами, и пр. В дальнейшем для обозначения сложных слов, основная лексическая и грамматическая характеристика которых не связана непосредственно ни с одним из их компонентов, стал предпочитаться термин *экзоцентрические* сложные слова (в отличие от *эндоцентрических*). Это наименование было предложено А. Александровым в его работе о сложных словах в литовском языке.¹⁵⁴ Бругманн, разрабатывавший теорию происхождения сложных слов этого типа, также принял термин А. Александрова. Далее эти термины закрепились в полемике, развернувшейся в лингвистической литературе в связи с работой Бругманна.¹⁵⁵

Не раз подчеркивалось, однако, что понятие экзоцентрических сложных слов, несомненно, гораздо шире, чем понятие бахуврихов. Последние являются лишь одной из разновидностей сложных слов, чья предметная отнесенность не совпадает с референцией ни одного из компонентов. Ч. Карр, характеризуя экзоцентрические сложные слова, писал, что основанием их денотации является «указание на третью идею, стоящую вне двух компонентов сложного слова (the reference to a third idea which stands outside the two parts of the compound)».¹⁵⁶ Он, между прочим, подчеркивал, что особенности экзоцентрических слов лежат преимущественно в области семантики и что, следовательно, они могут включать в себя несколько структурных типов. Поэтому он относил к экзоцентрическим сложным словам как бахуврихи, так и «императивные» сложные слова (см. главу X).

Деление сложных слов на эзо—и экзоцентрические широко применяется в различных классификационных схемах. Так, Карр¹⁵⁷ делит сложные слова в германских языках на три основных типа: 1) копу—лятивные сложные слова, 2) детерминативные и 3) экзоцентриче—ские. К последним, как уже говорилось, он отнес «императивные» композиты (напр. *Taugenichts*) и «бахуврихи», как субстантивные (напр. *Dumkopf*), так и адъективные

¹⁵² [Brugmann 1889: 84–86].

¹⁵³ [Meillet, Vendryes 1948: 432].

¹⁵⁴ [Aleksandrov 1888]. Об эндоцентрических словах в испанском языке см.: Varela Ortega, Soledad. Spanish Endocentric Compounds and the Atom Condition // *Studies in Romance Linguistics*. Amsterdam, 1989. P. 397–441.

¹⁵⁵ [Brugmann 1905: 59–77].

¹⁵⁶ [Carr 1939: XXI].

¹⁵⁷ [Ibid.: XXIX].

(barfuss). Поллак,¹⁵⁸ классифицируя сложные слова в норвежском языке, проводит деление на эн—до—и экзоцентрические через все структурно—морфологические типы сложных слов.

Деление сложных слов по типу их предметной отнесенности имеет существенное значение для выявления словообразовательных моделей, так как особенности этих последних во многом определяются именно этим признаком. Например, семантика «императивных» имен обусловлена тем, что их внутренняя форма указывает на функциональную характеристику лица или предмета, обозначаемого всем словом.

Следует оговорить, однако, что иногда тип предметной отнесенности отдельных сложных слов меняется в результате переноса названия по принципу метафоры, метонимии или синекдохи. Такие слова не следует выделять в самостоятельную группу, как это делал Поллак, так как изменение типа предметной отнесенности здесь вторичное явление, характеризующее семантическое развитие отдельного слова, а не закономерная особенность модели словосложения. Так, *la boscalle* 'начало улицы' принадлежит к одному типу с *la madreperla* ('перламутр', букв. 'мать жемчуга'), хотя значение второго вытекает из метафорического понимания его внутренней формы, а первого – нет, поскольку слово *bosa* 'рот' регулярно употребляется в значении 'начало, вход'.

---

¹⁵⁸ [Pollak 1912: 58–65].

5. Морфологический принцип классификации

Не менее распространенным является деление сложных слов в зависимости от того, какие части речи и в какой последовательности принимают участие в словосложении. Этот принцип был применен Я. Гриммом в его «Немецкой грамматике». Исходя из мысли об «истинном» и «неистинном» словосложении, Гримм в своей классификации делает упор на форму первого компонента, которая отличает один тип сложных слов от другого. Гримм выделяет композиты с существительным, прилагательным, глаголом и пр. в качестве первого компонента, независимо от того, к какой части речи принадлежит само сложное слово и его второй элемент. Каждый из этих классов подразделяется на истинный и неистинный типы в соответствии с оформлением первого компонента. Такая классификация логически вытекает из всей концепции сложных слов Я. Гримма, основой которой является его учение об истинном и неистинном типах словосложения (см. выше).¹⁵⁹

Ф. Диц воспринял от Гримма принцип деления по тому, к какой части принадлежит первый компонент сложения. Однако, поскольку выделение двух способов образования сложных слов («истинное» и «неистинное» словосложение, по Гримму) никак не связано в романских языках с формой первого компонента, классификация Ди—ца оказывается противоречивой. Она не может уже служить выделению двух типов словосложения, как классификация сложных слов в немецком языке Гримма, и само учение Гримма, которое воспроизводится Дицем в общей части раздела о словосложении,¹⁶⁰ в классификации уже никак не отражается. Схема Дица также не служит выделению структурно однородных типов сложных слов, чему мешает сам принцип деления, несмотря на то, что автор часто нарушает его. Так, напр., тип *boquiancho* он относит к сложению существительных, а такие слова, как *turbamulta*, *avutarda*, в которых также первым компонентом является существительное, он относит к сложению с прилагательным, очевидно, видя структурную разницу двух типов и не желая их смешивать, а также не считая себя вправе разорвать такие близкие по способу образования слова, как *buenandanza* и *avutarda*. Однако даже эти нарушения основного принципа, а также дополнительное деление по отношению между компонентами не дают возможности выделить модели словосложения. Так в одну группу попадают *casaruerta*, *gallipunte*, *maniobra*, *zarzarrosa* и пр. На непоследовательность классификации Дица указывали многие лингвисты, в частности Дармстетер,¹⁶¹ который, кстати, дал критику и самому принципу группировки сложных слов по частям речи их компонентов.

Классификация по тому, к какой части речи принадлежит и как оформлен первый компонент, встречается, между прочим, в некоторых сравнительных грамматиках индоевропейских языков, напр. у Бругманна.¹⁶²

Следует отметить все же, что обычно классификация по морфологическому принципу исходит из принадлежности к определенной части речи обоих компонентов сложения, а не только первого. Примером может послужить классификация Мейер—Любке, который, разделив сложные слова по способу образования на неистинный (*Worteinigung*) и истинный (*Wortfügung*) типы, классифицирует далее и те и другие по их морфологическому составу с учетом характеристики обоих компонентов.¹⁶³

¹⁵⁹ [Grimm 1826: 407–409].

¹⁶⁰ [Diez 1874: 377–378].

¹⁶¹ [Darmesteter 1875a: 3–4].

¹⁶² [Brugmann 1889: 21–33].

¹⁶³ [Meyer—Lübke 1921: 164–172].

Необходимо подчеркнуть, что некоторые классификации, основывающиеся на морфологии сложного слова, не учитывают такие факторы, относящиеся к морфологической структуре, как, напр., соединительная гласная. Это часто заставляет их объединять различные по своему строению сложные слова. Так, Монлау¹⁶⁴ зачисляет в класс композитов, образованных путем сложения двух существительных, такие разнотипные слова, как *maníobra* и *salpimienta*; к сложению двух прилагательных он относит такие неоднородные образования, как *anchicorto*, *plenipotenciario*, *sacrosanto*. Очевидно, что при делении сложных слов по морфологическому принципу должен приниматься во внимание весь морфологический состав слова.

В испанском языке классификация по морфологическому признаку может частично быть использована при делении сложных слов синтаксического способа образования. Так, когда речь идет о сращении определительных словосочетаний, выделяется комбинация слов, принадлежащих разным частям речи, напр. «существительное + прилагательное» (*nochebuena*), «числительное + существительное» (*milhojas*) и пр.

При делении сложных слов синтаксико—морфологического способа образования этот принцип неприменим, так как в испанском языке возможны разные словообразовательные модели при одном и том же морфологическом составе (ср. *bocacalle*, *compraventa*).

Классификация, учитывающая морфологическую характеристику только первого элемента, в применении к материалу романских языков использована быть не может.

---

¹⁶⁴ [Monlau 1944: 52].

6. Семантическая классификация

Примером деления сложных слов по семантическому признаку может быть классификация А. Гренье.¹⁶⁵ Занимаясь, главным образом, вопросом происхождения словосложения, Гренье классифицирует сложные слова в соответствии с тем, к какой семантической или стилистической сфере они принадлежат.

Согласно Гренье, «словосложение является преимущественно ученым способом создания слов. Оно соответствует стремлению специалистов в области науки и искусства к точности и одновременно краткости выражения».¹⁶⁶ Далее, на материале сложных слов латинского языка автор пытается подтвердить это положение, анализируя их с точки зрения принадлежности к той или иной области терминологии. Такая классификация полезна в работе, ставящей своей целью показать сравнительное распространение сложных слов в различных семантико—стилистических пластах лексики языка. Семантическая классификация может быть также успешно использована при описании структурно однотипных классов сложных слов. Она помогает выявить семантический диапазон каждой модели словосложения, ее роль в общей системе словообразования данного языка. При описании каждого типа сложных слов выделяются определенные семантические группы, напр. сложные слова со значением действующего лица, действия, результата действия, со значением абстрактных понятий и пр. В случае необходимости могут быть выделены и более конкретные категории. Так, класс слов со значением лица может быть разбит на группы со значением профессии, национальности и пр. Такой метод описания встречается почти во всех работах по словообразованию и в частности по словосложению.

Семантическая классификация одноструктурных слов вполне закономерна. В данной работе она используется при описании отдельных типов сложных существительных в испанском языке. Напр., слова с основой глагола в первой части (тип *el guardabosque*) делятся на ряд групп: существительные со значением лица, предмета, инструмента, существительные, обозначающие растения и животных, и некоторые другие менее значительные семантические объединения.

---

¹⁶⁵ [Grenier 1912].

¹⁶⁶ [Ibid.: 14].

7. Классификация по степени слитности компонентов

Примером деления сложных слов по степени слитности компонентов может служить классификация Ниропа.¹⁶⁷ Фактически Нироп делит сложные слова во французском языке по чисто орфографическому признаку, считая, что степени слияния компонентов соответствует определенный способ написания. Нироп подразделяет сложные слова на три класса:

1) сложные слова, чьи компоненты достигли полного слияния, напр. *bavolet*, *béjaune*;
2) сложные слова, пишущиеся через дефис, напр. *arc—en—ciel*, *bas—relief*, *tete—á—tete*;

3) сложные слова, чьи элементы выступают самостоятельно, напр. *hôtel de ville*, *moyen âge*, *pomme de terre*.

Очевидно, что категория сложных слов здесь расширена за счет устойчивых словосочетаний (третий класс) и слов первого класса, которые перестали быть сложными.

Сама по себе такая классификация не направлена на выделение моделей словосложения. А. Дармстетер считал степень слитности компонентов слишком случайным фактором, чтобы на нем строить классификацию сложных слов. Время одинаково меняет форму как простых, так и сложных слов, замечает Дармстетер.¹⁶⁸

Классификация по степени слитности компонентов, тем не менее, может быть использована в работе, изучающей жизнь сложных слов в языке, в частности тенденцию разных типов композитов к опрощению.

---

¹⁶⁷ 38 [Nyrop 1936: 272–273].

¹⁶⁸ [Darmsteter 1975a].

8. Итог: будем последовательны

Выше были рассмотрены те признаки сложных слов, которые служат основой для разных типов классификаций. Отмечалось, что ввиду многосторонности анализируемого явления деление сложных слов по одному из этих признаков не всегда ведет к выявлению словообразовательных моделей. Для этого оказывается необходимым последовательное применение различных принципов классификации. Однако многие исследователи в этом случае поступают иначе. Вместо последовательного деления сложных слов по одному признаку они сначала эмпирическим путем выделяют типы словосложения, а затем дают определение каждому из них, учитывая одновременно всю совокупность их свойств. Такой способ нельзя считать нерациональным или непоследовательным в описательной работе. Он имеет свои преимущества. Дело в том, что каждая модель словосложения обладает целой суммой признаков, которые не всегда лежат в одном плане с особенностями других типов сложных слов. Очень часто наиболее характерный признак одной модели словосложения не соотносится с определяющей чертой сложных слов иной структуры. Так, например, испанские сложные существительные типа *el guardabosque* наиболее резко отличаются от других классов сложных слов качеством своего первого компонента, в то время как у остальных сложных слов первый компонент даже не отличает один тип от другого (напр. *boscalle*, *salpimienta*, *varapalo*, *aguardiente*). Поэтому деление по форме первого компонента оказывается невозможным. С другой стороны, классификация по связи между компонентами, которая отделила бы друг от друга существительные типа *boscalle* и *salpimienta* и пр., разрывает класс так называемых «императивных» сложных слов, поскольку одни из них организованы подчинительной (*el guardabosque*), другие – сочинительной (*el duermevela*), третьи – атрибутивной (*el senaoscuros*), и наконец, четвертые – субъектно—предикативной (*el andaniño*) связью. При этом слова типа *duermevela* были бы объединены со сложными существительными сочинительного типа (*compraventa*, *escalofrío*), от которых они резко отличаются по другим признакам, в частности по морфологическому составу. На этом примере видно, насколько трудной иногда оказывается последовательная классификация сложных слов на основе выделения в них какого—либо одного наиболее существенного признака. Поэтому, как уже говорилось, многие исследователи выделяют типы сложных слов одновременно с учетом всей суммы признаков и затем описывают каждый обособившийся таким образом способ словосложения. Такая классификация, если даже она не всегда бывает достаточно стройной, несомненно, имеет то преимущество, что оказывается более компактной и экономной, избегая «многоярусности», излишней растянутости схемы по вертикали.

Таким образом, можно считать в одинаковой степени правомерной классификацию сложных слов с одновременным учетом всех качеств каждого типа (1) и выделение принципов классификации (2). В последнем случае необходимо предварительно определить сравнительную ценность каждого принципа деления применительно к конкретному языковому материалу. В данной работе предпочтение отдается второму варианту.

Переходим к классификации сложных существительных в испанском языке. Уже говорилось, что образование сложных слов принадлежит двум качественно различным словообразовательным процессам. Поэтому прежде всего проводится разделение сложных слов по способу их образования, т. е. отграничиваются сложные слова синтаксического способа образования (сращения словосочетаний и предложений) от сложных слов синтаксико—морфологического способа образования (сложные слова, полученные по моделям словосложения). Далее первые классифицируются в зависимости от типа синтаксических единиц, на базе которых они возникли. Таким образом, выделяются две основные группы: сращения предложений (*el métome—en todo*) и сращения словосочетаний (*el mediodía*). Первая из этих

групп делится на сращения предложений с глаголом в императиве и сращения предложений с глаголом в индикативе. Вторая группа основывается на эндоцентрическом принципе денотации и делится на сращения словосочетаний с определением на первом месте и сращение определительных (в том числе аппозитивных) словосочетаний с определением на втором месте. Далее сложные существительные группируются в зависимости от своего морфологического состава.

Целью предложенной классификации является выяснение того, на базе каких типов словосочетаний и предложений могут образовываться в испанском языке сращения, а также определение степени активности этого процесса для отдельных из них. Такое изучение помогает понять, что именно определяет процесс образования сложных слов путем сращения: только ли смысловое единство словосочетания или для этого нужны также какие—либо дополнительные условия структурного порядка.

Классификация сложных слов, созданных по моделям словосложения, не так раздроблена, поскольку сам способ их образования требует большей структурной однородности.

Сложные слова синтаксико—морфологического способа образования наиболее удобно делить по типу предметной отнесенности, иными словами, по месту семантического и обычно также грамматического ядра слова. Выяснение места ядра слова в ряде случаев важнее, чем определение отношения между компонентами сложения. Для слов, у которых предметная отнесенность не опирается на предметную отнесенность их компонентов, связь между последними имеет лишь второстепенное значение. Так, для определения характера сложных существительных типа *el guardabosque* представляется несущественным, находятся ли их компоненты в атрибутивном, сочинительном или подчинительном отношении друг к другу. Существенно то, что все они обладают одинаковым видом связи между значением слова и его семантической структурой, т. е. одинаковым типом предметной отнесенности: понятие, обозначаемое словом, не будучи выраженным ни в одном из компонентов сложения, обычно выступает как субъект действия, содержащегося в глагольном компоненте. Этим именно и определяются типы значений, которые могут иметь так называемые «императивные» существительные. Такой тип денотации сложных имен принято квалифицировать как экзоцентричный (см. выше).

Следует подчеркнуть, что выделение семантического центра или ядра несколько не означает умаления роли атрибута в создании значения сложного слова. Семантическое ядро указывает лишь на характер предметной отнесенности слова.

Обычно семантическое ядро придает слову определенную грамматическую характеристику, так как артикль согласуется именно с ним. Однако часты также случаи, когда грамматическая характеристика слова начинает определяться его вторым элементом независимо от того, какой элемент является ядром слова, напр. *e! zaparíco* (*la zapa de píco*) получило род второго элемента, хотя для данной словообразовательной модели основой является первый компонент.

По типу денотации в современном испанском языке прежде всего выделяется самый большой и самый продуктивный класс экзоцен—трических сложных существительных, у которых семантико—грамма—тический центр не совпадает ни с одним из их компонентов. Напр., *el limpiachimeneas* 'трубочист'. Означает «лицо, которое чистит трубы» (*el limpiachimeneas – el que limpia las chimeneas*). Грамматическая характеристика таких существительных не зависит от соответствующих свойств именного компонента, артикль обычно не согла—сутся с последним ни в роде, ни в числе, напр. *el cortaplumas, el tarabosa, el cortabolsas*.

Артикль воспринимается, таким образом, как грамматический показатель отсутствующего носителя основного значения.

Выделение этого класса сложных слов по типу предметной отнесенности позволило объединить все сложные существительные с первым глагольным компонентом.

Если подойти к классификации этих существительных с точки зрения связи между их компонентами или с точки зрения их морфологического состава, то эти слова, созданные по одной словообразовательной модели, оказались бы разбитыми на несколько групп, каждая из которых объединилась бы со сложными существительными других типов.

У остальных двух образцов словосложения лексико—грамматиче—ской основой являются их компоненты.

У сложных слов сочинительного, или копулятивного, типа семантическая основа равномерно создается обоими компонентами. Предметная отнесенность этих слов опирается сразу на предметную отнесенность обоих членов. Например, *la compraaventa* ('купля—продажа') имеет новое значение, совмещающее значения обоих элементов. Некоторые слова этого типа оформлены соединительной гласной.

Сочинительный тип непродуктивен в современном испанском языке.

Третий тип сложных существительных можно охарактеризовать как атрибутивный. Основой сложных слов этого типа является их первый компонент. Второй – также именной – элемент сложения характеризует первый по качеству или по принадлежности, напр. *el zararisco*, *la bocamanga*. Этот тип словосложения также малопродуктивен в современном языке.

В целом получается следующая обобщенная схема классификации испанских сложных существительных.

Сложные существительные синтаксического способа образования

1. Сращение предложений:

а) сращение императивных предложений: *el hazmerreír*

б) сращение предложений со сказуемым в индикативе: *el métome—en—todo*.

2. Сращение словосочетаний:

а) сращение определительных словосочетаний с определением на первом месте: *la medianoche*, *la milhojas*

б) сращение определительных словосочетаний с определением на втором месте: *el tíovivo*, *el rabopelado*.

Сложные существительные синтаксико—морфологического способа образования

1. Отглагольные сложные существительные: *el guardabosque*, *el duermevela*

2. Копулятивные сложные существительные: *la compraaventa*, *el capisayo*

3. Атрибутивные сложные существительные: *la bocacalle*.

Глава X

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СИНТАКСИЧЕСКОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ (СРАЩЕНИЯ)

1. Общая характеристика

Изучение сращений представлений несомненный интерес. Оно вскрывает закономерности взаимодействия лексической и грамматической систем языка. Оно может способствовать также выяснению его потенциальных возможностей в создании моделей словосложения, позволяя проследить их зарождение и формирование.

Образование сращений в каждом конкретном языке обусловлено всем ходом развития его грамматической, лексической и фонетической систем. При этом имеют весьма существенное значение такие факторы, как структура синтаксической группы, система ударения, самостоятельное флектирование первого члена словосочетания и пр. Закономерности в образовании сращений вытекают из связи различных частей всей системы в целом, ибо «взаимосвязь и взаимообусловленность – это наиболее общая и главная черта закономерности и закона».¹⁶⁹

Чтобы подтвердить конкретными языковыми данными это общее положение, разберем один пример из области сравнительного анализа фактов французского и испанского языков.

Во французском языке распространено образование сложных слов путем сращения словосочетаний, состоящих из двух существительных, соединенных между собою предлогами, напр., arc—en—ciel, gendarme, chef—d'oeuvre и пр. Такой процесс основывается на общей тенденции французского языка к фонетическому слиянию словосочетаний (ср. систему так наз. *liaison*). Эта тенденция языка проявляется также в видоизменении звукового состава предлогов, тесно сливающихся с существительным.

В родственном французскому испанском языке, напротив, граница слова, в частности предлога, определена как в речи, так и на письме. Почти все контракции предлогов с местоимениями и артиклями (*della* < *de ella*, *deste* < *de este* и пр.) исчезли уже в XVIII в. Предлог в современном языке редко подвергается редукации, вос—принимаясь как показатель границы слова. В связи с этим сращение синтаксических групп, члены которых соединены предлогом, встречается в испанском языке лишь как исключение. Предлог в ходе употребления сращения из него выпадает. *Saltaembanco* и *saltembancos* редуцируется до *saltabanco*. Все прочие сложения с глаголом *saltar* беспредложны: *saltaprados*, *saltamontes*, *saltagatos*, etc. Интересно отметить, что даже формирование моделей словосложения на базе синтаксических сочетаний, в состав которых входит предлог, протекает через выпадение последнего, ср., напр., *bosacalle* на базе *boca de la calle*, ср. также: *telaraña*, *estrellamar*, *maestroescuela* и др.

В современном испанском языке имеется всего несколько сращений существительных, соединенных между собою предлогом. Ср. *el trampantojo* 'обман, заблуждение', возникшее из словосочетания *la trampa ante ojo*; *el hidalgo* 'дворянин; идальго'. Предполагается, что слово образовалось на базе сочетания *hijo de algo*. В настоящий момент, правда, Американо Кастро поставил под сомнение такую трактовку этого существительного, предложив

---

¹⁶⁹ [Виноградов 1952: 6].

свою версию.¹⁷⁰ Однако понимание *hidalgo* как сращения группы *hijo de algo* в течение долгого времени было общепринятым. Существовала даже форма мн. числа *hijosdalgo*. Такое понимание этого слова характерно также для всех испанских классиков. Напр., Кеведо, в стиле которого большое место отводится игре слов, называет себя *hijo de algo, señor de nada* [Quevedo, Obras 1924: 121].

Видимо, по аналогии с *hidalgo*, осмысленным как *hijo de algo*, возникли еще два сложных образования: *hiderputa, hiderperra*, неупотребительные сейчас.

Можно встретить сращение словосочетаний, члены которых соединены между собою предлогами, в топонимике, напр. *Valderro—bres* (Teruel), *Aldealpozo* (Soria), *Valdecaballeros* (Badajoz), *Valdereñas*. Среди существительных, обозначающих растения, также иногда встречаются сращения подобных групп, например *milengama* ('тысячелистник') и образованные уже по аналогии *sieteenrama* и *cinco—enrama*.

Все перечисленные слова не являются неологизмами.

В настоящее время сращений словосочетаний, члены которых соединены между собою предлогами, почти не происходит.

Невозможность образования в испанском языке сращений двух существительных, соединенных предлогом *de*, компенсируется в известной степени функционированием модели словосложения, передающей генитивную связь между компонентами. Имеется в виду словосложение типа *la bocacalle*.

Разобранный пример иллюстрирует зависимость образования сращений от разных сторон языкового единства, в частности от его фонетического и синтаксического строя. Оказывается, что даже в таких близкородственных языках, как французский и испанский, действуют различные закономерности в образовании сращений, что в первую очередь обусловлено спецификой развития фонетической и синтаксической систем каждого из них.

Давая общую характеристику сложных слов этого способа образования в испанском языке, следует бегло указать на сращения имен собственных в связи с превращением их в нарицательные. Сюда относится такое образование, как *pedrojiménez*, обозначающее определенный сорт винограда, а также вина. Еще не так давно это слово оформлялось как имя собственное, см. [Cádiz 114]. Сюда же принадлежит такое слово, как *Maricastaña*, употребляемое обычно в выражении *en tiempos de Maricastaña* – соответствующем русскому «во времена царя Гороха». К сращению имен собственных относится *Perogrullo* (от *Pedro Grullo*), встречающееся в сочетании *la verdad de Perogrullo* 'прописная истина'. Имеется также производное от него *perogrullada* в том же значении. *Perogrullo* взято из пословицы: *La verdad de Perogrullo que a la mano cerrada llamaba puño* 'Правда Пе—рогрульо, который называл кулаком сжатую руку'. К сращению имен собственных принадлежит также *Jesucristo* (из *Jesus Cristo*). Слиянию компонентов в данном случае способствовало их употребление в восклицаниях с определенной эмоциональной окраской. Можно указать также на такое существительное, как *santabárbara*, означающее пороховую камеру на кораблях.

Ряд сращений имен собственных служит названиями растений, например *dondiego* 'чудоцвет'.

Видимую близость к словам этой группы обнаруживают такие существительные, как *marisabidilla* 'синий чулок, ученая женщина', *marimacho* 'мужеподобная женщина', менее употребительное *marimanta* 'Баба—Яга, бука', и некоторые другие. Имя *María* выступает внутри этих сложных слов как нарицательное имя со значением 'женщина'.

Одновременно со сращением имен собственных, превращающихся в нарицательные, происходит сращение синтаксических групп в результате их частичной или полной десемантизации. Прежде всего этот процесс затрагивает топонимику. Наряду с десемантизацией

¹⁷⁰ См. [Castro 1950: 47–53].

процесс образования сращений в топонимике определяется и другими обстоятельствами, активизирующими его. В. Г. де Диего считает, что быстрота образования сращений в топонимике, а также возможность колебаний между цельно—и раздельнооформленностью одинаковых названий являются результатом того, что топонимика не регулируется нормативной грамматикой, устанавливающей границы слов.¹⁷¹ В этом, безусловно, есть доля истины. Другим фактором, активизирующим процесс образования сращений, является то обстоятельство, что географические наименования, обозначая единичное, лишь очень редко употребляются во множественном числе. Поэтому составному названию, члены которого находятся между собою в отношениях согласования, как это обычно бывает, не приходится преодолевать раздельное флектирование компонентов.

Среди названий населенных пунктов на территории Испании образование сращений распространено исключительно широко. Можно смело сказать, что число сращений географических наименований страны, во—первых, охватывает подавляющее большинство двусоставных названий, во—вторых, далеко превосходит число сращений фразеологических единиц в словарном составе испанского языка. Не имея полного списка топонимики Испании, мы пользовались довольно детальными данными атласа Бартоломью,¹⁷² который отмечает более 150 сложных наименований населенных пунктов Испании. Сопоставление цельнооформленных названий с раздельно—оформленными, отмеченными этим же атласом, подтверждает высокую активность образования сращений.

Среди сложных географических названий можно выделить все основные морфологические типы сращений, характерные для испанского языка:

1) сращение существительного и согласованного определения, выраженного прилагательным, причастием или числительным: Vil—laluenga (Toledo), Pradoluengo (Burgos), Villajoyosa (Alicante), Mucha—miel (Alicante), Montellano (Sevilla), Puertollano (Ciudad Real), Cinco—torres (Castellón), Casabermeja (Málaga), Vistabella (Castellón), Cam—porredondo (Palencia), etc.;

2) сращение аппозитивного сочетания двух существительных, причем вторым из них может быть имя собственное: Villagarcía (Badajoz), Villagonzalo (Badajoz), Torredonjimeno (Jaén), Villaciervos (Soria), Torreperogil (Jaén), Fuentidueña (Segovia), Villacañas (Toledo), etc.;

3) сращение двух существительных, соединенных между собой предлогом: Valdefuentes (Extremadura), Tordehumos (Castilla la Vieja).

Сращение определительных словосочетаний в топонимике дало целую серию названий, начинающихся словом villa 'город'. Например, Villanueva, Villavieja, Villafranca, Villaviciosa, Villahermosa, Villa—luenga, Villarreal, Villablanca, Villagonzalo, etc.

Villa стало в испанской топонимике словоэлементом, при помощи которого образуются названия мелких населенных пунктов. Аналогичное явление можно наблюдать и во многих других языках, ср. русск. *град*, *город*, нем. Burg, англ. chester (от лат. castra), ton (от town), фр. ville и пр.

Большинство приведенных элементов стало в соответствующих языках словообразующими морфемами. В испанском языке слово—элемент villa получил сравнительно меньшее распространение, фактически не превратившись в продуктивный формант.

Среди топонимики латиноамериканских стран процесс образования сращений менее интенсивен.¹⁷³ Например, из пяти двучленных названий населенных пунктов, начинающихся словом agua(s), лишь два имеют слитную форму: Aguadulce (Панама) и Aguascalientes (Мек-

¹⁷¹ [de Diego 1951c: 164–165].

¹⁷² [Bartholomew 1947: 49–52].

¹⁷³ См.: Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Латинской Америки. М., 1950.

сика). Даже составные наименования, включающие элемент *villa*, часто имеют раздельное оформление: ср. *Villa Alta* (Мексика), *Villa Alba* и *Villa Adela* (Аргентина) и др.

Нередко совершенно одинаковое название в одной стране является слитным, в другой – двучленным. Например, *Alta Gracia* в Аргентине и *Altagracia* в Венесуэле; *Pueblo Viejo* в Мексике и *Puebloviejo* в Колумбии и пр.

Таким образом, сращение географических наименований происходит в целом быстрее, чем сращение фразеологических единиц, к вопросу о которых мы сейчас переходим.

По типу синтаксической категории, лежащему в основе сращений, последние делятся на две группы: 1) сращение предложений и 2) сращение словосочетаний.

Следует подчеркнуть, что словообразовательный процесс в первом и во втором случае не совсем одинаков. Сращение словосочетаний не осложняется субстантивацией, так как их ядерным элементом является существительное. Сращение предложений необходимо сопровождается их субстантивацией.

2. Сращение предложений

Условия образования сложных существительных путем сращения предложений следует искать в грамматической системе испанского языка. Наличие в нем артикля, как формального показателя предметности, дает возможность легко субстантивировать другие части речи (ср. *el porqué, el pero, el no, el sí* и др.), отдельные глагольные формы, т. е. односоставное предложение (ср. *el vendí, el pagaré, el mentís, el acabóse*) инфинитивные обороты (*en un cerrar y abrir de ojos* 'в мгновение ока' и пр.) и, наконец, целые придаточные предложения (ср. *Será una gran satisfacción para nosotros el que Vd. venga* 'Нам доставит большое удовольствие ваш приход'). Способность испанского языка к субстантивации других частей речи без использования суффиксов, связанная с функционированием артикля, является одним из условий возникновения в нем существительных на базе сращения предложений.

В русском языке, в котором отсутствует артикль, как правило, происходит только сращение глагольных групп без субстантивации (напр., *благодарить, заблагодарассудиться*). Если на базе предложения формируется существительное, оно обычно получает суффикс—*ка*, ср. *незабудка, всезнайка, немогузнайка, судомойка* и др.

Другим условием образования в испанском языке сложных существительных путем сращения предложений является отсутствие в нем склонения этой части речи. Для субстантивации оказывается достаточным замораживание определенной формы глагола или целого предложения, которые не нужно включать в парадигму склонения. Сложные существительные этого способа образования с трудом начинают принимать даже флексию множественного числа, а многие вообще не флектируют.¹⁷⁴

Следовательно, условия для образования в испанском языке сложных существительных путем сращения предложений создаются главным образом благодаря особенностям его грамматического строя, в частности его способности легко субстантивировать при помощи артикля, а также отсутствию в нем склонения существительных.

Этот тип субстантивации предложений имеет в испанском языке лексическое значение. От субстантивации придаточных предложений в синтаксических целях он отличается прежде всего тем, что в первом случае субстантивируется предложение вместе с союзом, а во втором — нет. Например: *No podía yo mirar el que se infamase mi doctrina*. Субстантивированная группа вводится так называемым *que anunciativo*, причем глагол ставится в сослагательном наклонении.

Оно также может включать и другие союзы, например, *El si le gusta hacerlo no me importa*. Напротив, когда происходит образование сложного слова путем субстантивации предложения, артикль ставится непосредственно перед ним, например, *el métome—en—todo, el hazmergér*.

Таким образом, в испанском языке субстантивация предложений в лексических и синтаксических целях формально дифференцирована. Однако лексические сращения более четырех слогов не объединяются единым ударением.

Наиболее частым случаем синтаксического словообразования этого типа является сращение императивных предложений. На основе подобных сращений в испанском языке, как известно, сформировался наиболее продуктивный тип словосложения.¹⁷⁵ Однако не представляется возможным включить субстантивированные императивные предложения в один класс со сложными существительными типа *el guardabosque*. Во—первых, сложные слова, возникшие по продуктивному образцу, обладают унифицированной двучленной структурой,

¹⁷⁴ См. об этом: [Gramática 1931: 150].

¹⁷⁵ О нем см. главу «Сложные существительные синтаксико—морфологического способа образования».

отличающей их от субстантивированных предложений. Во—вторых, в сложных существительных типа *el guardabosque* никогда не бывает неправильных форм императива. Первый компонент фактически выступает в них как основа глагола, в то время как в сложных словах, возникших непосредственно путем субстантивации предложений, неправильный императив встречается очень часто.

Внутренняя форма большинства сложных существительных этого типа содержит образную характеристику лица, предмета или понятия. На этом основании можно предположить, что среди существительных типа *el guardabosque* также первичным было образное, а не функциональное (как например, в *el sacacorchos* 'пробочник') значение внутренней формы.

Приведем примеры сложных слов, образованных путем субстантивации и сращения императивных предложений, внутренняя форма которых дает образную характеристику лица. *Correvedile* или *correveidile* 'сплетник', букв. 'беги, иди (и) скажи ему'. Это существительное является классическим примером того, как сложное слово, состоящее из пяти слогов, образовано путем сращения пяти самостоятельных слов *corre—ve—i—di—le*; *el hazmerreír* 'посмешище, шут', букв. 'рассмеши меня' или, точнее, 'заставь меня смеяться', ср. *Sería el hazmerreír de sus adversarios* (Larra, 43); *mírame—y—no—me—toques* 'недотрога', букв. 'смотри на меня, но не тронь меня', и немногие другие.

Сюда же может быть отнесено еще одно существительное, в котором глагол стоит, правда, не в императиве, а в сослагательном наклонении, семантически близком в данном случае к императиву. Имеется в виду *Viva—la—Virgen*, букв. 'да здравствует Пречистая Дева'. Ф. Кабальеро, так разъясняет его значение: '*Ser un Viva—la—Virgen* equivale a ser un bobolicon que no entiende ni sirve para nada' (*Cuadros*, 166) «Быть „*Viva—la—Virgen*“ значит быть дурачком, ничего не понимающим и ни на что не годным». В современном разговорном языке это выражение употребляется для характеристики легкомысленного, беззаботного человека.

Среди сложных существительных, внутренняя форма которых дает образную характеристику предмета или понятия, наибольший интерес представляют следующие: *tentempié* 'закуска', букв. 'держись на ногах'; *tentemozo* 'подпорка, опора', букв. 'держись, парень'; *matalascallando* 'интриган, хитрец', букв. 'убей их втихомолку', *siguemepollo* (устар.) 'лента, которую женщины носили как украшение сзади, на спине', букв. «следуй за мною, юноша'. Можно предположить, что это была калька с французского *suivez—moi, jeune homme*; *tenteenaire* сложная форма расового скрещивания, букв. 'держись в воздухе'; *quitame—allá—esas—pajas*, 'пустяки, мелочи', букв. 'скинь с меня эти соломинки'. Например: *Y siempre será por un quitame—allá—esas—pajas, por que estarás regañada con Tiburcio* (Alva—reda, 182) 'И всегда ты будешь из—за пустяков ссориться с Тибурцио'. Ср. также у А. Труэба: *Mi obligación es no consentir que estéis siempre como el perro y el gato por un quitame—allá—esas—pajas* (Trueba, 52) 'Моя обязанность не допустить, чтобы вы жили как кошка с собакой, вечно ссорясь из—за мелочей'. Благодаря ясности своей внутренней формы это сложное образование может также получить иное истолкование. Например, у Сервантеса встречается следующий случай его употребления: *Decía le... Don Quijote... que tal vez le podía suceder aventura que ganase, en quitame allá esas pajas, una insula* (Cervantes, 45). *Quieres que salga por ahí con una espada y en un quitame—allá—estas—pajas haga picadilla a toda la tropa...* (Perfecta, 184) 'Хочешь, чтобы я отправился со шпагой в руке и в один момент искрошил все войско.... *Quitame—allá—estas—pajas* имеет в данном случае значение 'мгновение ока'. В цитированной уже повести А. Труэбы встречается еще один случай употребления этого соединения, в котором оно имеет иной семантический оттенок: *Viendo el Diablo que Adán y Eva no tenían un quitame—allá—esas—pajas... dijo para sí: Las tabernas y las modas sabe Dios cuando se inventarán...* (Trueba, 77) 'Видя, что Адаму и Еве не из—за чего ссориться. дьявол

сказал себе: Бог знает, когда еще изобретут кабаки и моды'. *Quítame—allá—estas—pajas* в приведен—ном отрывке означает 'повод для ссоры'. Такое употребление данного образования не противоречит значению 'пустяки', 'мелочи'.

Алкала Самора—и—Торрес¹⁷⁶ приводит следующие любопытные примеры сложных слов этого способа образования: *tentemientrascobro*. По его словам, народ употребляет это слово, говоря о наспех и недобросовестно сделанной вещи, которая вот—вот развалится, букв. 'держись, пока я получу деньги'; ср. также *salsipuedes*, букв. 'выйди, если можешь', означает 'затруднительное положение'.

Приведенных примеров достаточно, чтобы убедиться в выразительности образа, заключенного в этих сложных словах. Это свидетельствует о том, что подобные образования практически не подвергаются опрощению, так как самостоятельная ценность внутренней формы этих слов превалирует над их лексическим значением.

Следует подчеркнуть, что обычно сложные образования этого типа принадлежат разговорной, фамильярной речи, придавая ей живость и экспрессивность.

Переходя к описанию срощений, содержащих глагол в индикативе, естественно упомянуть о сложном образовании, приближающемся к слову, в котором участвует одно субстантивированное предложение с глаголом в императиве, а другое – с глаголом в изъявительном наклонении. Имеется в виду сочетание *dimes y diretes* 'спор, перебранка, обмен репликами'. Первый элемент этого образования является срощением субстантивированного повелительного предложения (*dime(s)*, букв. 'скажи мне'), второй элемент является срощением и субстантивацией предложения с глаголом в первом лице ед. ч. будущего времени индикатива (*direte(s)*, букв. 'я тебе скажу'). Это устойчивое сочетание возникло из комбинации двух предложений, которые часто повторяются при споре или в ссоре. Составные элементы данного сочетания нельзя оторвать друг от друга. Сами по себе они утратили даже свое буквальное значение, получив оформление по множественному числу существительных. Заметим мимоходом, что это образование всегда употребляется во множественном числе, ср. *Tuve ciertos dimes y diretes con un admini—stradorcillo de la Casa Real* (Brungas, 27) 'У меня возникли кое—какие недоразумения с дворецким'.

В испанском языке имеется также сложное слово, в состав которой входит один глагол в форме повелительного наклонения, а другой – в индикативе. Это название детской игрушки – *correverás* или *corríverás*, букв. 'беги и увидишь'.

Сложных слов, возникших путем срощения предложений с глаголом в индикативе, в испанском языке немного. Приведем несколько примеров. *Métome—en—todo* 'назойливый человек, который сует свой нос в чужие дела', букв. 'я вмешиваюсь во все'. Глагол в данном случае стоит в первом лице ед. ч. настоящего времени. Местоимение находится в энклитике, что как бы отстраняет срощение от лица говорящего и передает его наблюдателю. Другим примером подобных срощений является существительное *bienteveo* (малоупотр.), означающее 'сторожевая будка на виноградниках', букв. 'хорошо тебя я вижу'.¹⁷⁷ Глагол в этом слове также стоит в первом лице ед. ч. настоящего времени.

Еще одним примером субстантивированного предложения с глаголом в лице ед. ч. настоящего времени может служить *yo—me—lo—sé* (букв. 'Я—то уж все знаю'). Ср., напр., у Ф. Кабальеро: *Que no fué sobre ningún soberbio Yo me lo sé sobre quien fundó el SEÑOR su SANTA IGLESIA* (Alvareda, 186) 'Не надменного всезнайку сделал Господь Бог столпом Святой Церкви'.

¹⁷⁶ См. примечания N. Alcalá Zamora—y—Torres к [Bello, Cuervo 1949: 54].

¹⁷⁷ По—видимому, в Латинской Америке это слово обозначает также породу птиц. В романе «Темная река» А. Варела переводит местное, индейское название птицы (*pito—gué*) существительным *bienteveo*. В Аргентине и Уругвае *bienteveo* и *benteveo* употребляются в значении 'негодяй, пройдоха' см. Словарь латиноамериканизмов (Лат. Ам., 2004).

Более употребительно, однако, в этом значении другое существительное, а именно *sábelotodo*. Ср., напр.: *Ya verá Vd. como los paletos somos mejores escritores que los madrileños a pesar de que ustedes se tienen por unos Sábelotodo* (Trueba, 259) 'Вот увидите, что мы, деревенские парни, лучше умеем писать, чем вы, столичные, хотя вы и считаете себя всезнайками'. Ср. также у Ф. Кабальеро: *¿Y lo había de creer porque tú lo dijese? Tienes patente de infallible o diploma de sábelo—todo?* (Cuadros, 290) 'И я должен был поверить потому только, что это сказал ты? Может быть, тебе выдали патент на непогрешимость или диплом всезнайки?'. Вот еще пример:

– *¿A qué esa pretension a misterio, si yo lo sé?* – dijo Genaro sin dejar de escribir.

– *¿Que tú lo sabes?* – exclamó Marcial. – *Hasta ahí podían llegar tus pretensiones a sábelo—todo* (Cuadros 237)

'– К чему эта таинственность, если я все равно все знаю? – сказал Хенаро, не переставая писать. – Ты это знаешь? – воскликнул Марциал. – Далеко же зашли твои притязания на всезнайку'.

Выказывает некоторую тенденцию к превращению в имя такое образование, как *no sé qué*, букв. 'я не знаю что', употребляемое часто для обозначения чего—то неуловимого, такого, чему трудно дать определение. Ср. например:

– Genaro, – dijo Fabián, – tiene mérito, talento, saber y gracia; es picante y sobre todo tiene *el no sé qué* que define Balzac así: un compuesto de talento, buen gusto y deseo de agradar.

– *Su no sé qué, bien sé lo que es*, son sus tretas (Alvareda, 291).

'– У Хенара, – сказал Фабиан, – есть несомненные достоинства, он талантлив, много знает, любезен, остроумен, но главное, у него есть что—то такое, что Бальзак определяет как соединение таланта, хорошего вкуса и желания быть приятным.

– Я прекрасно понимаю твое «сам не знаю что»: это его хитрости'.

Существительное *bienmesabe* означает 'сладкое блюдо'. В Колумбии этим словом называют также дерево, дающее съедобные плоды.¹⁷⁸ Глагольный элемент оформлен как третье лицо ед. ч. настоящего времени. Так же оформлен глагол в слове *maltrabaja* 'лентяй', букв. 'он плохо работает'.

К этой же группе можно отнести такое существительное, как *pésamedello* – название старинной испанской песни и танца. Оно образовалось путем сращения начальных слов, получивших назывную функцию, как это нередко случается в испанском языке (ср. *padrenuestro*, *Ave—María*).

В существительном *oíslo* (устар.) 'любимец, любимая жена' глагол оформлен как 2—е лицо мн. ч. настоящего времени (букв. 'вы слышите это').

К этой группе сращений можно отнести также существительное *el pésame* 'сочувствие', букв. 'мне жаль, мне тяжело'. Сложное существительное возникло из слов, которые обычно произносятся при выражении соболезнования. Точно так же образовалось и другое сходное с ним, но менее употребительное слово *el pláceme* 'поздравление'. *Pláceme del buen suceso* – этими словами в старину желали счастья и поздравляли друг друга.

По своему способу образования приближаются к сращениям предложений еще два слова: *la enhorabuena* 'поздравление', букв. 'в добрый час', и менее употребительное *la enhoramala* 'несчастье', букв. 'в недобрый час'. Эти существительные также образовались путем сращения слов, произносившихся в соответствующих случаях. Хотя в состав данных существительных не входит глагольный элемент, их все же следует включить именно в эту группу, поскольку они являются сращениями высказываний. По условиям своего образования, как уже говорилось, они тесно смыкаются с такими существительными, как *el pésame* и *el pláceme*. В описываемую группу сращений можно зачислить также существительное *el*

¹⁷⁸ См. [Malaret 1942: 187].

vaivén 'колебание', образованное путем субстантивации глаголов *va* и *viene* 'идет и приходит'. Это последнее сложное слово находится в процессе опрощения, о чем прежде всего свидетельствует изменение его звукового состава.

Вот в основном те немногочисленные сложные слова, которые образованы в испанском языке путем субстантивации и сращения предложений. Приведенный материал говорит об исключительном морфологическом разнообразии существительных, составляющих данную группу, в которой не удастся выделить по структурному признаку никаких закономерных рядов.

Наблюдения выявляют, что часто условия образования сращений предложений создаются благодаря использованию в назывной функции начальных слов какого—либо текста или общепринятой реплики, употребляемой в диалоге (ср. рус. *спасибо*).

У существительных, образованных путем субстантивации предложений, разумеется, не происходит отдельного флектирования компонентов. Не происходит также никаких изменений в их структуре. Так, например, *métome—en—todo* всегда сохраняет форму глагола первого лица ед. ч., независимо от того, какое лицо оно обозначает в речи. Ср. *¿Estás, métome—en—todo?* (Alvareda, 242) 'Понимаешь, ты любопытный?'. *Métome—en—todo* здесь отнесено ко второму лицу, но глагол остается в первом лице ед. ч.

Существительные этого типа не принимают флексии множественного числа, которое выражается только формой артикля. Они не достигают, следовательно, полной грамматической цельноформ—ленности. Ср., например: *Era el caso que su cuñada Mariá Josefa, que pertenecía a la gran falange de los Métome—en—todo, a la no menos numerosa de los Yo—me—lo—sé, y al gremio de consejeros intrusos, había asegurado a Estefania que Ana y Gabriel se querían* (Cuadros, 163) 'Дело в том, что свояченица Стефании Мария Хозефа, принадлежавшая к многочисленной армии во все сующих свой нос людей, к не менее многочисленному разряду всезнаек, а также к объединению непрошенных советчиков, убедила ее, что Анна и Габриэль любят друг друга'.

Однако постепенно образования этого типа начинают приобретать флексию множественного числа, переставая отличаться в этом отношении от других существительных. Например, мн. число существительного *el vaivén* – *los vaivenes*; ср. *vaivenes de desgracia y fortuna* (Cádiz, 57); *el pésame, el pláceme, la enhorabuena* также образуют мн. число с помощью окончания – *s*. Ср. *Alonso a quien todos daban plácemes y enhorabuenas por aquel triunfo estallaba de vanidad y de gozo* (Trueba, Narraciones, 178) 'Аложо, которого все поздравляли с успехом, лопался от радости и самодовольства'.

Встречается в современном языке и форма «*correveidiles*», хотя испанская Академическая грамматика продолжает отмечать это существительное как не имеющее морфологической формы множественного числа.¹⁷⁹

¹⁷⁹ См. [Gramática 1931: 150].

3. Сращение определительных словосочетаний

Более обширный класс составляют сложные слова, образованные на базе определительных словосочетаний. Однако в противоположность сращению предложений, структурных вариантов здесь не так много. Это обусловлено тем, что в современном языке не образуется сращений словосочетаний, состоящих из существительного с определением, выраженным предложной группой. Может происходить лишь слияние аппозиционных словосочетаний, в которых определением является существительное, и сращение словосочетаний, в которых определение выражено прилагательным, числительным или причастием. По структурному признаку этот последний класс подразделяется еще на две группы, в зависимости от места определяемого по отношению к определению.

Следует отметить, что именные словосочетания, имеющие образное значение, срастаются, могут получать как эндо-, так и экзоцентрическое значение; ср. *la mala leche* букв. 'плохое молоко' может относиться к свойству человека, его недоброжелательности, злонамеренности, но может также обозначать самого человека ('злюка, злыдень'); *la mala cara* может употребляться в значении 'белая морда (у лошади) и 'лошадь с белой мордой'.

Все сращения определительных словосочетаний, можно свести к следующим типам:

Определение на первом месте.

1. Прилагательное + существительное:

la vanagloria 'тщеславие'; *la buenaventura* 'счастье, удача'; *la malaventura* 'несчастье'; *la medianoche* 'полночь'; *el mediodía* 'полдень'; *la mediacaña* 'желоб'; *el mediopañо* 'полусукно'; *el mediomundo* 'вид рыбацкой сети'; *la altavoz* 'громкоговоритель'; *el librepensamiento* 'свободомыслие'; *el librecambio* 'свободная торговля'; *la buenastardes* 'чудоцвет' (Куба, Кол.); *la malagana* 'медлительность, недомогание'; *la malaleche* 'недоброжелательность', также 'недоброжелательный человек'.

Слово *la buenastardes* дает несколько иной структурный вариант сращений, так как оба его компонента оформлены по множественному числу, хотя все существительное стоит в единственном числе.

Оно опирается на формулу приветствия: *buenas tardes* 'добрый день'. 'добрый вечер'.

2. Числительное + существительное:

el cienpiés или *cientopiés* 'сороконожка'; *la milhojas* 'слойка'; *el sietesangrías* 'василек' (разновидность); *milpiés* 'многоножка'; *el trespiés* 'треножник, таган'; *el sietecueros* (Лат. Ам.) 'волдырь на пятке', 'нарыв на пальце'; *el milhombres* (фам.) (Лат. Ам.) – прозвище, которое дается маленькому, но шумному человеку, также 'никчемный человек'; *el sietecolores* 'птичка «семицветка», 'райская татагра' (Чили); *el sietevenas* (Чили) 'подорожник'.

Все существительные этой группы оформлены окончанием множественного числа.

3. Наречие + инфинитив, прилагательное или причастие:

el bienestar 'благополучие'; *el malestar* 'недомогание, нездоровье', а также 'нищета'; *la siempreviva* 'бессмертник'; *bienmandado* 'покорный, подчиняющийся чужой воле'.

В этот класс не включены сложные слова, состоящие из наречия и существительного, поскольку фактически они являются производными от глагольных сращений. Этим и объясняется, что существительное в их составе определяется наречием, а не прилагательным. Например, *menosprecio* является производным от глагола *menospreciar*, *maltrato* – от *maltratar*, *bienvenida* от причастия *bienvenido*, *menoscabo* от *menoscabar* и пр. Однако многие причастия, включающие в свой состав наречия, соотносятся не со сложным глаголом, а со словосочетанием. Ср. *hablar bien* – *bienhablado*, *aconsejar mal* – *malaconsejado*, *malacostumbrar* – *malacostumbrado*

Здесь можно упомянуть, что в испанской деривации очень популярно образование сложных слов, преимущественно определительного типа, с участием оценочных наречий *bien* и *mal*, а также, хотя и в меньшей степени, прилагательных *buen*—*o* и *mal*—*o*, причем преимущество неуклонно отдается отрицательной оценке, выражающей отклонение от нормы. Достаточно сказать, что наречие *mal*, по данным Академического словаря 1956 г., входит в состав почти 100 дериватов, тогда как с наречием *bien* зарегистрировано немногим больше 20 производных.

Наречия *bien* и *mal* приближаются по своему употреблению к префиксам, но не лишены некоторого своеобразия. Так, многие дериваты имеют в качестве производящей основы словосочетание; ср. *andar bien* > *bienandanza*, *bienandante*, *andar mal* > *malandanza*, *malandante*, *hacer mal* > *malhecho*, *malhechor*. Существует также серия оценочных глаголов: *maltratar*, *malvender*, *malanocharse*, *maltraer*, *malvivir*, etc. Однако их меньше, причем многие из них помечены как латиноамериканизмы. Это позволяет допустить, что наречие присоединялось сначала к отглагольным дериватам, а от них переходило к глаголу. В то же время значение производных не всегда соотносится с семантикой глагольного сочетания. Так, *sufrir mal* подразумевает глубокое страдание, а *malsufrido* характеризует того, кто мало страдал. Иначе говоря, лексическое гнездо как бы распадается, и его составляющие создаются независимо друг от друга. Действительно, оценочное наречие охотнее присоединяется к причастиям, чем к соответствующим им глаголам и глагольным сочетаниям. Приведенный пример свидетельствует об известной автономности словообразовательных процессов, их независимости от структуры деривативных гнезд.

II. Определение на втором месте.

I. Существительное + прилагательное:

el tíovivo 'карусель'; *el aguardiente* 'водка'; *la nochebuena* 'рождественский сочельник'; *el camposanto* 'кладбище'; *el sabihondo* 'всезнайка' (от *el sabio hondo*); *la aguamarina* 'аквамарин'; *la aguaverde* 'зеленая медуза'; *el, la sañahuca* 'болтун(ья)'; *el mundonuevo* 'раек, панорама'; *la cintagorda* – вид рыболовной сети; *el avenegra* 'спекулянт, мошенник'.¹⁸⁰

II. Существительное + причастие.

el rabopelado 'саригуэя' (сумчатое животное); *el panperdido* 'лентяй'.¹⁸¹

Между компонентами всех сращений этой группы сохраняется формальное выражение согласования в роде. Видимое исключение составляет лишь *el nochebueno* 'новогодний пирог'. На самом деле это существительное является производным от *la nochebuena* 'сочельник'. Конечное—*o* представляет собою неударный суффикс для образования существительных. Это подтверждается также данными испанского Академического словаря изд. 1726–1739 гг., в котором *la noche buena* отмечено еще как устойчивое словосочетание и имеет раздельное написание, в то время как *el nochebueno* уже обладает слитной формой.¹⁸² Это свидетельствует о том, что *el nochebueno* является суффиксальным производным от сочетания *la noche buena*, которое суффикс—*o* стягивает в одно целое.

Обычно же сложные существительные этого типа сохраняют родовую характеристику своего основного (т. е. именного) компонента, напр., *la aguaverde*, *la aguamarina*, *el mundonuevo* и др. Следует, однако, отметить изменение рода в таком сложном слове, как «*el*

¹⁸⁰ Это существительное встречается на страницах латиноамериканской прессы. Ср. *A la salida no más del Mercado estaban los ave—negras que sabían que les rechazaban la papa y se la compraban por nada* 'У выхода с рынка поджидали перекупщики, которые знали, что картофель не принимают, и скупали его за бесценок' («Justicia»).

¹⁸¹ Объясняя значение этого слова, Ф. Кабальеро пишет: *Llámase panper—dido en Andalucía al holgazán que no trabaja como si dijera que es perdido el pan que come* (Cuadros, 152) 'В Андалузии называют *panperdido* лентяя, не желающего работать, как бы говоря этим, что даром пропадает хлеб, который он ест'. *Panperdido* букв. 'потерянный хлеб'. В Академическом словаре (1956 г.) сказано, что этим словом характеризуется бродяга, бросивший свой дом.

¹⁸² [Diccionario RAE, IV: 673–674].

aguardiente, m.» сравнительно с родом его именного компонента (el agua, f.). В этом могло сыграть роль употребление слова el agua, начинающегося с ударного *a*, с артиклем мужского рода, а возможно также и то, что el aguardiente не ощущается более как композит, ядром которого является существительное женского рода agua. Ср., например, такое его употребление: Pues si el aguardiente aguado refresca (Trueba, 47) 'Но ведь разбавленная водой водка освежает'.

Особую группу сращений атрибутивных словосочетаний с определением на втором месте составляют сложные слова, возникшие на основе аппозиционных словосочетаний и состоящие, следовательно, из двух существительных. Образование сложного слова следует считать лишь с момента, когда оба члена словосочетания объединяются слитным написанием и получают грамматическую цельно—оформленность, выражающуюся во флектировании только второго компонента. Например: el varapalo – los varapalos, la chochaperdiz – las chochaperdices.

Род сложных слов этого типа обычно определяется их вторым компонентом, например, el varapalo 'жердь, шест, удар палкой, побои', el calvatrueno 'лысая голова, сумасброд'.

Интересно отметить, что слово el marimacho принадлежит к мужскому роду, означая лицо женского пола – мужеподобную женщину.

Можно привести следующие примеры сложных существительных, принадлежащих к этой группе: la chochaperdiz 'бекас'; el pezpalo или el pejepalo 'копченая треска'; el puercoespín 'дикобраз'; la casatienda 'лавка с жильем'; la casapuerta 'сени, крыльцо'. Сюда же относятся некоторые названия морских рыб, такие как pejesapo 'рыба—удильщик', pejegallo, rajarrey 'атеринка', rejemuller 'морская корова' и др., которые обнаруживают тенденцию к разложению и замене составными названиями типа pez mujer, pez gato и др.

Следует бегло остановиться на решении проблемы сложных слов аппозиционного типа в романистике. Прежде всего, необходимо указать, что большинство лингвистов—романистов неправомерно расширяли класс сложных существительных этого способа образования, относя к ним фразеологические единицы и свободные словосочетания аппозиционного типа.¹⁸³ Дармстетер включает в эту группу сложных слов также имена собственные и некоторые титулы (Richard Coeur—de—Lion; Sa Majesté le roi).¹⁸⁴ Дармстетер относил сложные существительные, образованные на базе аппозиционных групп, к так называемому эллиптическому словосложению, а не к сращениям (juxtaposition). Свою точку зрения он мотивирует тем, что аппозиция, по его мнению, передает нечто большее, чем простая юкста—позиция, так как она подвергает адъективации существительное. Дармстетер полагает, что можно легко субстантивировать прилагательное, но сблизить две субстанции и заставить одну выступать как атрибут другой, оставив тем самым лишь ее признаки, является процессом менее естественным для ума. Поэтому, по Дармстетеру, аппозиция не может анализироваться иначе как через подразумевание (par un sous—entendu), и только работой мысли, часто бессознательно дополняющей фразу, можно отдать себе отчет в значении подобного образования.¹⁸⁵

Остается неясным также, почему Дармстетеру представляется «менее естественным для ума» отвлечение качества от субстанции, чем соединение отвлеченного качества с субстанцией. В исторической последовательности своего возникновения первое, очевидно, все же предшествовало второму, так как для того чтобы субстантивировать качество, надо прежде получить последнее путем отвлечения его от его носителя – материи.

¹⁸³ См., например [Nyrop 1936: 275].

¹⁸⁴ [Darmesteter 1875a: 122].

¹⁸⁵ [Ibid.].

Наблюдение над семантикой сращений в испанском языке показывает, что в подавляющем большинстве случаев происходит слияние фразеологических единиц. Из этого следует, что сложные слова этого типа сочетают идиоматичность с цельюформленностью. Однако степень их идиоматичности не всегда одинакова. Можно считать вполне идиоматичными такие слова, как например, *el tíovivo* 'карусель', букв. 'живой дядя', *el rabopelado* название млекопитающего животного (саригуэя), букв. 'голый хвост', *el mediomundo* – вид рыболовной сети, букв. 'полмира'. Другие сложные слова этого типа менее идиоматичны, но всегда обозначают единое предметное понятие. Например, *el mediodía* 'полдень', букв. 'полдня'. Сложное слово обозначает точку во времени, а соответствующее ему словосочетание – отрезок времени, так же, как и по—русски. То же можно сказать и о *la medianoche* 'полночь'.

Наименьшая степень идиоматичности содержится в таких словах, как *librecambio* и *librepensamiento*. Образование сращений обусловлено в данном случае тем, что они обозначают не просто «свободную мысль» или «свободный обмен», а определенное общественное направление, в первом случае, и определенное экономическое понятие – во втором.

Анализ семантики сращений определительных групп показывает, что большую часть среди них (около одной трети) составляют названия растений и животных. Эти слова не являются научными терминами, у которых двучленный состав часто отражает научную классификацию соответствующих предметов или явлений. Сложные слова этого типа являются образными названиями растений и животных, употребляемыми в быту.

Выше, в связи с вопросом о сращении географических названий, говорилось, что развитие словом назывной функции может вести к его частичной десемантизации. Последнее обстоятельство ускоряет наступление сращения. Это относится в некоторой степени и к названиям растений и животных. Не будучи научными терминами, эти слова по своей семантической сущности тяготеют к развитию терминологической функции. Проиллюстрируем этот вывод одним примером. Любопытно сравнить сложное слово *la hierbabuena* (букв. 'хорошая трава'), означающее 'разновидность мяты', и устойчивое словосочетание *la hierba mala* (букв. 'плохая трава') 'сорняк'. Оба соединения идиоматически насыщены, обладают одинаковой структурой и сходным лексическим и фонетическим составом. Однако тогда, когда сочетание означает определенный сорт травы, оно сливается в одно слово; не имея же этого значения, оно остается раздельноформленным.

Таким образом, определительное словосочетание, будучи использовано для обозначения различных видов растений и животных, переживает семантический сдвиг, идиоматизируясь. Одновременно в них начинает развиваться терминологическая (номинативная) функция, ускоряющая процесс образования сращения.

На основании вышеизложенного представляется возможным сделать следующий вывод.

Сращение словосочетаний всегда связывается с затемнением значений их компонентов, которое может вызываться двумя, по существу однородными, причинами: а) десемантизацией словосочетаний, б) идиоматизацией словосочетаний.

Десемантизация словосочетания скорее ведет к образованию сращения, чем простая его идиоматизация. Этим объясняется сравнительная распространенность данного явления в топонимике, а также среди названий растений и животных.

Глава XI

СЛОЖНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ СИНТАКСИКО— МОРФОЛОГИЧЕСКОГО СПОСОБА ОБРАЗОВАНИЯ

I. Сложные существительные типа *el guardabosque*

а. Происхождение и структура

Можно без преувеличения сказать, что сложные существительные с первым глагольным элементом (тип *el guardabosque*) составляют наиболее яркий и интересный раздел в системе всего испанского словообразования.

Этот способ словосложения в той или иной мере характерен для большинства индоевропейских языков. Ср. англ. *pick—pocket, killjoy, kill—devil*, нем. *Kehraus*, фр. *chante—clair, cache—nez, cache—pot, cache—misere*, итал. *asciugamano*, русск. *сорви—голова*, болг. *клюви—дърво*, рум. *pierde—vara*, позднелат. *vade—mecum, fac—simile* и т. п.

Однако в разных группах языков такой тип словосложения получил различный резонанс. Если в германских языках он в целом непродуктивен, если в славянских языках он также мало распространен, так как его вытеснил другой, близкий к нему по семантическому профилю способ словосложения (ср. *ледоход, листопад*), то в романских языках, особенно испанском, образование сложных слов с глаголом в качестве первого элемента получило широкое распространение.

Испанское слово тяжеловесно. Его отягчает скопление суффиксов, инфиксов, префиксов и флексий. Но они не тяготят говорящих. Скорее наоборот: они позволяют манипулировать структурой слов и играть их смыслами. Испанцы хорошо ощущают заложенные в слове возможности творения. Они свободно варьируют состав слова и его отношения с другими словами. Слова для них эластичны. Они позволяют вылепливать все новые и новые смысловые скульптуры:

персональные, имперсональные и групповые. В этом убеждают нас сложные слова «императивного» типа, которые хотя и терпят ущерб от популярности сокращений, сохраняют свои позиции в современном языке Испании и Латинской Америки. Они будут рассмотрены в данной главе. На их примере хорошо видно, что для испанцев обращение со словом — это искусство.

Сложным словам этого типа в различных индоевропейских языках посвящено немало исследований.¹⁸⁶

Основная проблема, затрагивающаяся в них, касается формы их первого компонента, а следовательно, и происхождения данной модели словосложения. Так, глагольный компонент рассматривается то как форма 3 лица единственного числа настоящего времени индикатива (1), то как основа глагола (2), то как императив 3 лица единственного числа (3). Остановимся сначала коротко на первых двух версиях.

Первой из них придерживались многие испанисты, в том числе современные: Розенблат [Rosenblat 1953], Индуран [Yndurán 1963; 1964], Ланг [Lang 1990] и др. На связь глагольного компонента с личной формой указывает, в частности, дифтонгизация гласного: ср. *desollar, no desuellacaras*.

¹⁸⁶ О словосложении этого типа в романских языках см.: [Diez 1874; Dar—mesteter 1875a, b; Osthoff 1878; Meyer—Lübke 1895; Nyrop 1936; Marouzeau 1952; Koenig 1953; Rosenblat 1953; Yndurán 1963; 1964; Lloyd 1968; Contreras 1985; Lang 1990] и др.

Однако основной аргумент, на который опирается эта точка зрения, состоит в следующем. В семантических перифразах сложных слов этого типа естественно прибегать к 3 лицу индикатива: *el zampatortas* означает *el que zampa las tortas*; *el lameplatos* – *el que lame los platos*. Такого рода перифразы говорят о том, что глагол стоит в личной форме. Следовательно, в структуру композита невыраженно входит указание на лицо или предмет – субъект действия, обозначенного глаголом. При этом именно агенс определяет значение композита, его денотацию: *el (la) friegaplatos* 'судомойка' означает *el (la) que friega los platos* 'тот (та), кто моет посуду'; *el abrelatas* 'консервный нож' означает *lo que abre las latas* 'то, чем открывают консервы'. Денотат, то есть субъект действия, в сложном слове прямо не выражен. Он как бы остается за кадром. Словосложение этого типа поэтому считают экзотерическим. Экзотерическими принято называть слова, ядро которых, определяющее их семантический тип, остается за их пределами или, иначе говоря, занимает внутри слова нулевое место.

Противники анализируемой точки зрения обращают внимание на неизменяемость глагольного компонента по лицам. Так, 3 лицо множественного числа не может быть выражено формой глагола: ср. *el limpiabotas* – *los limpiabotas*, но не **los limpiabotas*.

Учитывая это, многие романисты интерпретируют первый компонент сложений как основу глагола. Такой точки зрения придерживался уже Алемани Балуфер [Alemany Balufer 1920], позднее Марузо [Marouzeau 1952] и Бустос [Bustos 1986]. Эта концепция, однако, сама по себе, без дополнительных аргументов, не разъясняет, почему сложное слово, ядром которого является основа глагола, регулярно получает предметные (субстантивные) значения. Э. Косерю мотивировал это тем, что в структуре сложения произошла элизия именного суффикса, присоединявшегося к основе глагола [Coseriu 1978]. Есть и другое объяснение субстантивного значения анализируемых имен. Обращают внимание на то, что некоторые из них сохранили оформление конечным суффиксом, например, *picapedrero*, *cazatorpedero*, *cuentadante* и немногие другие. Таким образом, нулевой знак субстантивности ассоциируют то с первым компонентом, то со всем словом.

Идея субстантивности глагола и приписывание ему функции ядра побуждала относить глагольно—именные сложные слова к категории э н д о ц е н трических образований, то есть к классу слов, включающих в свой состав семантический центр. При этом иногда проводилась аналогия между анализируемыми композитами и словами типа *manicura*. Здесь можно отметить, что с идеей искони субстантивной природы слов типа *guardabosque* не согласуется их изначальное и сохранившееся до сих пор употребление в адъективной функции: ср. *La empresa cazatalentos*, *la máquina quitanieves*, *el chaleco salvavidas*, *un programa salvapantallas*. Такое употребление как бы высвечивает атрибутивную семантическую природу композитов, проявляющую себя в их внутренней форме. Это позволяет видеть в соответствующих сложных существительных как бы номинативный итог перехода от обозначения образных или функциональных признаков к номинации тех объектов – лиц или предметов, для которых они характерны. Такой взгляд согласуется с их употреблением в юмористических целях [Bustos 1986: 278–284]: в функции шутки, насмешки, остроты и даже издевательства, в которых на первый план выдвинуто образное значение слова. Оно будет проиллюстрировано ниже в специальном разделе. Сохранение композитами качественного значения подтверждается также их употреблением в предикатной позиции, часто в сопровождении градуирующих наречий. Например, *Tu amigo es muy aguafiestas*; *Pedro es tan metepatas como tú*; *Su padre es bastante tragaldabas y goloso*.

Аналогия глагольных композитов с качественными прилагательными не является, однако, полной. Так, композиты не допускают, в отличие от прилагательных, субстантивации обобщающим артиклем *lo*, придающим слову абстрактное значение. Ср. *Lo pegajoso es molesto*; *Lo feo es despreciable*, но не **Lo aguafiestas es intolerable* (*Gramática descriptiva*,

§ 4793). Это свидетельствует о сохранности их внутренней формы, сопротивляющейся опрошению.

Был сделан краткий обзор интерпретаций глагольного компонента композитов как третьего лица единственного числа индикатива и как основы глагола. Вторая точка зрения сблизила субстантивные композиты с атрибутами, поставив акцент на сохранность их внутренней формы, иначе говоря, на близость словосложения к фразеологии – синтаксическим словосочетаниям, оберегающим свой словесный состав. Это делает естественным переход к «императивной» концепции, еще более приближающей композиты к фраземам. Согласно императивной теории глагольный компонент восходит к форме повелительного наклонения единственного числа. Такого мнения придерживались почти все крупные лингвисты прошлого: Я. Гримм, А. Дармстетер, Ф. Диц, В. Мейер—Любке, К. Нироп, А. Доза и многие другие. Аргументы, которые обычно приводятся за и против императивной теории, суммарно сводятся к следующему.

В целом ряде случаев сама форма глагольного элемента указывает на то, что это повелительное наклонение. Например, исп. *tentemozo*, *correvedile*, *hazmerreír* и пр. Строго говоря, существование таких слов само по себе еще не имеет доказательной силы, так как, например, в романских языках наряду с ними встречаются лексические образования, первым элементом которых является глагол в индикативе, на что обычно и указывают противники этой теории. Ср. фр. *abat—jour*, *meurt—de—faim* (3 лицо ед. ч. изъявительного наклонения), исп. *métomentodo*, *bientevéo* (1 лицо ед. ч. индикатива), *bienmesabe* (3 лицо ед. ч. индикатива). Форма глагола в последнем случае подтверждается тем, что дополнение (*me*) предшествует ему, а не стоит в энклитике, как полагается в императиве, *oíslo* (2 лицо мн. ч. индикатива).

Однако число явно императивных образований превышает число существительных, первый элемент которых имеет форму какого—либо лица индикатива. Кроме того, в языках, в которых форма 3 лица ед. ч. индикатива не совпадает со 2 лицом ед. ч. повелительного наклонения (например, в славянских языках), глагол всегда стоит в императиве, ср. рус. *сорвиголова*, *перекати—поле*, *горицвет*, *скопидом*, болг. *троши—глава*, *слети—коса*, *стани—седни* и пр. Это свидетельствует также в пользу императивного понимания формы глагольного элемента.

Другое доказательство, которое приводится в связи с определением формы первого компонента, касается только итальянского языка. В итальянском языке повелительная форма глаголов I спряжения совпадает с 3 лицом ед. ч. индикатива, а для глаголов II и III спряжений – со 2 лицом. Поэтому только интерпретация первого элемента как императива дает возможность объединить по способу образования сложные существительные, в состав которых входят глаголы I, II и III спряжений. В противном случае пришлось бы признать функционирование в языке двух самостоятельных моделей словосложения.

Таковы в общих чертах аргументы, приводимые в доказательство императивного происхождения глагольного элемента сложных слов этого типа в романских языках, которые часто так и называют «императивными».

Почти все лингвисты указывают, однако, что речь идет только о происхождении данного способа словосложения, а не о современном значении формы его первого компонента.

Так, К. Нироп пишет, что «ощущение императива постепенно стерлось».¹⁸⁷ В. Мейер—Любке замечает, что «с течением времени лингвистическое восприятие, забыв о происхождении формы первого компонента, стало признавать в нем просто основу глагола, а не повелительное наклонение».¹⁸⁸ А. Дармстетер признает также: «Во всяком случае ощущение императива исчезло в этих возникающих уже по аналогии образованиях, и народ вкла-

¹⁸⁷ [Nyrop 1936: 287].

¹⁸⁸ [Meyer—Lübke 1895: 631].

дывает в них если и не грамматическую форму, то, по крайней мере, значение настоящего времени».¹⁸⁹

Противники императивной теории происхождения данного способа словообразования ссылаются также на малую вероятность самих условий возникновения модели словообразования из императивного предложения. Так, Ж. Марузо, оспаривая А. Дармстетера, указывает главным образом на неправдоподобие того, чтобы «место называли словами обращения к воображаемому существу, как бы приказывая ему делать именно то, что оно и без того делает».¹⁹⁰ Однако этот аргумент свидетельствует лишь о том, что с точки зрения современного сознания непонятно употребление императива в назывной функции. Об этом, и ни о чем другом, говорит и другой довод Марузо, приводимый в этой же статье. Марузо ссылается на то, что сложные слова этого типа без колебаний интерпретируются говорящими по —французски как содержащие глагол в индикативе и его дополнение или подлежащее.¹⁹¹ По существу, однако, живое чувство носителей языка нисколько не противоречит теории императивного происхождения формы первого элемента, поскольку, как уже говорилось, все сторонники этой гипотезы признают, что глагольный компонент уже отказался от роли «повелителя» и даже «распорядителя».

Условия, при которых императивное предложение выступало бы в функции названия, не представляются неправдоподобными. Многим индоевропейским языкам в живой речи и до сих пор свойственно использование обращения к лицу, а иногда и к предмету, для их обозначения. При этом часто в таком обращении заключается побуждение исполнять именно то действие, которое данное лицо или предмет и так исполняют. На этой почве возникли явно императивные образования типа *correvedile* 'сплетник' (букв. 'беги, поймай его и скажи ему'), *hazmetgeig* 'посмешище' (букв. 'рассмеши меня'), являющиеся субстантивированными повелительными предложениями, сращениями.

Нередко повелительное предложение встречается во всякого рода дразнилках, откуда оно постепенно начинает употребляться как прозвище лица. Сравни, например, такие имена —прозвища, как *Ahorca—suegras*, букв. «Перевешай—тещ» — кличка бандита в романе П. Гальдоса «Донья Перфекта» (Galdós 1952, 10) или *Buscabeatas*, букв. «Поищи святош» — прозвище старого огородника, героя повести П. Аларкона «*El libro talonario*» («Квитанционная книжка»), см. (Alarcón 1953, 115).

Уместно вспомнить также прозвище пьяницы — персонажа одной из повестей А. Труэбы — «*el tío Chupa—seras*» (букв. 'дядя Посо—си—лозу').

Реальность подобного перехода повелительного предложения в имя—прозвище (*apodo*) подтверждается следующим примером, взятым у Труэбы:

...éste era un soldado, a quien llamaban Juan Cavila, no porque cavilase mucho, sino porque... el capitán de su compañía... le estaba cencerreando siempre: Juan, cavila (Trueba 1864, 83) ('Это был солдат, которого называли Хуан Думай не потому, что он много думал, а потому, что его ротный капитан всегда ему напоминал: Хуан, думай!').

Можно привести также примеры из русского языка. Так, словами «Дядя, достань воробышка» дети часто дразнят очень высоких мужчин. Отсюда слова «достань—воробышка» начинают также употребляться как кличка в назывной функции. Можно напомнить также фамилии—прозвища, образованные на базе обращения, которые упоминает Н. В. Гоголь в «Мертвых душах»: *Неуважай—Корыто* и *Григорий Доезжай—не—доедешь*, ср. также *Держиморда*.

¹⁸⁹ [Darmesteter 1875a: 174].

¹⁹⁰ [Marouzeau 1952: 84].

¹⁹¹ [Ibid.: 81].

Такие прозвища, совершенно очевидно возникшие из повелительного предложения, легко могли превращаться в фамилию или имя данного лица, ср. например, украинские фамилии *Нагнибеда*, *Хватаймуха*, *Потушишвечка*, *Забудько*, *Засядько* и др.

Не вызывает особого недоумения также использование императивных предложений для обозначения предметов, растений и животных.

Очевидно, что пока императив сохранял свое значение, такое употребление включало момент персонификации и было распространено в сказках и вообще в народном творчестве. Однако постепенно персонификация предмета стала чисто условной. В испанском языке существует целый ряд совершенно явно императивных образований, которые используются для обозначения предмета, например, *tentemozo* ('опора, подпорка', букв. «держись, парень»), *tentempié*, (букв. 'держись на ногах') и некоторые другие.

Сравни также русское шуточное название Астрахани «Разгуляй—город», название иконы «Утоли моя печали» и пр.

Не кажется нам натяжкой и представление о предмете как о «говорящем», которое вытекает из семантического анализа внутренней формы ряда существительных типа *el guardabosque*. Мейер—Любке отмечал, что «еще встречаются случаи, когда обозначаемый сложным словом предмет рассматривается как говорящий. Продолжают употребляться лат. *poli—me—tangere* 'не тронь меня'.¹⁹² В современном языке так врачи называют язву, к которой опасно прикасаться. В шутку это сочетание относят ко всему тому, с чем не следует иметь дело. Такое употребление основывается на чисто условной персонификации предмета, которая сплошь и рядом фиксируется в языке. Например, на шпагах, сделанных знаменитыми толедскими оружейниками, ставилась следующая надпись: *No me saques sin razón, ni me envaines sin honor* 'Не обнажай меня без нужды и не вкладывай меня в ножны без славы'. «Автором» повелительного предложения является как бы сама шпага.

Ср. также следующий пример, взятый из одного из рассказов А. Трузбы: *Esa sombría arboleda... nos dice al ver el ansia con que la contemplamos: Mírame y no me toques!* (Trueba 1865, 34) ('Тенистая роща говорит нам, видя, с каким вожделением мы любим ее: Смотри на меня, но не тронь меня!'). Формула *mírame y no me toques*, восходящая к лат. *poli—me—tangere*, является как бы предостережением от лица самого предмета и употребляется часто в испанском языке в назывной функции в значении «недотрога». *Mírame y no me toques* характеризует хрупкие предметы или слабого человека. Повелительное предложение, «автором» которого как бы является сам предмет, начинает употребляться для его обозначения или характеристики: *estar de mírame y no me toques* значит 'быть хрупким, слабым'.

В испанском языке можно также встретить случаи номинативного использования повелительных предложений, включающих обращение к предмету или лицу. Ср., например, такой оборот, употребляющийся в разговорной речи, как «*trágame, tierra*» – букв. 'проглоти меня, земля', который применяется для характеристики позорного, постыдного положения (Galdós 1952, 79); ср. рус. *чтоб мне сквозь землю провалиться*.

Подобные случаи употребления императивных предложений проливают свет на происхождение сложных слов, у которых вторым компонентом является как бы обращение к лицу или предмету, переосмысленное в дальнейшем как субъект действия, выраженного глагольным элементом (например, *andaniño* букв. 'иди, детка' – плетеная стойка для начинающих ходить детей).

Приведенные выше примеры соответствуют двум основным вариантам семантических отношений между компонентами сложных слов, а именно сложным существительным, в которых именной компонент выступает в функции о б ъ е к т а и с у б ъ е к т а действия, выраженного глаголом. Были приведены также примеры, в которых лицо или предмет, обо-

¹⁹² [Meyer—Lübke 1895: 632].

значаемый всем существительным, является как бы «говорящим». Все это делает правдоподобным предположение, что модель словосложения типа *el guardabosque* сформировалась именно на основе повелительного предложения, употребленного в назывной функции.

В подтверждение императивной теории можно привести также еще один случай. Сложные слова этого типа иногда употребляются как названия игр, например, *el tocatorre* – название игры, заключающейся в метании диска, *el gompecabezas* 'головоломка', *el quebrantahuesos* 'чехарда', *el matarrata* 'карточная игра' и др. В испанском Академическом словаре изд. 1726–1739 гг. встречаются названия некоторых игр еще в форме повелительного предложения, например, *Arráncate, nabo*, букв. 'выдернись, репа'.

Таким образом, на приведенных примерах ясно видна связь сложных слов в значении названий игр с повелительным предложением. Поскольку, однако, трудно предположить, чтобы анализируемые слова в разных значениях имели самостоятельное происхождение, приведенные примеры проливают также некоторый свет и на происхождение данной модели словообразования вообще.

Можно привести еще и другие случаи, в которых отчетливо выступает связь этого способа словосложения с повелительным пред—ложением. Например, некоторые сложные слова означают сигналы: *botasilla* – сигнал седлать коней (букв. 'седлай'), *subrefuego* – сигнал к тушению огня (букв. 'покрывай огонь') и др.

Первоначальным значением сложных слов этого типа были шуточные и фамильярные прозвища отдельных лиц, а также нарицательные имена. Инструментальное и другие значения «императивных» имен появились позднее в результате развития их многозначности, на что указывают многие исследователи, в частности В. Мейер—Любке.¹⁹³

Постепенно, в связи с формированием определенного способа словосложения, ощущение императива исчезло, поскольку в сложном слове ни один из компонентов не обладает самостоятельными грамматическими категориями.

Вследствие этого первый элемент сложных слов типа *el guardabosque* в современном испанском языке воспринимается как *о с н о в а* глагола (см. выше).

Говоря о происхождении данного способа словосложения, нельзя обойти молчанием остроумную гипотезу, выдвинутую Г. Остгофом, которая вкратце сводится к следующему. Можно думать, что праиндоевропейскому типу было чуждо словосложение с участием глаголов, рассуждает Г. Остгоф. Тем не менее, в целом ряде индоевропейских языков такие сложные слова встречаются. Следовательно, сложение имен и глаголов можно признать вторичным явлением, оформившимся на основе одного из общих индоевропейским языкам способов словообразования, а именно юкстапозиции двух имен. Первый именной компонент у таких сложных слов по форме *с л у ч а й н о* совпал с повелительным наклонением отыменного глагола. В результате этого совпадения его форма была интерпретирована как императив, т. е. слово получило как бы народную этимологию. В дальнейшем создание подобных существительных происходило по определенному образцу, в котором первым компонентом был императив.

Если правильно подойти к этому вопросу, пишет далее Остгоф, то дело сводится к тому, что в результате стечения ряда благоприятных обстоятельств, касающихся языковой формы, постепенно носители языка стали понимать, что подобные существительные, образовавшиеся путем юкстапозиции имен, можно создавать от любого глагола, используя его императив или третье лицо ед. числа индикатива.¹⁹⁴

¹⁹³ [Ibid.: 630].

¹⁹⁴ «Die Sache liegt ja, richtig betrachtet, so: die Sprache hat nur in Folge allerlei günstiger formaler Umstände allmählich gemerkt, dass sie dieser Art Nomina für die Juxtaposition schlichtweg von jedem Verbum und ganz wie den Imperativ, bzw die III Sing, Indic, bilden konnte» [Osthoff 1878: 320].

Далее Остгоф подчеркивает, что первый элемент был первоначально осмыслен именно как императив, а не как 3 лицо ед. ч., потому что в момент переосмысления окончание 3 лица ед. ч. глаголов 1-го спряжения было еще – *at*, в то время как в императиве конечного – *t* никогда не было, нет его также ни в одном из «императивных» сложных существительных.

Среди недостатков теории Остгофа отмечалось, что он придает слишком большое значение моменту случайности в развитии языковых явлений. Этот упрек справедлив. Очевидно также, что переосмысление формы первого компонента сложного слова, на которое указывал Остгоф, можно представить себе только в случае, если в языке употреблялись императив и императивное предложение в именной функции, т. е. если такой способ обозначения предметов или их качеств существовал самостоятельно. На фоне этого можно допустить переосмысление о т д е л ь н ы х сложных слов, состоящих из двух существительных. Таким образом, гипотеза Остгофа не противоречит императивной концепции.

В целом следует признать наиболее вероятной теорию формирования данного способа словосложения на базе повелительного предложения. В связи с этим встает вопрос о месте его в системе словообразования современных романских языков, в частности испанского. Необходимо указать, что большинство лингвистов, видя качественную разницу между данным способом образования сложных слов и императивным предложением, все же относили его к несобственному сложению. Я. Гримм,¹⁹⁵ мотивируя такую точку зрения, отмечал, что у существительных этого типа отсутствует органическая соединительная гласная. Правда, в романских языках между компонентами появляется гласная, но она, как подчеркивал Я. Гримм, имеет флективное, а не композиционное происхождение, будучи флексией 2 лица ед. ч. повелительного наклонения. Кроме того, Гримм указывал, что у таких сложных слов первый компонент является более сильным, управляющим по отношению ко второму, а это, по его мнению, не свойственно истинному (собственному) словосложению. Сама форма второго элемента (аккузатив) указывает на его зависимость от глагола, замечает Гримм. Гримм исходит из того, что к «истинному» словосложению принадлежит только древний, восходящий к праиндоевропейскому языку тип.

Рассуждения Я. Гримма по этому вопросу определили во многом то место, которое отводится так называемому «императивному» словосложению в системе словообразования в сравнительных грамматиках романских языков. Так, Ф. Диц относит данный способ словосложения к сращению предложений. Такой же точки зрения придерживается К. Нироп. В. Мейер—Любке¹⁹⁶ хотя и замечает, что первый элемент сложных слов данного типа с точки зрения современного языка является не чем иным, как основой глагола, все же относит их также к «неистинному» словосложению. А. Дармстетер и все те, кто в той или иной форме развивали его теорию эллипса, относили этот способ образования сложных слов к эллиптическому, т. е. по существу «истинному» словосложению, видя в нем эллипс артикля перед вторым членом, а также эллипс существительного – носителя основного значения слова.

С точки зрения выделения в современном испанском языке двух самостоятельных способов образования сложных слов – синтаксического и синтаксико—морфологического – следует признать, что словосложение по типу *el guardabosque* должно быть отнесено ко второму. Это подтверждается тем, что образование сложных существительных происходит в данном случае по определенному активному образцу, а не путем сращения императивных предложений. Кроме того, можно наблюдать, что в процессе формирования модели словосложения она во многом отошла от своего прототипа, попав в сферу действия законов словообразования. Такое отклонение намечается как в унификации структуры сложного слова, так и

¹⁹⁵ [Grimm 1826: 984].

¹⁹⁶ [Meyer—Lübke 1895: 630].

в отходе от лексических норм функционирования и сочетаемости слов в речи. Последнее также определяется спецификой словообразования.

Посмотрим теперь на конкретном материале испанского языка, в чем заключается и как протекает этот процесс постепенной дифференциации сложного слова и повелительного предложения.

Очевидно, что сложное слово отклоняется от норм построения предложения в оформлении второго компонента: в предложении он в большинстве случаев должен иметь при себе артикль, внутри сложного слова артикль отсутствует. Ср. *el guardatorra*, но *guardar la torra*, *el guardabosque*, но *guardar el bosque*, *el tapaboca*, но *tapar la boca*.

Выпадение артикля из состава сложного слова определяется тем, что при словосложении каждый из компонентов утрачивает присущие ему грамматические категории и все слово оформляется как одно неделимое целое.

Унификация структуры сложного слова протекает и в другом направлении. Второй компонент начинает оформляться как беспредложное прямое дополнение, например, *el portavoz*, *el matasanos*, *el tragaahombres* и др. Нормы синтаксиса отступают перед нормами словообразования. Все сложные слова, у которых второй компонент не является объектом действия, выраженного глаголом, начинают оформляться одинаково с основной массой сложных существительных этого типа. Ср.:

el cortecalles 'бездельник' и *correr por las calles*
el andarríos 'трясогузка' и *andar por los ríos*
el pasacaballo 'понтон' и *pasar a caballo*
el guardapolvo 'пыльник, чехол' и *guardar del polvo*
el guardasol 'зонт от солнца' и *guardar del sol*
el saltaprados 'кузнечик' и *saltar por los prados*.

Наряду с формами *saltaembanco* и *saltimbanco* 'канатный плясун' появляется также слово *saltabanco*, в котором предлог исключается из структуры слова.

Предложение, переходя в сферу действия норм словообразования, порывает с правилами синтаксиса, требующими точного и дифференцированного выражения отношений между словами. Внутри слова в такой расчлененности выражения нет необходимости, потому что понимание его семантики опирается не столько на ощущение структуры слова, сколько на знание его значения.

Такая унификация структуры сложных слов проходит и в других языках. Однако конкретное выражение ее бывает разным. Например, в русском языке второй компонент, будучи по смыслу винительным падежом, начинает оформляться по именительному падежу. Ср. *сорвиголова* (а не *голову*); ср. также такие фамилии, как *По—тушисвечка* (а не *свечку*), *Хвастаймуха* (а не *муху*), *Держиморда* (а не *морду*) и др.

В результате длительного процесса унификации структуры «императивных» сложных слов в испанском языке вырабатывается определенная модель словосложения, состоящая из глагольного и именного компонентов. Последний в большинстве случаев оформлен по множественному числу. Такие существительные не изменяются по числам, и показателем множественности является у них только форма артикля. Например, *el sacacorchos – los sacacorchos*, *el rompehielos – los rompehielos*, *el rompeolas – los rompeolas*. Даже несчетные имена, т. е. обозначения масс, оформляются суффиксом множественного числа: *guardaguas*, *paraguas*, *guardabrisas*, *quitamiedos* и пр. Тяготение императивных имен к множественному числу иногда объясняют их семантикой, а именно значением обычности, повторности действия (*la reiteración de la actividad expresada*).

Любопытно слово *espantaochos* 'хвастун' (обычно *matasiete espan—taochos*), второй компонент которого оформлен как мн. число, несмотря на то что форма *ochos* в самосто-

ятельном употреблении не—возможна (*восемь* по—исп. ocho). Это указывает на то, что конечное —s начинает приобретать словообразовательное значение.

В ряде случаев, однако, существительное может недифференцированно употребляться со вторым компонентом, стоящим как во множественном, так и в единственном числе. Например: *el taraboca* и *el tarabocas*, *el sacadinerо* и *el sacadinerос*, *el matafuego* и *el matafuegos*, *el buscarié* и *el buscariés*, *el taparrabo* и *el taparrabос*, etc.

В отдельных случаях при развитии многозначности слова разница в форме второго компонента используется в смыслоразличитель—ных целях. Например, *el catavino* 'стаканчик для вина', *el catavinos* 'дегустатор', *el sacabalas* 'шомпол', *el sacabala* 'вид хирургических щипцов', *el matarratas* 'отрава', *el matarrata* 'игра в карты'. Форма единственного числа обычно используется в словах, в которых второй компонент осознается как индивид: *el girasol*, *el portaestandarte*, *el portabandera*.

Уже говорилось, что второй компонент сложных слов не оформляется артиклем. Имеется лишь три—четыре слова, нарушающих эту норму. Например, *сagalaolla* (устар.) 'ряжевый, шут', *besalamano* 'официальное письмо, обычно приглашение или предложение, написанное в 3 лице и без подписи'. Слово *besalamano* является сращением слов, которые ставились в начале такого рода писем (сокращенно BLM). Этим и объясняется сохранение артикля. По условиям своего возникновения *besalamano*, следовательно, не принадлежит к императивным существительным. В слове *besamanos* 'торжественный прием во дворце', также 'целование руки' артикль отсутствует; ср. еще *besariés* 'целование ноги'.

В современном испанском языке вторым компонентом сложных слов обычно бывает существительное. Лишь немногие слова являются в этом отношении исключениями. В состав некоторых из них входит наречие, например, *сenaoscuras* (малоупотр.) 'мрачный, нелюдимый человек, склонный ужинать в одиночестве и темноте', 'скупец', *tornatrás* или *saltatrás* (малоупотр.) 'потомок метисов, унаследовавший черты лишь одной расы', *tirafuera* 'приспособление для рыбной ловли с берега', *mandamás* 'заправила', *pasavante* 'пропуск', *bogavante* 'первый гребец на галере', *tirafuera* 'рыболовная сеть' и немногие другие. В редких случаях вторым компонентом бывает прилагательное, например, *pisaverde* 'щеголь, воображала, бездельник', *matasanos* 'коновал, плохой врач'. Ввиду редкости таких образований, а также неясности значения внутренней формы некоторых из них (например, *pisaverde*) трудно сказать, всегда ли происходит субстантивация второго компонента или нет. В немногих случаях в состав сложного слова входит числительное, выступающее в субстантивной функции (например, *matasiete* 'хвастун').

Касаясь формы первого компонента, следует отметить, что у ди—фтонгирующих глаголов, как правило, дифтонг не стягивается. Например, *el cuelgacapas*, *el cuentagotas*, *el vierteaguas*, *el cuentapasos*. Лишь очень редко глагол не дифтонгирует, например *el torcesuello* 'вертишейка (порода птиц).

Характеризуя далее морфологическую структуру сложных существительных этого типа, следует отметить, что несколько слов оформлены соединительной гласной *i*: *batijoja* 'золотобит', *baticola* 'хвостовой ремень' (сбруи), *baticabeza* – вид насекомых, *baticor* 'сердцебиение'. Последнее слово, очевидно, является заимствованием из итальянского языка, о чем свидетельствует форма второго элемента (*cor*, а не *corazón*). Все три слова практически не употребляются в современном испанском языке.

Вот, по сути дела, те немногие отклонения от словообразовательной модели, которые встречаются в морфологической структуре сложных слов этого типа. Подавляющее большинство так называемых «императивных» имен (96–97 %) отвечает строго определенному образцу словосложения.

В заключение морфологической характеристики сложных существительных этого типа следует коснуться проблемы их рода. Как правило, они бывают мужского рода, незави-

симо от рода их именного компонента, например: *el guardarropa, el cortacorriente, el tragaluz, el portavoz, el tapaboca, etc.*

Постановка во множественном числе второго компонента ряда существительных как бы нейтрализует их окончание, характерное для слов женского рода, например, *el cuentagotas, el suelgacapas*. Если именной компонент оформлен как единственное число, нередко его родовая принадлежность передается всему слову, разумеется, если оно не означает лицо. Ср. *el trabalenguas*, но *la trabacuenta*, а также *la tornaboda, la tornapunta, la tornaguía, la botavara, la botasilla, etc.*

Существительные этого типа со значением лица могут быть как мужского, так и женского рода, окончание их при этом не меняется, например, *el, la zampatortas, el, la cascarrabias*, ср. *Tú también, eres una cascarrabias* (Trueba 1865, 52), *Lo que me había vuelto un cascarrabias... era un remordimiento* (Ibid., 114). Интересно отметить, что слово *vagamundo* 'бродяга' в женском роде меняет окончание на *-a vagamunda*. Это объясняется тем, что оно возникло, по—видимому, в результате контаминации прилагательного *vagabundo*, *-a* 'бродячий' и существительного *mundo*. *Vagabundo* было переосмыслено, таким образом, как состоящее из глагола *vagar* и существительного *mundo*, но сохранило способность меняться по родам.

Сделанный краткий обзор структуры сложных слов этого типа говорит о значительном единообразии их морфологического состава.

Ввиду этого не представляется возможным отнести их к сращению предложений, т. е. к синтаксическому способу словообразования.

Справедливость требует отметить, однако, что говорящими на испанском языке, видимо, все еще ощущается некоторая связь между сложными существительными этого типа и словообразованием путем субстантивации предложений, к которому они генетически восходят. Это заметно по тому, что вновь возникающие существительные не всегда сразу получают флексию множественного числа, если их второй компонент оформлен как единственное число. Приведем пример. В одной из статей, помещенных в газете *Justicia*, дважды встречается существительное *el vendepatria* 'предатель'. В одном случае автор призывает *destruir la miserable campaña de los vende—patria* (т. е. 'сорвать гнусную кампанию торговцев родиной'). Существительное *el vendepatria* употреблено во множественном числе, причем второй компонент остается в форме единственного числа (*los vende—patria*). Несколько выше в этой же статье читаем: *Entre yanquis y vende—patrias planean nuevos empréstitos*. ('Американцы и предатели нашей родины обсуждают вопрос о предоставлении нам новых ссуд.'). В приведенном отрывке существительное *el vendepatria* стоит без артикля, который выразил бы категорию множественности. Поэтому автор прибегает к морфологическому способу образования формы множественного числа (*vendepatrias*), тем более, что этим подчеркивается множественность обозначаемых лиц. Отсутствие флексии в первом из приведенных примеров сближает существительные данного типа со сложными словами, образованными путем субстантивации предложения, в частности повелительного, которые также обычно не сразу начинают принимать окончание *-s*, ср. *el correvedile – los correvedile*. Ср. также образование множественного числа у слова *metome—en—todo*: *los más impertinentes metome—en— todo* (Caballero 1882, 36).

Приведенные примеры показывают, что в языке еще не выработались вполне твердые нормы в оформлении второго компонента, в результате чего возможны колебания как в единственном (*el vende—patria, el vendepatrias*), так и во множественном числе (*los vendepatria—trias, los vendepatrias*).

Выше говорилось о структурной дифференциации сложных существительных типа *el guardabosque* и повелительного предложения. Такая дифференциация намечается и в другом направлении, а именно в отношении выбора слов и их значения. Наблюдения показывают,

что словосложение этого типа тяготеет к использованию основ одних и тех же глаголов. Лишь очень немногие глагольные основы входят в состав 1–2 существительных, причем это, как правило, малоупотребительные слова, например, *deshonrabuenos* 'клевет—ник', *matascallos* 'дурень', *descuernacabras* 'сильный ветер', *derramaplaceres* или *derramasolaces* 'тот, кто портит праздник', etc.

Обычно же основа одного и того же глагола образует целые ряды сложных слов. Так, в современном испанском языке насчитывается по 50 слов с глаголами *guardar* и *portar*, 35 – с глаголом *matar*, 30 – с глаголом *sacar*, 20 – с глаголом *tirar*, по 10–15 слов с глаголами *saltar*, *quitar*, *romper*, *tapar*, *tragar*, *tirar*.¹⁹⁷

Попадая в круг словосложения, глагол может становиться продуктивным независимо от степени его распространенности в языке. Кроме того, иногда он получает новые семантические оттенки, отличные от его значения как самостоятельного слова. Следовательно, словообразовательная функция глагола часто расходится с его ролью в словарном составе. Так, например, глагол *tornar*, распространенный в староиспанском языке, сейчас почти полностью вытеснен глаголом *volver*. Несмотря на это, в словообразовании такой замены не произошло. В современном языке существует 10 сложных слов, в которых участвует глагол *tornar*, в то время как в Академическом словаре 1726–1739 гг. (1–е изд.) зарегистрировано всего 4 таких слова: *tornaguía*, *tornasol*, *tornaboda*, *tornaviaje*. Между тем глагол *volver*, значительно расширивший свою употребительность и свои функции в современном испанском языке, в словосложении почти не проник. Словарь фиксирует только одно слово, включающее глагол *volver*: *el vuelverpedras* – название птички, живущей на скалистых морских берегах (*Gran diccionario*, 1834).

Сходное явление можно наблюдать и в отношении глагола *portar*, который никогда не был особенно широко употребителен в испанском языке. В качестве компонента сложного слова он, видимо, получил распространение под влиянием французского языка, в котором образование сложных слов с *porter* исключительно продуктивно. Однако роль глагола *portar* в словарном составе испанского языка не изменилась: он остается по—прежнему малоупотребительным. В словосложении, особенно в технической терминологии, как указывалось выше, напротив, он является одним из самых продуктивных глаголов. Следует подчеркнуть, что значение глагола *portar* в словообразовании не совпадает с его семантикой как самостоятельной лексической единицы, употребляющейся преимущественно в возвратной форме со значением 'вести себя': *portarse como un niño* 'вести себя как ребенок'. В предложении оказывается невозможным сказать *portar las cartas, los mapas* и пр. Вместо *portar* следовало бы употребить глагол *llevar*. Однако в словосложении участвует именно глагол *portar*, который удобен тем, что снимает необходимость выбора между глаголами *llevar* и *traer* (ср. *el portacartas*).

Аналогичную картину, т. е. закрепление в словосложении определенных элементов, можно наблюдать и в других языках, в частности, в русском. Сложные существительные типа *пароход* очень близки к испанским «императивным» именам по своему морфологическому составу и особенно по своему семантическому диапазону. Ср. такие соответствия, как *el rapabarbas* 'брадобрей', *el sacamuelas* 'зубодер', *el lanzatorpedos* 'миномет', *el lameplatos* 'блюдолиз', *el chotacabras* 'козодой' и пр. По приведенным примерам можно судить, что основные типы значений этих способов словосложения в русском и испанском языках совпадают. Обращает на себя внимание и сходство морфологического состава слов, образованных из

¹⁹⁷ Приведенные цифры основываются на данных *Gran Diccionario de la Lengua Española* (Barcelona: Larousse, 2000). В них не учитывается сугубо специальная терминология, которая могла бы удвоить каждую из этих цифр. В частности, *Handy technical dictionary in 8 languages* (London: DISCE, 1949) с добавлением по: Guetgero A. P. *New Technical and Commercial Dictionary* (Brooklyn, 1942) дают более 40 сложных слов с глаголом *portar*, около 15 – с глаголом *guardar*, более 10 – с глаголом *cortar*.

основы глагола и обычно существительного. Все это дает право проводить некоторые параллели между испанскими существительными типа *el guardabosque* и русскими типа *пароход*. Устойчивость глагольного элемента, которая была отмечена для испанских сложных существительных, заметна также и в русском языке. Ср. ряды существительных, оканчивающихся на– *ед* (*муравьед, сеноед, короед, людоед, сердцеед, самоед* и пр.), – *лов* (*рыболов, мухолов, зверолов, крысолов* и др.), – *бой* (*китобой, зверобой, ветробой, мордобой* и пр.), – *дер* (*живодер, зубодер, кожедер, шкуродер* и др.); ср. также существительные, оканчивающиеся на– *рез, – сос, – нос, – коп, – дел, – мер, – ход*, и многие другие. Некоторые основы, встречающиеся в словосложении этого типа, порвали семантические связи с соответствующими глаголами в словарном составе русского языка, приобретая особое значение в качестве элемента сложных слов. Акад. В. В. Виноградов называет подобные глагольные основы словоэлементами;¹⁹⁸ например, – *вод* в таких словах, как *садовод, коневод, хлопковод, скотовод* и пр., в которых он употребляется для обозначения специалистов в области сельского хозяйства и сопоставляется по смыслу с глаголом *разводить*; ср. также словоэлемент– *вед*, весьма продуктивный в словосложении (*языковед, правовед, славяновед, литературовед* и пр.), в то время как соответствующий ему глагол *ведать* в значении 'знать' мало употребляется в современном русском языке.

Таким образом, глагольный элемент приобретает новое качество, особую устойчивость в словообразовании. Эта тенденция и делает возможным формирование словопроизводства на основе словосложения. Русские глагольные элементы– *вед* и– *вод* почти уже завершили свое перерождение в аффиксы. В испанском языке, несмотря на продуктивность основ отдельных глаголов, такое превращение нельзя считать окончательным ни для одного из них. Этому, возможно, препятствует их место перед корнем слова.

Следует поставить в связь с этой особенностью первого элемента сложного слова такой факт, как использование в целях словосложения глаголов, не принадлежащих основному словарному фонду испанского языка. Это видно уже из приведенных выше примеров с глаголами *portar* и *tornar*, которые, будучи малоупотребительными (во всяком случае последний) в словарном составе языка, сохраняют свою продуктивность в словосложении. Напротив, для образования сложных существительных этого типа не употребляются такие принадлежащие к основному словарному фонду глаголы, как *comer* 'есть', *llevar* 'нести', *traer* 'приносить', *ir* 'ходить', *venir* 'приходить', *dar* 'давать', *coger* 'брать' и т. д. Вместо них встречаются слова значительно менее распространенные, например, *tornar* вместо *volver*; *zampar* и *rapar* вместо *comer*; *portar* вместо *llevar*, *trotar* вместо *ir* и пр. Такой выбор элементов объясняется в отдельных случаях стилистической принадлежностью образуемых слов к разговорной, фамильярной речи (например, *rapanatas, zampatortas* и др.), но даже тогда, когда сложное существительное нейтрально в стилистическом отношении, оно может возникать на базе мало употребительных в языке глаголов.

На разобранным материале можно было проследить, как нормы словообразования, формируясь, постепенно дифференцируют сложное слово от императивного предложения, к которому оно восходит. Это одновременно синтаксическая и лексическая дифференциация, в которой, как представляется, выступает один из законов развития языковой системы. Значение этого закона заключается в том, что при формировании языковых категорий используются как основа определенные категории других аспектов языкового единства. Борьба элементов нового качества с элементами старого качества сводится, таким образом, к борьбе норм разных сторон языка. Так, образование данной модели словосложения протекало в процессе ломки правил синтаксиса и лексики под влиянием норм словообразования. В дальнейшем можно было наблюдать, как в отдельных случаях сформированная уже модель сло-

¹⁹⁸ См. [Виноградов 1947: 106].

восложения обнаружила тенденцию к превращению одного из своих компонентов в слово —элемент, а затем в аффикс.

В процессе развития языковой системы все время происходит переименование различных ее аспектов, составляющих вместе определенное диалектическое единство, но отличающихся каждый своей спецификой. Языковое единство является диалектическим, потому что его элементы постоянно вступают между собою в противоречие, в конечном счете обуславливающее формирование новых языковых категорий. В одних случаях такое противоречие является пружиной, приводящей в движение всю языковую систему в целом. В других случаях оно может не вести к сдвигу в системе языка, как это имеет место при синтаксическом способе словообразования.

Таким образом, с одной стороны, сила языковой традиции, рациональным зерном которой является стремление сохранить на протяжении веков литературное наследие прошлого; с другой стороны, новое понимание некоторых языковых форм, ищущее себе адекватное выражение и в конце концов создающее новые формы, — борьба этих двух тенденций обуславливает в значительной мере противоречивый характер языкового единства.

В целом же сочетание словообразующих основ обычно сохраняет соответствие лексическим нормам соединения соответствующих слов в предложении. Эта зависимость хорошо видна тогда, когда словосочетание находится в тексте в непосредственном взаимодействии со сложным словом. Например, ¿Pero quién ha dicho que porque haya tenido una desgracia va a ser malo? Como dice el refrán: porque una vez mató una vieja lo llaman mataviejias (Gallegos 1945, 247) 'Но кто сказал, что если человек раз поступил плохо, он уже стал плохим человеком? Как говорит пословица: если кто—нибудь убил старуху, его всегда будут называть не иначе, как убийцей старух' (букв. 'убей—старуху').

Выражение *desenterrar los muertos* (букв. 'выкапывать покойников') фигурально означало 'порочить память умерших'. Ср. следующее употребление этого оборота у Кеведо, в котором сочетаются оба эти значения: ...está presa en la Inquisición de Toledo, porque desenterraba los muertos sin ser murmuradora (Quevedo 1911, 90). ... Она сидит в Толедо в тюрьме Инквизиции за то, что откапывала покойников, не будучи сплетницей'. На основе фигурального значения приведенного выражения возникло сложное слово *desentierramuertos*. Оно отмечается и современными словарями.

Saltar paredes (букв. 'прыгать через стены') употреблялось для характеристики влюбленных безумцев, перелезавших через забор на свидание со своими возлюбленными. Ср. в «Селестине»: Señora, aquí está quién me causó algún tiempo andar hecho otro Calisto, perdido el sentido, ...saltando paredes, poniendo cada día vida al tablero... (Rojas 1931, v. 2, 38). 'Сеньора, ... вот та, из—за которой я некоторое время был похож на Калисто, потеряв голову, ... прыгая через заборы, ставя каждый день жизнь на карту... В этом же произведении встречаем и сложное слово *el saltaparedes* 'вертопрах': Jesús, no oiga yo mentar más ese loco, saltaparedes, fantasma de noche... 'Боже, я больше не хочу слышать об этом безумце, вертопрахе, ночном призраке'. (См. также с. 27).

Выражение *llorar duelos* употреблялось в значении 'оплакивать горе'; ср.: No seas lisonjero e jamás llorarás duelos ajenos 'Не будь льстецом, не будешь и проливать слез над чужими горестями'. На основе этого выражения возникло сложное слово *el lloraduelos* 'нытик', 'плакса'.

Тесная связь образных «императивных» слов с лексикой и фразеологией живого языка может выражаться в том, что неупотребительность словосочетания приводит к выпадению из лексики языка и соответствующего сложного слова.

б. Принципы функционирования и семантические классы

Формирование модели словосложения кроме унификации ее морфологической структуры требует выработки принципов ее функционирования, основывающихся на регуляр-

ности соотношения между внутренней формой сложных слов и обозначаемыми ими предметами. Такая норма для анализируемых слов была выработана. За основу ее принята субъектно—предикатная связь между действием, выраженным глагольным элементом сложного слова, и предметом или лицом, обозначаемым всем словом. Лицо или предмет, к которым ранее относилось повелительное предложение, были осмыслены как субъект содержащегося в нем действия. Семантика анализируемых слов, следовательно, экзотерична, то есть их денотат не соотносится непосредственно с отдельно взятым значением компонентов сложения – действием или объектом. В плане такого понимания принципа функционирования модели словосложения и лежат семантические категории, обозначаемые сложными словами. Это прежде всего значение агенса активного действия. Наиболее продуктивно обозначение лица по его активности – профессиональной и социальной в широком и узком смысле, а также шуточные обозначения лиц и объектов по тому образу, который с ними ассоциируется. Например: *el limpiachimeneas* 'трубочист' мыслится как *el que limpia las chimeneas*, т. е. как 'тот, кто чистит трубы'; *el lameplatos* 'блюдолиз' означает *el que lame los platos*, т. е. 'тот, кто лижет блюда', *la lavaplatos* 'судомойка', т. е. *la que lava los platos* – 'та, которая моет посуду' и пр. Сложные существительные этого типа могут также обозначать инструменты, приспособления, аппараты и т. д. В этом случае предмет представляется как субъект активного действия. Например: *el cazaclavos* 'гвоздодер', т. е. 'инструмент, который дерет гвозди' (*lo que caza los clavos*), *el montacargas* – 'грузовой подъемник', т. е. 'машина, которая поднимает тяжести' (*lo que monta la carga*), *el sacacorchos* 'штопор', иначе – 'инструмент, который вытаскивает пробку' (*lo que saca el corcho*), и т. д. В пределах аналогичного соотношения внутренней формы сложных слов и их лексического значения лежат группы существительных, обозначающих растения и животных. Ср. *el paramoscas* 'мухолов', обозначает «*el pájaro que para las moscas*» (птица, которая поедает мух), *mata—sarna* – означает «*la planta que mata la sarna*» (растение, которое уничтожает чесотку) и пр.

Не противоречит также такому соотношению между действием и предметом значение места. Для объяснения местного значения «императивных» сложных слов можно воспользоваться замечанием акад. М. М. Покровского, который писал о существительных с инструментальными суффиксами: «Что касается локального значения данных имен, то оно, конечно, легко выводится из значения инструментального, так как место действия может служить средством к его выполнению».¹⁹⁹ Действительно, значение места, встречающееся у сложных существительных этого типа, сближается с инструментальным значением. Например, *el guardamuebles* 'мебельный склад', *el guardajoyas* 'сокровищница', т. е. сейф, в котором хранят драгоценности; *el guardarropa* 'гардероб', т. е. помещение для хранения одежды, и немногие другие. Местное значение существительных этого типа не выходит за пределы обозначения специальных помещений и в целом не противоречит положению о том, что предмет, означаемый словом, должен выступать как субъект действия, обозначенного глагольным элементом. Все приведенные существительные одновременно имеют также значение лица – субъекта действия. Ср. *el guardajoyas* означает: 1) лицо, которое *guarda las joyas* и 2) помещение или сейф, который *guarda las joyas*.

Значение действия не свойственно сложным существительным этого типа. Если некоторые из них соприкасаются с *nomina actionis*, то они все же никогда не обозначают процесс, а указывают на конкретное содержание или характеристику какого—либо действия, например, поступка (ср. *el pasavolante* 'необдуманный поступок'), удара (ср. *el tarabosa* 'зуботычина'), игры (*el rompecabezas* 'головоломка') и др.

То же самое можно сказать о существительных, обозначающих явления природы, например, *el calabobos* 'мелкий дождь', *el matapolvo* 'кратковременный дождь' и некоторые

¹⁹⁹ [Покровский 1895: 83].

другие. Понятие, означаемое этими существительными, можно представить себе как свойство субъекта действия, выраженного глагольным элементом. Например, *el calabobos* означает такой дождь, который *cala a los bobos* (т. е. «промачивает дураков»), *el matapolvo* – такой дождь, который *mata el polvo* (т. е. «прибивает пыль»).

Значение результата действия им не свойственно. В связи с этим можно привести следующее наблюдение акад. М. М. Покровского: «Дело в том, что в некоторых случаях язык не проводит резкой разницы между орудием и результатом действия под влиянием двойственности воззрения на орудие вообще»²⁰⁰ (ср. *язык, голос* и др.). «Императивные» существительные, среди которых широко распространено инструментальное значение, почти не знают подобного изменения своей семантики. Очевидно, причину этого следует видеть в четкости связи между его семантической структурой и лексическим значением, которая поддерживается сопоставлением с соответствующей синтаксической конструкцией. Это мешает затемнению отношения между компонентами сложного слова, предшествующему обычно сдвигу в значении, переходу от инструментального значения к результативному.

Однако все же имеются случаи, когда это соотношение смещается. Это происходит тогда, когда именной компонент сложного слова является субъектом действия, выраженного глаголом. Такое взаимоотношение возникло на базе императивного предложения, в котором второй компонент был обращением. Например, *andaniño* – плетеная стойка, с которой дети учатся ходить, букв. 'иди, дитя', *santarrana*, букв. 'пой, лягушка', – игрушка, сделанная из ореховой скорлупы и производящая звук, похожий на кваканье лягушки, (ср. также рус. *горизвет, Звенигород*). В связи с тем, что глагол потерял значение императива, именной компонент воспринимается как субъект действия, выраженного глаголом. Однако на базе этого типа императивного предложения не сформировался продуктивный вариант данной модели словообразования.

Сдвиг принципа, лежащего в основе функционирования данной модели словосложения, можно наблюдать еще в нескольких словах. Их также не более 5–8. Второй элемент в таких существительных остается объектом действия, выраженного глагольным компонентом, но нарушается связь между последним и предметом, обозначаемым всем словом. Возможность такого сдвига также определяется тем, что глагол ранее осмыслялся как повелительное наклонение и все сложное слово представлялось как обращение. Если это обращение адресовалось лицу или предмету, обозначаемому данным словом, то между ним и действием, выраженным глагольным элементом, устанавливалась субъектно—предикативная связь. Если же обращение как бы делалось от имени лица или предмета, обозначаемого всем словом или вообще со стороны, то это соотношение нарушалось.

Так, куст, из листьев которого в Центральной Америке добывают чернила, называется *sacatinta* 'якобиния' (букв. 'добудь—чернила'). В этом случае обозначаемый существительным предмет нельзя представить как субъект действия, выраженного глаголом; ср. также *cielgasaras* или *cielgatoras* 'вешалка' (букв. 'повесь—плащ' или 'по—весь—одежду'); *pasamanos* 'перила' (букв. 'проведи—рукой'), *pasacalle* 'уличная музыка, народный марш' (букв. 'проходи—по—улице'); *pasa—caballo* 'понтон' (букв. 'проезжай—на—лошади') и немногие другие. Внутренняя форма этих слов выражает своего рода приглашение совершить означенное действие.

Из сделанного краткого обзора вытекает, что в подавляющем большинстве случаев означаемый сложным существительным предмет или лицо выступает как субъект действия, заключающегося в глагольном элементе сложного слова. Как правило, это бывает субъект активного действия, а не состояния. Последнее обстоятельство зависит от того, что обычно глагол, входящий в состав сложного слова, является переходным, имея прямое дополнение,

²⁰⁰ [Покровский 1895: 100].

выраженное во втором компоненте слова. Случаи, когда между элементами сложного слова устанавливается обстоятельственная связь, в целом редки.

Поскольку денотат слова представляется как субъект активного действия, императивы прежде всего используются для обозначения лица. В зависимости от того, как характеризует человека внутренняя форма существительного – по исполняемой им общественной функции или по какой—либо черте характера, – среди сложных слов со значением лица можно выделить две группы: 1) названия профессии (функциональная характеристика), например, *el limpiabotas* 'чистильщик сапог', и 2) шуточные и фамильярные нарицательные имена (образная характеристика), например, *el zampatortas* 'обжора'. «Императивные» имена могут обозначать также предмет. В связи с тем, что носитель названия воспринимается как субъект действия, большинство существительных в этом случае обозначает инструменты, приспособления, машины, аппараты и пр. Внутренние формы таких существительных характеризуют предмет по основной функции, исполняемой им в практике человека. Однако есть случаи, когда внутренняя форма слова дает предмету образную характеристику, определяя его по какой—либо яркой, иногда забавной черте. Таким образом, сложные существительные, обозначающие предмет, также распадаются на две группы: 1) существительные с инструментальным значением (например, *el tiralíneas* 'рейсфедер' (функциональная характеристика), 2) образные названия предметов (образная характеристика), например, *el rascacielos* 'небоскреб'.

Кроме этих двух больших семантических классов, подразделяющихся каждый на две группы, выделяется еще один значительный класс, куда включаются названия растений и животных. Внутренняя форма сложных существительных, принадлежащих этому классу, может давать как функциональную, так и образную характеристику обозначаемому объекту. Например, *matapulgas* букв. 'то, что убивает блох', растение, употребляющееся против паразитов (функциональная характеристика) и *quitameriendas*, букв. 'то, что не дает завтракать, отбивает аппетит': внутренняя форма слова содержит намек на неприятный запах растения (образная характеристика).

Таковы наиболее продуктивные для современного испанского языка семантические классы сложных существительных типа *el guardabosque*. Остальные группировки по значению невелики. Так, имеется небольшая группа существительных со значением места, несколько слов служат названиями игр, удара, явлений природы (дождя, ветра) и др. О них вкратце упоминалось выше.

Вопрос об употреблении сложных слов этого типа в топонимике лежит за пределами данной работы. Отметим, что среди названий крупных городов они не встречаются. Названия мелких населенных пунктов, расположенных в той или иной области, иногда бывают построены по данному типу. Например, *Miraflores* (Мадрид), *Mira—valles* (Бискайя), *Cantavieja* (Теруэль), *Guardamar* (Аликанте), *Torna—vacas* (Эстремадура), *Cantalapiedra* (Саламанка) и некоторые другие. Особенно распространены названия, первым компонентом которых является основа глагола *mirar*: *Miramar*, *Mirarrío*, *Mirafuentes*, *Miralcampo*, *Miracruz* и др.

Можно предположить, что среди названий деревень этот способ словосложения распространен шире. К сожалению, мы не располагали необходимым материалом, чтобы сделать более определенные выводы.

в. Сложные существительные со значением лица (nomina agentis)

01. Названия профессий

Сложных существительных этого типа со значением профессии в современном испанском языке не так много, их менее 50. Обозначение профессии «императивными» словами делается через указание на ту функцию, которую определенное лицо выполняет в обществе; например, *el guardabosque* 'лесной сторож' (букв. 'тот, кто сторожит лес'), *el limpiachimeneas*

'трубочист' (букв. 'тот, кто чистит трубы'), *el limpiabotas* 'чистильщик сапог' (букв. 'тот, кто чистит сапоги') и др.

В настоящий момент сложные существительные этого типа большей частью означают профессии невысокой квалификации. Ср. *la lavaplatos* и *la friegaplatos* 'судомойка', *el guardacabras* 'козопас', *el pisauvas* 'выжимальщик виноградного сока', *el guardacaballos* 'коновод', *el guardabanderas* мор. 'сигнальный старшина' и пр.

Рабочий сцены называется по—испански *el sacasillas*, букв. 'тот, кто уносит стулья'. В этом же значении употребляется слово *el metemuertos*. Словари дают также двойную форму этого слова *metesillas* и *sacamuertos*. В литературе встречаются и другие его варианты. Ср. *Tuvo riques con metesillas y saca—bancos* (Valle—Inclan 1940, v. 1, 33) — 'У него были столкновения с рабочими сцены' (букв. 'теми, кто приносит стулья и уносит скамейки'). Этот пример свидетельствует, между прочим, о том, что некоторые образования этой семантики непрочны. Часто это прозвища. В только что цитированном романе Р. Валье—Инклана «Арена иберийского цирка» встречается также не зарегистрированное словарями слово *vendemantas* 'торговец шальями' (Ibid., 115), употребленное в ироническом смысле.

Укрепились в языке старые названия ремесленников, кустарей и др. профессий невысокой квалификации. Однако встречаются и сравнительно недавние образования. Сохраняет продуктивность глагол *guardar* 'охранять, беречь, сторожить'. Ср. следующие названия железнодорожных служащих *el guardagujas* или *el cambiavía* 'стрелочник', *el guardavía* 'путевой сторож', *el guarda frenos* 'тормозной кондуктор', *el guardabarrera* 'будочник' и некоторые другие. Многие слова «охранительной» семантики возникли, по—видимому, под влиянием французского языка: ср. фр. *garde—barriere*, *garde—frein*, *garde—voie*. Заметим попутно, что словообразование с глаголом *guardar* весьма активно. В академическом словаре 1956 г. отмечено более 50 слов с этим глаголом. К ним можно добавить около 20 латиноамериканизмов, отмеченных в словаре 2004 г. (Испанско—русский словарь. Латинская Америка). Ср. *guardaviñas* 'сторож виноградника', *guardabrisa* 'дверь', *guardacomidas* 'верхняя часть груди' и др. Трудно сказать, является ли последнее наименование образным или нет.

Следует отметить, что прежде сложные слова подобного рода могли обозначать не только профессии кустарей и ремесленников. Они иногда означали и такие почетные должности, как *el guar—dadamas* 'придворный церемониймейстер', *el portaguión* 'офицер, который нес королевский штандарт', *el portaestandarte* 'знаменосец' и некоторые другие. Однако в дальнейшем, этот способ словообразования стал употребляться лишь для обозначения профессий невысокой квалификации. Названия ряда профессий были в связи с этим заменены новыми. Например, *sacamuélas* букв. 'зубодер', было раньше обычным названием зубных врачей. В первом издании словаря Испанской академии дано такое объяснение этого слова: *el maestro dedicado a sacar las muelas*.²⁰¹ И лишь тогда, когда появилось существительное *el dentista* (от лат. *dens, dentis* 'зуб'), слово *el sacamuélas* стало презрительной кличкой зубных врачей, а также начало употребляться в значении 'шарлатан, обманщик'.

Одной из причин непродуктивности словосложения данного типа для обозначения профессий явился, возможно, его полисемантизм. Многозначность могла находить свое выражение в конкретных словах, служивших названием как профессии, так и инструмента, которым представитель данной профессии пользуется. Например, *el matafuego* означало 'пожарник' и 'огнетушитель'. В дальнейшем в первом значении стало предпочитаться существительное *el bombero*.

Кроме того, сложные существительные этого типа часто являются насмешливыми кличками пьяниц, бездельников, фланеров, дураков, лентяев, болтунов, обманщиков и шарлатанов. Иногда одно и то же слово совмещало название профессии и подобное насмешли-

²⁰¹ См. [Diccionario RAE, VI: 7].

вое прозвище. Например, *el catavinos* 'дегустатор' могло употребляться также в значении 'пьяница'. Поэтому для обозначения профессии дегустатора стало предпочтительным слово *el degustador*.

В силу указанных обстоятельств данный способ словообразования практически не встречается среди названий высококвалифицированных специалистов.

К названиям профессий типа *el guardabosque* примыкают также некоторые сложнопроизводные слова, например, *el picapedrero* 'каменотес'. Можно предположить, что это раннее образование, относящееся к периоду, когда императив с дополнением воспринимался еще как словосочетание, и для того, чтобы придать ему цельно—оформленность, необходим был суффикс. Ср. также *cazatorpedero*, *misacantano*, *cuentadante*, *sacamolero* (в значении *sacamueltas*) и др.

02) Образная характеристика лица

Многочисленную и яркую группу составляют «императивы», дающие образную характеристику человека. К именам этой категории подходит замечание акад. В. В. Виноградова о том, что «во внутренних формах слова выражается не только 'толкование действительности', но и ее оценка».²⁰² В них отражено презрение к порокам, насмешка над горе—специалистами, шутка над смешными качествами людей. Внутренняя форма таких слов обладает необычайной выразительностью.

Алкала Самора—и—Торрес так характеризует сложные слова этого типа: «Народное происхождение и развитие нашего словосложения объясняет его тенденции. Ему свойственна дерзость, насмешливость, непочтительность: оно смеется над *aguafiestas*, *perdonavidas*, *quitamotas*; называет адвоката *picapleitos*, врача — *matasanos*, верующего — *engarzacredos*, чиновника — *chupatintas*, художника — *pintamonas*, музыканта — *rascatripas...*».²⁰³ К этому можно добавить *man—chacuartillas* 'писатель', *desuellacaras* 'брадобрей', *atropellaplatos* 'служанка', *rascatripas* 'скрипач', *sacamuertos* 'машинист сцены', также 'обманщик, плут' и др.

Бездельник, лодырь, ханжа, пьяница, дурак, сводник, болван, задира, попрошайка, обжора, льстец, фланер, воображала, гордец, неряха и пр. — таковы самые распространенные значения сложных слов, принадлежащих к данной группе. Например, *echacuervos* 'сводник', *paranatas*, *mamacallos* 'олух, молокоcoc', *matasiete*, *perdonavidas*, *tragahombres* 'фанфарон', 'забияка', *azotacalles*, *rompesquinas*, *correcalles* 'зевака', 'бездельник', *tragavirotos* 'чопорный человек', *zampalimosnas*, *tragasopas* 'попрошайка', *rompregalas* 'оборванец, неряха', *relafustán*, *relagatos*, *relagallos* 'бездельник', 'ни к чему не годный человек', *botafuego*, *cascarrabias* 'злой, вспыльчивый человек', *tragasantos*, *chupacirios*, *tragaavemarías* 'ханжа', 'святоша', *tragasangre* 'сутенер', *lameculos*, *quitamotas*, *tiralevitas* 'льстец', *vendera—tria* 'предатель', 'тот, кто продает родину'. Испанские рабочие называли штрейкбрехера *rompehuelga*. На страницах латиноамериканских газет можно встретить слово *tramaguerras* 'поджигатель войны', букв. 'тот, кто затевает войну'.

Словом *queta—libros* (букв. 'тот, кто сжигает книги') называют обскурантов, предающих огню «еретическую» литературу.

Из приведенных примеров явствует, что почти все сложные существительные, дающие образную характеристику человека, обладают определенной экспрессивной окраской, указывающей на отрицательное отношение к характеризуемому явлению со стороны говорящих. Лицо, обозначаемое таким словом, всегда выступает как объект насмешки, осуждения, презрения. Такая направленность слов этой семантики настолько сильна, что подчас они почти совсем утрачивают специализацию своего значения и употребляются просто для

²⁰² [Виноградов 1947: 18].

²⁰³ Цит. по: [Bello, Cuervo 1949: 54].

выражения пренебрежения. Семантический центр тяжести при этом переносится на ту отрицательную эмоциональную оболочку, которой обладают сложные слова этой группы. Например, в романе Гальдоса «Кадикс» читаем: *Ya andan por ahí los zampatortas con la cabeza inclinada como higo maduro desde que saben va a salir tu Diccionario* (Galdós 1951, 176) 'С тех пор как стало известно, что выходит твой словарь, бродят здесь всякие болваны, свесив головы как спелые смоквы'. Слово *el zampatortas*, которое часто употребляется в значении 'обжора', означает в данном случае 'воображала, болван'. Такое объяснение дали ему и комментаторы русского издания этого романа (Idem., 287). Резкая негативная окрашенность слова привела к вуалированию его семантической конкретности. Аналогичное явление можно наблюдать на примере других слов этого типа. Так, *tragamallas* 'обжора' (букв. 'тот, кто заплывает кольчугу') употреблялось также в значении 'шарлатан, обманщик'; ср. у Кеве—до: *Yo conozco a éstos, porque a otro vecino mío engañó otro tragamallas, y en solo carbón le hizo gastar en dos meses mil ducados, diciendo que haría oro, y solo hizo humo y ceniza y, al cabo, robó cuanto tenía* (Quevedo 1924, 174) 'Я этих типов хорошо знаю, потому что одного моего соседа обманул один такой шарлатан, заставив истратить в два месяца только на угле тысячу дукатов, говоря, что делает золото, а получился только дым и пепел. В конце концов, он украл у него все, что тот имел'. Слово *el desuellacaras* (букв. 'тот, кто обдирает лица') было кличкой скверных парикмахеров. Постепенно оно расширило область денотации и стало употребляться в значении 'нахал, негодяй'. Ср. у Сервантеса: *Mal haya mi señor Anselmo, que tanta mano ha querido dar a este desuellacaras en su casa!* (Cervantes 1947, 231) 'Да накажет Бог сеньора Ансельмо, давшего такую власть в доме этому наглецу'. Ср. также следующее грозное обращение «нимфы» к Санчо Пансе, не пожелавшему высечь себя ради спасения Дульсинеи: *Si te mandaran, ladrón, desuellacaras, que te arrojara de una alta torre al suelo, si te pidieran, enemigo del género humano, que te comieras una docena de sapos, dos de lagartas y tres de culebras...*, no fuera maravilla que te mostraras melindroso y esquivo (Ibid., 527) 'Если бы тебе, бесстыжий разбойник, приказали броситься на землю с высокой башни, если бы тебя, враг рода человеческого, просили съесть дюжину жаб, две дюжины ящериц и три дюжины змей..., то тогда никто не стал бы удивляться твоему ломанью и твоим уверткам'. См. также (Cervantes 1914, v. 1, 195). В аналогичном значении употреблялось это слово и другими авторами XV–XVII вв. Ср.: (Rojas 1931, v. 2, 165).

Таким образом, некоторые «императивные» имена могут употребляться без строгой семантической дифференциации. В них на первый план выдвигаются эмоционально—оценочные коннотации.

Следует, впрочем, указать, что во многих словах преобладает шуточный, юмористический оттенок и негативная направленность их ослаблена; например, словом *el trotamundo* (букв. 'тот, кто бродит по миру') называют человека, который много ездит, словом *el tragaleguas* (букв. 'тот, кто глотает мили') называют скорохода.

Приведенные выше сложные слова дают образную характеристику человека с точки зрения его моральных качеств, внутреннего облика, поведения, привычек и склонностей. Иногда сложное существительное подобного рода характеризует лицо по его физическим недостаткам. Примером таких слов может послужить *el arrancapinos* букв. 'тот, кто выдергивает сосны', употребляющееся применительно к человеку маленького роста.

К этой же семантической группе, как ее разновидность, принадлежат насмешливые нарицательные имена, даваемые представителям определенных профессий вообще или горе—специалистам. Большей частью сложные слова этого рода имеют как тот, так и другой семантический оттенок. Точно так же, как и все другие существительные этой группы, презрительные клички профессионалов построены на образной характеристике, например, *el matasanos* (букв. 'тот, кто и здорового убьет') употребляется как презрительная кличка врачей, *el sacamantas* (букв. 'тот, кто стаскивает одеяла') служит кличкой сборщиков податей

и судебных исполнителей, *el matatías* (букв. 'тот, кто убивает теток') употребляется как прозвище ростовщиков, *el pintamonas* (букв. 'тот, кто рисует обезьян') означает 'плохой художник', *el chupatintas* (букв. 'тот, кто сосет чернила') используется как кличка канцелярских чиновников, писцов, *el gascatripas* 'скверный музыкант' (букв. 'тот, кто раздирает внутренности'), *el picarleitos* (букв. 'тот, кто возбуждает судебные процессы') является кличкой адвокатов, юристов, *el tarapujeros* (букв. 'тот, кто затыкает дырки') – прозвище плохих каменщиков, *el saltatumbas* (букв. 'тот, кто прыгает по могилам') – прозвище священников, зарабатывающих на похоронных церемониях. Сюда же относятся такие слова, как *sacamuelas* и *garabarbás*, не имевшие, по—видимому, раньше презрительного оттенка. *Destripaterrones* (букв. 'потрошитель земли') является презрительной кличкой крестьян. Иногда в народе это слово употребляется в испорченной форме *estripaterrones*. Ср. например, следующие куплеты, приводимые Ф. Кабальеро:

El cielo nos dé paciencia
con estos hombres de campo
que son estripaterrones
sepulturas de gazpacho

(Caballero 1882, 246)

('Да пошлет нам небо терпенье с этими мужиками, которые потрошат землю и наедаются похлебкой').

Уже приведенные примеры показывают, что часть слов этой семантики является ироническими прозвищами представителей определенной специальности или категории людей, а не только горе—специалистов (например, *sacamantas*, *chupatintas*, *matatías*, *araga—candelas*).

В других случаях преобладающим является значение плохого специалиста (например, *matasanos*, *pintamonas*, *gascatripas*). Соответствующие слова также, впрочем, иногда означают представителей определенной профессии вообще. Ср. например, следующий пример употребления слова *matasanos* у Ф. Кабальеро: *Dígale Vd. a ese matasanos que si cuida bien a la chica le pagaré a peseta la visita* (Caballero 1860, 325) 'Передайте этому лекарю, что если он будет хорошо ухаживать за девушкой, я заплачу ему по песете за визит'.

Внутренняя форма этих слов, как уже говорилось, дает образную, а не функциональную характеристику означаемому лицу. Иногда эта образность, обладающая выразительной силой гротеска, достигается тем, что внутренняя форма слова указывает на функцию, противоположную той, которую должен исполнять представитель данной профессии (например, *el matasanos*).

Наблюдения над сложными словами, дающими образную характеристику лица, показывают, что среди них распространена синонимия. Причем специфика синонимов заключается преимущественно в оригинальности того образного представления, которое содержится в каждом. «В н у т р е н н я я ф о р м а слов есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль. Этим только можно объяснить, почему в одном и том же языке может быть много слов для обозначения одного и того же предмета...».²⁰⁴

Это определение А. А. Потебни хорошо характеризует синонимику среди сложных существительных данной семантической группы. Синонимы, которые встречаются среди них, отличаются друг от друга именно своеобразием содержащегося в них представления. Например, имеется следующий ряд синонимов со значением 'льстец': *quitamotas* букв. 'тот,

²⁰⁴ [Потебня 1892: 102]

кто снимает пылинки', *tiralevitas* 'тот, кто одергивает сюртук', *lavacaras* 'тот, кто обмывает лица', *alzafuelles* 'тот, кто поднимает облака (лесты)', *lameculos* 'задолиз', *quitapelillos* букв. 'тот, кто обирает волосы'. Все эти синонимы отличаются от *adulón* и *lisonjero* тем, что являются словами с живым, колоритным образом, заключающимся внутри каждого из них и различающим их между собой.

Ряд сложных слов этого типа имеют значение 'обжора': например, *tragaldabas*²⁰⁵ букв. 'тот, кто глотает щеколды'; на близком к нему образе построено *tragamallas* – 'тот, кто глотает кольчугу'. Это же значение имеет *zampabodigos* – букв. 'тот, кто поедает буханки'. Слово *bodigos*, ставшее неупотребительным, было заменено близкими по значению словами, в результате чего возникли: *zampabollos* – 'тот, кто поедает булки' и *zampatortas* букв. 'тот, кто поедает пирожные'. Кроме перечисленных синонимов существует еще *zamparalos* – букв. 'тот, кто съедает палки' и, наконец, *tumbaollas* – букв. 'тот, кто опрокидывает горшки'. Наиболее употребительными из 7 перечисленных синонимов являются *zampabollos* и особенно *zampatortas*.

Все различие между этими синонимами сконцентрировано в образах, на которых они построены. Специфика этих слов определяется, следовательно, их внутренней формой. Такие существительные, как *azotacalles* в отличие от *vago*, *zampatortas*, в отличие от *glotón* и *tonto*, *tiralevitas*, в отличие от *lisonjero*, *echacuervos*, в отличие от *alcahete* и т. д. постоянно ощущаются в двух планах: со стороны своего лексического значения и того внутреннего образа, из которого оно вытекает. Поскольку основное значение этих слов для языка связано с их внутренней формой, последняя проявляет повышенную сопротивляемость опрощению. Лишь очень немногие существительные этой группы функционируют теперь в языке в одном плане – в своем лексическом значении. Например, *rapanatas*, *pisaverde*, *cascarrabias* фактически превратились в обычные безобразные слова. Однако часто бывает иначе. Ослабление внутреннего образа ведет к замене данного сложного слова новым, построенным по тому же словообразовательному принципу. Разговорный язык стремится постоянно освежать, обновлять свои выразительные средства. Так, *alzafuelles*, *lavacaras*, *quitamotas*, сменяя друг друга в той или иной последовательности, отошли на второй план, оттесненные вновь возникшими синонимами *lameculos* и *tiralevitas*.

Иногда на примерах употребления сложных слов этой семантики удастся проследить, как отчетливо, наряду с лексическим значением, выступает их внутренняя форма. Существительное *matacandelas* – букв. 'тот, кто гасит свечи', означает 'церковный служака', а также является презрительной кличкой духовенства.

Любопытен следующий случай его употребления в романе Галь—доса «Кадикс»: *Los matacandelas de toda luz de la razón no quisieran que alumbrase al mundo más luz que la de las hogueras inquisitoriales* (Galdós 1951, 123.) 'Гасители светоча разума хотели бы, чтобы мир освещали только костры инквизиции'.

На этом примере видно, как слово *matacandelas* функционирует в двух планах: автор пишет о «гасителях светоча разума» и одновременно сообщает, что ими являются «гасители церковных свечек». Роль внутренней формы заметна и в выборе варианта слова: это *matacandelas*, а не *aragacandelas*, потому что внутренняя форма первого из них является более выразительной, (*matar* значит 'убивать', но употребляется также в значении 'гасить', *aragar* означает просто 'гасить'). Интересно отметить, что через две страницы в менее экспрессивно насыщенном контексте автор употребляет слово *araga–candelas* (Ibid., 125).

²⁰⁵ Ср. у А. Труэбы: «*Lesmes padecía una terrible hambre canina a la que debía el apodo de Tragaldabas con que era conocido*» (Trueba, Narraciones, 185).

Другим примером функционирования в двух планах сложных существительных этой семантики может служить следующий диалог между персонажами романа Валье—Инклана «El ruedo ibérico» («Арена иберийского цирка»).

– Tú no eres lo que aparentas – Vallín disimuló.

– Ahí atrás me han tomado por el saca—mantecas.

– Ni eres saca—untos ni saca—bolsas.

– Pues seré lo que tú quieras (Valle—Inclán 1940, vol. I, 104.)

(– Ты не то, чем кажешься. – Вальин притворился: – Там меня приняли за вора—убийцу. – Нет, ты даже не взяточник и не карманник. – В таком случае, считай меня, кем хочешь').

Внутренний смысл этого диалога строится на том, что один из собеседников, Вальин, употребляет слово *sacamantecas* (вор, убивающий своих жертв²⁰⁶), которое буквально значит 'тот, кто выпускает жир (т. е. потрошит, распарывает живот). Используя внутренний образ, содержащийся в данном существительном, цыганка, собеседница Вальина, отвечает ему, очевидно, ситуативным словом (оно не отмечается в словарях) *saca—untos*, второй компонент которого (*unto*) является синонимом *manteca* (жир), но употребляется также в жаргоне в смысле 'деньги'. Затем, продолжая игру слов, она заменяет в обычном *cortabolsas* 'карманник' первый элемент глаголом *sacar* по аналогии с *saca—mantecas*.

Приведенные примеры показывают, какими стилистическими возможностями обладают существительные этого типа благодаря содержащемуся в них образу, позволяющему автору создать насыщенный смысловыми оттенками подтекст.

Именно в силу прозрачности своей внутренней формы существительные этого типа часто возникают непосредственно в речи и не закрепляются в языке совсем или оказываются недолговечными. Другие имеют областной характер и варьируются от одной провинции к другой, не входя прочно в общенародный язык.

В произведениях художественной литературы нередко встречаются слова этого типа, не отмеченные в словарях и не являющиеся стойкими лексическими соединениями. Это зафиксированные писателем различные разговорные словечки, а также результат его собственного словотворчества.

Приведем несколько примеров.

Один из персонажей Ф. Кабальеро называет Наполеона *quita—reinos* (Caballero 1882, 219) т. е. букв. 'тот, кто отнимает королевства'. У того же автора встречается слово *enjuagavasos* букв. 'тот, кто полощет стаканы'. Это существительное употреблено как презрительная кличка лакеев: – Oye, enjuaga—vasos, – le dijo a un criado que pasaba llevando unos candeleros a una mesa de tresillo, – llama de mi parte al señor don Fabián (Caballero 1860, 230) – Послушай ты, полоскатель стаканов, – сказал он лакею, который проходил мимо, неся подсвечники на карточный стол, – позови от моего имени сеньора Фабиана'.

Не регистрируется словарями также слово *tragacorazones* 'сердцеед', букв. 'тот, кто глотает сердца'. Этим существительным Э. Пар—до Басан характеризует одного из своих героев: *Miraba yo al vizconde con interés curioso buscando en su fisonomía la historia íntima del terrible traga—corazones, por quien habitaba un manicomio una duquesa, y una infanta de España había estado a punto de echar a rodar el infantazgo y cuanto echar a rodar se puede* (Pardo—Bazán 1891, v. X, 94.) 'Я с интересом смотрела на виконта, стараясь прочесть на его лице тайную историю страшного сердцееда, из—за которого сидела в сумасшедшем доме некая герцогиня, а инфанта Испании едва не потеряла свои права и не пустила по ветру все, что можно пустить по ветру'.

²⁰⁶ Это слово употребляется теперь чаще в значении 'бука', т. е. для запугивания детей.

В цитированном уже рассказе Ф. Кабальеро жадного и безбожного человека называют *roba—santos* (Caballero 1860, 222), букв. 'тот, кто грабит святых'. В другой повести того же автора один из персонажей так описывает характер своего сына: *Es un cena—a—oscuras, —decía el general a sus compinches, hablando de su hijo, — es apocado, no tiene nervio. Sus maestros dicen que tiene una gran inteligencia, mucha memoria, fácil la comprensión y deseos de instruirse* (Ibid., 188) 'Это угрюмый, замкнутый человек, — говорил генерал своим приятелям о сыне, — малодушный и слабохарактерный. Его учителя говорят, что он обладает большим умом, памятью, легкостью понимания и желанием учиться'. *El cena—a—oscuras* (букв. 'тот, кто ужинает в потемках') употребляется для характеристики угрюмого, нелюдимого человека, а также человека скупого. Приведенные выше слова, очевидно, взяты из разговорной речи, а не изобретены автором.²⁰⁷

В некоторых случаях трудно определить источник сложных слов данного типа. Например, одного из персонажей романа Гальдоса «Жена Брингаса» за мелочность, скопидомство, невероятный педантизм и аккуратность называют *el pisahormigas* букв. 'тот, кто давит муравьев': *Esto no lo sabrá nunca un rosa—cosa, un pisa—hormigas, que me está predicando tres horas porque puse o no puse siete garbanzas más en el cocido* (Galdós 1954, 77) 'Этого никогда не узнает это ничтожество, этот жалкий человек, который мне выговаривает по три часа за то, что я переложила или недоложила несколько горошин в жаркое'.

Название *pisa—hormigas* закрепляется за Брингасом и употребляется далее как его прозвище. Например, одна из героинь говорит его жене: *Métase en su rincón, a la vera del pisahormigas* (Ibid., 232) 'Уходите лучше в свой угол под крылышко «давителя муравьев». Это слово не отмечается в словарях и не употребляется в современной речи, можно предположить, что оно принадлежало разговорному языку.

Приведем примеры чисто ситуативного создания сложных существительных этого типа у различных авторов. Ср. у Труэбы: *Bartolo subió anoche al cuarto de la hija del alcalde y al bajar por el balcón dejó allí el sombrero; por el sombrero se descubre el salta—balcones y atropella—doncellas...* (Trueba 1865, 132) 'Бартоло поднялся вчера вечером в комнату дочери алькальда и, спускаясь с балкона, оставил там свою шляпу. Это и выдаст прыгуна по балконам и соблазнителя юных девушек'. Слово *salta—balcones* (букв. 'тот, кто прыгает по балконам') обусловлено всем контекстом. Оно как бы спонтанно возникло в момент речи персонажа. *Atropella—doncellas* ('соблазнитель девиц') могло принадлежать разговорному языку.

Несомненно ситуативным является слово *portabigotes* в следующем отрывке:

- No veis que es un portabigotes.
- Es un facha.
- Es un cursi» (Caballero 1860, 230)

(— Разве вы не видите, что это не человек, а одни усы. — Это настоящее чучело. — Он вульгарен!).

Слово *portabigotes* образовано по аналогии с серией существительных, начинающихся с основы глагола *portar* и означающих 'приспособления для ношения чего—либо' (например, *portamonedas* 'кошелек', *portaviandas* 'судки' и т. д.). *Portabigotes* употреблено в насмешку над человеком с большими усами, который сам как бы служит их «носителем».

Приведенные примеры свидетельствуют о нестойкости сложных существительных данного типа, ряд которых не попадает даже в словари. Необходимо, впрочем, заметить, что, несмотря на большую текучесть сложных слов со значением образной характеристики лица, некоторые из них оказываются довольно устойчивыми. Так существительное *trotaconventos* 'сводня, ханжа', букв. 'тот (или та), кто бродит по монастырям' встречается уже у Хуана Руиса (XIV в.), написавшего сатирическое стихотворение под названием: «De cómo Trota—

²⁰⁷ *Cena—a—oscuras* отмечено в академическом словаре, а также в [Gran diccionario 2000].

Conventos habló con la Mora de parte del arcipreste é de la respuesta que le dió» (La literatura Española 1948, 48) 'О том, как сводня разговаривала с мавританкой от имени протопресвитера и какой ответ она получила'. Существительное *trota*—*conventos* употребляется и в современном языке. Ср., например, у Ф. Кабальеро: *Perico no es celoso ... ni es ningún trota—conventos gazmoño* (Caballero 1860, 62) 'Перико не ревнивец., но и не лицемерный ханжа'.

Как видно из приведенного примера, длительное существование в языке сложных слов этого типа не ведет обычно к их опрощению, как это случается с другими идиоматичными словами.

В современном испанском языке согласно данным словаря Испанской академии изд. 1956 г. насчитывается несколько более 100 слов со значением образной характеристики лица. Однако эту цифру нельзя считать вполне достоверной. Большая текучесть сложных существительных данного типа приводит к тому, что в словарь попадает ряд устарелых, вышедших из употребления слов (например, *derramaplaceres*, *deshonrabuenos* etc.). С другой стороны, в нем не отмечены многие неологизмы, принадлежащие современному разговорному языку, такие как *tiralevitas* etc.

В задачу настоящей работы не входит подробная стилистическая характеристика сложных слов. Однако уже сделанные наблюдения позволяют констатировать, что сложные существительные этой семантики принадлежат разговорной речи, а также используются в языке художественной литературы, являясь средством создания художественного образа, заключенного в рамки одной лексической единицы – слова.

Любопытно отметить также, что сложные существительные этого типа, благодаря прозрачности своей семантической структуры, предоставляют богатые возможности для создания каламбуров, для игры словами. Использование их является также одним из приемов писателей—культистов. Такая стилистическая двойственность суще—ствительных этого типа вытекает из заложенных в них возможностей употребления: образ привлекает и простой народ и рафинированных эстетов.

2. Названия предметов

01. Имена существительные с инструментальным значением (*nomina instrumenti*)

Одну из основных семантических группировок среди императивных сложных слов составляют существительные с инструментальным значением: названия всевозможных приспособлений, инструментов, аппаратов, машин, а также игрушек.

Большое количество сложных слов этой группы означает предметы, употребляемые в быту, и не имеет терминологического значения. Например *pisarapeles* 'пресс—папье', *cascanueces* 'щипцы для колки орехов', *cortaplumas* 'перочинный нож', *cortarapeles* 'нож для резки бумаги', *cortalápiz*, *sacapunta*, *afilalápices* 'машинка для точки карандашей', *sacacorchos* 'штопор', *mondadientes* 'зубочистка', *tirabotas* 'крючок для снятия сапог', *limpiaúñas*, *limpiaplumas*, *limpiareínes* 'приспособление для чистки соотв. ногтей, перьев и гребенок', *abrelatas* 'консервный нож', *fijapelo* 'бриолин', *pasamon—tañas* 'шлем', *paraguas*²⁰⁸ 'зонт от дождя', *parasol* 'зонт от солнца', *subgacama* 'покрывало', *sesamanos* 'кухонная тряпка для рук', *calientaplatos* 'ящик для подогревания тарелок', *escurreplatos* 'сушилка для тарелок', *cortarugos* 'щипцы для обрезывания сигар', *alzapaño* 'металлические подхваты для занавесей', *cazamoscas* 'липкая бумага от мух', *portafolio*, *portapliegos* 'портфель' и много других. Эти существительные не принадлежат никакой специальной терминологии, обозначая предметы домашнего обихода. Большинство из них прочно вошло в язык.

Наряду с ними к этой же семантической группе принадлежит значительное количество технических терминов. Функциональная характеристика, которую дает предмету

²⁰⁸ Отметим, что элемент *para* (от глагола *parar* 'останавливать') имеет тенденцию осмысляться как предлог *para* 'для', смешиваясь с первым компонентом таких слов, как *pararoso*, *parabién*, образованных с этим предлогом.

внутренняя форма сложных слов, предопределяет их использование в терминологических целях. Действительно, этот способ словосложения нередко применяется для обозначения различных технических приспособлений, деталей машин, аппаратов и пр. например: *cortatubos* 'труборез', *cortapernos* 'болторезные ножницы', *sacamuestras* 'прибор для извлечения пробы со дна нефтяной скважины', *pararrayos* 'громоотвод', *parachoques* или *paragolpes* 'буфер', *parachispas* 'искроуловитель', *cortafrió* 'зубило', *guardaengranajes* 'предохранительное прикрытие передачи', *tornapunta* 'подкос', *montacargas* 'грузоподъемник', *guar—dabarro* 'крыло у автомашины', *cortacable* 'канатный нож', *rompetron—cos* 'топор', *sacaraíces* 'корчевальная машина', *cortarraíces* 'корнерезка', *barretroncos* 'скрепер для расчистки деревьев', *paragociada* 'брызгоулавливатель в буровой вышке', *sacabocados* 'пробойник', *tiralíneas* 'рейс-федер', *lanzabombas* 'бомбодержатель самолета', *lanzallamas* 'огнемет', *guarda—escape* 'предохранительный кожух выхлопа машин', *lanzagases* 'газовый прожектор' и много других. Интересно обратить внимание на такое образование, как *limpia—parabrisas* ('метелка для протирания ветрового стекла автомашины'), в котором именовым компонентом является сложное существительное этого же способа образования (*parabrisas*).

Особой продуктивностью в области технической терминологии обладает основа глагола *portar*, входящая в состав более половины технических терминов данной морфологической структуры. Например, *porta—aislador* 'изоляционная подставка', *porta—matriz* 'основание матрицы', *porta—lámpara* 'патрон для лампы накаливания', *porta—escobillas* (электр.) 'щеткодержатель', *porta—carbón* 'угледержатель' (в сварочном аппарате), *porta—placa* 'рамка для диапозитивов', *porta—electrodo* 'электрододержатель', *porta—herramienta* 'черенок, ручка инструмента', также 'резцедержатель фрезерного станка', *porta—barrena* 'сверлильная бабка', *porta—fresa* 'бабка фрезера', *porta—alambre* 'роликовый изолятор', *porta—equipajes* 'багажник' и множество других.

Словосложение этого типа в той или иной мере характерно для большинства разделов технической терминологии. Как явствует из приведенных выше примеров, с ним можно встретиться среди названий различных станков, в строительном деле, в радиотехнике, среди электрических, военных, лесотехнических, авиационных и др. терминов. Трудно сказать при этом, в какой из областей терминологии данный способ словосложения является наиболее продуктивным. Однако следует отдельно указать на образование по данной модели существительных, связанных с мореплаванием. Сюда относятся прежде всего названия судов, например, *escampavía* 'разведывательное судно', *guarda—costas* 'сторожевой корабль', 'судно береговой охраны', *guardapesca* 'судно для охраны рыбной ловли', *cazatorpedero* 'истребитель эсминцев', *porta—aviones* 'авианосец', *rompehielos* 'ледокол', *cazasubmarinos* 'охотник за подводными лодками' и пр. К морской терминологии принадлежит и ряд других слов, таких как *botavara* 'бизань', *lanzatorpedos* 'миномет на корабле', *salvavidas* 'спасательный круг', *cataviento* 'флюгер', *portaluz* 'иллюминатор', а также ряд устарелых морских терминов, таких как *guardacartuchos*, *guardaguas*, *guardavela*, etc.

Технические термины часто выступают в функции определения в составном обозначении, например: *cabecal porta—cadena* 'головка цепи', *placa guardafuego* 'предохранитель от огня', *mandril portafresa* 'стержень фрезы', *bobina portavoz* 'каркас звуковой катушки (радио)', *agrón pescacable* 'ловильный крючок при бурении', *broca sacamues—tras* 'колонковый бур', *frasco cuentagotas* 'капельница', *martillo clavaestacas* 'установка для забивания шпунтовых стенок', *martillo romperavimientos* – вид лома, *tablero portamente* 'салазки объектива у фотоаппарата' и пр.

Следует отметить, что при употреблении таких сложных терминов нередко опускается первый элемент (определяемое). Так, вместо *frasco cuentagotas* говорят просто *el cuentagotas*, вместо *placa guardafuego* – *el guardafuego* и пр.

Работа с многоязычными словарями позволила сравнить словообразование технических терминов в различных романских языках. Наблюдения показали, что, хотя между отдельными романскими языками существует общность принципов словообразования технической терминологии, почти не встречается, однако, параллелизма в обозначении одних и тех же предметов и понятий. Так, например, испанскому *competroncos* соответствует фр. *fendeuse de souches*, порт. *quebra—troncos*,²⁰⁹ корчевальная машина называется по—испански *sacaraíces*; по—французски *déracineur*, по—португальски — *charrua*, по—итальянски *sradicatore*,²¹⁰ испанское *cortarraíces* соответствует фр. *extracteur de racines*, ит. *tagliaradici*, португальскому *cortador de raizes*,²¹¹ предохранитель от пыли называется по—испански *protector de polvo*, по—французски *écran dépourssiéteur*, по—итальянски *copercchio parapolvere*, по—португальски *escudo guarda—pó*²¹² и пр.

Это позволяет сделать вывод о том, что образование технических терминов, как правило, происходит в отдельных романских языках, независимо друг от друга. Поэтому можно считать, что возникновение технической терминологии по данной словообразовательной модели в испанском языке характеризует закономерности развития его системы словообразования и не является отражением принципов словообразования других романских языков, в частности французского. В отдельных случаях, однако, такое влияние возможно.

Использование сложных слов этого типа в технической терминологии, видимо, ведет свою традицию еще от терминологии ремесленников. Так в испанском академическом словаре 1726–1739 гг. отмечено значительное количество существительных данного способа образования, которые, несомненно, принадлежат ремесленной терминологии (например, *tirarié* 'шпандырь', *sacabocado*, *sacanabo*, *guardafuego* и пр.), а также много морских терминов (например, *guardatimones*, *guardacadenas*, *guardacabo*, *guardacartuchos*, *cataviento* и др.).

Касаясь вопроса продуктивности данного способа словосложения в технической терминологии, следует отметить, что несмотря на свою распространенность, он все же уступает суффиксации. Иногда приходится наблюдать даже, как сложные существительные данного типа вытесняются суффиксальными образованиями. Так, слово *cortacorriente* 'выключатель' уступило место слову *interruptor*.

Однако, словосложение данного типа, особенно с участием глагольного элемента *porta-* обладает немалой продуктивностью для образования технических терминов, так же как и для обозначения всевозможных предметов и приспособлений домашнего обихода. По данным испанского академического словаря 1956 г. с добавлением ряда существительных, в нем не зарегистрированных, можно примерно считать, что в современном испанском языке к этой группе принадлежит около 100 сложных слов. Кроме этого, более 100 слов дают технические словари.

02. Образная характеристика предметов

В особую семантическую подгруппу выделяются сложные существительные, внутренняя форма которых дает образную характеристику предмета, ими обозначаемого. Многие из них построены на оригинальном внутреннем образе, и их уместно сравнить со сложными существительными в значении образной характеристики человека. Эти семантические типы опираются на одинаковый принцип соотношения значения слова и его внутренней формы. И те и другие как бы представляют функцией предмета или лица то, что на самом деле ею не является. В результате этого слово получает презрительный, иронический, насмешливый, шуточный или юмористический оттенок. Рассмотрим несколько примеров существитель-

²⁰⁹ [Handy. Technical Dictionary 1949: 811].

²¹⁰ Ibid.

²¹¹ [Ibid.: 813].

²¹² [Ibid.: 749].

ных этой группы. *Ahogaviejas* (букв. 'то, что душит старушек') служит шуточным названием вставных челюстей. Как видно, внутренняя форма слова представляет функцией предмета его вредный эффект вместо полезного. Это придает существительному комический оттенок. *Alzacuello* (букв. 'то, что заставляет поднимать шею') 'брыжи' (в облачении духовных лиц), 'стоячий воротничок'. В современном языке слово *alzacuello* фактически потеряло свою образность.

Слово *ahogaserros* (букв. 'то, на чем вешают собак') означает мертвую петлю, затяжной узел. *El pasarán* употребляется как шуточное название глотки. Буквально это слово означает 'то (место), по которому проходит хлеб'. Ср. *Por supuesto, mañana me aprietan el pasarán o hacen salchicha conmigo* (Trueba 1864, 88) 'Завтра мне, разумеется, свернут шею или сделают из меня колбасу'.

В этот же класс, видимо, следует включить встретившееся в одном из романов Р. Валье—Инклана слово *escalzaperros*. Ср. *Pero usted tiene el genio muy súbito, y donde que se vea entre concurrencia, nos mueve usted el gran escalzaperros* (Valle—Inclán 1940, v. 1, 113) 'Но у вас очень вспыльчивый характер, и как только вы оказываетесь среди людей, вы тотчас поднимаете шум'.

Escalzaperros, очевидно, является испорченной формой *descalza—perros* букв. 'разуй—собак', которое, судя по контексту, следует интерпретировать как 'скандал', 'шумиха', возможно, 'преследование'. Это слово, видимо, является жаргонизмом. В современном языке оно неупотребительно.

К этой же группе относится слово *gascacielos* 'небоскреб' (калька с англ. *sky—scraper*), буквальное значение которого совпадает со значением внутренней формы соответствующего русского слова.

Существительное *el matarrata* (букв. 'то, что убивает крыс') употребляется для характеристики крепких спиртных напитков. В этом же значении встречается также *desuella—paladar* букв. 'то, что сдирает кожу с нёба'. Ср. *El decano para opinar así debe haber bebido un desuella—paladar catalán en lugar de excelente, exquisito deleitable, delicioso...* (фраза не кончена) (Caballero 1860, 264) 'Чтобы высказать подобное мнение, декан должен был выпить каталонскую водку «вырви—глаз» вместо прекрасного, утонченного, восхитительного, очаровательного. Это сложное существительное не отмечается в словарях и, очевидно, не является прочным лексическим образованием.

Слово *el mataburro* (букв. 'убей—осла', 'смерть осла') также обозначает крепкую водку, а на Кубе служит шуточным названием толкового словаря.

Существительное *matasuegras* (букв. 'убей—тещу') обозначает детскую игрушку. В северных провинциях Испании этим словом называют также большой кухонный нож. Всего с глаголом *matar* образовано около 40 существительных с агрессивным значением: *matagal—legos*, *matajudíos*, *matamoros*, *matahombre* и др. Обычно эти слова имеют переносный смысл, называя растения, насекомых, агрессивных людей.

Видимо, к этой группе следует отнести и такие слова, как *hurta—dinero* (малоупотр.) 'копилка' – букв. 'то, что крадет деньги', *traga—luz* 'слуховое окно' букв. 'то, что глотает свет', *guardainfante* 'кринолин' букв. 'то, что охраняет инфанту',²¹³ *taragabo* 'плавки, набедренная повязка у индейцев', букв. 'то, что прикрывает хвост', *sacadinero* 'дешевка, барахло' и немногие другие.

Внутренняя форма этих слов, как уже говорилось, не дает указания на функцию, выполняемую данным предметом. Наоборот, она часто содержит образное представление, придающее всему слову шуточный, иногда насмешливый оттенок. Это делает такие суще-

²¹³ Внутренняя форма этого слова основывается на том, что фижмы помогали беременным женщинам скрыть свое состояние.

ствительные не нейтральными в стилистическом отношении. Большинство из них принадлежит разговорному языку и имеет в словарях пометку *fam.* «фамильярное слово». Только немногие из слов этого типа постепенно становятся стилистически нейтральными (*tragaluz, tararrabo, rascacielos*).

Такому переходу способствовало отсутствие у этих слов стилистически не окрашенных синонимов. Однако большинство сложных существительных этой группы имеет одним из своих синонимов стилистически нейтральное слово. Например, *pasarán – la garganta, ahogaviejas – la dentadura postiza; hurtadinerо – la hucha*.

В ряде случаев само употребление сложных существительных показывает, насколько отчетливо ощущается их внутренний образ. В своей повести «*El sombrero de tres picos*» («Треуголка») П. Аларкон так характеризует черную треуголку и пурпурный плащ – символы власти коррехидора: *una especie de espantarájaros, que en otro tiempo había sido espantahombres* (Alarcón 1953, 49) ...своего рода огородное пугало, которое раньше могло пугать людей'. Пользуясь прозрачностью внутреннего образа слова *el espantarájaros* (букв. 'то, что пугает птиц'), автор создает параллельное ему существительное *espantahombres*, букв. 'то, что пугает людей'.

Приведем еще один пример, подтверждающий, что сложные существительные этой группы воспринимаются не только с точки зрения своей семантики, но также и с точки зрения своей внутренней формы. *Tragaldabas* – т. е. 'пожиратель щеколд' – герой одноименной сказки Труэбы, прозванный так за обжорство, говорит о себе: *Lo que me pasa es que no me pasa nada por el pasarán* (Trueba 1875, 186) – букв. 'Со мной происходит то, что ничего не проходит через мою глотку'. В этом каламбуре используется внутренняя форма слова *el pasarán* 'горло, глотка' (букв. 'проходи—хлеб'). Первый компонент данного существительного глагол *pasar* употреблен дважды в приведенном предложении в качестве самостоятельной лексической единицы.

03. Названия растений и животных

Акад. М. М. Покровский писал: «У всех народов очень распространено сопоставление явлений мира растительного с явлениями мира животного».²¹⁴ Параллелизм, который существует между царствами животных и растений, проявляется в способах их номинаций. В современном испанском языке их около 80. Это слова, возникшие и употребляющиеся среди народа и обычно не входящие ни в биологическую, ни в зоологическую систему терминологии, с которой они бы дисгармонировали. Терминологические названия растений и животных обычно существуют наряду с народными. Большинство их латинского происхождения. Например, *caudatrémula* употребляется в терминологии для обозначения трясогузки, в народе же ее называют *aguzanieves*. Народное название *atrapamoscas* соответствует терминологическому *dionea*; *асónito* существует в качестве термина параллельно с *matalobos* 'волчий корень', *quitamerien—das* как народное название существует рядом с научным *sólquico*; *matagallinas* соответствует терминологическому *torvisco*, *picagallina* можно поставить рядом с *álsine* и т. д.

Следует отметить, что поскольку «императивные» названия растений и животных возникли в народе и не имеют терминологического значения, среди них встречается много синонимов, имеющих областной, диалектальный характер. Часто такие синонимы построены на основе разных образных представлений. Например, *chotacabras* – 'козодой' – построено на том же внутреннем образе, что и русское слово, его синоним *engañapastores* – букв. означает 'тот, кто обманывает пастухов'. В Аргентине эту птицу называют также *tapacamino* 'тот, кто преграждает путь'. Наряду со словосочетанием *el pájaro carpintero* 'дятел' существует ряд

²¹⁴ [Покровский 1895: 10]. См. также [Клепикова 1992].

других названий этой птицы, имеющих областное употребление: picamaderos, picarrelincho, picaposte, picapalo (Уругвай).

Все названия кузнечика построены на сходном образе. Это вызвано, очевидно, тем, что он диктовался наиболее заметной чертой этого насекомого – высоко прыгать. Существуют следующие областные названия кузнечика (grillo) – saltamontes, в Колумбии употребляется слово saltagatos, в Риохе – saltarajas, в Астурии – saltaprados. Приведенное выше слово aguzanieves 'трясогузка' имеет еще два синонима – apuranieves и andarríos.

Принцип называния животных и растений, иначе, отношение внутренней формы сложного слова к означаемому им предмету, является смешанным. Некоторые существительные построены на функциональной характеристике растений и животных, и в этом смысле их можно сравнить с *nomina instrumenti*. У других (их меньше) внутренняя форма дает образную характеристику растению или животному. Их можно сблизить с образными номинациями лица или предмета.

Большей частью внутренняя форма существительных, принадлежащих к этой группе, указывает на то свойство растений и животных, которое используется человеком, или, наоборот, на то их свойство, которое может нанести вред и которого следует остерегаться. Например, словом lavaplatos (букв. 'то, чем моют тарелки', 'мыльнянка') в Гондурасе называется растение, листья которого употребляются для мытья посуды; словом matasarna (букв. 'то, что уничтожает чесотку') в Перу и Эквадоре называют дерево, отвар из древесины которого используется для лечения чесотки; существительным matacallos (букв. 'то, что выводит мозоли') в Чили и Эквадоре называется растение, употребляемое для выведения мозолей; el sacatinta (Центральная Америка) 'якобиния', также 'фуксия' – название куста, из листьев которого добывается лиловая краска, употребляющаяся как чернила; raramoscas – птица—мухолов, которая легко приручается и живет в комнате, вылавливая мух; portaalmizcle 'кабарга' – животное, у которого в особом мешочке имеется душистое вещество almizcle 'мускус', добываемое человеком; matapulgas, как показывает само слово, обозначает растение, употребляемое от паразитов.

Во всех перечисленных примерах растения и животные характеризуются по своему полезному для человека свойству. Иногда название может, напротив, указывать на вредное качество животного или растения. Например, mataojo – так называется дерево, у которого при сгорании бывает едкий, раздражающий глаза дым, mancacaballos – букв. 'то, что делает лошадь хромой', так называется насекомое, которое жалит лошадей между копытами, и пр.

Существительных, внутренняя форма которых дает не функциональную, а образную характеристику растений и животных, не много. Обычно это названия растений и животных, которые никак не используются людьми. Например, quitameriendas – букв. 'то, что мешаешь завтракать', внутренняя форма слова в данном случае содержит намек на неприятный запах растения, который отравляет аппетит; churaflor 'птица—муха' – так называется маленькая птичка типа колибри, высасывающая цветочный нектар; chotacabras 'козодой'. Внутренняя форма этого слова отражает ошибочное представление о том, что эта птица выдает молоко у коз.

Первоначально название растений и животных императивными словами, возможно, предполагало их персонификацию. С превращением императивной структуры в обычную словообразовательную модель этот оттенок был утрачен.

04. Внутренняя форма слова

Обзор семантических групп сложных имен типа el guardabosque показывает, что этот способ словосложения является наиболее продуктивным для образования существительных со значением инструмента, приспособления, орудия, предмета быта, животных и растений, а также со значением образной характеристики человека. При этом среди существительных с инструментальным значением большой процент слов прочно вошел в язык. Среди

существительных, дающих образную характеристику человека, напротив, много ситуативных номинаций.

По данным словаря Испанской академии 1956 г.²¹⁵ в современном языке имеется около 500 сложных существительных типа *el guardabosque*. Разумеется, эта цифра дает лишь приблизительную ориентацию, так как испанские словари, в особенности академические, неполно отражают картину современного состояния словарного состава языка. В них нет многих употребительных существительных, таких как *pasamontañas*, *fijapelo*, *rompehuelgas*, *secamanos*, *friegaplatos* и др. Наоборот, в них много малоупотребительных слов, таких, как *destripacuentos*, *desentierramuertos*, *descuernapadrastrós*, *derramasolaces*, *rajabroqueles* etc., принадлежащих аргю или встречающихся в классической литературе.

Сравнение данных 18-го издания академического словаря (1956 г.) с данными *Diccionario de Autoridades* (1726–1739) показывает значительный рост продуктивности данного способа словообразования. В первом шеститомном испанском академическом словаре, отличающемся большой тщательностью в составлении словника, отмечено всего около 120 сложных слов этого типа.

Следует особо подчеркнуть, что лишь незначительный процент этих слов подвергся опрощению. В этом нас убеждают следующие факты.

Одной из характерных особенностей «императивных» имен является возможность замены их компонентов другими синонимичными основами. Это качество говорит нам о том, насколько живо и отчетливо остается в сознании говорящих ощущение структуры слова, каждый из элементов которой сохраняет свои семантические связи в словарном составе языка. В результате такой замены одного компонента сложного слова другим, ему синонимичным, создаются фактически не синонимы, а лексические варианты слова. Например, *mondadientes*, *limpiadientes* и *escarbadientes* – зубочистка'; *sacacorchos* и *sacatarón* 'штопор'; *tiracantos* и *echacantos* 'хвостун'; *rompenueces* и *cascanueces* 'щипцы для колки орехов'; *pisarapeles* и *aplas tapapeles* 'пресс папье'; *cazaclavos*, *arrancaclavos*, *sacaclavos* 'гвоздодер'; *cortapuros* и *cortacigarros* 'щипцы для обрезывания кончика сигар'; *lavaplatos*, *friegaplatos* 'судомойка'; *matacandelas*, *apagacandelas*, *apagavelas* 'гасильник (свечи); *calabobos* и *mojabobos* 'мелкий дождь' и много других.

Выше приводился случай замены непосредственно в речи одного компонента другим: *sacabolsas* вместо *cortabolsas*; см. выше).

На приведенных примерах видно, что компоненты сложения заменяются основами, синонимичными им с точки зрения смысла данного сочетания. Так, *casca* и *rompe* могут заменять друг друга только в слове *rompenueces* т. е. тогда, когда это возможно в плане сочетаемости с другим компонентом слова. В сложных существительных *rompehielos*, *rompreolas*, *rompohuelgas* и др. такой замены не происходит.

Точно так же основы глаголов *cazar* и *sacar* заменяют друг друга только в сочетании с существительным *clavos*, но замена невозможна внутри других сложных слов (например, *sacatuellas*, *sacamanchas*), где это противоречило бы нормам сочетаемости слов в испанском языке. Это говорит о том, что данный процесс не носит специфически словообразовательного характера, а обуславливается прозрачностью существительного.

При утрате словом его образности подмена компонентов перестает происходить с прежней легкостью. Семантические связи между вариантами слова иногда ослабевают, и закрепляется какой-нибудь один из них. Например, фактически не употребляется слово *parahuevos* – его вытеснило *paranatas*; перестало употребляться *pararrabias*, когда в словарном составе закрепилась форма *cascarrabias*, ставшая безобразным словом. *Catacaldos* стало гораздо употребительнее, чем *catasalsas*.

²¹⁵ *Diccionario RAE* (18 ed. Madrid, 1956).

Наоборот, заменимость компонентов сложного слова синонимами свидетельствует о том, что данное существительное сохраняет свою образность.

Изучение путей развития многозначности сложных существительных является другим фактором, свидетельствующим о том, что их внутренняя форма продолжает живо ощущаться говорящими. Если слово является безобразным, если оно воспринимается как простой знак предмета, то развитие его семантики основано, как правило, на всякого рода ассоциациях, обусловленных свойствами самого предмета. Это, как известно, могут быть ассоциации по любому признаку: например, по форме (*la sierra* 'пила' и, в результате переноса названия, – 'горная цепь'), по прозрачности (*el cristal* 'кристалл' и затем 'стекло') и по другим признакам. Может случиться, что слово получает значение, исключаемое его внутренней формой.

Например, *la virtud* (лат. *virtus, virtutis*) 'добродетель', обычно женская, восходит к слову *vir* 'мужчина', *rescupia* – металлические деньги – происходит от слова *recus—recógis* 'скот' и пр. Особенно часто развитие многозначности «императивных» имен протекает в направлении, определяемом семантической структурой слова. Иначе говоря, раз внутренняя форма сложных слов характеризует предмет с точки зрения выполняемого им действия, то перенос названия на другой предмет оказывается возможным только при условии, если последний исполняет аналогичную функцию. В результате нескольких переносов названия сложное слово начинает обозначать целый ряд предметов, объединенных сходством функции. Например, слово *el guardapolvo(s)* объединяет следующие значения: 1) чехол, 2) навес над балконом, 3) внутренняя крышка карманных часов, 4) пыльник, 5) накидка. Заметим, что навес над балконом предохраняет не столько от пыли, сколько от дождя. Общность функции пошатнулась. Возьмем другой пример. *El tarabosa(s)* букв. 'то, что закрывает рот' может значить: 1) удар в рот, т. е. зуботычина, 2) шарф, 3) довод, заставляющий замолчать, т. е. то, что 'затыкает рот' собеседника, 4) пыж для затыкания дула артиллерийских снарядов (слово *bosa* употребляется также в значении отверстия), 5) мор. крышка клюза. Как видим, и здесь слово означает предметы, к которым в одинаковой мере применима характеристика, даваемая его внутренней формой. Сложное существительное «*el matacán*», букв. 'то, что убивает пса' – малоупотребительное в современном языке, объединяет следующие значения:

- 1) отравка для собак,
- 2) травленный заяц (очевидно, такой, что и сам собаку загонит),
- 3) камень, который удобно взять рукой (очевидно, чтобы швырнуть в собаку),
- 4) (фиг.) скучная работа (т. е. такая, от которой и «собака сдохнет»; ср. русск. образное определение чего—либо скучного – «мухи дохнут»), и некоторые другие значения, характерные для отдельных латиноамериканских стран, ср. 'молодой олень', 'крупный теленок' (Экв.) И здесь, как можно убедиться, перенос названия основывается на общности действия, выполняемого данными предметами, будь оно истолковано в прямом или переносном смысле. *El cascapiques* (букв. 'то, что колет орехи') означает 1) щипцы для колки орехов, 2) птица, «щелкающая орехи» ('ореховка', 'кедровка').

Сложные существительные со значением образной характеристики лица или предмета развивают многозначность также в направлении, указываемом их внутренней формой. Например, *el buscavidas* (букв. 'тот, кто ищет жизни') означает 1) любопытный, т. е. тот, кто проявляет повышенный интерес к чужой жизни; 2) проныра, т. е. тот, кто стремится устроить себе «легкую жизнь»; 3) хозяйственный (домовитый) человек; 4) доносчик (Мекс). *Alborotapueblos* (букв. 'тот, что мутит народ') означает 1) бунтарь, смутьян и 2) весельчак, буян. Оба значения слова согласованы с его внутренним образом. *Sacadinero(s)* (букв. 'то, что вымогает деньги') означает: 1) дешевка, барахло, т. е. то, на что зря выбрасывают деньги, 2) вымогатель, т. е. тот, кто выманивает у других деньги.

Как можно заметить, все приведенные слова, переосмысляясь, остаются в семантических рамках, поставленных их внутренней формой. Изучение семантики сложных существительных по испанским толковым словарям, в частности, по испанскому академическому словарю изд. 1956 г., дает всего несколько случаев переноса названия на основе ассоциации по форме денотата. Это *el guardainfante*: основное значение слова – 'фижмы', в результате расширения своей семантики стало также означать 'утолщение вокруг цилиндра ворота для увеличения его диаметра' (техн.). В современном языке это слово, по—видимому, неупотребительно. Существительное *el tirabuzón* 'штопор' на основе метафорического переноса стало употребляться в значении 'локон'. Однако, скорее всего, такое изменение значения произошло под влиянием французского языка, в котором соответствующее слово *tire—bouchon* имеет оба значения. Вместе с модой носить локоны в форме спирали, вероятно, было заимствовано из Франции и их название.

В испанском языке слово *el tirabuzón* в значении 'штопор' мало употребительно. Интересно в этом смысле следующее место в романе Гальдоса «Кадикс»:

Entonces usaban las mujeres un peinado en forma de sacacorchos cuyas ensortijadas guedejas se sostenían con plomo, y de esta moda y de las bombas francesas que proveían a las muchachas de un artículo de tocador, nació el famosísimo cantar:

Con las bombas que tiran
los fanfarrones,
hacen las gaditanas
tirabuzones (Galdós 1951, 89)

(В то время женщины носили прическу в форме штопора. Завитые волосы поддерживались свинцовыми приспособлениями. Французские бомбы снабжали гадитанок этим предметом туалета, отсюда и пошли знаменитые куплеты: «Осколками снарядов, которые бросают фанфароны, гадитанки укрепляют свои локоны»).

Из приведенного отрывка видно, что в значении 'штопор' автор употребляет слово *el sacacorchos*, а в значении 'локон' стоит существительное *el tirabuzón*. Очевидно также, что, хотя предмет, обозначаемый словом *tirabuzón*, и не отвечает той характеристике, которую дает ему внутренняя форма существительного, последняя вы—ступает весьма отчетливо, взаимодействуя с глаголом *tirar*, употребленным как самостоятельное слово.

Однако, говоря о путях развития многозначности сложных слов этого типа, необходимо сделать одну оговорку: явление, о котором шла речь выше, не тождественно с так называемой функциональной семантикой. Между этими двумя процессами имеется различие. Функциональная семантика предполагает, что один предмет, пришедший на смену другому в исполнении определенной функции, получает название своего предшественника. Например, рус. *перо*, *рубль*, лат. *resunia*, исп. *pluma*. Как нетрудно заметить, в этих случаях перенос названия определяется исключительно функцией предмета, а не характером внутренней формы слова. В разобранный выше явлении, напротив, нет никакой преемственности предметов в исполнении определенной функции. Собственно, даже и сама функция у обозначаемых предметов не тождественна. Ср. *el tarabosa*, имеющее значение 'шарф', 'зуботычина', 'довод', 'пыж' и др., или *el guardapolvo* 'пыльник', 'крыша над балконом' и пр. Конкретная функция у перечисленных предметов различна, хотя она отражена внутренней формой слова во всех его значениях.

Ощущение внутренней формы слов этого типа всегда так отчетливо, что развитие их семантики можно себе представить лишь на основе следующей схемы: слово с прозрачным внутренним образом допускает произвольное употребление его по отношению ко всему тому, что отвечает этому образу. Так, *el sacadínero* или *sacarettas* может означать все то,

что выманивает деньги, *quitasueño* применимо ко всему тому, что лишает сна, *quitapesares* – ко всему тому, что может утешить, принести облегчение. Значение этих слов, таким образом, оказывается общим и расплывчатым. Это как бы семантически не расчлененные слова. Однако значение сложных слов может, локализуясь, получать предметную отнесенность, сужаться. Но денотативное значение не убивает, как правило, ощущения внутренней формы слова. Поэтому существительное сохраняет способность закрепляться в языке как название других лиц, предметов или понятий, к которым также применима его внутренняя форма. Таким путем развивается многозначность сложных существительных этого типа. Анализ их семантики показывает, что ввиду того, что перенос названия не происходит на основе ассоциативных сопоставлений обозначаемых объектов, многозначность среди «императивных» имен развита несколько меньше, чем среди других слов современного языка.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать общий вывод о том, что сложные существительные типа *el guardabosque* в современном испанском языке остаются образными словами. К этому за—ключению приводит, с одной стороны, возможность мены компонентов сложных слов их синонимами, а с другой стороны, анализ путей развития их многозначности. Для слов со значением образного представления лица об этом же свидетельствует характер синонимии. Номинация не отделилась от образности, а разговорная речь – от художественности.

Заканчивая описание сложных существительных с первым глагольным элементом (оба варианта), следует указать на их отношение к словообразованию других частей речи. Прежде всего, обращает на себя внимание их связь со словообразованием прилагательных. Это явление опирается на общую и давнюю тенденцию к сближению словообразования имен. Приведем несколько примеров атрибутивного употребления сложных слов этого типа.

Слово *matarrata(s)* 'отрава для крыс' (букв. 'убей крыс') в переносном смысле употребляется для характеристики крепких спиртных напитков, крепкого табака и пр. Так, говорят *un tabaco matarrata* или *matarratas*. По—видимому, в роли определения выступает слово *matasiete* в следующем предложении: *Es un necio presumido y matasiete que con todo el mundo arma samogra* (Galdós 1951, 115) 'Это чванливый и хвастливый дурак, который со всеми затевает драку'.

Атрибутивно употреблено слово *alzaprima* 'рычаг' у А. Варелы: *Allá como cien metros adelante había aparecido el carro alzaprima* (Varela 1951, 237) 'Там впереди, метрах в ста появилась телега с рычагом для поднятия тяжестей'. Другим примером употребления «императивных» сложных слов в функции определения может быть следующее предложение, взятое из одного из рассказов Э. Пардо—Басан: *El primer chaleco salvavidas que nos arrojaron al extremo de un cabo se lo ofrecimos al capitán* (Pardo—Bazán 1891, 48) 'Первый спасательный костюм, который нам бросили на конце троса, мы предложили капитану'. Любопытно, отметить, что на той же странице слово *el salvavidas* дважды употреблено как существительное. Приведем еще один пример из романа Пауля Ларры «Гран Чако»: *Sería acaso un socialista tirabombas ese bigotudo que miraba fieramente* (Larra 1947, 98) 'Возможно, этот усач с суровым взглядом какой—нибудь террорист из социалистической партии'. Выше указывалось, что в технической терминологии сложные слова этого типа также весьма употребительны в функции определения. В современном испанском языке такое употребление, по—видимому, не предполагает их полной адъективации,²¹⁶ так как встречаются сочетания, в которых отсутствует согласование в числе (например, *las pinzas toma—corriente* – 'зажим' (электр.)). Впрочем, бывает весьма затруднительно установить грамматические отношения между определе-

²¹⁶ Вопрос об исторической последовательности возникновения адъективного и субстантивного употребления сложных слов этого типа нами не ставится. Можно думать, что адъективация составляет вторичное явление, развивающееся на фоне общей тенденции к сближению синтаксиса существительных и прилагательных.

нием и определяемым, так как «императивные» существительные обычно морфологически не меняются, и форма на – *s* употребляется как вариант слова, а иногда закрепляется за одним из его значений, ср. *el tarabosa* 'зуботычина' и *el tarabosas* 'затычка ствола оружия'. В целом заметна общая тенденция к сочетанию сложных слов с определяемым по типу *el pájaro mosca*.²¹⁷

Обращает на себя внимание также связь словосложения существительных типа *el guardabosque* со словообразованием наречий. Ср. *a rajatabla* 'неукоснительно, любой ценой', *a rodeabrazo* 'махая рукой', *a regañadientes* 'сквозь зубы', *a tosa—teja* (платить) наличными', *coser a pasa perro* 'переплетать книги маленького формата' и пр.

Таким образом, словосложение существительных соприкасается с образованием прилагательных и наречий.

---

²¹⁷ См. главу «Сочетания типа *el pájaro mosca*».

2. Сложные существительные типа *el duermevela*

К сложным существительным, которые были описаны, примыкает небольшая группа слов, состоящих из двух глагольных основ (тип *el duermevela*). Слова, принадлежащие к этой группе, отличаются от остальных «императивных» имен не только своим морфологическим составом, но также и своей семантической направленностью. Следует разделить эти два варианта одной словообразовательной модели и потому, что словосложение двух глагольных основ не продуктивно в современном испанском языке. В нем насчитывается не более 20 «двуглагольных» существительных, причем большинство из них малоупотребительно. Кроме того, их семантический диапазон отличен от императивных имен.

Так, несколько сложных слов, состоящих из двух глаголов, имеют значение действия, которое в целом не свойственно «императивным» существительным. Например, *duermevela* 'беспокойный, чуткий сон' (букв. 'спи—бодрствуй'); *pelamesa* 'драка, потасовка' (от глаголов *pelar* 'ощипывать' и *mesar* 'таскать за волосы'); *arrancasiega* (жатва, при которой одновременно вырываются с корнем маленькие злаки, от глаголов *arrancar* 'вырывать' и *segar* 'жать'), и некоторые другие. Среди остальных сложных существительных этого типа трудно наметить семантическую линию ввиду их немногочисленности. Два три слова означают инструменты и приспособления, например, *alzaprima* – рычаг для поднятия тяжестей; два—три слова являются названиями игр, например, *tocatoca* – (Чили) детская игра в мяч, *pasapasa* – фокус, манипуляция; *ganapierde* – игра в поддавки.

Среди сложных существительных этого типа есть случаи повторения одной и той же основы глагола (см. выше: *pasapasa*, *tocatoca*, а также *picarica* – пылинки, пух, листочки растений, вызывающие кожный зуд; также порошок, от которого чихают, *pegarega* – репей, фиг. приставала; *chupachupa* – детская игрушка; *matamata* – черепаха (разновидность)). Ср. также *duermeduerme*, *pillapilla*, *huelehuele*, *pintapinta*, *lamelame*, *gascarasca*, *quemaquema* и пр.

Компоненты сложных слов этого типа соединены сочинительной связью. Иначе говоря, они независимы друг от друга. Однако, поскольку оба они стоят как бы в предикативном отношении к одному и тому же субъекту, между ними устанавливается то или другое семантическое соотношение. Иногда оба действия представляются в своем чередовании (альтернативная связь), например, *el duermevela*. Иногда связь между компонентами указывает на одновременное протекание обоих действий, например, *ganapierde*, *pelamesa*. Чаще всего существительные с повтором одного глагола имеют усилительное значение по аналогии с синтаксическими конструкциями: *Es. muchacha lista lista*; *Eso es beber beber*.

Описывая двуглагольные существительные, следует подчеркнуть, что даже при их немногочисленности они не единообразны. Одно—два существительных имеют между своими компонентами союз *у*, превратившийся в соединительную гласную; ср. *quitaipón* букв. 'снимай—надевай' – украшение, которое надевают на лоб вьючных животных. Словари дают также форму *quitarón*. Одно—два слова сохраняют раздельное написание (*rica—у—huye* букв. 'кусает и убегает' – насекомое типа муравья). Раздельное оформление встречается и у *quitaipón* (*quita—у—pon*). У одного существительного второй компонент имеет окончание, не свойственное глаголам первого спряжения, участвующим в словосложении – *picatoste* 'гренок' (от глаголов *picar* и *tostar*).

Все это свидетельствует о том, что в испанском языке не была выработана продуктивная модель сложения двух глагольных основ.

3. Сложные существительные типа *la compraventa* (копулятивный тип)

Копулятивное словосложение не было характерно для латыни. Нет его также в некоторых современных романских языках, например, во французском. Однако с ним можно встретиться в итальянском и испанском языках.

Между компонентами сложного слова копулятивного типа устанавливаются сочинительные отношения, выражающиеся в синтаксисе союзом *у*. Из словосложения союз исключен. Грамматическая цельнооформленность сложных существительных этого типа выражается в образовании множественного числа флектированием только второго компонента, например, *el calofrío* 'озноб' – *los calofríos*.

Следует отметить, что в испанском языке несомненно имеется связь между словосложением данного типа и сочинительными словосочетаниями. Так, наряду со сложным словом иногда встречается словосочетание в том же значении. *El claroscuro* 'светотень' – в Словаре 1726–1739 гг. изд. отмечается еще в форме словосочетания *claro у oscuro*.

Компоненты некоторых существительных этого типа сочетаются между собой с помощью соединительной гласной – *i*-, например, *los tripicallos* 'блюдо из трепухи', *el capisayo* 'епископское облачение' и др. Иногда эта гласная отождествляется с союзом *у*.²¹⁸ В действительности соединительная гласная встречается в испанском языке у сложных слов с разными взаимоотношениями между их компонентами, например, *carricoche*, *manilargo*. Если признать, что у существительных сочинительного типа элементы соединены союзом *у*, то этим самым допускалось бы разное качество соединительного звука в различных сложных словах.

У копулятивных сложных существительных лексическое значение в равной степени связывается с семантикой их компонентов. Однако при определении грамматической характеристики слова предпочтение естественно отдается второму компоненту, по которому устанавливается род существительного, например, *el aguaviento* 'ливень с сильным ветром', букв. 'вода—ветер'. У существительных, включающих в свой состав соединительную гласную, грамматической основой слова в с е г д а бывает второй элемент, например, *los tripicallos*, *el capisayo*.

Анализируя семантику сложных существительных типа «дван—два», А. Поттебня сделал целый ряд ценных наблюдений. Так, между прочим, он указывал: «Частное значение возводится к общему или так, что одно частное получает значение общего. или так, что общее означает двумя или несколькими частными. В первом случае путь обобщения не указан, во втором обозначены посредствующие точки».²¹⁹

Можно констатировать, что испанскому языку присущи оба способа обобщения значений. Так, одно частное значение получает семантику общего в таких словах, как *padres* 'родители', букв. 'отцы', *hijos* 'дети', 'сыновья и дочери', букв. 'сыновья', *hermanos* 'братья и сестры', букв. 'братья' и пр. Такому способу обобщения способствовало совпадение фонетического состава слов, ср. *hijo* 'сын', *hija* 'дочь' и пр. Однако слово *padres* охватывает значения разных по своему звуковому составу существительных – *el padre* 'отец' и *la madre* 'мать'. В ряде других слов обобщение достигается указанием на составные части собирательного понятия, например, *la compraventa* 'купля—продажа', *el calofrío* 'озноб', букв. 'жар—холод', *el claroscuro* 'светотень' и пр.

²¹⁸ См. [Gramática 1931: 147].

²¹⁹ [Поттебня 1899: 529].

Однако в современном испанском языке более широкое распространение получили иные способы образования существительных с собирательным или обобщенным значением, в частности суффиксация, ср., например, такие суффиксы как – edo, – eda, – ío, – esca, – ato, etc.

Этим объясняется в целом небольшая продуктивность копулятив—ного словосложения.

При сравнении значений составных элементов сложных существительных сочинительного типа, можно выделить следующие случаи:

1) компоненты различны по своему значению, но не противоположны, например, el aguanieve f. – 'мокрый снег', букв. 'вода—снег', salpimienta 'приправа из соли и перца', букв. 'соль—перец', el aguaviento 'ливень с сильным ветром', букв. 'вода—ветер' и др.

2) составные элементы обозначают противоположные, взаимно исключающие друг друга понятия, например, la compraventa 'купля—продажа', el claroscuro 'светотень', el calofrío 'озноб', букв. 'жар—холод'.

3) составные элементы являются синонимами. Потебня называет такие соединения тождесловием. Например, tripicallos 'блюдо из требухи'. Оба компонента если и не вполне синонимичны, то во всяком случае очень близки по своему значению.

Вариантом тождесловия является использование двух существительных разноязычного происхождения, но имеющих одинаковое значение. Примером может послужить употребляемое в латиноамериканской прессе el match—torneo 'турнир'. Первым компонентом является английское match 'турнир, состязание', вторым компонентом является испанское существительное того же значения.

4) компоненты находятся в разделительном отношении друг к другу. Такие существительные не означают ни один из предметов, обозначенных в их компонентах, но нечто им подобное, нечто сходное как с тем, так и с другим. Например, la cervicabra – разновидность антилопы, букв. 'оленокоза', т. е. ни олень, ни коза, а какое—то другое животное похожее на того и на другую; el capisayo – эпи—скопское облачение, букв. 'плащелуза', т. е. такой вид одежды, который служит как бы и тем и другим одновременно.

Среди перечисленных типов семантических отношений между компонентами копулятивных сложных существительных наиболее распространен первый. Остальные случаи представлены лишь отдельными словами.

Характер связи между частями сложных слов этой группы определяет семантическую направленность большинства из них. Большинство из них обозначает различные вещества, смеси, блюда, состоящие из элементов, выраженных компонентами сложного слова. Например, ajíaseite соус из толченого чеснока с оливковым маслом, букв. 'чеснок—масло', la salpimienta приправа из соли и перца, букв. 'соль—перец', el ajoqueso блюдо из чеснока и сыра, букв. 'чеснок—сыр', el ajonuez соус из чеснока и орехов, букв. 'чеснок—орех', el aguagoma f. раствор гуммиарабика в воде, букв. 'вода—смола', el aguamiel f. 'мед (напиток)', букв. 'вода—мед', el aguanieve f. 'мокрый снег', букв. 'вода—снег', la serapez 'сапожный вар, вакса', букв. 'сера—смола' и др.

У некоторых существительных этого типа связь между компонентами, оставаясь в целом сочинительной, получает несколько иной оттенок, указывая на чередование двух качеств, двух состояний, например, el claroscuro.

Заканчивая описание копулятивных сложных существительных, необходимо отметить, что в современном испанском языке данный тип словосложения очень мало продуктивен. В словарном составе языка насчитывается не более 20 слов с сочинительной связью. Новых слов этого типа почти не образуется.

4. Сложные существительные типа *la bocacalle*

Как уже говорилось, второй компонент сложных существительных этого типа является атрибутом первого. Он может характеризовать первый компонент по принадлежности (например, *la telaraña* 'паутина', букв. 'ткань паука') и по качеству (например, *la cañamiel* 'сахарный тростник', букв. 'медовый тростник').

Словосложение этого типа находится в живом взаимодействии со словосочетаниями, включающими в свой состав предлог *de*. Это заметно уже потому, что нередко образованию сложного существительного предшествует период, когда соответствующее понятие выражается словосочетанием, компоненты которого соединены предлогом. Так, испанский Академический Словарь изд. 1726–1739 гг. указывает на употребительность как словосочетания *la boca de calle*, так и сложного слова *la bocacalle*, отмечая, что в последнем случае имеет место синкопа предлога.²²⁰ Такие сложные существительные как *la hojalata* 'жесть', *la estrellamar* 'актиния', *la telaraña* 'паутина' и некоторые другие и в современном языке употребляются параллельно с соответствующими словосочетаниями: *la hoja de lata*, *la estrella de mar*, *la tela de araña*.

При трансформации словосочетания в сложное слово происходит не просто сращение его членов, а сдвиг в самой конструкции, выражающийся прежде всего в выпадении предлога перед вторым компонентом. Это изменение качества отражается также на образовании множественного числа, так как флектирование переходит от первого компонента ко второму (ср. *las telas de araña*, но *las telarañas*). Кроме того, часто изменяется род существительного, являющегося основным членом словосочетания (ср. *el zarapico* и *la zapa de pico*). Все это свидетельствует о том, что нормы сочетания слов в предложении заменяются нормами словосложения.

Касаясь вопроса происхождения данного словообразовательного типа, следует указать на общепринятое мнение, возводящее его к периоду, когда в староиспанском синтаксисе, так же как и в синтаксисе других романских языков, было возможно беспредложное выражение генитивных отношений. На базе такой синтаксической конструкции, как обычно думают, и сформировалась данная модель словосложения. Некоторые существительные этого типа, возможно, действительно связаны с латинским генитивом. В самом деле, можно себе представить, что в период распада флективной системы склонения существительных в устойчивых словосочетаниях с генитивом во второй части отпадение окончания не сопровождалось заменой его предлогом, поскольку все образование ощущалось как смысловое единство. Так, наряду с испанским *la colarez* 'рыбий клей' словари отмечают латинскую форму данного образования *la colapiscis*, второй компонент которого стоит, по—видимому, в генитиве.

Некоторые испанисты, однако, объясняют выпадение предлога из состава сложного слова фонетической элизией.²²¹

В большинстве сложных существительных генитивные отношения продолжают отчетливо ощущаться. Это ощущение поддерживается параллельными синтаксическими конструкциями. Так, наряду с *la bocamanga*, *la bocallave*, *la bocamina*, *la bocateja* и некоторыми другими сложными словами, начинающимися с элемента *boca* 'рот, отверстие', имеется много свободных словосочетаний, в которых *la boca* также означает 'начало, отверстие', например, *la boca del metro*, *la boca del estómago* и др. Такое существительное, как *el pun tarie* 'пинок, удар ногой', также находится во взаимодействии с синтаксическими словосочетаниями; ср. *dar un golpe con la punta del pie*.

²²⁰ [Diccionario RAE, I: 626].

²²¹ [de Diego 1951a: 250].

Указанное обстоятельство мешает опрощению сложных существительных данного типа. Этому препятствует также невысокая степень идиоматичности, не снимающая, как правило, мотивировку их значения. Наименее идиоматичными являются, пожалуй, существительные, первым элементом которых выступает слово *la boca*. Сохраняют мотивированность своего значения и такие существительные, как *la madreperla* 'перламутр', букв. 'мать жемчуга', *el zaparico* 'кирка', букв. 'мотыга с острием', *el maestrescuola* 'церковный учитель', букв. 'учитель школы', *el aguamanos* 'вода для мытья рук', букв. 'вода (для) рук' и пр. У существительного *la madre selva* 'жимолость', букв. 'мать леса' связь между лексическим значением и внутренней формой несколько завуалирована. Возможно, первый компонент выражает оценочное значение.

Таким образом, невысокая степень идиоматичности сложных существительных данного типа, а также взаимодействие многих из них с параллельными синтаксическими конструкциями задерживает процесс их опрощения.

Интересно отметить, что даже в период формирования данного способа словосложения еще при сохранении флексии у первого компонента, вторая часть также получала окончание *-s*. Форма *las bocas—calles* встречается еще у А. Труэбы, т. е. вплоть до XIX в. (Trueba 1865, 125–128) В то же время множественное число слова *la bocamanga* у того же автора оформлено как *las boca—mangas* (Ibid., 132). Это был, следовательно, период, когда данные соединения не полностью еще утратили черты словосочетания.

Следует, однако, подчеркнуть, что между сочетаниями типа *el área dólar, el peso pluma* и т. д., возникшими как беспредложное выражение генитивных отношений, и сложными существительными типа *la bocacalle* имеется определенное взаимодействие. Так, английские и немецкие сложные слова и словосочетания, состоящие из двух существительных, могут калькироваться на испанский язык как сложными словами типа *la bocacalle*, так и словосочетаниями типа *el peso pluma*. Ср. англ. *the fountainpen* и исп. *la pluma—fuente*, нем. *Blitzkrieg* и исп. *la guerra relámpago*. Ср. также англ. *basket—ball* и исп. *baloncesto*, англ. *football* и исп. *balompié*, нем. *Perlmutter* и исп. *madreperla* и пр. В современном испанском языке более распространено калькирование словосочетаниями типа *el peso pluma*.

Когда сложное существительное типа *la bocacalle* совпадает по своему лексическому составу со словосочетанием, элементы которого могут быть соединены беспредложно, оно обнаруживает тенденцию к распаду. Так, например, словари отмечают сложное слово *verdemar* 'цвет(а) морской воды'. В современном испанском языке оно совпало по своей структуре с принятым в синтаксисе способом обозначения цветов и вошло в их круг; ср.: *rojo cereza, azul cielo, verde mar*.

Таким образом, заметно вытеснение сложных слов словосочетаниями беспредложного типа.

В структурном отношении, однако, смешения сложных существительных типа *la bocacalle* с образованиями типа *el peso pluma* не происходит. Во французском языке, в котором категория множественности выражается преимущественно артиклем, разграничение словосочетания и сложного слова не так отчетливо. Однако все же нет оснований и для их полного отождествления, как это делают романисты, в частности А. Дармстетер, относящий к словосложению такие образования как *cas regime*.²²²

Остановимся отдельно на проблеме рода сложных существительных. Если род обоих компонентов совпадает, то, понятно, что он сохраняется у всего сложного слова, например, *la bocacalle, la bocamanga, la hojalata*. Нам встретился лишь один случай, когда, несмотря на принадлежность обоих компонентов к женскому роду, все существительное оказывается мужского рода. Имеется в виду устарелое для современного языка слово *el aguamanos* 'вода

²²² [Darmesteter 1875a: 138].

для мытья рук'. Возможно, на изменение рода в данном случае повлияло употребление слова *el agua* с артиклем мужского рода, а также то обстоятельство, что второй компонент, будучи существительным женского рода, имеет окончание, типичное для слов мужского рода.

Для сложных существительных, у которых род их элементов не совпадает, вопрос родовой принадлежности решается неодинаково. Если существительное означает лицо, то естественно, что его род определяется его лексическим значением, например, *el maestresala* 'дворецкий', *el maestrescuala* 'церковный учитель'. В остальных случаях имеется тенденция сохранить род второго компонента, например *el puntapié*, *el zaparico*, *el aguarié* (низкий сорт вина) и некоторые другие. Есть, однако, случаи, когда сохраняется род первого, т. е. главного компонента, например *la estrellamar*. Следует, впрочем, иметь в виду, что существительное *mar* употребляется также, правда, реже, в женском роде. Однако вероятнее предположить, что *la estrellamar* сохранило родовую принадлежность своего первого компонента в силу ассоциации со словосочетанием.

Заканчивая описание сложных существительных типа *la bocacalle*, отметим, что данный способ словосложения непродуктивен в современном испанском языке. В нем насчитывается не более 30 существительных этого типа, причем ряд из них уже находится на грани выпадения из языка. Например, такие слова как *el aguamano*, *el aguarié*, *el maestresala*, *el maestrescuola* сейчас почти неупотребительны. Незначительную активность обнаруживает, возможно, лишь образование существительных с первым элементом *la boca*, число которых пополняется.

Среди неологизмов этого типа можно назвать уже упоминавшиеся в другой связи *el balompié* 'футбол', *el baloncesto* 'баскетбол', *el balonvolea* 'волейбол', *el balonmano* 'гандбол'. Все приведенные слова являются кальками с английских названий игр.

Следует отметить связь словосложения существительных типа *la bocacalle* с образованием сложных наречий (ср., например, *a boca jargo* 'в упор'). Однако сложные наречия этого типа также малочисленны в современном языке.

Глава XII ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ИСПАНСКИМ МОДАЛЬНЫМ ДИАЛОГОМ^{8}

Способность речевой акции вызывать быстрое и спонтанное реагирование²²³ создает общую предпосылку для реализации той формы речевой деятельности, в которой с особенной яркостью проявляются аппеллятивная и экспрессивная функции языка (по К. Бюлеру).

Диалог складывается из последовательного чередования стимулирующих и реагирующих реплик. Изучение структуры диалога поэтому в значительной мере сводится к определению природы речевых стимулов и вызываемых ими речевых реакций.²²⁴ Среди речевых стимулов можно различать реплики, апеллирующие к точке зрения, мнению, «модусу» собеседника (назовем их модальными стимулами), и реплики, рассчитанные на получение «объективной» информации (или, иначе, диктальные стимулы). Среди ответных реплик также наблюдаются реакции диктального и модального типа. Последние выражают разнообразные и богатые эмоциональными оттенками виды субъективной модальности. Модальные стимулы и модальные реакции в своей совокупности создают такую форму речевого общения, которую можно было бы назвать модальным диалогом. Суть модального диалога заключается в соотношении разных субъективных «модусов» с одним явлением, в разной (или сходной) оценке одного суждения, факта или события. Переменным или, во всяком случае, более подвижным элементом такого диалога является модус, в то время как в противоположном ему по степени модальной насыщенности диктальном (предметном, информативном) диалоге переменную величину составляет диктум, сообщаемое. Разумеется, ни та, ни другая разновидность диалогического поведения не встречается в чистом виде. Ниже поэтому рассматривается собственно не модальный диалог, а субъективная сторона современной испанской диалогической речи.²²⁵

Изучение модального диалога прежде всего обнаруживает его стереотипность. Субъективно—эмоциональный компонент диалогической речи, в противоположность ее «объективному» компоненту, претерпевает активный процесс стандартизации. Поэтому основная форма речевой деятельности в рамках модального диалога состоит в отборе языковых средств, а не в их создании путем комбинации отдельных элементов языка. Это позволяет говорить о возможности построения своего рода диалогических (речевых) парадигм, образуемых модально различающимися репликами, из которых говорящий осуществляет выбор члена, соответствующего его коммуникативному заданию. Такие парадигмы, весьма текучие и стилистически вариативные, богатые синонимией и численно «открытые», относятся не к сфере грамматики, а к области речевого узуса. Ниже в качестве иллюстративного материала будут привлекаться прежде всего речевые клише, бытующие в современном испанском диалоге и группирующиеся в эмоционально—модальные парадигмы. Стилистические коннотации, обусловленные «жанром общения», при этом не учитываются.

К числу заметных характеристик испанских стимулирующих реплик можно отнести обилие аппелляций. Реплики испанского диалога обычно содержат «призыв» к собеседнику, имеющий своей целью либо подчеркнуть важность сообщения (эмфатическая аппелляция), либо побудить адресата речи дать знак согласия, единодушия с говорящим (модальная апел-

---

²²³ [Якубинский 1923: 134–135].

²²⁴ См. [Bosák 1971].

²²⁵ Подробнее о модальном диалоге см. [Арутюнова 1970].

ляция). Ср. ¿sabes?; ya sabes; date cuenta; ¿te das cuenta?; imagínate; fíjate; figúrate (lo que pasa); ¿que te parece?; ¿te parece bien?; ¿no te parece?; ya ves tú; mira tú; ¿no?; ¿verdad? Например: – Viene él, Marce, ¿te das cuenta? Si, maja. – Pero dentro de quince días, ¿Te das cuenta, Marce? – Sí, maja (Delibes, Hoja).

Апеллятивные реплики непосредственно обращены к собеседнику, т. е. имеют личный характер. В этом их свойстве проявляется более общая черта испанского диалога: его ориентированность на адресата.²²⁶ Стремление вовлечь собеседника в выражаемые суждения и реакции повело к тому, что даже сообщения, имеющие неопределенно—личный смысл, а также предложения, касающиеся самого говорящего, прибегают ко 2 лицу ед. ч. Например: Cuando yo era joven e iba con mi madre al mercado, la merluza era cosa muy barata y ahora *te* cuesta los ojos de la cara; A mí me da gusto pensar que, cuando voy a Estocolmo, *te* encuentras con amigos que *te* reciben; – ¿Y tú qué sacas? – *Te* desahogas.²²⁷ В последнем примере обе реплики – стимул и реакция – стоят в одном лице, хотя реагирующий отвечает «за себя», а не за своего партнера.

Итак, местоимение 2 лица ед. ч. получает две дополнительные функции – лица говорящего и неопределенного лица.

Стремление сделать протагонистом своих сообщений собеседника сопряжено с желанием говорящего исключить себя из центральной позиции, завуалировать тот факт, что предметом сообщения является он сам.²²⁸ В этих целях, как известно, 1 лицо замещается неопределенно—личным местоимением *uno*, *шла*. Например, вместо Naturalmente, hablo un poco de inglés можно сказать Naturalmente, una habla un poco de inglés.

В системе местоимений возникают, таким образом, следующие эквиваленты: *uno* = *yo*, *tú* = *uno*, *tú* = *yo*. Сдвиги в употреблении личных местоимений, по—видимому, стимулированы психологическими установками ведущих диалог собеседников.²²⁹

Ориентированность испанских реплик на собеседника проявляется и в обилии оговорок типа *con su permiso de usted*, *si usted lo permite*, *si no le molesta* в ситуациях, никак не предполагающих и не требующих волеизъявления со стороны адресата речи.²³⁰

Касаясь апеллятивной стороны испанского диалога, можно сделать еще одно наблюдение. Прямое обращение к партнеру постепенно сокращает употребление не только неопределенно—личных апелляций (типа ¡Habrás visto cosa igual! ¡Habrás visto egoísmo!), но и высокой апелляции к небу, которая если и сохранилась в современной испанской речи, то имеет в ней чисто междометийную функцию (ср. Jesucristo, sabe Dios, Virgen Santa и т. д.). Тот же общий процесс интимизации диалога наблюдается в апелляциях—клятвах, подтверждающих истинность, непреувеличенность или искренность чьих—либо слов. Вместо сложных и торжественных клятв в испанском разговоре употребляются прозаические формы *te lo juro* и *te lo prometo*. Например: Estaba dispuesta a tragarme el cáliz hasta las heces, *te lo prometo*

²²⁶ Эта особенность испанского реплицирования раскрыта под общим названием «вежливость» в классическом исследовании В. Байнхауэра [Beinhauer 1963: сар. 2]. См. также: [Арутюнова 1981].

²²⁷ Примеры взяты из статьи [Gorosh 1967].

²²⁸ Устранение актуального субъекта противопоставляет испанскую речь эгоцентричным французским репликам и сближает с русским диалогом, в котором также наблюдается тенденция к исключению субъекта речи, см. [Гак 1969: 78–79; 1970: 79–80]. Указанный способ ведения диалога находит себе параллель в художественном приеме автобиографического повествования в 3 лице, в замене Ich—Erzählung на Eg—Egami^h. Ср. замечания о значении слова современник в «Истории моего современника» В. Г. Короленко в кн. [Будагов 1971: 251–256].

²²⁹ Говоря о том, что многие факты грамматики вызваны к жизни коммуникативной подоплекой диалога, уместно вспомнить еще об одном явлении современной разговорной речи: перифрастическое сочетание *venga de* + *infinitivo*, обозначающее начало действия (обычно неожиданного или нежелательного), возникло па основе «апеллирующей» функции настоящего времени сослагательного наклонения (ср. рус. А он давай кричать). Например: pues tú venga de llorar que parecía que te mataban (Delibes, Mario); Tu hermana a lo mosquita muerta, fíjate, venga de sacar a los abuelos y a los tíos a relucir (Ibid.).

²³⁰ Этот штрих испанского диалога относится к его куртуазному аспекту, подробно описанному в указанном труде В. Байнхауэра (см. [Beinhauer 1963]).

(Delibes, Mario); *Estuve media hora llorando en el baño, te lo prometo, sin poder salir* (Ibid.); *Es algo que no resisto, me saca de mis casillas, te lo prometo* (Ibid.).

Таким образом, на смену высокому призыву к небу и безличной апелляции «ни к кому» пришла «низкая» и личностная апелляция к собеседнику. При этом обращение «на вы», т. е. употребление местоимения *usted* (*vuestra merced*) в современной речи используется все меньше.

Выше были отмечены некоторые особенности испанских модальных стимулов. Обратимся теперь к субъективно—модальным реакциям.

Наиболее простым и спонтанным после междометий способом выражения эмоциональной реакции на полученное сообщение является повтор и переспрос,²³¹ произносимые с разнообразной интонацией, которая, как и в междометиях, несет на себе основную коммуникативную нагрузку, передавая удивление, недоверие, радость, огорчение, возмущение, растерянность, смущение и т. п. В синтаксическом плане повторы и переспросы часто характеризуются опущением глагола, как связочного, так и смыслового. Взаимообусловленность отмеченных явлений – эллипсиса глагола и усиления коммуникативной роли интонации – закономерна. Известно, что актуализация предложения – его отнесение к действительности – осуществляется в речи личной формой глагола и интонацией, либо (в безглагольных предложениях) только средствами просодики. Эллипсис глагола поэтому естественно компенсируется увеличением функциональной роли интонации. Например: – *Está usted colocoado. – ¡Yo colocoado! – ¡El señor ese colocoado!* (Arniches); – *Es usted un tío tramposo. – ¡Yo tramposo! – Usted.* (Ibid.); – *Le anda a usted buscando por todas partes. – ¿Él a mí?* (Ibid.). Такого рода эмоциональные повторы и переспросы, как правило, не содержат диалогического стимула. Однако те из них, в которых выражается удивление, граничащее с недоверием, могут вызвать реплики, подтверждающие достоверность предшествующего сообщения. Среди них наиболее типичны: *Así como suena; Así como oyes; Como estás oyendo.*

Тенденция к усилению экспрессивности интонации нередко вызывает сегментацию повтора, его расщепление на отдельные, интонационно обособившиеся высказывания. Например: – *Pues yo, en cuanto usted me los eche de aquí, bien escarmentados, le regalo a usted diez mil pesetas. Nada más. – ¡A mí! ¡Diez mil pesetas! Don Paco!* (Arniches); – *¿Y que anhelaban esas tres orugas? – Pues decirme (...) que esta noche vendrían ellos mismos a ponerle a usted de pezuñas en la vía pública, o en su totalidad, o en veces. – ¿A mí? ¿A la calle! ... ¿Yo? ... ¿Peroyo? ... ¡Ja, ja, ja! ... ¿En mi totalidad?* (Ibid.).

Модальный аспект диалога чрезвычайно ярко проявляет себя в формах выражения субъективного отношения адресата к полученному сообщению, к «чужому слову» (по М. Бахтину). Представляется возможным говорить об особом типе субъективной модальности, выявляющей отношение говорящего к реплике собеседника и противостоящей в известном смысле «эксплицитному модусу» Ш. Балли, т. е. способам выражения отношения к собственному сообщению (ср. *pienso que ... , dudo que ... , creo que ... , es lógico que ... , es natural que ... , es deseable que ... , es necesario que ... , etc.*). Диалогическая модальность, коррелирующая с эксплицитным модусом, резко превосходит этот последний по своему разнообразию и экспрессивности. Особенно многочисленны формы отрицательных реакций, вызываемых у говорящего чужой репликой, чего, естественно, нет по отношению к собственному высказыванию. Хорошо известно, что, даже просто воспроизводя чужую речь, говорящий склонен так изменить в ней расстановку акцентов и интонацию, чтобы она была воспринята собеседником как явление отрицательное.

²³¹ Подробно о повторах в испанском языке см. [Уо!1«уа 1971]. О различных функциях повторов см. в кн. [РРР 1973: 365 и сл.]. Там же содержится библиография по данному вопросу.

Диалогическая модальность, понимаемая здесь в самом широком смысле, предстает в формах согласия или несогласия, подтверждения или отрицания, возражения, разных по своей тактической программе и общей установке способов полемизирования, парирования, ухода от ответа, половинчатых «ни да – ни нет—ответов», отказа – прямого и завуалированного и т. п. Остановимся на основных типах диалогической модальности.

Диалогическая модальность реализуется прежде всего в виде согласия и несогласия, подтверждения и отрицания, форма которых обусловлена коммуникативной установкой и содержанием стимула.²³² Так, «да—нет» – ответы варьируются в зависимости от того, служат ли они подтверждением или отрицанием определенной информации, согласием или несогласием с мнением собеседника, знаком готовности или нежелания выполнить просьбу или последовать совету собеседника. Большое влияние на ответную реплику оказывает характер запрашиваемой информации, которая может касаться действия, качества или свойства субъекта, его идентификации и т. п. Меньшее воздействие на структуру ответной реплики оказывает в испанском языке наличие или отсутствие отрицания в вопросе. Покажем это на примере нескольких ответных парадигм:

¿Conoces a Juan?

Sí – sí; claro (que sí); naturalmente; pues sí; cómo no; ¿y por qué no?; ¡desde luego!; ¡sí que le conozco!; ¿que si le conozco?; ¡como que si le conozco!; ¡no voy a conocerle!; ¡vaya si le conozco!; ¿no he de conocerle?.

No – no; pues no; claro que no; en absoluto; ni por asomo; ni hablar; ni remotamente; ¡qué va!; ¡quía!; ¿qué he de conocerle?; ¡qué voy a conocerle yo!; ¿a qué ton voy a conocerle?.

¿No conoces a Juan?

Sí – sí (que) le conozco; claro que le conozco; naturalmente le conozco; pues sí le conozco; cómo no; ¿y por qué no?; ¿que si le conozco?; ¡como que si no le conozco!; ¡no voy a conocerle!; ¡vaya si le conozco!; ¿no he de conocerle?.

No – no; pues no; claro que no; en absoluto; ni por asomo; ni remotamente; ni mucho menos; ¡qué va!; ¡quía!; ¡desde luego!; ¿qué he de conocerle?; ¡qué voy a conocerle!.

¿Estás cansado?

Sí – sí; claro (que sí); naturalmente; pues sí; cierto; y lo estoy; y tan cansado; y mucho; cómo no; ¿y por qué no?; sí que lo estoy; ¿que si estoy cansado?; ¡como que si estoy cansado!; ¡no he de estar cansado!; ¡no voy a estar cansado!; ¡vaya!; ¡a ver!; ¡desde luego!.

No – no; pues no; claro que no; eso sí que no; en absoluto; ni por asomo; ni hablar; de ningún modo; ni mucho menos; ni remotamente; ni poco ni mucho; nada de estar cansado; ¡qué va!; ¡quía!; ¿a qué ton voy a estar cansado?; ¡qué cansancio ni qué diablos!.

¿No estás cansado?

Sí – sí (que) lo estoy; y lo estoy; y tan cansado; y mucho; pues sí, lo estoy; cómo no; ¿y por qué no?; ¡a ver!; ¿que si estoy cansado?; ¡como que si estoy cansado!; ¡como que no estoy cansado!; ¿no voy a estar cansado?; ¡desde luego!

Серия отрицательных ответов на этот вопрос в целом совпадает с приведенными выше ответами на вопрос ¿estás cansado?²³³ Наблюдая за структурой испанских ответных реплик, можно заметить, что наиболее общие и универсальные способы отрицания и подтверждения – sí и no – ориентированы не на предшествующее им высказывание, а на то, которое они предваряют. Sí и no не столько являются знаками совпадающей или обратной модальности относительно предшествующей реплики, сколько образуют эквиваленты утвердительных и отрицательных суждений, лексическое содержание которых в случае неразви-

²³² Об аффективных формах испанских утвердительных и отрицательных ответов—реакций см. [Weinhauer 1963: 164–188].

²³³ Автор приносит искреннюю благодарность Х. Итурраран за помощь в составлении приводимых «ответных парадигм».

той реплики следует искать в предыдущем высказывании. В испанском языке невозможны реплики типа «нет, знаю» или «да, не знаю», первая часть которых представляет собой реакцию на реплику собеседника, а вторая выражает независимое суждение. Хотя и в испанском языке можно встретить примеры причудливого сплетения отрицательных и утвердительных частиц, последние приобретают в них чисто усилительную функцию, ср.: *Ahora sí que sí que no seguimos; ahora sí que sí que va a ser que no* (примеры М. Родригес Ириондо).

Способы подтверждения, используемые чаще в качестве знака согласия с собеседником, чем при ответе на вопрос, ориентированы на контекст и могут соответствовать как утвердительному, так и отрицательному суждению в зависимости от содержания предшествующей реплики. Ср. *claro, cierto, justo, seguro, eso es* и т. п. *Desde luego*, по—видимому, обнаруживает колебание в своей ориентации, то выражая подтверждение или согласие с репликой собеседника, независимо от ее модальности, то становясь эквивалентом утвердительной реплики. При ответе на отрицательный вопрос значение этого сочетания не вполне определено.

Приведенные выше ряды свидетельствуют о том, что эмоциональные и экспрессивные коннотации постоянно сопутствуют в живой речи ответам информативного характера. Подтверждение или отрицание некоторого факта то усиливается, то ослабляется, то обнаруживает в отвечающем раздражение тривиальностью или неуместностью вопроса, то служит для отвода темы. Большую роль в такого рода реплицировании играет интонация. Некоторые реплики—клише могут выражать в зависимости от сопровождающей их интонации различные виды аффективных оттенков. Так, отрицательная реплика *¿a qué ton? букв. 'почему? с какой целью?* указывает на раздражение или возмущение вопросом, обиду, желание прекратить разговор. В коммуникативном отношении она сближается с такими русскими репликами как «С чего ты взял? С какой стати? Чего ради? Еще чего придумал! Скажешь тоже! Вот еще! Это почему еще!». Ср. — *No sé por qué se me da a mí que el señorito ese tuyo debe andar un poco de la azotea. — La chica se exasperó. — A qué ton; bien bueno que es, mira (Delibes, Hoja); ¿Te ocurre algo, hija? — Ella respondió esqui—vanamente. — ¿A mí? ¿A qué ton! (Ibid.); La muchacha se irritó. — No empiece, — dijo. — ¿A qué ton no empiece? Yo no miento, hija (Ibid.); ¿Te pasa algo, hija? — Ella respondió cortada. — ¿A mí? ¿A qué ton! (Ibid.)*.

Если экспрессивность реплики не поддержана ее лексическим наполнением, а ее рамки стесняют развертывание интонации, то такая реплика быстро утрачивает эффективность. Так, например, усилительная фраза *a ver*, по—видимому, воспринимается в современной речи как обычный утвердительный ответ; ср. — *¿Tienes novio, Desi? — A ver. — ¿El militar ese? — A ver (Delibes, Hoja); — Tengo el brazo molido. — ¿De la maleta, hija? — A ver (Ibid.); — Madrid no se conquista en un día, es bobada. — ¿Madrid? — A ver, hija (Ibid.)*.

В некоторых случаях коннотация ответа эксплицируется в уточнении; ср. — *¿Son amigos? — ¿Amigos? Lo que se dice amigos, no; conocidos, nada más; — ¿Es tu amigo? — Eso de amigo vamos a dejarlo, conocido y de lejos* (примеры подсказаны М. Родригес Ириондо).

Выражение согласия или неодобрения, подтверждения или отрицания некоторого факта, желания или нежелания выполнить чью—либо просьбу легко и естественно перерастает в реакцию *ad hominem*, т. е. переносится на личность собеседника. Согласие с чьим—либо мнением или предложением нередко передается знаками восхищения самой личностью говорящего, на которые столь щедры испанцы; ср. — *¡Eres inmenso! — ¡Colosal! — ¡Formidable! — ¡Estupendo! (Ar—nicnes)*. Наоборот, нежелание выполнить просьбу или требование собеседника может обернуться против него самого, ср. — *¡Déjeme usted! — ¡Pero, por Dios, Galán, no seas loco! (Ibid.); — Haga usted el favor de salir por esa puerta (...). Saliendo un poco a la derecha está la escalera. — ¡Qué fina! ¿Te has educado en las damas negras? (Ibid.)*. Отрицательная реакция на личность собеседника, как показывает последний пример, вовсе не обязательно связана с использованием бранного репертуара. К. Бюлер передает анекдот о том,

как боннский студент заставил плакать от злости и бессилия самую агрессивную рыночную торговку, применив к ней все буквы греческого и еврейского алфавитов (¡So alfa! ¡So beta! и т. д.). «В оскорблении, равно как и в музыке, почти все зависит от тона», – заключает свой рассказ К. Бюлер.²³⁴

При изучении аффективных реплик их значение удобно разлагать на две пропозиции, одна из которых передает их информативное содержание, а другая эксплицирует сопутствующую ему модально—эмоциональную коннотацию или, иначе говоря, пресуппозицию ответа. Так, например, смысл ответной реплики ¿Quién ha de ser? (на вопрос ¿Eres tú?) может быть сведен к следующим двум пропозициям: 1) Да, это я; 2) Это и так очевидно.

Отрицательные и утвердительные ответы неразрывно связаны с реализацией в диалоге определенной тактики. Тактика подчас внедряется в само построение реплики. Испанской диалогической речи свойственны не прямые, завуалированные формы реагирования, тенденция к смягчению ответа. Существуют специальные стандартизованные способы окольного выражения мысли, которое достигается благодаря тому, что отрицательная форма становится эквивалентом утверждения либо отрицание нейтрализуется, сочетаясь с прилагательными или наречиями обратного, сравнительно с искомым, значения (no + poco = mucho). Например: – Si vienes con estas intenciones, marcha y no vuelvas, Picaza. – *No te has hecho tú poco señorita* (Delibes, Hoja); – Marce, eché yo fuera el pueblo? – Anda, maja, *no corres tú poco* (Ibid.); – *No te han entrado a tí pocas prisas, guapa* (Ibid.); Ande y que *tampoco le quedan a una cosas por aprender* (Ibid.); Ande y que *tampoco se ha puesto usted chulo*, ¿va de fiesta? (Ibid.).

Изучение тактики диалогического поведения представляет любопытную социо— и психолингвистическую задачу, раскрывающую как универсальные, так и национальные черты диалога. Диалогическая тактика достаточно стандартизована, и многие ходы диалогического поведения могут быть предсказаны с большой степенью вероятности. Так, например, чтобы подчеркнуть важность или неожиданность новости, говорящий иногда предвзвешивает ее риторическим вопросом, провоцирующим вопросительную реплику собеседника, которая готовит благоприятную почву для основного сообщения, рассчитанного на эмоциональную реакцию. Ср. – ¿Sabes quien es? – ¿Quién? – Numeriano Galán. ¡Nada menos que Numeriano Galán! ¿Qué te parece? – Hombre, bien...; me parece bien (Arniches). Ведет «игру» в данном случае тот, кто ее начал.

Подобно тому как игра в шахматы есть в то же время борьба, требующая разработки сложных стратегических программ, диалог – в особенности диалог модального типа – также развивается под знаком борьбы за победу. «Всякий подлинный разговор, – писал Ш. Балли, – это схватка; это не борьба двух умов – соперниками выступают две личности в целом: одно „я“ стремится восторжествовать над другим. Даже в самой невинной и самой мирной беседе всегда затрагиваются жизненные интересы собеседников, потому что каждый из них вкладывает в нее что—то личное, будь то реальная заинтересованность, осознанное желание или чистый инстинкт, неосознанный импульс, неопределенное чувство».²³⁵

²³⁴ [Bühler 1967: 74].

²³⁵ [Балли 1961: 330].

Литература

- Арутюнова 1970 – *Арутюнова Н. Д.* Некоторые типы диалогических реакций и «почему» – реплики в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Фи—лол. науки, 1970. № 3.
- Арутюнова 1981 – *Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. РАН. Сер. лит. и языка. 1981. № 4.
- Балли 1961 – *Балли Ш.* Французская стилистика. М., 1961.
- Будагов 1971 – *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971.
- Гак 1969 – *Гак В. Г.* Обозначение участника коммуникации или воспринимающего лица // Рус. яз. за рубежом. 1969. № 3.
- Гак 1970 – *Гак В. Г.* Структура диалогической речи // Рус. яз. за рубежом. 1970. № 3.
- PPP 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.
- Якубинский 1923 – *Якубинский Л. П.* О диалогической речи // Рус. речь. 1923. № 1.
- Beinhauer 1963 – *Beinhauer W.* El español coloquial. Madrid, 1963.
- Bosák 1971 – *Bosák C. O.* Signálech stimulu a reakce v dialogu // Ceskosloven—ská rusistika. 1971. T. XVI, № 5.
- Bühler 1967 – *Bühler K.* Teoría del lenguaje. Madrid, 1967.
- Gorosh 1967 – *Gorosh M.* Un sujeto indeterminado expresado por la segunda persona del singular – *tú* // Revue romane. 1967, número special 1. Actes du 4e Congres de romanistes scandinaves, dédiés á H. Sten.
- Vo!ková 1971 – *Volková B.* Emotionally motivated repetition and its functions // Philologia pragensia. 1971. № 2.

Сокращения

Delibes, Mario – *Delibes M.* Cinco horas con Mario / Ed. Destino. Barcelona, 1967.

Delibes, Hoja – *Delibes M.* La hoja roja. Bibl. básica Salvat, libro RTV–17, s. a. Arniches – *Arniches C.* La Señorita de Trevelez. Es mi hombre. Bibl. básica Salvat, libro RTV–21, 1969.

БИБЛИОГРАФИЯ

Словари и справочники

Испанско—русский словарь. М., 1988. Испанско—русский словарь. Латинская Америка. М., 2004. Краткий словарь русской транскрипции географических наименований Латинской Америки. М., 1950.

J. Bartholomew. The Citizen's Atlas of the World. Edinburgh, 1947. *L. Carreter*. Diccionario de términos filológicos. Madrid, 1953. Diccionario actual de la lengua española. Barcelona, 1991. Handy technical dictionary in 8 languages. London, 1949. Gran Diccionario de la Lengua Española: Ed. Larousse. Barcelona, 2000. *A.P. Guerrero*. New technical and commertial dictionary. Brooklyn, 1942. *A. Malaret*. Diccionario de americanismos. V. 1–2. Buenos Aires, 1942. *Matte Bon F.* Gramática comunicativa del español. V. 1–2. Madrid, 2000 (edición revisada).

Molímer Maria. Diccionario de uso del español. V. 1–2. Madrid: Ed. Gredos, 1999. Real Academia Española (RAE). Diccionario de la lengua castellana. V. I–VI.

Madrid, 1726–1739. RAE. Diccionario manual e ilustrado de la lengua española. Ed. Espasa—Calpe.

Madrid, 1927.

RAE. Diccionario de la lengua española. Ed. 18. Madrid, 1956.

M. Seco. Diccionario de dudas de la lengua española. Madrid, 1965.

Литература

- Арутюнова 1953 – *Н. Д. Арутюнова*. Сложные имена существительные и способы их образования в современном испанском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 1953.
- Арутюнова 1970 – *Н. Д. Арутюнова*. Некоторые типы диалогических реакций и «почему» – реплики в русском языке // Науч. докл. высш. шк. Фи—лол. науки, 1970. № 3.
- Арутюнова 1973 – *Н. Д. Арутюнова*. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1973. Вып. 1.
- Арутюнова 1981 – *Н. Д. Арутюнова*. Фактор адресата // Известия РАН. Сер. лит. и яз. 1981. № 4.
- Ахманова 1957 – *О. С. Ахманова*. Очерки по общей и русской лексикологии. М.: Учпедгиз, 1957.
- Багно 2006 – *В. Е. Багно*. Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006.
- Балли 1961 – *Ш. Балли*. Французская стилистика. М., 1961. Богородицкий 1935 – *В. А. Богородицкий*. Общий курс русской грамматики. Казань, 1935.
- Будагов 1952 – *Р. А. Будагов*. Некоторые вопросы теории словообразования в романских языках // Доклады и сообщения Ин—та языкознания АН СССР. Вып. 1. М., 1952.
- Будагов 1971 – *Будагов Р. А.* История слов в истории общества. М., 1971. Васильева—Шведе, Степанов 1963 – *О. К. Васильева—Шведе, Г. В. Степанов*. Грамматика испанского языка. М., 1963. Вахек 1964 – *И. Вахек*. Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964.
- Винокур 1946 – *Г. О. Винокур*. Заметки по русскому словообразованию // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1946. Т. 5. Вып. 4.
- Волоцкая 1960 – *З. М. Волоцкая*. Установление отношения производности между словами // Вопросы языкознания. 1960. № 3.
- Вольф 1954 – *Е. М. Вольф*. Устойчивые сочетания глаголов с существительными без предлога в современном испанском языке: Дис. канд. филол. наук. М., 1954.
- Вольф, Никонов 1965 – *Е. М. Вольф, Б. А. Никонов*. Португальский язык. Изд—во МГУ, 1965.
- Гак 1962 – *В. Г. Гак*. Орфография в свете структурного анализа // Проблемы структурной лингвистики. М., 1962.
- Гак 1969 – *В. Г. Гак*. Обозначение участника коммуникации или воспринимающего лица // Рус. яз. за рубежом. 1969. № 3.
- Гак 1970 – Структура диалогической речи // Рус. яз. за рубежом. 1970. № 3.
- Глисон 1959 – *Г. Глисон*. Введение в дескриптивную лингвистику: Пер. с англ. М., 1959.
- Грамматика 1952 – Грамматика русского языка. Т. 1–2. М.: Изд—во АН СССР, 1952.
- Гринберг 1963 – *Дж. Гринберг*. Квантитативный подход к морфологической типологии языков // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Грушка 1900 – *А. Грушка*. Исследования из области латинского словообразования. М., 1900.

- Долгопольский 1957 – *А. Б. Долгопольский*. Из истории развития типов отглагольных имен деятеля от латыни к романским языкам (к проблеме развития словообразовательных типов): Дис. канд. филол. наук. М., 1957.
- Ельмслев 1960 – *Л. Ельмслев*. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Зеликов 1987 – *Зеликов М. В.* Синтаксическая эмфаза в испанском языке. Учебное пособие. Л., 1987.
- Илия 1955 – *Л. И. Илия*. Грамматика французского языка. М., 1955.
- Исаченко 1958 – *А. В. Исаченко*. К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских языков // *Slavia*. 1958. Roc. XXVII. Ses. 3.
- Касарес 1958 – *Х. Касарес*. Введение в современную лексикографию. М., 1958.
- Катагощина, Вольф 1968 – *Н. А. Катагощина, Е. М. Вольф*. Сравнительно—сопоставительная грамматика романских языков: Иберо—романская подгруппа. М., 1968.
- Кацнельсон 1948 – *С. Д. Кацнельсон*. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
- Кондратьева 1958 – *О. И. Кондратьева*. Субстантивация глагольных словосочетаний во французском языке // Учен. зап. ЛГПИ им. А. И. Герцена. Т. 127. Л., 1958.
- Курилович 1962 – *Е. Курилович*. Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Курилович 1962 – *Е. Курилович*. Основные структуры языка: словосочетание и предложение // Очерки по лингвистике. М., 1962.
- Левинтова 1958 – *Э. И. Левинтова*. Словопроизводство отглагольных прилагательных (из очерков по современному испанскому словообразованию) // Вестник МГУ. Историко—филологическая сер. 1958. № 2.
- Левковская 1954 – *К. А. Левковская*. Словообразование. Изд—во МГУ, 1954.
- Левковская 1955 – *К. А. Левковская*. О специфике префиксации в системе словообразования // Вопросы грамматического строя. М.: Изд—во АН СССР, 1955.
- Левковская 1958 – *К. А. Левковская*. Основа слова и слово // Сб. ст. по языкознанию: Профессору Моск. ун—та акад. В. В. Виноградову. М.: Изд—во МГУ, 1958.
- Лейкина 1961 – *Б. М. Лейкина*. Некоторые аспекты характеристики валентностей // Докл. конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 5. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).
- Мартине 1963 – *А. Мартине*. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963.
- Новак 1967 – *Л. Новак*. Основная единица грамматической системы и типология языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.
- Пешковский 1938 – *А. М. Пешковский*. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1938.
- Погран. культуры 2001 – Пограничные культуры между Востоком Западом: Россия и Испания. СПб., 2001.
- Раевский 1957 – *М. В. Раевский*. О соотношении устойчивых глагольных сочетаний и сложных глаголов // Вестник МГУ. Историко—филологическая сер. 1957. № 2.
- Ревзин 1961 – *И. И. Ревзин*. Установление синтаксических связей методом Айдукевича—Бар—Хиллела и в терминах конфигурационного анализа // Докл. конф. по обработке информации, машинному переводу и автоматическому чтению текста. Вып. 2. М., 1961 (АН СССР. Ин—т научной информации).

Реформатский 1960 – *А. А. Реформатский*. Принципы синхронного описания языка // О соотношении синхронного анализа и исторического описания языков. М., 1960.

Реформатский 1978 – *А. А. Реформатский*. Очерки по морфологии, фонологии и морфонологии. М., 1978.

РРР 1973 – Русская разговорная речь. М., 1973.

Скаличка 1967 – *В. Скаличка*. Асимметричный дуализм языковых единиц // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Смирницкий 1948 – *А. И. Смирницкий*. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филол. факта МГУ. Вып. 5. М., 1948.

Смирницкий 1956 – *А. И. Смирницкий*. Лексикология английского языка. М., 1956.

Соболева 1958 – *П. А. Соболева*. Критерии внутренней (или семантической) производности при словообразовательных отношениях по конверсии // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. Фак—т иностр. языков.

Т. СХХVI. Вып. 2. М., 1958.

Соболева 1959 – *П. А. Соболева*. Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии // Вопросы языкознания. 1959. № 2.

де Соссюр 1933 – *Ф. де Соссюр*. Курс общей лингвистики. М., 1933. Степанов 1963 – *Г. В. Степанов*. Испанский язык в странах Латинской Америки. М., 1963.

Степанов 1969 – *Г. В. Степанов*. Морфофонематические последствия падения – s в испанском // Учен. зап. Калининского пед. ин—та им. М. И. Калинина. Т. 54. Калинин, 1969.

Степанова 1953 – *М. Д. Степанова*. Словообразование современного немецкого языка. М., 1953.

Филиппова 1958 – *Н. А. Филиппова*. Структурно—семантические особенности имен существительных типа *Aufgang* в современном немецком языке // Вестник МГУ. Историко—филологическая сер. 1958. № 2.

Шанский 1953 – *Н. М. Шанский*. Основы словообразовательного анализа. М.: Учпедгиз, 1953.

Щерба 1945 – *Л. В. Щерба*. Очередные проблемы языковедения // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1945. Т. 4. Вып. 5.

Эрну 1950 – *А. Эрну*. Историческая морфология латинского языка. М., 1950.

Якубинский 1923 – *Л. П. Якубинский*. О диалогической речи // Рус. речь. 1923. № 1.

Alcoba Rueda 1988 – *S. Alcoba Rueda*. Categoría léxica de palabras compuestas. Verba. № 15. 1988.

Alemaný Bolufer 1920 – *J. Alemaný Bolufer*. Tratado de la formación de palabras en la lengua castellana. Madrid, 1920.

Alonso 1954 – *A. Alonso*. Noción, emoción, acción y fantasía en los diminutivos // Estudios lingüísticos. Temas españoles. Madrid: Gredos, 1954.

Anderson 1961 – *J. Anderson*. The morphophonemics of gender in Spanish nouns // Lingua. 1961. Vol. X. № 3.

Badía Margarit 1967 – *A. M. BacHa Margarit*. Aspectos formales del nombre en español // Problemas y principios del estructuralismo lingüístico. Madrid, 1967.

Bally 1950 – *Ch Bally*. Linguistique générale et linguistique française. Berne, 1950.

Bazell [1966a] – *C. E. Bazell*. On the neutralization of syntactic oppositions // Readings in Linguistics. Vol. II. Chicago, 1966. 1st ed. 1949. Bazell [1966b] – *C. E. Bazell*. On the problem of the morpheme // Readings in

Linguistics. Vol. II. Chicago, 1966. 1st ed. 1949. Bazell [1966c] – *C. E. Bazell*. The sememe // Readings in Linguistics. Vol. II.

- Chicago, 1966. 1st ed. 1949. Beinhauer 1963 – *W. Beinhauer*. El español coloquial. Madrid, 1963. Bello, Cuervo 1949 – *A. Bello, J. R. Cuervo*. Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1949.
- Benveniste 1957 – *É. Benveniste*. A propos de fr. *déjeuner* // Romance Philology. 1957. Vol. X. № 3.
- Benveniste 1966 – *É. Benveniste*. Formes nouvelles de la composition nominale. Paris, 1966.
- Blodi – B. *Blo*^ . English verb inflexion // Readings in Linguistics. N. Y., 1958; см. также: Language. 1947. Vol. 23.
- Bloch, Trager 1942 – *B. Bloch I, G. Trager*. Outline of Linguistic Analysis. Baltimore, 1942.
- Bloomfield 1933 – *L. Bloomfield*. Language. N. Y., 1933.
- BoIII^r 1948 – *D. L. Bolinger*. On defining the morpheme // Word. 1948. Vol. IV. № 1.
- Bosák 1971 – *C. O. Bosák*. Signálech stimulu a reakce v dailogu // Ceskoslo–venská rusistika. 1971. T. XVI. № 5. BrOndal 1943 – *V. BrOndal*. Essais de linguistique générale. Copenhagen, 1943. Brunot 1953 – *F. Brunot*. La pensée et la langue. 3eme éd. Paris, 1953. Bühler 1967 – *K. Bühler*. Teoría del lenguaje. Madrid, 1967. Bull 1960 – *W. B^H*. Time, Tense and the Verb. Univ. of California Press, 1960. Bustos Gisbert 1986 – *E. Bustos Gisbert*. La composición nominal en español. Salamanca: Ediciones Universidad de Salamanca, 1986. Camproux 1951 – *Ch. Camproux*. Déficience et vitalité de la dérivation // Le français moderne. 1951. № 3. Cantineau 1952 – *J. Cantineau*. Oppositions significatives // Cahiers F. de Saus–sure. 1952. № 10.
- Casado Velarde 1985 – *M. Casado Velarde*. Tendencias en el léxico español actual. Madrid: Coloquio, 1985.
- Casares 1950 – *J. Casares*. Introducción a la lexicografía moderna. Madrid, 1950.
- Cattell 1984 – *N. Ray Cattell*. Composite Predicates in English. Sidney: Academic press, 1984.
- Contreras 1985 – *H. Contreras*. Spanish Exocentric Compounds // Current Issues in Hispanic Phonology and Morphology. Bloomington, 1985.
- Coseriu 1952 – *E. Coseriu*. Sistema, norma y habla. Montevideo, 1952.
- Coseriu 1978 – *E. Coseriu*. La formación de palabras desde el punto de vista del contenido (A propósito del tipo *coupepapier*) // Gramática, semántica, universales. Estudios de gramática funcional. Madrid, 1978.
- Cuervo 1954 – *J. R. Cuervo*. Obras. Vol. I. Bogotá, 1954.
- Dánilá 1959 – *N. Danila*. Observations sur la derivation regressive dans la langue française // Revue de linguistique. 1959. T. IV. № 1.
- Darmesteter 1875a – *A. Darmesteter*. Traite de la formation des mots composes dans la langue française, comparée aux autres langues romanes et au latin; reed. Paris, 1867.
- Darmesteter 1875 – *A. Darmesteter*. De la création actuelle de mots nouveaux dans la langue française. Paris, 1875. Dauzat 1931 – *A. Dauzat*. Tableau de la langue française. Paris, 1931. Dauzat 1955 – *A. Dauzat*. Les diminutifs en français moderne // Le Français Moderne. 1955. № 1. de Diego 1951a – *V. García de Diego*. Gramática histórica española. Madrid, 1951. de Diego 1951b – *V. García de Diego*. Lingüística general y española. Madrid, 1951.
- Diez 1874 – *F. Diez*. Grammaire des langues romanes. Vol. II. Paris, 1874. Dillet 1997–1998 – *M. B. Dillet*. Derivación y diacronía. Estudi General. 17–18. Girona, 1997–1998.
- Ebeling 1960 – *C. L. Ebeling*. Linguistic units. 's—Gravenhage, 1960.
- Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Real academia española.

- Espasa Calpe. Madrid, 1973. Fahlin 1942 – C. *Fahlin*. Zur Adjektivfunktion der Suffixbildungen auf– *eur* und – *teur* // Zeitschrift für romanische Philologie. 1942. Bd LXII. Hft. 3–4. Frei 1929 – H. *Frei*. La grammaire des fautes. Paris, 1929. Frei 1941 – H. *Frei*. Qu'est qu'un Dictionnaire de phrases? // Cahiers
- F. de Saussure. 1941. № 1. Galliot 1955 – M. *Galliot*. Essai sur la langue de la réclame contemporaine. Toulouse, 1955.
- García Hoz 1953 – V. *García Hoz*. Vocabulario usual, común y fundamental. Madrid, 1953.
- García Lozano 1978 – F. *García Lozano*. Los compuestos de sustantivo + adjec—tivo de tipo *pelirrojo* // IR. № 8. 1978. Gili y Gaya 1943 – S. *Gili y Gaya*. Curso superior de sintaxis española. México, 1943.
- Gleason 1956 – H. A. *Gleason*. An Introduction to Descriptive Linguistics. N. Y., 1956.
- Godel 1948 – R. *Godel*. Homonymie et identité // Cahiers F. de Saussure. 1948. № 7.
- Godel 1953 – R. *Godel*. La question des signes zéro // Cahiers F. de Saussure. 1953. № 11.
- Godel 1955 – R. *Godel*. Remarques sur des systemes des cas // Cahiers F. de Saussure. 1955. № 13.
- Godel 1959 – R. *Godel*. Nouveaux documents saussuriens // Cahiers F. de Saussure. 1959. № 16.
- Gorosh 1967 – M. *Gorosh*. Un sujeto indeterminado expresado por la segunda persona del singular – tú // Revue romane. 1967, numero spécial 1. Actes du 4e Congres de romanistes scandinaves, dédiés à H. Sten.
- Gossen 1954 – C. *Gossen*. Studien zur Hervorhebung in modernen Italianisch. Berlin, 1954.
- Gramática 1956 – Gramática de la lengua española. 18 ed. Madrid: Ed. Real Academia española, 1956. Gramática 1949 – Gramática de la lengua castellana. Buenos Aires, 1949. Granvillie Hatcher 1946 – A. *Granvillie Hatcher*. Le type «timbre—poste» // Word. 1946. № 3.
- Graur 1929 – A. *Graur*. Nom d'agent et adjectif en Roumain. Paris, 1929. Greenberg 1957 – J. H. *Greenberg*. Essays in linguistics. N. Y., 1957. Guilbert 1975 – L. *Guilbert*. La créativité lexicale. Paris: Larousse, 1975. Hall 1945 – R. *Hall*. Spanish inflection // Studies in Linguistics. 1945. Vol. 3. Harris 1942 – Z. *Harris*. Morpheme alternants in linguistic analysis // Language. 1942. Vol. 18. № 3. Harris 1945 – Z. *Harris*. Discontinuous morphemes // Language. 1945. Vol. 21. № 3.
- Harris 1946 – Z. *Harris*. From morpheme to utterance // Language. 1946. Vol. 22. № 3.
- Harris 1951 – Z. *Harris*. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951. Harwood, Wright 1956 – F. W. *Harwood*, A. M. *Wright*. Statistical studies of English word—formation // Language. 1956. Vol. 32. № 2. Hockett 1947 – Ch. *Hockett*. Problems of morphemic analysis // Language. 1947. Vol. 23. № 4.
- Hockett 1957 – Ch. F. *Hockett*. Idiom formation. «For Roman Jakobson». The Hague, 1957.
- Hockett 1961 – Ch. *Hockett*. Linguistic elements and their relations //

- Language. 1961. Vol. 37. № 1. Householder 1952 – *F. Householder*. [Рец. на кн.:] *Zellig S. Harris*. Methods in Structural Linguistics. Chicago, 1951 // International Journal of American Linguistics. 1952. Vol. 18. № 4. Householder 1959 – *F. Householder*. On linguistic primes // Word. 1959. Vol. XV. Hockett 1947 – *Ch. Hockett*. Problems of morphemic analysis // Language. 1947. Vol. 23. № 4.
- H[^]keM: 1961 – *Ch. Hockett*. Linguistic elements and their relatkms // Language. 1961. Vol. 37. № 1.
- Halliday 1961 – *M. A. K. Halliday*. The categories of the theory of grammar // Word. 1961. Vol. 17. № 3.
- Inoue 1965 – *K. Inoue*. Grammatical units and their ordering in the study of syntax // Studies in Descriptive and Applied Linguistics. Tokyo, 1965. Vol. III.
- Karcevskij 1929 – *S. Karcevskij*. Du dualisme asymétrique du signe linguis—tique // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1929. № 1.
- Keniston 1937 – *H. Keniston*. The Syntax of Castilian Prose. Chicago, 1937.
- Koenig 1953 – *V. E. Koenig*. Notes on Spanish word—formation // Modern Language Notes. 1953. № 1.
- ^i^w^z 1963 – *J. Kury^wicz*. Le mecanisme différenciateur de la langue // Cahiers F. de Saussure. 1963. № 22.
- Lamb 1964 – *S. Lamb*. The sememic approach to structural semantics // American Anthropologist. 1964. Vol. 66. № 3. Pt. 2.
- Lamb 1965 – *S. Lamb*. Kinship terminology and linguistic structure // American Anthropologist. 1965. Vol. 67. № 5. Pt. 2.
- Lamb 1966 – *S. Lamb*. Outline of stratificational grammar. Washington, 1966.
- Lang Mervyn 1990 – *Lang Mervyn F.* Spanish Word Formation. London: Rout—ledge, 1990.
- Lackowski 1963 – *P. Lackowski*. Words as grammatical primes // Language. 1963. Vol. 39. № 2.
- Lázaro Carreter 1953 – *F. Lázaro Carreter*. Diccionario de términos filológicos. Madrid, 1953.
- Lenz 1935 – *R. Lenz*. Oración y sus partes. Madrid, 1935. Lloyd 1968 – *P. M. Lloyd*. Verb—complement compounds in Spanish. Tubinga; Niemeyer, 1968.
- Lombard 1930 – *A. Lombard*. Les constructions nominales dans le franjais moderne. Uppsala; Stockholm, 1930. Lorenzo 1966 – *E. Lorenzo*. El español de hoy, lengua en ebullición. Madrid, 1966. Malkiel 1941 – *Y. Malkiel*. The «amulatado» type in Spanish // The Romanic Review. 1941. Vol. 32. № 3.
- Malkiel 1959 – *Y. Malkiel*. Fuentes indígenas y exóticas de los sustantivos y adjetivos verbales en—e // Revue de linguistique romane. 1959. T. XXIII. № 89–90.
- Manteca Alonso—Cortés 1987 – *A. Manteca Alonso—Cortés*. Sintaxis del compuesto // LEA. № 9. 1987.
- Marchand 1951a – *H. Marchand*. Esquisse d'une description des principales alternances dérivatives dans le franjais d'aujourd'hui // Studia linguistica. 1951. Vol. 5. № 2.
- Marchand 1951b – *H. Marchand*. Phonology, morphology and word—formation // Neuphilologische Mitteilungen. 1951. Vol. LII. № 3–4. Marchand 1954 – *H. Marchand*. Über zwei Prinzipien der Wortableitung in ihrer Anwendung auf das Französische und Englische // Archiv für das

- Studium der neueren Sprachen. 1954. Bd. 190, Hft. 3. Marchand 1955a – *H. Marchand*. Notes on nominal compounds in present—day English // Word. 1955. Vol. 11. № 2. Marchand 1955b – *H. Marchand*. Synchronic analysis and word—formation // Cahiers Ferdinand de Saussure. 1955. № 13. Marchand 1957 – *H. Marchand*. Compound and pseudo—compound verbs in present—day English // American Speech. 1957. Vol. 32. № 2. Marouzeau 1951a – *J. Marouzeau*. Les déficiences de la dérivation française // Le Français Moderne. 1951. № 1. Marouzeau 1951b – *J. Marouzeau*. Lexique de la terminologie linguistique. Paris, 1951. Marouzeau 1955 – *J. Marouzeau*. Notre langue. Paris, 1955. Menéndez Pidal 1950 – *R. Menéndez Pidal*. Orígenes del español. Madrid, 1950. Meyer—Lübke 1895 – *W. Meyer—Lübke*. Grammaire des langues romanes. Vol. 2. Paris, 1895. Meyer—Lübke 1921 – *W. Meyer—Lübke*. Historische Grammatik der französischen Sprache. Bd. II. Heidelberg, 1921. Migliorini 1943 – *B. Migliorini*. Sulla tendenza a evitare il cumulo dei suffissi nella formazione degli aggettivi // Sache, Ort und Wort. Jacob Jud zum sechzigsten Geburtstag. Genève; Zurich, 1943. Monlau 1944 – *P. F. Monlau*. Diccionario etimológico de la lengua castellana. Buenos Aires, 1944. Montes Giraldo, José Joaquín 1968 – *Montes Giraldo, José Joaquín*. Compuestos nominales en el español contemporáneo de Colombia. Bogotá: Instituto Caro y Cuervo, 1968. Müller—Hauser 1943 – *M. L. Müller—Hauser*. La mise en relief d'une idée en français moderne // Romanica – Helvetica (Geneve; Erlenbach). 1943. Vol. 21. Murphy 1950 – *S. Murphy*. A Description of Noun Suffixes in Colloquial Mexican Spanish. Illinois Univ., 1950. Murphy 1954 – *S. Murphy*. A description of noun suffixes in colloquial Spanish // Descriptive Studies in Spanish Grammar. Urbana, 1954. Navarro Tomás 1939 – *T. Navarro Tomás*. Dédoulement de phoneme dans le dialecto andalou // Travaux du Cercle Linguistique de Prague. 1939. № 8. Nebrija 1946 – *A. de Nebrija*. Gramática castellana. Vol. 1. Madrid, 1946. Nehring 1950 – *A. Nehring*. The problem of the linguistic sign // Acta linguistica. 1950. Vol. VI. Newman 1948 – *S. Newman*. English suffixation: a descriptive approach // Word. 1948. Vol. 4. № 4. Nida 1946 – *E. Nida*. Morphology: The Descriptive Analysis of Words. Univ. of Michigan Press, 1946. Nida 1948 – *E. Nida*. The identification of morphemes // Language. 1948. Vol. 24. № 4. Osthoff 1878 – *H. Osthoff*. Das Verbum in der Nominalcomposition in Deutshen, Griechischen, Slavischen und Romanischen. Jena, 1878. Pichon 1940 – *E. Pichon*. Attache d'un suffixe a un complexe // Le Français Moderne. 1940. № 1. Pichon 1942 – *E. Pichon*. Les principes de la suffixation en français. Paris, 1942. Pike 1954 – *K. L. Pike*. Language in Relation to a Unified Theory of the Structure of Human Behavior. P. 1. Glendale; California, 1954. Pottier 1958 – *B. Pottier*. Remarques sur les limites de l'analyse formelle // Es—tructuralismo e historia. Homenaje a A. Martinet. Vol. III. La Laguna, 1958. Pottier 1965 – *H. Pottier*. Espagnol. Le probleme du nombre // Bulletin de la

- Faculté des lettres de Strasbourg. 1965. Vol. 43. № 8. Prieto 1964 – *L. Prieto*. Principes de noologie. The Hague, 1964. Rainer, Varela 1992 – *F. Rainer, S. Varela*. Compounding in Spanish // Rivista di Linguistica. № 4. 1992. Roldán 1967 – *A. Roldán*. Notas para el estudio del sustantivo // Problemas y principios del estructuralismo lingüístico. Madrid, 1967. Rosenblat 1953 – *A. Rosenblat*. El género de los compuestos // New Revista de filología hispánica. № 7. 1953. Rosenblat 1962 – *A. Rosenblat*. Morfología del género en español. Comportamiento de las terminaciones – *o*, – *a* // Nueva revista de filología hispánica. 1962. № 1–2. Ruipérez 1967 – *M. Ruipérez*. Notas sobre estructura del verbo español // Problemas y principios del estructuralismo lingüístico. Madrid, 1967. Sachs 1934 – *Sachs*. La formación de los gentilicios en español // Revista de la filología española. 1934. Vol. XXI. Sol Saporta 1959a – *Sol Saporta*. Spanish person markers // Language. 1959. Vol. 35. № 4. Sol Saporta 1959b – *Sol Saporta*. Morpheme alternants in Spanish // Structural Studies on Spanish themes. Urbana, 1959. Sol Saporta 1962 – *Sol Saporta*. On the expression of gender in Spanish // Romance Philology. 1962. Vol. XV. № 3. Seco 1965 – *M. Seco*. Diccionario de dudas de la lengua española. Madrid, 1965. Sollberger 1953 – *E. Sollberger*. Note sur l'unité linguistique // Cahiers F. de Saussure. 1953. № 11. Spitzer 1928 – *L. Spitzer*. Stilstudien. I. Sprachstile, V. Attributive Anreihung von Substantiven im Französischen. München, 1928. Spitzer, Gamillscheg 1921 – *L. Spitzer, E. Gamillscheg*. Die epizonen Nomina auf – *a (s)* in der iberischen Sprachen // Beiträge zur romanischen Wortbildungslehre. Vol. II. № 2. Ginebra, 1921. (Biblioteca del Archivum Romanicum). Tesnière 1959 – *L. Tesnière*. Elements de syntaxe structurale. Paris, 1959. Togeby 1951 – *K. Togeby*. Structure immanente de la langue française. Copenhagen, 1951. Torrego 1998 – *L. G. Torrego*. El léxico en el español actual: uso y norma. Madrid, 1998. Thorndike, Lorge 1944 – *E. L. Thorndike, I. Lorge*. The Teacher's Word—Book of 30 000 Words. N. Y., 1944. Thorné Hammar 1942 – *E. Thorné Hammar*. Le développement de sens du suffixe lat. – *bilis* en français. Lund, 1942. Tovar 1952 – *A. Tovar*. El gerundivo y la relación entre sustantivo y adjetivo // Anales de Filología clásica. Buenos Aires, 1952. Vachek 1966 – *J. Vachek*. The Linguistic School of Prague. Bloomington; London, 1966. Val 1993 – *A. J. F. Val*. Prefijación verbal en la formación de predicados complejos (a propósito de verbos prefijados con *entre-*, *con-* y *sobre-* en español) // Lenguajes naturales y lenguajes formales. № IX. Barcelona, 1993. de Val 1954 – *M. Criado de Val*. Fisonomía del idioma español. Madrid, 1954. Vañó—Cerdá 1984 – *A. Vañó—Cerdá*. Sobre el tipo de composición romance «porta—plumas» // Caligrama. № 1. 1984. Varela 1989 – *O. S. Varela*. Spanish Endocentric Compounds and the Atom Condition // Studies in Romance Linguistics. Amsterdam: John Benjamins, 1989.

Voegelin 1947 – *C. F. Voegelin*. A problem in morpheme alternants and their distribution // *Language*. 1947. Vol. 23. № 3.

Volková 1971 – *Volková B.* Emotionally motivated repetition and its functions // *Philologia pragensia*. 1971. № 2.

Wackernagel 1928 – *J. Wackernagel*. Vorlesungen über Syntax. Bd II. Basel, 1928.

Wartburg 1943 – *W. f. Wartburg*. Einführung in Problematik und Methodik der Sprachwissenschaft. Halle, 1943.

Williams 1981 – *E. Williams*. On the Notions «Lexically Related» and «Head of a Word» // *LI*. № 12. 1981.

Westholm 1899 – *A. Westholm*. Etude historique sur la construction du type «li filz le rei» en franjais. Upsal, 1899. Ynduráin 1964 – *F. Ynduráin*. Sobre un tipo de composición nominal «verbo + nombre» // *Presente y futuro de la lengua española*. № 2. Madrid: OFINES, 1964.

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

- (Alarcón 1953) (Alarcón 1944)
(Arniches 1969)
(Arraiz 1944) (Benavides)
(Blasco s.d.) (Boletín) (Caballero 1860)
(Caballero 1882) (Calderón 1829)
(Cela 2001) (Cervantes 1914)
(Cervantes 1947)
(Gómcas 1946)
(Delibes 1967)
(Delibes s. d.)
(Galdós 1945) (Galdós 1951) (Galdós 1952) (Gallegos 1945)
(Gallegos s. d.)
(Giraldes 1926) (Guzmán 1926)
(Larra 1947)
P. de Alarcón. Obras escogidas. Moscú, 1953. *P. de Alarcón*. El escándalo // Colección Austral. Buenos Aires, 1944.
C. Arniches. La Señorita de Trevelés. Es mi hombre. Bibl. básica Salvat, libro 21, 1969.
A. Arraiz. Dámaso Velázquez. Caracas, 1944. *M. Benavides*. El último pirata del Mediterráneo. Moscú, 1953.
V. Blasco Ibáñez. La catedral. Valencis, s.d.
– Boletín de información. Praga, 1954. № 2.
– *F. Caballero*. La familia de Alvareda. Lágrimas. Leipzig, 1860.
– *F. Caballero*. Cuadros de costumbres. Leipzig, 1882.
– *Calderón de la Barca*. Las comedias. Vol. 1–2. 1827–1829.
– *C. J. Cela*. Novelas cortas y cuentos. Moscú, 2001.
– *M. de Cervantes Saavedra*. Novelas ejemplares. Madrid, 1914.
M. de Cervantes Saavedra. El ingenioso hadalgo Don Quijote de la Mancha. Buenos Aires, 1947. Colección de Crónicas españolas. Vol. VIII. Madrid, 1946.
M. Delibes. Cinco horas con Mario. Barcelona, 1967. *M. Delibes*. La hoja roja. Bibl. básica Salvat, libro, s. d.
B. P. Galdós. La de Bringas. Buenos Aires, 1945. *B. P. Galdós*. Cádiz. Moscú, 1951. *B. P. Galdós*. Doña Perfecta. Moscú, 1952. *R. Gallegos*. Canaima. Buenos Aires, 1945. *R. Gallegos*. Cantaclaro. 1–er festival del libro popular venezolano. s. d.
R. Giraldes. Don Segundo Sombra. Buenos Aires, 1926. *M. Alemán*. Guzmán de Alfarache. Vol. 1–4. Madrid, 1926.
E. Larra. Gran Chaco. Buenos Aires, 1947.
(Lazarillo) – (Pardo Bazán 1891) —
(Quevedo 1911) —
(Quevedo 1924) —
(Rojas 1931) —
(Trueba 1864) —
(Trueba 1865) —
(Trueba 1875) —
Unamuno —
(Valera 1954) – (Valle—Inclán 1940) —
(Valle—Inclán 1942) —

(Varela 1952) —

La vida de Lazarillo de Tormes. Madrid, 1936.

E. Pardo Bazán. Cuentos escogidos. Valencia, 1891.

F. Quevedo. Obras. V. 1. Madrid, 1911.

F. Quevedo. Obras satíricas y festivas. Madrid, 1924.

D. de Rojas. La Celestina. V. 1, 2. Madrid, 1931.

A. de Trueba. Cuentos populares. Madrid, 1864.

A. de Trueba. Cuentos campesinos. Leipzig, 1865.

A. de Trueba. Narraciones populares. Leipzig, 1875.

M. de Unamuno. San Manuel Bueno, mártir y tres historias más. Buenos Aires, 1945.

J. Valera. Pepita Jiménez. Moscú, 1954.

R. de Valle—Inclán. El ruedo ibérico. Viva mi dueño.

Buenos Aires, 1940.

R. de Valle—Inclán. La corte de los milagros. Vol. 1–2. 1942.

A. Varela. El río oscuro. Buenos Aires, 1952.

comments

Комментарии

1

Впервые опубликовано в кн.: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Отв. ред. Р. А. Будагов. М.: Изд—во АН СССР, 1961. С. 22–68.

2

Впервые опубликовано: НДВШ. Филол. науки. 1962. № 2. С. 31–40.

3

Впервые опубликовано: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Отв. ред. Р. А. Будагов. М.: Изд—во АН СССР, 1961. С. 88—112.

4

Впервые опубликовано: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Отв. ред. Р. А. Будагов. М.: Изд—во АН СССР, 1961. С. 113–141.

5

Впервые опубликовано: Н. Д. Арутюнова. Очерки по словообразованию в современном испанском языке / Отв. ред. Р. А. Будагов. М.: Изд—во АН СССР, 1961. С. 142–150.

6

Впервые опубликовано: Сб. ст. по языкознанию: Памяти проф. М. В. Сергиевского. Изд—во Моск. ун—та, 1961. С. 51–59.

7

Впервые опубликовано в кн.: Методы сравнительно—сопоставительного изучения современных романских языков. М.: Наука, 1966. С. 3—23. См. также [Арутюнова 1965; 2004: раздел 24; Зеликов 1987]. О словосложении этого типа в романских языках см. в Библиографии: Diez 1874; Meunier 1875; Darmesteter 1875; Osthoff 1878; Nyrop 1936; Marouzeau 1952 и др.

8

Впервые опубликовано: Вопросы испанской филологии. Изд.—во Ле—нингр. ун—та, 1974. С. 65–74.